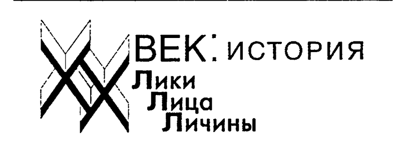
Владимир Марковчин

Три атамана

Книга создана на основе рассекреченных документов из архива ФСБ

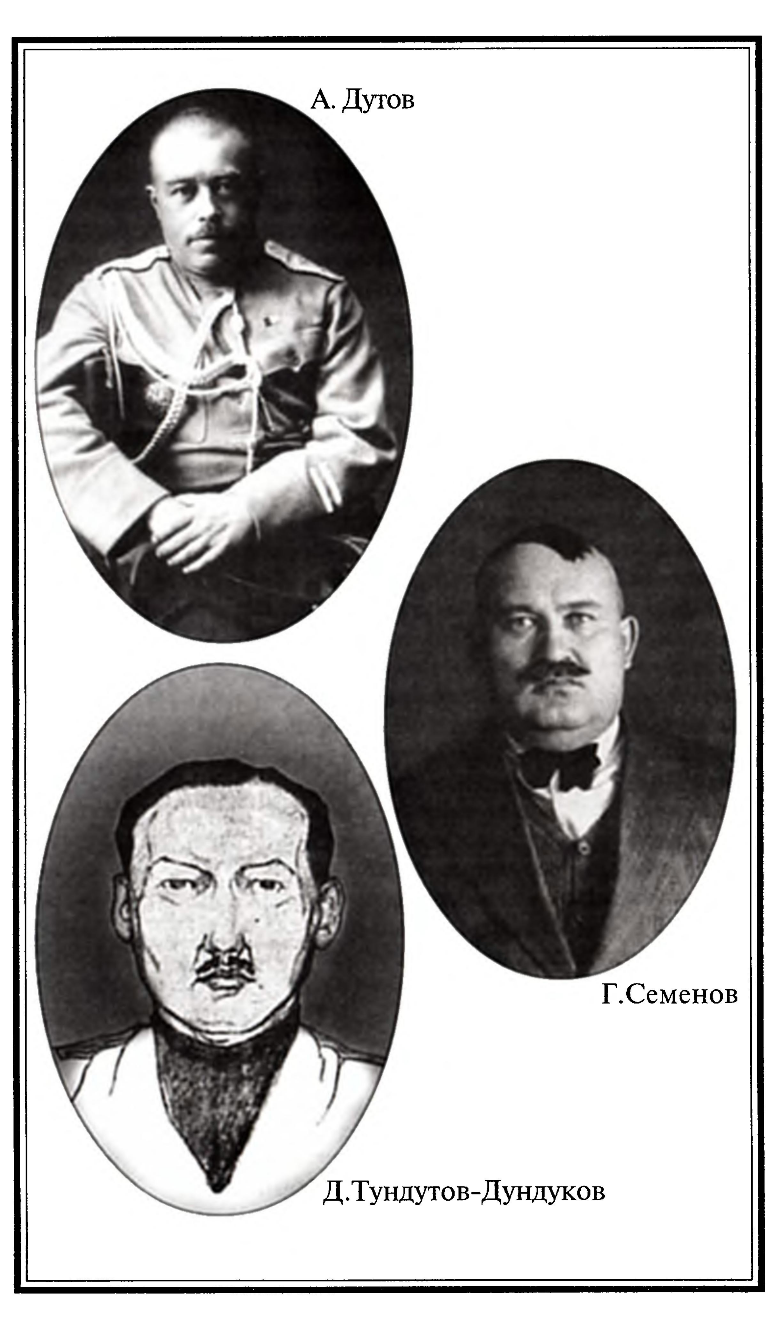
Действующие лица:
А. Дутов, Г. Семенов,
Д. Тундутов-Дундуков

Москва

Издательский дом «Звонница»
2003

А. Дутов

Г.Семенов

Д.Тундутов-Дундуков

Владимир Марковчин

Три атамана

Книга создана на основе рассекреченных документов из архива ФСБ.

Действующие лица:
А. Дутов,
Г. Семенов,
Д. Тундутов-Дундуков
и другие

Москва
Издательский дом «Звонница»
2003

УДК 947.084.3
ББК 63.3(0)6
М 27

Марковчин В.В.
М 27 Три атамана. — М.: Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. — 336 с., ил. — (XX век: история. Лики, лица, личины).

ISBN 5-88093-074-2

Книга повествует о ратных делах и трагической судьбе лишь трех из целой плеяды казачьих предводителей, по старинной традиции называвшихся атаманами, которые приняли самое активное участие в гражданской войне, последовавшей после Октябрьской революции 1917 года. Это атаманы Дутов, Семенов и Тундутов-Дундуков. В те годы некогда дружное сообщество казаков раскололось на несколько групп, участвовавших в братоубийственной бойне. Сначала — в оренбургских степях, затем — на Дону и Кубани, а потом — практически во всех регионах России. И в значительной мере именно антагонизм, который пролег между двумя составными силами антибольшевистской коалиции — казачеством и армиями под началом бывших царских генералов, в итоге и привел к закономерному краху белого движения на территории бывшей Российской империи.

УДК 947.084.3
ББК 63.3(0)6

ISBN 5-88093-074-2

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В начале последнего десятилетия XX века, когда ставшая «суверенной» Россия испытывала на себе последствия массированных политических, экономических и других реформ, называемых ранее в официальных кругах «перестройкой», на улицах Москвы появились необычно одетые люди. Не то, чтобы прежде никто из обладателей экстравагантной одежды не эпатировал столичную публику. Наоборот, таких людей всегда хватало — чего стоит только ежегодная акция «Скворцы прилетели!», которую можно было наблюдать на Арбате в апреле.

Необычность одеяния этих людей состояла в том, что обычная для советской эпохи форма Советской армии, практически не изменявшаяся несколько десятилетий, подверглась коренной переработке. В ней появились новые атрибуты — погоны, собственноручно отделанные галуном и другими декоративными деталями; укороченные шинели советского же образца; бурки, переделанные неопытной рукой и потому перекошенные; несуразные фуражки; перекрашенные в радикально черный цвет армейские портупеи; доведенные до экстравагантности сапоги...

Венчала все эти несусветные творения шашка, обычно — бутафорская, так как любая другая относилась бы уже к холодному оружию, а значит, ее обладатель мог преследоваться по закону. В случае отсутствия саблю мог-

ли заменить самодельной же плетью (нагайкой) или кинжалом, сделанным из алюминия в кустарном цеху по производству кавказских сувениров. А величали себя эти люди казаками.

Принято считать, что казачество, как непременная часть российского общества, появилось еще в эпоху жестокого средневековья, когда русская земля была территориально раздроблена и на ней велись непрерывные феодальные войны. Большинство историков придерживается точки зрения, что казачество возникло на окраинах Руси и, постепенно обретая четкую структуру, собственный уклад жизни, неповторимые традиции и колорит, в ходе многовековой эволюции превратилось в значительную общественную силу.

Весь этот процесс был неотделим от процесса построения централизованного русского государства, в котором от каждого мужчины, будь то землепашец, ремесленник или торговец, требовалось еще одно умение — мастерство владения оружием. И в этом казаки явно преуспевали — сама приграничная, беспокойная жизнь обязывала к этому. Не умеешь воевать — и завтра ты пополнишь ряды рабов, создающих материальные блага исключительно для своих хозяев, вдали от дома — в грязной яме для невольников в высокогорном ауле, в азиатских степях или с утра до ночи работая веслом на галерах...

Итак, речь в этой книге пойдет о казаках, причем не о простых конниках и пластунах, а об их предводителях, которых по старинной традиции называли атаманами. Каждый ребенок, в детстве игравший в «казаки-разбойники», знает, что атаман — это вожак, самый главный человек в «команде». Быть атаманом — очень почетно, но одновременно и весьма хлопотно. Атаман должен думать обо всем сразу, принимать самые ответственные решения и неуклонно претворять их в жизнь. Не случайно к слову «атаман» обычно прибавлялось слово «батька» — по-отечески он должен был заботиться не только о своих подчиненных, но и об их семьях, которые в насыщенное боевыми событиями время легко могли остаться без мужей и отцов.

Во все времена должность эта была выборная, а решение о выборе нового атамана принималось на Казачьем круге[1]. В свою очередь, атаманы также были разные — на-

---

[1] Аналог общего собрания или схода.

чиная от хуторских и станичных[1] и заканчивая войсковыми[2]. Кроме того, на период боевых действий мог избираться походный казачий[3], а также наказной атаман.

Неся воинскую повинность на рубежах государства, казачество имело ряд льгот от центральной власти, характерных исключительно для него. В отдельные периоды, не найдя компромиссов с царской властью, казачество вступало в войну с ней. Так было во времена Запорожской сечи[4], в эпохи Емельяна Пугачева, Степана Разина...

Но это — скорее исключение, чем правило. В основном же в течение всей своей истории казаки с честью несли звание русских воинов в ходе бесчисленных военных конфликтов. Свидетельство тому — боевые регалии, ставшие наградой для казачьих полков, дивизий, эскадронов, батарей в период петровских войн со шведами, в Отечественную войну 1812 года, когда вся Европа убедилась в их ратной славе, в затянувшиеся на десятилетия кавказские и русско-турецкие войны. Именно «кровожадными казаками» пугала кайзеровская пропаганда немецких бюргеров в начале первой мировой войны. Это ли не вынужденное признание достойного соперника?

Казачья выправка и джигитовка, казачьи пляски с холодным оружием, казачьи песни и, наконец, неудержимая и легендарная казачья лава, сметающая на своем пути любого врага, — вот только часть общеказачьих ценностей, накопленных за долгие века. Именно казакам доверяли охрану высших сановных особ; именно казачьи части были наиболее надежны в боевом отношении и наименее подвержены политизации в мирное время.

Но с течением времени менялись не только территории государств, вооружение армий, приоритеты в политике, мода и увлечения — менялись и люди. Наивысшего своего развития, повлекшего ломку человеческих устоев,

---

[1] Станица — казачье поселение. Нередко насчитывало тысячу и более дворов.

[2] К 1917 году в России существовало 13 казачьих войск — Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Сибирское, Оренбургское, Уссурийское, Амурское, Забайкальское, Семиреченское, Енисейское и Иркутское, а также Якутский казачий полк.

[3] Подробнее об устройстве атаманской власти — см. приложение № 3 к части первой.

[4] Была ликвидирована по указанию императрицы Екатерины II в 1775 году. Часть запорожских казаков бежала на Кубань, где позднее и образовалось Кубанское казачье войско.

традиций и обычаев, российское общество достигло в начале XX века, когда под сомнение было поставлено не только будущее казачества, но и дальнейшая судьба огромной империи, созданной стараниями десятков поколений русских людей на протяжении многих веков.

Усилиями эсэровских, большевистских и других агитаторов, в годы первой мировой войны казачество, как и все «окопники» уставшее от четырехлетней бойни, постепенно было вовлечено в революционный процесс. Поражение в войне частично деморализовало казаков, а многих заразило революционным духом. К местам своего постоянного расквартирования — в города и станицы, хутора и села — возвращались уже совершенно другие люди. Казаки еще не знали, что их некогда дружное сообщество спустя всего лишь несколько месяцев расколется на несколько групп и примет участие в братоубийственной гражданской войне. Сначала — в оренбургских степях, затем — на Дону и Кубани, а потом — практически на всей территории былой империи.

Интересны взаимоотношения казачества с другими сторонами кровопролитного конфликта. Почти везде в казачьих областях недолюбливали бывших царских генералов и офицеров, в разные периоды войны возглавлявших вооруженную борьбу с Советской властью как на юге России, так и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Антагонизм, который пролег между двумя составными силами антибольшевистской коалиции — казачеством и частями под началом старших офицеров, наиболее ярко проявился в южных областях России.

Впрочем, изучая развитие взаимоотношений между атаманом Семеновым и адмиралом Колчаком, можно констатировать тот же самый процесс личной неприязни и в Забайкалье, а также в целом ряде граничащих с ним казачьих областей. Именно этот фактор, в сочетании с целым рядом менее значительных проблем, в итоге и привел к закономерному краху белого движения на территории бывшей империи.

Первым вооруженную борьбу с большевиками начал атаман Оренбургского казачьего войска Александр Ильич Дутов, тотчас же за событиями 25 октября (7 ноября) 1917 года. Его можно без преувеличений назвать одним из самых бесстрашных атаманов гражданской войны. Талан-

тливый командир, он имел классическое по тем временам образование — последовательно окончил кадетский корпус, военное училище и Николаевскую военную академию. Вдобавок ко всему, Дутов никогда не замыкался на решении только чисто военных вопросов. Став войсковым атаманом, а затем и руководителем войскового правительства, он принялся сначала за решение чисто хозяйственных, а позднее — и политических проблем. Уплотненный до предела рабочий день позволял Дутову справляться с возложенными на него обязанностями.

Известие о свершившемся Октябрьском перевороте (а также ультимативное предложение Ленина о признании новой власти) атаман Дутов воспринял с присущей ему решительностью — без всяческих колебаний он выбрал собственный путь, путь вооруженной и бескомпромиссной борьбы с Советской властью. На этом пути он оставался до конца, несмотря даже на то, что по воле адмирала Колчака был вынужден оставить руководство войском и Оренбургской областью, чтобы заняться пропагандой «святых» идей нового «самодержца» на Дальнем Востоке и в Сибири.

Именно здесь, на необъятных просторах, осажденный ли со всех сторон в тесном Семиречье или скрывающийся с небольшим отрядом людей за стенами небольшой китайской крепости — генерал Дутов оставался верным своему слову. Ежеденно и еженощно он боролся с властью большевиков всеми доступными средствами, напрочь отбросив всяческие разговоры о достижении каких-либо компромиссов.

Прав ли был Александр Ильич Дутов, практически полностью искоренивший мужское население Оренбургского казачьего края? Стоило ли ему включаться со всей решительностью в образование новых кровавых рек, многотысячными истоками которых стали белоказаки и их враги — вчерашние казаки, крестьяне и рабочие? Каждый из нас пусть сделает собственный вывод.

Можно ведь по-разному относиться к Советской власти. Ругать последними словами за десятилетия сплошных опытов и экспериментов над собственным народом — за коллективизацию, индустриализацию, культурную революцию. За сотни тысяч неоправданных смертей своих граждан — как следствия беспомощности властей в хозяйствовании и управлении огромной страной. За миллионы жиз-

ней советских людей, ставших жертвами чудовищных по масштабам политических репрессий. За неоправданность внешней политики, просчеты в которой вели к очередным жертвам...

Можно восхвалять ее до небес за низкие цены на водку и хлеб, за бесплатное образование и медицинское обслуживание, за льготные путевки в санатории и дома отдыха, за новые бесплатные квартиры в легендарных «хрущевках», за формальное равенство строителей коммунизма в правах, обязанностях и возможностях...

Нельзя отрицать только очевидного: при всей своей слабости или, наоборот, силе социалистический строй в России просуществовал более семидесяти лет. И на протяжении всех этих лет он непременно следовал лозунгу одного из своих основателей, ибо Советская власть умела защищаться. Наглядный пример тому — операция по ликвидации Дутова, о которой и пойдет речь в первой части книги.

Следующий «ярчайший» представитель казачества — атаман Григорий Михайлович Семенов, оставивший свой, совершенно неповторимый след в российской истории. На его долгом, почти тридцатилетнем политическом пути было много всяческих шагов — начиная от собственных, невыполнимых с самого начала, бредовых идей построения нового мирового порядка до консультирования своих японских благодетелей в вопросах борьбы с Советами; от посылки собственных посольств в Европу до искренних поздравлений Гитлеру, в связи с приходом последнего к власти; от торга с Колчаком за власть до грабежа «его» же эшелонов с золотом...

Под стать Семенову были и его подручные, развлекавшиеся в перерывах между боями (которых, впрочем, было очень мало) самыми экстравагантными способами — от сжигания большевиков в паровозных топках до кормления частями их тел собственных медведей; от поборов на железной дороге и массовой порки местного населения до экспорта собственной «революции» в Монголию...

И все же атамана Семенова невозможно даже поставить в один ряд с атаманом Дутовым. События февраля-октября 1917 года привели к целой череде смены власти на территориях бывшей империи. К власти в центре и в регионах приходили случайные люди, вовремя сориенти-

ровавшиеся в мутной революционной водице. Чего стоит только прапорщик Крыленко, в одночасье ставший революционным Главковерхом.

Нечто подобное наблюдалось и в случае с Семеновым. Младший офицер, совсем непродолжительное время командоваший всего лишь казачьей сотней, он вдруг стал войсковым атаманом и даже генерал-лейтенантом. Как бы в издевку над Россией, с ее многовековыми военными традициями, именно этому человеку, толком ничего не сделавшему в противостоянии с большевиками, были вручены исключительные полномочия по руководству борьбой с Советской властью на восточной окраине страны. Как сказал классик — да, мельчают люди...

Уже в наши дни находятся, к сожалению, люди, не перестающие утверждать, что Семенов — патриот, очень много сделавший для России; великолепный стратег, боровшийся с Советами значительно дольше других; жертва произвола советского суда, извратившего все факты его праведной жизни. Именно наши современники из числа тех, кто называет себя казаками, вынашивают сегодня идею установки памятника Семенову и другим руководителям «русских казаков», самоотверженно боровшихся с «Советами» в рядах их врагов — немецких и других фашистов... Да, видно сегодняшние благодетели совершенно плохо знают о деяниях Григория Михайловича Семенова. Так пусть хотя бы прочтут воспоминания тех, кто знал атамана несравненно лучше.

Малоизвестные материалы, вошедшие в посвященную атаману Семенову вторую часть книги, принадлежат совершенно разным людям. Общее, что объединяет этих «биографов», — их исключительная информированность.

Следующий военачальник, также пострадавший от Советской власти, — атаман Астраханского казачьего войска, князь Тундутов-Дундуков. О его политической и военной деятельности известно очень мало[1]; портрет Дмитрия Давыдовича, увы, не украшает галерею крупнейших деятелей юга России, представленную в десятках изданий, посвященных гражданской войне.

---

[1] Единственным и, пожалуй, самым заметным трудом на эту тему можно считать диссертацию российского историка О.Антропова, посвященную истории Астраханского казачьего войска.

В студенческие годы, немало потрудившись над документами РГВА[1], только однажды я наткнулся на эту фамилию — в подлиннике телеграммы барона Врангеля, грозившего самыми немыслимыми карами Тундутову-Дундукову, который мешал «святому делу» частей ВСЮР[2] под командованием генерала Мамантова, успешно продвигавшихся навстречу сибирским частям адмирала Колчака. Хотя, на мой взгляд, князь Тундутов-Дундуков и не слишком мешал наступлению любимца барона. Скорее всего, в этом был повинен набитый ворованным барахлом обоз (часть которого, впрочем, была взята в разгромленных красноармейских обозах), растянувшийся на 60 верст.

Новая встреча с этой фамилией состоялась в конце девяностых, в ходе работы над очередным сборником документов. Именно князь Тундутов-Дундуков был определен генералом Слащевым, возвратившимся в Москву из Турции, как один из наиболее крупных военачальников белоэмигрантской армии[3]. Характеризуя бывшего Астраханского атамана как авантюриста, хитрого и смелого, который может идти на шантаж, свойственный также и Врангелю, Слащев не представлял, какого размера медвежью услугу он тем самым оказывал Тундутову-Дундукову. Пройдет немногим более года, и князь, поддавшись на официальную пропаганду, возвратится именно в советскую столицу, и именно по призыву Слащева...

В последовавшей после ареста истории с князем Тундутовым-Дундуковым много неясного. С одной стороны, сам он признавал свое вольное или невольное участие в бурной политической жизни русского зарубежья. С другой стороны — пытался дистанцироваться от всех знакомых ему монархистов, не зная, что в распоряжении контрразведывательного отдела ГПУ уже имелись подлинные документы, полностью дискредитирующие его благую, казалось бы, миссию по репатриации калмыков. Эти бумаги

---

[1] Российский государственный военный архив.

[2] Вооруженные силы юга России. Образованы в 1918 году после объединения под началом А.И.Деникина всех антибольшевистских сил кавказского региона, включая добровольческие части, подразделения Астраханского, Кубанского, Донского и Терского казачьих войск, другие формирования.

[3] См. «Русская военная эмиграция 20 — 40-х годов. Документы и материалы». Т. 1, кн. 2, л. 91. (М., «Гея», 1998).

появились в Москве благодаря успехам совсем еще юной советской закордонной разведки[1].

Пытаясь убедить советские власти в своей совершеннейшей лояльности по отношению к существующему строю, Тундутов-Дундуков пытался вовлечь в этот процесс всех известных ему людей, занимавших более или менее ответственные посты. Здесь и легендарный генерал Брусилов, и упоминавшийся уже Слащев, и новые калмыцкие лидеры, и лица, близкие к Троцкому... В ГПУ, в свою очередь, такая его активность была воспринята как попытка «замести следы» и достигнуть своих контрреволюционных целей. К сожалению, практически не осталось документов, которые могли бы четко и определенно сказать — заблуждались ли чекисты в случае с князем Тундутовым-Дундуковым?

Бывший астраханский атаман оставил после себя воспоминания о своей жизни и деятельности, с которыми в третьей части книги будет небезынтересно ознакомиться любому читателю.

Итак, 7 августа 1923 года приговор в отношении бывшего князя Тундутова-Дундукова Д.Д. был приведен в исполнение. Его тело было погребено в Москве, на территории Яузской больницы, где в те годы хоронили всех граждан, осужденных к высшей мере наказания — расстрелу, начиная от прославившихся разбоями и воровством бандитов-уголовников и заканчивая политическими противниками Советской власти. Не известно, сохранилась ли братская могила, в которой был погребен бывший князь, — в те времена отдельными местами последнего приюта расстрелянных не баловали.

Астраханский атаман, князь Тундутов-Дундуков был реабилитирован в соответствии с Законом «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, по которому в настоящее время идет процесс возвращения честных имен тысячам, десяткам и сотням тысяч граждан, ставших невинными жертвами политических репрессий.

В этой огромной человеческой армии, объединенной общим горем, увы, не будет места атаману Дутову. Ведь он никогда не подвергался судебному (или внесудебному) преследованию. А о цене человеческой жизни, пусть даже

[1] Иностранный отдел ВЧК образовался 20 декабря 1920 года.

она и жизнь генеральская, в годы гражданской войны вспоминать было не принято, поскольку каждый день приносил значительно больше жертв. И что такое смерть одного человека, когда вокруг гибли сотни и тысячи россиян!

Нет места среди окончательно оправданных людей и атаману Семенову. Не потому, что до его уголовного дела не дошел черед, — просто он был осужден за дело. Хотя в процессе реабилитации и был прецедент — с расстрелянным после Великой Отечественной войны немецким (а в прошлом — русским) генералом Домановым, командовавшим одним из подразделений вермахта. Однако дальнейшего развития этот пагубный факт, к счастью, не получил. Да и само решение о реабилитации казачьего генерала Доманова было вскоре отменено. Это ведь было бы большой бедой, когда в угоду каким-либо ежеминутным слабостям, конъюнктурным соображениям, слезным прошениям стали бы реабилитировать людей, подобных Семенову, Доманову, Родзаевскому и другим. Так уж было бы недалеко и до восстановления «честного имени» и генералу Власову, и Адольфу Гитлеру, если представить этих деятелей жертвами кровавых «козней большевиков», борцами с «деспотией Сталина» и «мировым коммунизмом».

Читатель спросит: почему именно эти три атамана представлены в данной книге? Что, в сущности, объединяет их? Да, действительно, эти люди одновременно и очень похожие, и абсолютно разные. Положим, объединяет их общее стремление к появлению в местах, где они родились. Именно свою малую родину они избрали для продолжения карьеры, которую, напомню, раньше видели чисто военной, но отнюдь — не политической. И Дутов, и Семенов, и Тундутов жаждали дел государственной значимости. Но если первый — в рамках единой и неделимой России, то второй и третий — уже в поиске новых государственных форм, в объединении с другими малыми и большими народностями. В общем — как угодно, только не в рамках бывшей империи. В чем причина этого? Она, на мой взгляд, до банальности проста — ни Семенов, ни Тундутов никогда и ни при каких обстоятельствах не стали бы политиками общероссийского масштаба. В России до 1917 года они занимали свою нишу, свое место: один в качестве ординарца великого князя, другой — в качестве кандидата на командование казачьей сотней.

Потому-то представитель высших слоев тогдашнего российского общества — князь Тундутов-Дундуков, проведя немало времени в столице государства Российского, вблизи особ императорского дома, похоже, сделал для себя определенные выводы сразу после февральских событий 1917 года. Судорожное падение самодержавия открыло перед ним новые перспективы. Столь долгое отсутствие в родных краях и знатное происхождение сделали свое дело — на некоторое время Тундутов-Дундуков становится публичным политиком, решая судьбу не только собственного народа, но и многих малых народов, уставших от «чрезмерной» опеки «старшего брата». Перед всеми этими единомышленниками смутно маячила надежда на создание страны Казакии.

Но стать одним из вождей в неполные 30 лет — не всегда означает внести новые силы, новую кровь в поступательное движение, в развитие своего народа. Увлечение идеями сепаратизма, выразившееся в конструктивном диалоге и осмысленных поступках, предпринятых вместе с другими «обиженными» на российскую центральную власть, будь то политики с Дона, Кубани, Терека или самостийной Украины, сделало его присутствие среди представителей дома Романовых нежелательным. Именно поэтому, наверное, он больше не появлялся в окружении Николая Николаевича (младшего), которому так преданно служил в предыдущую эпоху.

С другой стороны, в кругах, близких к Кириллу Владимировичу, ему, вероятно, не могли простить прошлой близости к «злейшему» своему (после бегства из России) врагу — Николаю Николаевичу. Хотя и при этом «дворе» очень многие довольно неплохо устроились — как и положено, для приближенных была создана масса довольно приличных должностей, и каждая из них предполагала для ее обладателя соответствующий оклад. Благо у «монархов» в то время особых проблем с финансовыми средствами не было.

Потерпев неудачу в монархической среде, испробовав немало иных способов зарабатывания денег, князь Тундутов пошел на очередную авантюру — он вернулся в Россию. В ту самую Россию, развитие которой по социалистическому пути не смогли остановить ни Деникин, ни Дутов, ни Врангель, ни Юденич, ни Колчак, ни Миллер, ни их «благодетели» — американцы, англичане,

французы, японцы, вскоре прибывшие наводить порядок в обескровленной стране.

Вряд ли стоит укорять Тундутова-Дундукова в недальновидности — после начала массового реэмиграционного процесса, в целях сохранения «армейского кадра» вожди белого движения за границей не гнушались никакими средствами. Белая пресса того времени вовсю расписывала ужасные истории, случившиеся с пассажирами поездов и пароходов, вернувшимися в Советскую Россию, которых сразу же начинали «пытать и расстреливать» в ВЧК. Не секрет, что среди тех же реэмигрантов, кто предпочел вернуться на свою родину, были и засланные «казачки», задачей которых был подъем нового «освободительного» движения на юге России. Вот им, в отличие от остальных, действительно грозила смерть. Знал ли об этом Тундутов-Дундуков? Я думаю, что да. Безнадежность и легко просчитываемая судьба, открывшиеся князю после многомесячного пребывания в тюрьмах, за месяц до расстрела выплеснулись на листы бумаги в виде назидания соратникам и потомкам. Пожалуй, это был самый мужественный шаг князя Тундутова-Дундукова за всю его недолгую жизнь.

Представшая перед бывшим атаманом и князем Россия образца 1923 года была несколько иной. Это было уже совершенно другое государство, со своими законами и идеалами. Можно бесконечно долго спорить и говорить о несовершенстве законов тоталитарного государства, кровожадности его спецслужб, человеконенавистничестве его вождей, но нельзя отрицать очевидного: Советская Россия жила по своим, собственным правилам, и право на все это было завоевано в революционной борьбе и на полях сражений гражданской войны. И это было правом победителя.

Несколько иначе обстоят дела с атаманом Семеновым. Начав с беспощадной эксплуатации интересной идеи об образовании еще одной «Дикой дивизии», состоящей из «иноверцев» Забайкалья и Монголии, авторитетный поручик постепенно объединяет вокруг себя таких же «авторитетов», характеристики которых, местами нелицеприятные и жестокие, можно прочесть в очерке генерала Вериго. Подобно мощному магниту, атаман притягивает к себе подобных, однополярных людей. Да, среди них встречаются иногда и достаточно образованные, культурные и ум-

ные персоны, но ни одна из них, никогда и ничего не решала в ближайшем окружении поручика, ставшего генералом. На этот процесс было наложено жестокое табу.

В отличие от князя Тундутова, вынужденного в наиболее тяжелый для него период жить на деньги богатой жены, Семенов пошел значительно дальше: на выделенные для борьбы с большевиками йены он предпочитает воевать на собственном, женском фронте. Конечно, он совершенно не виноват, что на его «генеральском» жизненном пути постоянно встречались дамы, требовавшие особого обращения, начиная от создания неподражаемо роскошных гардеробов и заканчивая царскими приемами на островах «союзников и благодетелей» — японцев.

Не виновен Семенов и в своей откровенной «государственной» слабости — чего же вы хотите от недавнего поручика, который никаких «академиев» не кончал, и никем, больше сотни (да и то временно), никогда не командовал? Потому-то и свой невероятный авторитет в стране он пытался обратить, прежде всего, на людей, не окончивших даже церковно-приходскую школу. С ними — проще поладить.

Ведь их менее «просвещенных» предводителей легко можно: а) задобрить подачками; б) уговорить «собственными богами»; в) соблазнить великолепными перспективами будущей жизни, свободной от диктата сильных и образованных стран...

Арсенал уловок политического проходимца и авантюриста обширен и многообразен. Рядом с Семеновым князю Тундутову могло быть уготовано место все того же ординарца; на что-либо большее ему претендовать было просто бессмысленно — слишком уж многогранной личностью был Григорий Михайлович, у которого даже бывшие генералы находились на низших должностях. Ведь ими руководил полководец и литератор, политик и святой, монгольский князь и защитник малых народов, бакалавр наук и лицо, приближенное к японскому императору.

Впрочем, на основе публикуемых материалов читатель может составить свое особое мнение об атамане Семенове. Автор сознательно дистанцировался от обработки заключенной в них информации, ведь в этих документах деятельность Семенова освещается с нескольких сторон, что создает значительно более сильное впечатление о нем. Впечатление, свободное от монополии мыслей и догадок

одного-единственного человека, которому, как мы знаем, свойственно иногда заблуждаться.

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить, что за прошедший с начала «перестройки» и демократизации период российское казачество достигло многого. Прежде всего, эта часть нашего общества официально признана государством. Как и положено, сегодня казачество расколото на несколько течений, разнящихся как в проводимой политике, источниках финансирования, политических программах, так и в подходе к своему историческому прошлому.

В бурные 90-е годы XX века казаки «отметились» участием во многих вооруженных конфликтах и войнах. Чего стоят только Приднестровье, Югославия и Чечня... До сих пор в средствах массовой информации нет-нет да и всплывают подробности тех или иных эпизодов, участниками которых были наследники боевой славы войска Донского, Кубанского, Терского...

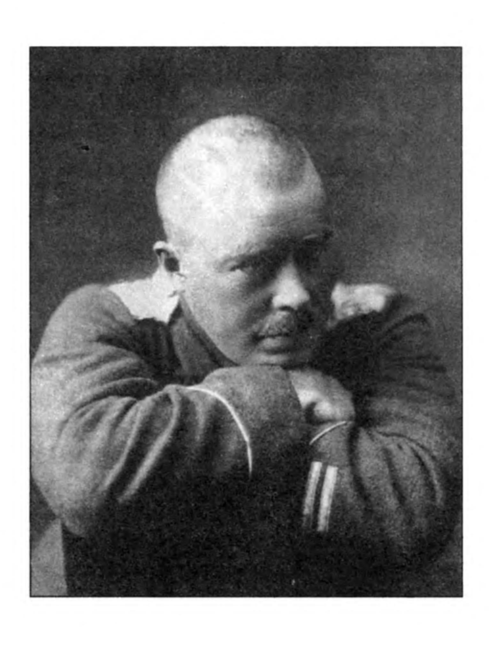
Как бы там ни было, необходимо признать очевидное — ни расказачивание, ни политические репрессии, ни ускоренное построение коммунизма в целом не повлияли на дух этих людей. Казачество существовало, существует и, надеюсь, будет существовать, бережно сохраняя накопленное его предками культурное и духовное наследие, во все времена служившее, прежде всего, величию нашей Родины.

Остается только добавить, что выход этой книги в серии «XX век: лики, лица, личины» весьма символичен. Пожалуй, за исключением «ликов» все остальные персонажи нашей недавней истории здесь присутствуют. Святые настоящие, а не мнимые здесь как-то не прижились.

Владимир Марковчин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

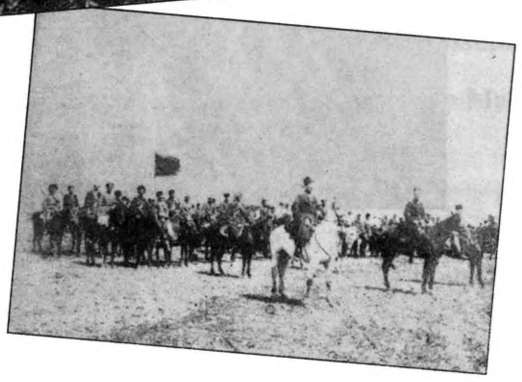
АТАМАН ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, походный атаман всех казачьих войск, генерал-лейтенант ДУТОВ

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.
10.
11.
12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.

Александр Ильич Дутов родился в 1879 году в станице Оренбургской[1], Оренбургского казачьего войска. Из дворянской семьи, отец — генерал-майор в отставке Дутов Илья Петрович. Родной брат — есаул Оренбургского казачьего войска Николай Ильич Дутов[2].

Воспитывался в Неплюевском кадетском корпусе в г.Оренбурге, который окончил в 1896 году. После этого поступил в Николаевское кавалерийское училище, окончив его в 1898 году.

Участвовал в русско-японской войне, в качестве подъесаула Оренбургского казачьего полка.

Николаевскую академию Генерального штаба[3] Дутов окончил в 1908 году. С сентября 1909 года — помощник инспектора классов, преподаватель нескольких дисциплин в Оренбургском казачьем юнкерском училище.

На начало первой мировой войны — сотник Оренбургского казачьего полка. С 1916 года, после участия в кровопролитных боях, возглавил этот же полк в чине войскового старшины.

После Февральской революции был избран заместителем, затем — председателем совета «Союза казачьих войск»[4], а с июня 1917 года стал председателем «Всерос-

---

[1] По крайней мере, так утверждал сам Дутов. По другим данным он родился в г. Казалинске (Казахстан).

[2] И отец, и брат на сентябрь 1919 года находились в Новониколаевске (ныне — Новосибирск). Брат тяжело болел; практически все близкие родственники были на содержании атамана Дутова.

[3] В 1909 году была переименована в Императорскую Николаевскую военную академию.

[4] Руководящий орган, выбранный на 1-м Общеказачьем съезде, проходившем в марте 1917 года в Петрограде. «За контрреволюционную деятельность» был распущен 29 ноября того же года.

сийского казачьего съезда»[1]. С 5 октября того же года — атаман Оренбургского казачьего войска, а уже с 6 декабря — командующий войсками Оренбургского военного округа.

14 ноября 1917 года, в связи с событиями в Петрограде, издал приказ об организации вооруженного выступления против Советской власти на Урале. В ночь на 28 ноября казаками были арестованы члены Оренбургского совета, а также ликвидирован Временный революционный комитет. Одновременно была объявлена мобилизация казачества на территории войска. К январю 1918 года восстание охватило всю территорию войска, были захвачены Челябинск, Троицк, Верхнеуральск.

29 января 1918 года Оренбургская армия Дутова потерпела поражение под Каргалой; еще раньше, 18 января, ею был оставлен Оренбург — армия отступила в Верхнеуральск, где атаман объявил новую мобилизацию. И уже в феврале Оренбургская армия начала поход на Оренбург, но в столкновении с отрядами Блюхера[2] потерпела поражение.

После начала чехословацкого мятежа[3], 3 июля 1918 года Оренбургская армия заняла Оренбург. В июле 1918 года А.И.Дутов, как член Учредительного собрания, вошел в Комуч[4]. В августе получил чин генерал-майора, а 14 октября 1918 года — генерал-лейтенанта Генерального штаба. С октября 1918 года назначен командующим Юго-Западной армией[5], вошедшей в подчинение Колчака[6].

23 мая 1919 года, в связи с переформированием его армии в Южную, назначен генеральным инспектором кавалерии, со 2 июня — походным атаманом всех казачь-

---

[1] Имеется в виду 1-й Общеказачий съезд.

[2] Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — в 1918 году командовал Восточным отрядом, участвовавшим в подавлении дутовского мятежа, затем — Уральской партизанской армией.

[3] Был организован в мае 1918 года частями чехословацкого стрелкового корпуса, сформированными из военнопленных — чехов, словаков и австрийцев, в ходе их передислокации на Дальний Восток.

[4] Комитет членов Учредительного собрания — правительство, сформированное эсерами в Самаре 8 июня 1918 года, после захвата ее белочехами; просуществовал до конца 1918 года.

[5] С 28 декабря 1918 года — Оренбургская Отдельная армия.

[6] Колчак Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал, после разгона Уфимской директории 18 ноября 1918 года — военный диктатор, позднее — верховный правитель российского государства. В 1920 году по постановлению Иркутского военно-революционного комитета был расстрелян.

А.И. Дутов

их войск, а с 21 сентября — командующим вновь сформированной Оренбургской Отдельной армией.

Летом того же года, по указанию адмирала Колчака, атаман Дутов предпринял беспрецедентную инспекторскую поездку по казачьим областям Сибири, где провел множество встреч, смотров, цель которых — мобилизация тыла для нужд сибирских белогвардейских армий. Данную должность совмещал с работой в Оренбургском войсковом правительстве и с деятельностью войскового атамана и командующего армией.

Скупые строки краткой биографии, изложенной выше, никогда не скажут многого об этом человеке. Пожалуй, это единственный из героев этой книги, который подходит под определение не только крупного военного, но и государственного деятеля прошлого века. В отличие от многих других профессиональных военных того времени, атаман Дутов довольно хорошо разбирался во всех тонкостях хозяйственного руководства в крупных регионах, а также во многих других вопросах. Эта способность особенно поражала его секретаря, барона Андрея Андреевича Будберга, неотступно сопровождавшего генерала Дутова в 1918—1920 годах. Во многом благодаря перу Будберга, а также его кропотливой работе по подбору материалов, касающихся непосредственно атамана Дутова, спустя многие десятилетия мы можем узнать всю правду об этом военачальнике, политике, человеке.

Автор намеренно уходит от своей трактовки событий, предлагая читателю возможность их усвоения через при-

зму реально существующих документальных материалов. Эти документы повествуют о последних годах жизни А.И.Дутова. Публикация изложенных в документах сведений, без сомнения, окажет большую помощь историкам, интересующимся данной проблемой, поскольку существующие на сегодняшний день труды, касающиеся Дутова, пестрят многочисленными ошибками. Попробуем же — в меру возможностей — их исправить.

Сибирский вояж

Итак, в июне 1919 года генерал Дутов, выполняя указание адмирала Колчака, провел инспекцию всех сибирских казачьих войск. Первым пунктом, который ему предстояло посетить, была Чита, центр Забайкальского казачьего войска. Атаман Семенов[1] устроил в его честь официальный обед, на котором присутствовали и очень близкие к атаману японцы. А.А.Будберг по этому случаю оставил в тетради следующую запись:

«***Обед 14.06.1919 г. в г. Чите. Банкет устроен атаманом Семеновым.***

Присутствовали: атаман А.И.Дутов, генерал-лейтенант Оба, полковник Куросава, атаман Семенов с чинами штаба, чины японского штаба, штаб-офицер для поручений при походном атамане Новокрещенов, личный адъютант Чеботарев, есаул Ушаков.

Тост атамана Семенова: Счастлив принимать у себя такого гостя, как атаман Дутов, счастлив еще более, что на обеде имеют возможность присутствовать также представители дружественной нам державы Японии. Был бы очень рад, если присутствие здесь атамана Дутова и генерала Оба послужило лишним случаем укрепить дружественные отношения с Японией. Предлагает в честь этого троекратное ура (крики ура и банзай[2]).

Атаман Дутов: Вполне присоединяюсь к приветствию, выраженному по отношению представителей одной из дружественных нам держав, со своей стороны вы-

---

[1] Семенов Григорий Михайлович (1890—1946) — в ту пору генерал-лейтенант, атаман Забайкальского казачьего войска. Подробнее о нем — см. часть вторую.

[2] Японский аналог русского «ура».

Адмирал Колчак

ражаю удовольствие находиться среди представителей славного Забайкальского войска[1]. Приветствует только что избранного атамана Семенова. Напоминает его заслуги в деле борьбы с врагами Родины и выражает уверенность, что Семенов будет таким именно атаманом, каким он себе его представляет. (Ура).

***Атаман Семенов*:** В кратком тосте предлагает выпить за здоровье атамана Дутова и прибывших с ним гостей.

Атаман Дутов: Также, в кратком слове, поднимает тост за атамана Семенова.

Генерал-лейтенант Оба (говорит через переводчика)*:* Разъяснил, что опасается, что не будет, возможно, иметь счастливого случая беседовать с атаманом Дутовым, и обращается к нему со словами на этом обеде.

В Японии нет ни одного грамотного человека, который не знал бы генерала Дутова. Плодотворная, полная отверженности, работа генерала Дутова в борьбе с большевиками укрепляет уверенность, что Россия имеет честных людей (знатных дворян[2]), которые выведут Россию на свою дорогу. Он очень рад, что ликвидирован конфликт между Центральным правительством и атаманом Семеновым, также много поработавшего на глазах у генерала Оба в деле воссоздания Родины.

Он очень рад, что такой знаменитый генерал как Дутов посетил Дальний Восток и надеется, что это посещение послужит на укрепление взаимных отношений. Дутов

[1] Создано в 1851 году с центром в Чите.

[2] Напомним, что Дутов происходил из потомственной дворянской семьи.

и атаман Семенов послужат на пользу России. За будущую воссозданную, воскрешенную Россию он поднимает свой бокал.

Атаман Дутов: Я, атаман Дутов, произведен в генералы его Величеством Российским Народом, и только от его имени считаю себя в праве говорить. Я говорю не как представитель Центрального правительства, состава программы которого уже касались. Я не дипломат, я выражаю прямо и честно свои взгляды, как простой казак. Я верю в доброжелательность Японии. В благородстве японского народа я убедился еще в войну 1904—1905 года, когда приходилось встречаться с японцами на поле брани. Послушные приказанию своего правительства, японские и русские войска честно и мужественно сражались. Военные не должны быть политиками, они должны быть только военными. Я не касаюсь политики тогдашнего правительства, но констатирую, что и как враги японцы произвели много благородства. Страна, которая до сего времени сохранила в себе благородных самураев, заслуживает полного доверия, и содружественную работу с такой страной я от души приветствую. Да здравствует...»[1]

На следующий день знакомство Дутова с Читой продолжилось. Он счел необходимым встретиться с местным Клубом национального возрождения. Отчет по этому поводу был опубликован в газете «Забайкальская новь»:

«В воскресенье, 15 июня в 6 часов вечера, походный атаман казачьих войск принял представителей Читинского клуба национального возрождения: П.Ф.Веремьева, З.И.Гордеева и А.Г.Васильевского, пришедших к нему выразить приветствия клуба.

А.Г.Васильевский сказал речь, в которой выражалось приветствие атаману Дутову, как одному из виднейших борцов с большевизмом и как представителю власти Верховного Правителя.

«Вы, — говорилось в речи, — стремитесь к великой и святой цели — извлечь Россию из бездны унижения и позора, в которую ввергли нашу родину большевики; вы стремитесь сделать Россию единой и по-прежнему великой. К этой же цели со своими силами стремится Читин-

---

[1] Окончание документа отсутствует.

ский клуб национального возрождения. Вот почему он послал нас к Вам выразить Вам приветствия и радость по случаю Вашего приезда в Читу.

Клуб приветствует Вас и как представителя власти Верховного Правителя, на долю которого выпало объединить Россию, и довести ее до Учредительного Собрания[1].

Ваш приезд совпал с моментом, очень знаменательным в жизни Забайкалья: с моментом, когда атаман Семенов подчинился власти Верховного Правителя. Клуб выражает надежду, что отныне Восток и Запад Сибири сольются воедино в стремлении к общей цели: освобождению России от большевизма.

Клуб выражает надежду, что это слияние будет не механическим, а органическим, и что жизнь Забайкалья пойдет по тем же нормам, по которым она идет в Западной Сибири.

Клуб надеется, что и Вы, славный атаман, будете содействовать тому органическому слиянию Востока Сибири с Западом, и желает Вам полнейшего успеха, как в этом отношении, так и во всех Ваших делах, так полезных России».

Походный атаман поблагодарил за приветствие, и сказал, что на проводах оренбургского казака Крохалева, в приветствии, обращенном к нему, он услышал те же пожелания, которые высказаны представителями клуба. Он надеется, что жизнь пойдет на основе законности и правопорядка.

Приехал он сюда тогда, когда нашел удобным и возможным приехать.

Вопросы тыла — чрезвычайно важные вопросы. Фронт и тыл должны составлять нечто единое. Тыл — та артерия, которая питает фронт. Она должна биться, не сильнее и не слабее, чем нужно фронту. Делая, в течение двух дней, ученья и смотра, он заметил то, что вызвало с его стороны соответствующие указания, и он настоит на проведении их в жизнь.

Время его поездки в Читу, действительно, знаменательно: когда он уезжал из Омска, он прощался с пред-

---

[1] Представительный орган, избранный в 1917—1918 гг., был ликвидирован большевиками. Идея воссоздания Учредительного собрания постоянно выдвигалась антибольшевистскими силами.

ставителями всех русских правительств. От Дона был генерал Сычев, от правительства Деникина[1] — генерал-лейтенант Карцев, был представитель Северного правительства, возглавляемого Чайковским[2], и Западного правительства Юденича[3]. Все правительства признали власть Верховного Правителя, и теперь, с признанием ее атаманом Семеновым, все области России, освобожденные от большевиков, объединились под единой властью Всероссийского правительства.

Телеграмма, полученная в Омске от представителей пяти держав под председательством Вильсона, показывает, что признание Всероссийского правительства — дело ближайших дней. Надо полагать, что с устранением здешних недоразумений, признание скоро осуществится.

Объединившись под единой властью, все должны стремиться к единой цели. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Надо ловить одного зайца: бороться с большевизмом. Партийная борьба несвоевременна. Нет парламента, нет места и легальной политической борьбе.

В заключение походный атаман выразил уверенность, что Клуб разовьет свою деятельность, и количество его членов будет увеличиваться с течением времени, что видно из примера всех крупных городов, где подобные организации пользуются популярностью среди населения.

Атаман просил передать Клубу благодарность за приветствие, и выразил пожелание, чтобы Клуб содействовал установлению жизни в Забайкалье на основах законности и правопорядка, и закреплению в сознании общества идеи единой Всероссийской власти, которую всемерно должно поддерживать все общество».

---

[1] Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант, с января 1919 года — главнокомандующий белогвардейскими «Вооруженными силами Юга России». Эмигрировал в 1920 году.

[2] Чайковский Николай Васильевич (1850—1926) — из дворян, с сентября 1918 года — председатель Верховного управления Северной области, позднее — в составе Южнорусского правительства. С 1920 года — в эмиграции.

[3] Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал от инфантерии, руководитель весенне-летнего и осеннего наступлений на Петроград (1919 г.), лидер белого движения на Северо-Западе России. С 1920 года — в эмиграции.

Упомянутые в статье проводы казака Крохалева прошли в тот же день, эта же газета напечатала отчет о них:

«Тыл страшно отстал от фронта. Это не говорилось, но это чувствовалось и сознавалось всеми присутствовавшими на проводах на фронт 15 июня с.г. бывшего начальника Читинской городской милиции, оренбургского казака Г.Т.Крохалева.

Когда встал ответить на обращенные к нему приветствия Войсковой атаман, походный атаман всех казачьих войск А.И.Дутов, и в простом слове, без всякой напыщенности, без громких фраз рассказал историю восемнадцатимесячной, непрерывной, чисто эпической борьбы с большевиками оренбургского казачества, борьбы, полной неистощимой отваги и беззаветной преданности Родине, то всеми осозналось, что восстала здесь не какая-нибудь политическая партия или часть населения, а восстал против насильников за истинную свободу сам народ — все Оренбургское казачество[1].

Слушая повествование о том, какие тяготы вынесло это казачество, чтобы сдерживать долгие месяцы огромные силы, направленные против него Советской властью, становится понятным возрождение Сибирской армии[2].

Принятыми на себя в свое время ударами со стороны большевиков Оренбургское казачество дало возможность возродиться и затем окрепнуть нашей доблестной Сибирской армии.

Хотелось всем, слушавшим эту эпопею борьбы народа, восставшего за свои права, хоть чем-нибудь приобщиться к тем тяготам, с которыми велась и ведется эта борьба.

Поэтому, вполне понятным явилось желание всех принять известную долю участия в восстановлении сожженных и разрушенных до основания четырнадцати оренбургских станиц, и пущенный в обращение лист для сбора на эту цель быстро покрылся подписями.

Мы должны отметить наиболее крупные взносы подписавшихся: Я.Е.Окулов — 10 000 руб., А.П.Гурченко — 5000 руб., и Л.И.Карганов — 500 руб.

---

[1] Оренбургское казачье войско было создано в 1748—55 гг., с центром в Оренбурге.

[2] Одна из четырех армий, в 1918 году переданных под командование адмирала Колчака.

Образован Комитет для сбора среди читинских граждан пособия Оренбургскому казачеству на восстановление уничтоженных станиц. Комитет, по возвращении атамана А.И.Дутова с Даурского фронта, перед отбытием его в Омск вручит ему в среду, 18 июня с.г., собранную сумму.

Все сибирские крупные города горячо отнеслись к подвигу оренбуржцев.

Что-то сделает Чита...».

Атаман Дутов на несколько дней становится центральной фигурой местного общества. Его имя практически не сходило с полос как местных, семеновских газет, так и всей остальной прессы, издаваемой на Дальнем Востоке. На встречах различного ранга он продолжал «рекламировать» политику Колчака. Воздавая должное «патриотической» деятельности Дутова, газеты сообщают совершенно фантастические новости — начиная от выдающихся успехов белых на других фронтах и заканчивая взятием Петрограда и Москвы.

Стремясь устранить все имеющиеся в стане Семенова[1] разногласия, Дутов организует встречу с семеновской «оппозицией», которую забайкальский атаман отправил в отставку сразу же после взятия Читы. Вот как делится корреспондент одной из газет впечатлениями от этой встречи:

«По различным вопросам состоялся обмен мнений между представителями атамана Дутова и войсковым правительством прежнего состава, стоявшим в оппозиции полковнику Семенову. В общем, получается впечатление, что Омск весьма поверхностно осведомлен о дальневосточных делах, и долго еще будет открывать уже открытую Америку. Уместно отметить различие в настроениях договаривающихся сторон. Так, например, заявление Дутова, что своим высоким положением он обязан русскому народу, понравилось здесь далеко не всем.

Среди широких слоев населения г.Читы А.И. Дутов нашел очень хороший прием. Читинцы так уже привыкли к специфической обстановке своей жизни, что их, например, приводила в умиление такая в сущности простая картина, как появление А.И.Дутова на улице без стражи. К тому же А.И. Дутов позволяет себе такие суждения, за которые некоторые читинские граждане содержатся в тюрьме, как опасный элемент.

---

[1] О политической деятельности атамана Семенова — см. часть вторую.

В связи с пребыванием атамана Дутова в Чите, здесь организован Комитет по сбору средств в помощь оренбуржцам, борющимся с большевиками. В комитет вошли представители торгово-промышленных и общественных организаций. Первый день сбора дал 40 000 рублей».

Расставаясь с Читой, А.А.Будберг, который впоследствии исполнял еще и обязанности корреспондента Российского телеграфного агентства из зоны действий Оренбургской армии, оставил в тетради такие впечатления об этом городе и продолжении поездки:

«Свое пребывание в Чите мы закончили объездом японской миссии у генерала Оба.

Японцы, по-видимому, очень любят этикет. Наше прибытие было встречено музыкой. У подъезда нас ждали несколько японских офицеров, которые провожали по лестнице в верхний этаж, указывая нам дорогу по нескольким довольно длинным коридорам, устланным ковром. В одном из коридоров нас ожидал генерал Оба, приветствовал атамана, и просил в гостиную, где были предложены разные папиросы и сигареты. Вслед появился адъютант и принес с собой план расположения обеденных столов, и потом указали каждому места. В Японии этому придают весьма большое значение. За столом русские и японцы были довольно остроумно размещены так, что можно было все время поддерживать разговор, зная тот или иной иностранный язык. Кроме того, было достаточное количество переводчиков. В самом обеде были маленькие особенности. Все время подавалась японская рисовая водка «саке» в маленьких изящных японских чашечках и затем мы, присутствовавшие русские, были ознакомлены с национальным японским способом еды без вилок, ножей и ложек, с помощью только двух деревянных палочек.

За обедом было произнесено несколько обычных речей и тостов, не представляющих, однако, дипломатического или политического характера.

Вечером отбыли из Читы на Дальний Восток.

19-го июня.

Утром проезжали мимо ст. Даурия[1]. Опять встреча, почетный караул и т.д. Пробыли на станции около получаса и поехали дальше. Едем теперь экстренным поездом

---

[1] Станция на КВЖД.

с охраной, данной атаманом Семеновым. Опасности тут никакой, но Семенов не представляет себе, чтобы можно было ехать без воинской части.

На каком-то захолустном разъезде познакомились с американским инспектором Забайкальской железной дороги. Ведь, для улучшения железнодорожного дела, железная дорога взята под, так называемый, контроль международной комиссии, под председательством американского инженера Стивенса. В чем особенно проявили себя иностранцы по отношению улучшения работы железных дорог, мне не известно, как профану, а потому особенно было бы интересно узнать об этом от американского инспектора. Он приглашает атамана и меня в вагон, и мы долго беседуем. Иностранцы начали с того, что улучшают нам телеграф и ставят повсюду хорошо действующие телеграфные аппараты. Они считают первым условием хорошей работы железной дороги быстрое общение между собой всех агентов. В отличие от русской, вводится диспетчерская система управления в движении поездов. В грубой форме это обозначает, что в движении каждого поезда с помощью телефона все время наблюдает особо приставленный для этого человек — диспетчер. Ему точно известно момент прибытия поезда на станцию. Если поезд задержался и не отправился, то он сейчас же требует от начальника станции объяснения. Таким образом, это называется висеть над душой начальника станции. К сожалению, уважаемый инспектор не сумел ответить мне, что должен предпринять начальник станции, если причиной задержки поезда является порча и недоброкачественность подвижного состава! Какие меры принимаются иностранцами, чтобы улучшить наш подвижной состав? Как обстоит, например, дело с ремонтом паровоза? Инспектор склонен думать, что дело обстоит неплохо. Оказывается, русские рабочие работают не хуже американских. Мастерские в некоторых местах оборудованы великолепно, в некоторых имеются недостатки, но отнюдь не угрожающие. В чем же дело? Почему так страдает транспорт? Ответ: надежда через некоторое время достигнуть восьми пар в сутки — это приблизительно третья часть нормальной работы дороги. Инспектор не может ответить на мой тревожный вопрос прямо. Или он делает из деликатности, или еще не понял, что пока не выздоровел весь организм, нельзя надеяться на хорошую работу отдельного органа.

Раз плохо в России, то единственное спасение для разговора перейти к тому, что хорошо — в Америке.

Американец оживляется, рассказывая о своей родине, и разговоры о нашей русской действительности переходят к будущему. А.И.Д. интересуется о возможности разработки железной дороги на территории Оренбургского войска, о проведении там железных дорог и т.д. Мало-помалу беседа начинает принимать более деловой и коммерческий характер. Инспектор дает адреса некоторых лиц, которые могли бы заинтересоваться работой в Оренбургском крае.

Надо удивляться, если я это говорю, кажется, уже не в первый раз, удивляться удивительной разносторонности дарования А.И.Д. Когда я слушал его деловую беседу с американцем, как-то трудно было представить себе, что это говорит профессионал военный, а не ловкий крупный коммерческий делец...

Вечером мы проехали по станции Маньчжурия[1]. Опять встреча, опять почетный караул.

20-е июня.

Со станции Маньчжурия начинается Китайско-Восточная железная дорога. Дорогу строили русские, поэтому ничего особенно нового сама дорога не представляет. Обращает на себя внимание только некоторые станционные здания, построенные в китайском стиле. Кроме того, все путевые здания ограждены солидными каменными или кирпичными стенами с бойницами. Около некоторых солидных мостовых сооружений построены даже целые крепости с проволочными ограждениями».

В ходе поездки Дутов постоянно получает информацию (по телеграфу и почте) как о развитии обстановки на сибирском театре военных действий, так и о состоянии дел родной Оренбургской армии, в очередной раз штурмующей Оренбург. Об этих проблемах весьма красноречиво повествует один из чинов его армии:

«***24 июня 1919 года.***

Пробыв в командировке на фронте в непосредственной близости от Оренбурга почти $1^1/_2$ месяца, в ожидании взятия этого города, я счел в настоящее время долгом оттуда приехать в Омск, ввиду того, что положение дел в

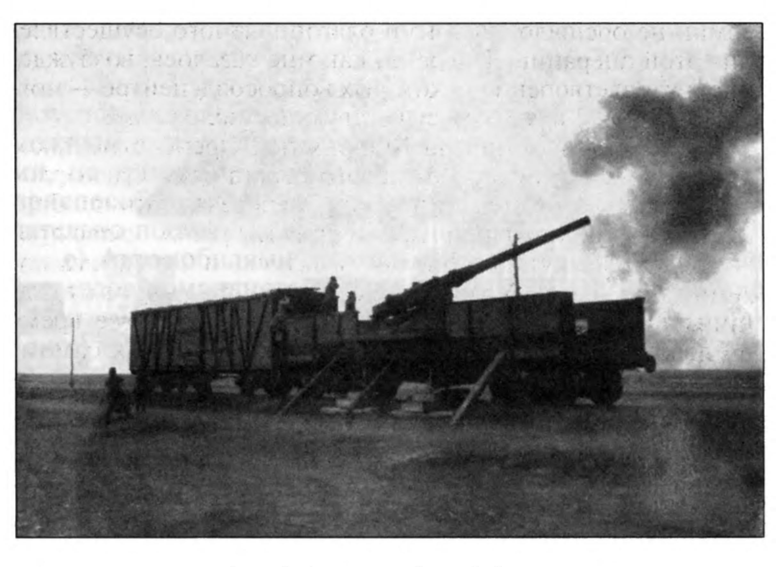
[1] Железнодорожная станция на границе с Хабаровским краем.

армии не обещало скорого и благоприятного осуществления этой операции. То время, как мне казалось, возбуждение и удовлетворение некоторых вопросов в центре — могло бы в корне изменить существующее положение.

Положение армии на 10 июня под Оренбургом таково: наши позиции идут от левого берега реки Сакмары у поселка Верхние Чебенки к югу, перерезая линию Орской железной дороги почти под прямым углом; далее проходя западнее хуторов Лысова, Биктяева и Степанова позиции подходят к Уралу на расстоянии 6—7 верст от станицы Каменно-Озерной. Далее позиции идут все время по левому берегу Урала. Причем в ближайшем к самому Оренбургу районе, в излучине реки, они отходят за городскую рощу и деревню Ситцевую, которые заняты красными.

Настроение войск левобережной части устойчивое и более бодрое, чем правобережной, где замечается ослабление и некоторая угнетенность духа — как результат последних неудач. Несмотря на это, все имеют сильное желание взять Оренбург. Принимая во внимание существующие условия для этой цели, пришлось бы употребить большое усилие и понести большие жертвы, и, главное, при наличных технических средствах, нет уверенности — по взятии удержать город в своих руках.

Эти средства гораздо слабее у нас, чем у противника, а именно: во второй дивизии имеется всего 4 полевых орудия, из них против Оренбурга поставлено лишь 2, и то спаренных, так как ввиду ненадежности по состоянию их нельзя рознить, и это — несмотря на крайнюю нужду в артиллерии в другом удобном месте, откуда представляется возможным производить обстрел мастерских и вокзала. У противника в одном Оренбурге имеется, по сведениям от перебежчиков, от 5 до 7 орудий. Остальные орудия дивизии находятся: одно на Актюбинском фронте, и одно на правом фланге дивизии в расстоянии 12—15 верст от Оренбурга, в станице Благословенной. Эта вторая дивизия, по моему убеждению, и является центром сил, в смысле взятия Оренбурга, а две других дивизии на флангах служат лишь для отвлечения и удержания сил противника, причем с левой стороны (западнее) находится 1-ая дивизия, имеющая 4 орудия, одно из них на Актюбинском фронте, а три остальные, по своему состоянию, тоже плохи, в смысле прочности стенок.

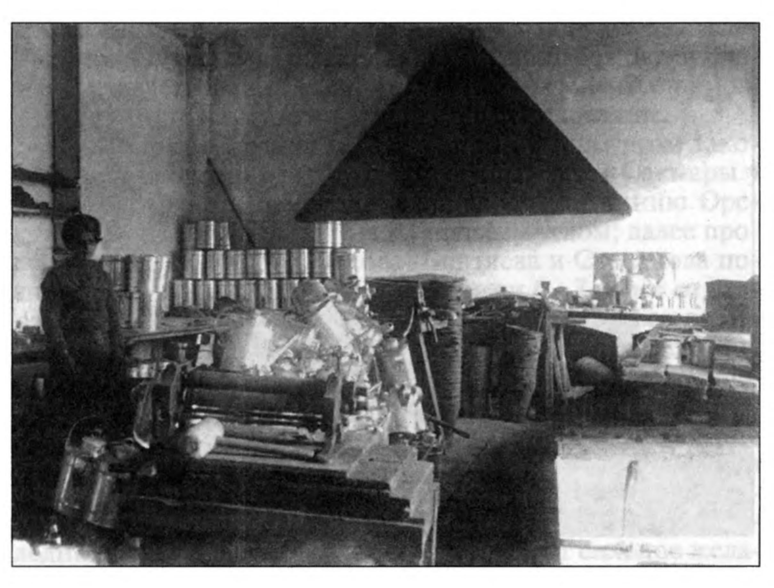
6-ти дюймовое орудие в действие

На правом фланге расположена четвертая дивизия, имеющая 6 орудий, причем одно в починке. О верности боя этих орудий говорить не приходится, все они расстреляны и старого образца.

Наличие пулеметов тоже недостаточно, в среднем на полк 4-5 и то за надежность их нельзя ручаться. Большинство из них — трофеи полков и части все время говорят о необходимости дополучения пулеметов. В тоже время, красные имеют на каждую роту по 3 пулемета, из них — 2 в бою, 1 — в резерве.

Ни бронепоездов, ни автомобилей, ни мотоциклеток, тем более — аэропланов в наших войсках нет. В конно-саперных частях нет самого необходимого — лопат, топоров, пил, не говоря уже о каких-либо механических приспособлениях.

Со стороны красных имеется один хороший бронепоезд, вооруженный 42-х линейной пушкой и один поезд из приспособленных товарных вагонов, один броневик-автомобиль и 2—3 грузовых, приспособленных для боя, вооруженных пулеметами, 1 аэроплан, летающий по позициям, и шар для наблюдения. Что касается обеспечения патронами и снарядами, то и в этом чувствуется, особен-

Мастерская

но во второй дивизии недостаток, у красных наоборот — наблюдается, что окопы завалены патронами.

Несмотря на все эти превосходства в техническом отношении, Оренбург может быть взят и удержан, моя личная точка зрения, которая разделялась и местным командным составом и для этого достаточно поднятия настроения войск проявлением большого внимания тыла к частям на фронте, и, в частности, неотложными мерами:

1. Снабжением военно-техническими средствами, а именно:

a) Пушками, которыми пополнить вторую дивизию, двумя дальнобойными — для обстрела противоположной (северо-западной) части г.Оренбурга, вокзала, станции Оренбург 2-ой и продовольственного пункта, где сосредоточены все склады красных и одним полевым орудием на переправу между Карачами и Благословенской; и первую дивизию — тремя орудиями для пополнения и замены действующих. Все орудия с достаточным количеством снарядов.

b) Пулеметами, число которых довести до 8—10 на полк и до 2 на сотню.

c) Мастерской походной для ремонта пулеметов, ружей и пушек, одной на все три дивизии.

d) Автомобилями броневыми и грузовиками; первые, безусловно, желательны, но, если не представляется возможным их послать, то их можно заменить и грузовиками, по три штуки на дивизию, которые будут на месте приспособлены для боевой службы, причем для них желательно послать одновременно пулеметы и макленки[1].

e) Автомобилями легковыми и мотоциклетками для разъездов командного состава и для связи, в количестве по штату, но не менее: 3 легковых машин и 6 мотоциклеток. В каждую дивизию по 1 легковому и 2 мотоциклетки. Организовать доставку горючего не представляется никаких затруднений.

2. Улучшением организации доставки патронов и боевых снаряжений, обратив внимание на доставку гужом по транспортам и соединив рельсовым путем Орск с позициями.

3. Ограждением боевых частей от выездов по линиям железных дорог бронепоезда командированием технических частей для разборки рельсов на линии огня.

4. Доставкой обмундирования для пехотных частей, которые раздеты и разуты.

Отсутствие и недостаточность перечисленного, и, наоборот, наличие этих средств у противника, главным образом и действует в моральном отношении угнетающе на части войск, тем более эти части долгое время находились в полной уверенности, что скоро придут им помогать иностранцы. На самом же деле на фронте нет ни них, ни их технического оборудования. Первое как будто уже забывается, но второе дает себя чувствовать в сильной мере, тем более, что на фронте известно о наличии требующихся для фронта технических средств в тылу, и это создает далеко нежелательное настроение в частях войск. Так, например, по мере удаления от фронта замечается и увеличение наличия автомобилей, и это увеличение прямо пропорционально расстоянию фронта от центра тыла. Об этом явлении говорят все, кто случайно был или командирован в тыл или ездил в отпуск. Кроме того, полное отсутствие литературы на фронте, освещающей происходящие события, создает в частях всевозможные тол-

[1] Так в тексте документа.

ки и своеобразные представления о событиях, тем более, что красные очень и очень озабочены распространением своей литературы, извращающей действительное положение дел.

Нельзя не указать на полное отсутствие интеллигентных сил на фронте, специалистов-техников и на недостаточность офицерского состава, причем, по личному впечатлению эти силы так же, как и автомобили, группируются в одинаковой пропорции. Оговариваюсь, что может быть точная статистика и дает другую картину, но беглое впечатление таково. К великому огорчению, считаю долгом заявить, что если части войск на фронте будут и далее держаться в той обстановке и необходимое техническое снабжение не будет немедленно доставлено, то хороших результатов ожидать нельзя.

Вышеизложенным докладываю для сведения заинтересованным учреждениям.

Войсковой инженер-технолог Г.А. Малафеев[1]».

В конце июня 1919 года атаман Дутов посетил станции Даурия и Борзя, где, помимо военных властей, его с большим почетом и уважением встречали железнодорожные служащие. Атамана Дутова, занимавшего отдельный вагон, по-прежнему сопровождал казачий караул из отряда Семенова.

Обывателей продолжал привлекать «побывавший в 120 сражениях и всегда в самых опасных местах в качестве руководителя битвами, атаман Дутов», который остался целым и невредимым и сделался своего рода фаталистом.

«Если суждено быть убитым, то никакие караулы не помогут», — со скромной улыбкой на устах говорил храбрый генерал собравшимся вокруг него представителям военного и железнодорожного мира.

Корреспонденту газеты «Вестник Маньчжурии» атаман Дутов пояснил, что обыкновенно он всюду ездит без охраны, и если в данном случае его и сопровождал караул, то лишь в силу проявленного к нему внимания и заботливости со стороны местных военных властей. Отличаясь приветливостью и простотой в обращении, всегда спокойный и внимательный к собеседникам, атаман Дутов

---

[1] Продолжение истории со снабжением Оренбургской армии — см. приложение № 8.

производил прекрасное впечатление. Аналогичным было и отношение к нему людей: «Остается только пожелать долгой жизни славному герою-генералу, уже и без того много сделавшему и потрудившемуся для спасения родины от большевиков».

Трудно было предугадать, но судьба атамана Дутова решилась не на русской земле. Не помогла ему и охрана, которая действительно не сумела ничего предпринять в ходе событий 6 февраля 1921 года. Но об этом позднее.

Тем временем путешествие продолжалось, и в начале июля Дутов посетил Уссурийское казачье войско. И снова такая же реакция — практически все газеты опубликовали отчеты о его пребывании на земле войска:

«Походный атаман всех казачьих и генерал-инспектор кавалерии Российских войск генерал-лейтенант Дутов, по окончании 7-го большого чрезвычайного Уссурийского казачьего круга в ст. Гродековской[1], совершил объезд войск, посетив также и пункты расквартирования войск кавалерийских.

Приняв на себя тяжелую, в современных условиях, работу по осмотру войсковых частей, атаман Дутов заметно, искренне тронут и воодушевлен теми восторженными, со стороны гражданского населения, встречами, которые ему приходилось находить в станицах и гг. Дальнего Востока.

Принимая почетные караулы от российских войск и союзных японских и китайских, походный атаман всматривался и во внутреннюю жизнь воинских частей, посещая их расположение — штабы и казармы.

В г. Спасске[2] генерал—инспектор был приглашен для осмотра авиационного парка, после чего были продемонстрированы полеты аппаратов.

Присутствуя на торжественном обеде, данном чинами Спасского гарнизона в честь его приезда, генерал—инспектор, отблагодарив за оказанную ему честь, выразил глубокие надежды на развитие и процветание авиационного дела в России, успехи которого с чувством глубокого удовлетворения, он видел и в осматриваемом парке.

---

[1] Центр Уссурийского казачьего войска летом 1919 года. Приветствие Дутову от участников съезда — см. приложение № 7.

[2] Название г.Спасск-Дальний до 1930 года, находится в Приморье.

Во всех смотрах походного атамана сопровождает атаман Уссурийского казачьего войска генерал-майор Калмыков[1]».

«Вчера в 3 часа дня в городском доме состоялся обед в честь атамана Дутова, на котором присутствовали представители местных военных и гражданских учреждений, города и общественных организаций.

Были произнесены речи и тосты, и вообще обед носил характер сердечного чествования популярного генерала.

«Розовый бал», устроенный вчера в общественном собрании, посетил атаман Дутов, которому публика устроила овацию».

Атаман Калмыков

«4-го июля атаман Дутов посетил кадетский корпус и размещенное в здании корпуса Хабаровское, атамана Калмыкова, военное училище. Перед этим генерал производил смотр отряду атамана Калмыкова на военном плацу. Смотр прошел прекрасно, и части отряда и военное училище заслужили похвалу.

В корпусе генерал обошел все помещения. Осмотрел подробно военное училище, потом прошел в помещение сводной роты корпуса, где видел кадетов, оставшихся на лето в корпусе. После осмотра атаман Дутов обратился к директору со следующими словами: «По поручению Верховного правителя, адмирала Колчака, я осматриваю различные части и учреждения военного ведомства. Осмотрев сегодня корпус, я вижу, что это учебное заведение

---

[1] Калмыков И.М. — генерал-майор, атаман Уссурийского казачьего войска. Подобно атаману Семенову, до получения генеральского звания он был есаулом.

поставлено прекрасно. Сделано это трудами вашими и ваших сотрудников.

От имени Верховного правителя выражаю вам благодарность. Кроме того, должен особенно благодарить вас за то, что вы пошли навстречу нуждам отряда атамана Калмыкова и организовали военное училище, через которое прошла часть молодежи отряда. Соучастие ваше в этом деле было сделано в нужный момент и принесло пользу. Прошу назвать тех ваших сотрудников, которые содействовали успеху работы и в корпусе, и в училище».

Генерал Никонов доложил, что благодарность, которую он получил от имени Верховного правителя, является результатом той самой энергичной работы, которую провели все чины корпуса и училища, получившие возможность после освобождения от большевиков работать на пользу Родины.

После беседы с окружающими о делах на фронте, о постепенном, но постоянном росте военных сил армий, наступающих на большевиков, генерал выразил уверенность, что недалеко то время, когда Москва будет освобождена. Тут же генерал сообщил и приятные вести о занятии армией Деникина Царицына и Харькова. Затем атаман уехал из корпуса».

Далее путь Дутова, вместе с атаманом Калмыковым, лежал в Хабаровск — один из ключевых городов Сибири. Все повторилось с завидным постоянством: встречи, приемы, речи, статьи в газетах. Создается впечатление, что пройдет еще немного времени, и он сменит адмирала Колчака на его посту. Но очевидна и большая, созидательная работа «имиджмейкера» Дутова — А.А.Будберга. На эту мысль наводят несколько статей, увидевших свет сначала в виде набросков в машинном варианте, и только затем — в газетах. А так как «интервью» с самим атаманом позволить себе могли только самые крупные газеты, то все остальные, калибром помельче, беззастенчиво перепечатывали информацию, заимствуя ее v более респектабельных «братьев».

Вот как газеты (хабаровские и не только) оценили его визит:

«В Хабаровск прибыл походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор кавалерии Русской армии генерал-лейтенант Дутов.

Атаман Дутов известен в России и за границей не только как неутомимый борец за счастье и целостность России, не только как один из первых поднявший знамя вооруженной борьбы с большевиками, но и как крупный политический лидер.

Свою политическую деятельность А.И. Дутов начал в марте 1917 года, когда прибыл в Петроград с фронта в качестве делегата на казачий съезд от 1 Оренбургского казачьего полка, командиром которого он состоял в то время. Большие природные способности и обширное, разностороннее образование при недюжинном ораторском таланте, быстро выдвинули его в председатели Совета союза казачьих войск. В роли председателя А.И. Дутов известен рядом крупных политических выступлений, среди которых наиболее крупным следует признать открытое письмо к Керенскому по поводу выступления ген. Корнилова[1]. А.И. Дутов, по требованию Керенского заклеймить поступок Корнилова, первый открыто выступил на защиту его, не находя возможным без веских данных порочить в глазах народа честнейшего русского генерала.

Вскоре после Корниловского инцидента, лучшие представители казачества, как Каледин[2], Караулов[3] и Дутов, перенесли свою работу в родные им места.

Войсковым кругом Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов избирается войсковым атаманом и с этого почти момента становится первой величиной во всем крае.

Все благомыслящие, любящие Родину люди сразу увидели в А.И. Дутове то лицо, которое сумеет, в конце концов, вывести край из тяжелого политического и экономического положения. Даже Керенский, несмотря на

---

[1] Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии, в марте-апреле 1917 года — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. Организатор контрреволюционного вооруженного выступления 25 августа того же года, получившего название «корниловский мятеж». Позднее — один из создателей Добровольческой армии. Погиб при штурме Екатеринодара 31 марта (13 апреля) 1918 года.

[2] Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — генерал от кавалерии, с 17 июня 1917 года — атаман Донского казачьего войска. Покончил жизнь самоубийством 29 января 1918 года.

[3] Караулов Михаил Александрович (1878—1917) — полковник, с 27 марта 1917 года — атаман Терского казачьего войска. Был убит (по другим данным — застрелился) 13 декабря того же года на станции Прохладная.

Старшие чины ставки Верховного, арестованные 1 сентября 1917 года, в Быховской тюрьме. (1. поручик Чуникин, 2 . генерал Эрдели, 3. генерал Деникин, 4. генерал Корнилов, 5. генерал Вановский, 6. генерал Эльснер, 7. генерал Лукомский, 8. генерал Кисляков, 9. есаул Радионов, 10. подполк. Новосильцев, 11. И.В. Никоноров, 12. генерал Романовский, 13. поручик Клецанко, 14. капит. Ронсенко, 15. прапорщ. Иванов, 16. прапорщ. Никитин, 17. подполк. Пронин, 18. капитан Брагин, 19. А.Ф. Аладин, 20. генерал Орлов, 21. генерал Марков)

свое не вполне доброжелательное отношение к казачеству, видел в лице А.И. Дутова крупного администратора, и назначил его главноуполномоченным по продовольствию Оренбургской губернии и Тургайской области[1] с правами министра.

После большевистского переворота 23 октября 1917 года, когда Оренбургское войско и край решили не признавать советской власти и выступить с активной борьбой против большевиков, атаману Дутову была вручена войсковым кругом и комитетом спасения Родины и революции, образовавшимся в то время в Оренбурге, как временная местная власть, так и вся полнота власти в крае.

Характерная особенность деятельности Дутова — он никогда не был захватчиком власти, а всегда получал ее из рук населения. Работа была особенно трудна за оторванно-

---

[1] До 1991 года — область в составе Казахской ССР, с центром в г. Аркалыке.

стью края от всего мира. В то время, как другие находили поддержку и помощь в своей работе у союзников, А.И. Дутов должен был суметь найти эту помощь только в себе.

В его борьбе с большевизмом заложено чисто русское начало и только в этом русском начале, собственно в русской силе он видел залог успеха. Трудная задача воссоздания края с успехом была выполнена А.И. Дутовым. В короткий срок была восстановлена работа всех учреждений. Особенное внимание атамана было обращено на учебные заведения. Воссоздание будущего России А.И.Д. видит в молодом поколении, и к воспитанию такового считает необходимым относиться с особой вдумчивостью. А.И. Дутов сознает, что современные деятели революции, привыкшие к исключительным методам, вряд ли смогут отказаться от этих методов в будущем, и поэтому полагает, что они должны будут в свое время уступить дорогу новым, молодым силам.

В январе 1918 года, когда боевые обстоятельства заставили покинуть его Оренбург, А.И. Дутов ни минуты не оставлял политической работы. С риском для жизни он выступает на всех станичных и поселковых сходах, разъясняя озлобленность большевизма и призывая на борьбу с ним. Речи атамана, прямые, чуждые какой-либо демагогии, не могли произвести быстрого отрезвления, но его мудрые предостережения и предсказания оказали свое действие через несколько месяцев, когда население на собственной шее испытало все прелести большевистской власти. Вера в государственную прозорливость А.И. Дутова окончательно окрепла, и на призыв атамана поднялось все Оренбургское казачество. Со взятием в июне прошлого года Оренбурга А.И. Дутову открылось широкое поле для государственной, административной и общественной деятельности.

Свою работу в крае А.И. Дутов всегда вел рука об руку с общественными кругами. Для осведомления общества, для пресечения всяких злонамеренных слухов им делаются обширные доклады в городской думе и иных местах. К работе привлекаются все общественные организации и отдельные общественные деятели края.

Крупные государственные способности А.И. Дутова не могли пройти не замеченными, и ныне ему предоставлена верховным правителем еще одна широкая работа на благо.

Поездку А.И. Дутова на Дальний Восток нужно рассматривать не только как чисто военное, но и как крупное общественное событие. Повсюду на своем пути А.И. Дутов ведет продолжительные беседы с общественными деятелями, представителями местной власти и общественных организаций, стремясь наилучшим образом воспринять настроение мест и служить живой связью между Дальним Востоком и центром сегодняшнего правительства — Омском. Нужно приветствовать государственную мудрость верховного правителя, сумевшего оценить широкий кругозор и способности А.И. Дутова и использовать их на пользу России, в частности — далеких ее окраин».

«Вчера в 12 ч. дня специальным поездом прибыли из Владивостока походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор русской армии генерал-лейтенант Дутов, в сопровождении своего адъютанта войскового старшины Чеботарева, и атаман Калмыков.

На вокзале для встречи был выставлен почетный караул от войсковых частей местного гарнизона с оркестром музыки 36 Сибирского стрелкового полка и отряда атамана Калмыкова.

В числе встречавших на вокзале были: генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа генерал-майор Ефимов, начальник штаба отряда атамана Калмыкова войск. старшина Смелков, временно исполняющий должность начальника гарнизона полковник Суходольский, представители японского командования генерал-майор Като и капитан Окабе, управляющий Хабаровским уездом, депутация от города во главе с И.Н.Збайковым, и от Биржевого комитета, и многие другие.

Атаман Дутов прибыл с особым поручением от Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, адмирала Колчака, и пробудет здесь 2 — 3 дня.

Вчера атаман Дутов сделал визиты заместителю гор. головы И.Н.Збайкову и управляющему Хабаровским уездом И.Ф.Харченко.

Чрезвычайное заседание городской думы. Сегодня 4 июля в 6 часов. вечера по предложению походного атамана всех казачьих войск генерала Дутова созывается чрезвычайное заседание городской думы. В повестках гласным их просят не опаздывать прибытием на это заседание.

Генерал Дутов стяжал себе и своему родному Оренбургскому войску неувядаемую славу. Он один из деятелей 1917 года уцелел у власти до наших дней, не покидая тяжелого поста, и одно его войско без перерыва, без устали несло борьбу за свободу от большевистского ига.

Ни почести, ни богатства, ни блага мирские влекли генерала Дутова и его войско к борьбе с предателями, а исключительно лишь благо и счастье России.

В своей работе генерал Дутов отбросил все личное, не оттолкнул, а привлек к работе всех лучших людей, опытных в службе и богатых знанием. Все административные должности в Оренбургском войске заняты лицами с высшим образованием, все кадровые офицеры занимают в войске достойное их положение.

Работая, генерал Дутов творил не личное, а широко государственное дело, и вся Россия, как уже освобожденная от большевиков, так и та, которая задыхается в тисках Ленинского гнета, с чувством глубокого уважения и признательности произносит славное имя генерала Дутова.

Призванный ныне волею Верховного правителя объединить все казачьи войска, генерал Дутов объезжает Дальний Восток, горячо приветствуемый всеми. Владивостокская биржа поднесла генералу Дутову больше, чем на миллион рублей, мануфактуры, в знак глубокой признательности Оренбургскому казачьему войску.

Генерал Дутов не искал славы... и получил ее, не искал власти и стал одним из первых лиц в государстве».

К этому же периоду относятся и многочисленные программные речи А.И.Дутова, с которыми он начинает выступать в присутственных местах, при большем стечении народа. Так, например, вкратце передает одно из его выступлений газета «Иманское слово» от 6 июля 1919 года:

«Постараемся дать вкратце и по возможности, точно выражая основную мысль, речь генерала Дутова, обращенную к казакам поселка Графского:

«Ни чины, ни почести, — сказал генерал Дутов, — все влекут меня к борьбе с большевиками. Я исполняю лишь приказание моего родного Оренбургского войска, творю его волю, а воля войска — счастье России.

Мы, казаки, не должны стремиться к власти. Мы лишь младшие братья Великой России и испокон веков борем-

ся в авангарде за наше общее русское дело. Таков исторический наш удел.

В борьбе с большевиками мы не должны сложить оружие. Нам с ними не по пути. Мы это поняли, когда узнали, что большевики вместо обещанных свобод обложили налогом даже иконы, обложили налогом в 15 руб. тех, кто носит нательный крест, в святых храмах устроили кинематографы, отменили воскресенье и празднуют субботу, насилуют наших жен и избивают детей.

Большевики всем сулили богатство и счастье, а получилось лишь то, что русские люди десятками тысяч мрут с голода.

Нет, нам с ними не по пути и мы будем бороться до конца».

Атаман поселка Графского провозгласил атаману Дутову громкое русское «Ура».

Самая большая из программных речей атамана была произнесена 11 июля, в ходе его пребывания на территории Амурского казачьего войска. Учитывая большое ее значение, газета «Амурская правда» нашла нужным напечатать ее дословно:

«В пятницу, 11-го июля с.г., в 6 час. вечера, в общественном собрании состоялось соединенное собрание Амурской областной Земской управы, Благовещенской городской думы и представителей государственных учреждений и общественных организаций гор. Благовещенска, под председательством председателя областной Земской управы Н.Н.Родионова. В 6 час. 20 мин. вечера на эстраду, украшенную скрещенными русским флагом и казачьим знаменем, взошли: атаман А.И.Дутов, председатель собрания Н.Н.Родионов, городской голова Н.З.Перминов, атаман Кузнецов и штабные офицеры казачьего войска. У подножья эстрады выстроился почетный караул из казачьих офицеров. Партер Общественного собрания заняли представители Городской думы, Земской управы, общественных организаций и много публики, занявшей также и балкон первого и второго ярусов. В боковой ложе поместился управляющий областью И.Д.Прищепенко. Открывая заседание, председатель Н.Н.Родионов произнес следующие слова:

«Граждане! Было большое светлое цельное окно. Кто-то невежественный, кто-то страшный, ударил тяжелым

камнем по этому окну, и красивое зеркальное стекло разбилось на множество осколков, осколков мелких, бесформенных и слабых. На месте красивого зеркального окна зазияло огромное, как страшная рана, бесформенное пространство, темное, гадкое и резко кричащее о нанесенном грубом насилии. Долгое время осколки зеркального стекла валялись в пыли. Долгое время над бедными, мелкими, бессильными осколками смеялась та страшная, та грубая сила, которая диким, бессмысленным движением разбросала цельное чистое стекло по необъятному пространству в виде жалких бесполезных обрывков, в виде ненужных кусочков. Долго было так. Нужно было чудо, чтобы снова создать целое из остатков, валяющихся в пыли. И чудо свершилось. Казалось, что осколки, неодушевленные, мертвые осколки ожили, одухотворились и стали сами по себе сближаться, соединяться разорванными краями и спаиваться в нечто целое, нечто новое, сильное и красивое. Сначала ожил, одухотворился один осколок. И властной силой одухотворенности притянул к себе множество других, лежавших поблизости к нему. Притянул, спаялся с ними и начал двигаться туда, где лежали другие, еще не ожившие, не одухотворенные осколки. И чудо продолжалось. Куда близился чудесный осколок, там оживали другие и оживлением своим, заражая других, — спаивались с ними и начинали понемногу заполнять огромное зияющее в окне пространство, давая надежду ему, этому разбитому окну, скоро сделаться по-старому красивым зеркальным окном, каким оно было до тяжелого свирепого удара.

Граждане! Я нарочно употребил эту аллегорию, чтобы ей обрисовать то, что случилось с нашей великой Россией, чтобы картиннее и понятнее нарисовать заслугу осколка, впервые одухотворившегося и одухотворившего другие осколки. Первым осколком, ожившим и оживившим множество других, разбитых, мелких кусочков разбитого зеркального стекла, был наш сегодняшний гость, походный атаман казачьих войск, генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов, и я, предлагая присутствовавшим приветствовать его, сам от имени собравшихся от всей души приветствую его и жму его руку». Н.Н. Родионов пожимает руку генерала, и собрание, поднявшись с мест, шумно приветствует аплодисментами прибывшего гостя. Когда аплодисменты затихают, председатель предостав-

ляет слово генералу А.И. Дутову и последний говорит:

«Я глубоко тронут словами уважаемого председателя. Мне хочется поделиться с вами тем материалом, теми сведениями и воспоминаниями о деятельности моей и моих сподвижников, которые имеются в запасе у меня, приехавшего к вам издалека, впервые.

Я заранее прошу извинить меня, если моя речь не будет плавной или последовательной. Предлагая свои сообщения в целом ряде городов и не имея времени готовиться к речам, я говорю только так, как думал, думаю и переживаю.

В своих словах я постараюсь рассказать вам возможно цельнее и подробнее о той борьбе, которую я начал и веду сейчас с моими сподвижниками — оренбургскими казаками, о том положении, в каком находится сейчас Россия освобожденная и Россия, находящаяся под игом комиссародержавия.

Перед самым захватом власти советами в октябре 1917 года я был в Петрограде. Как я, так и целый ряд других лиц, отлично понимали, что положение Временного правительства, возглавляемого Керенским, далеко не прочно. Я отлично понимал, что народное возбуждение, раздутое ленинскими приспешниками, грозит вылиться в открытую бурю, которая может смести и Керенского, и всех присных его, и разбить, разломить Россию. Тогда же я, в качестве уполномоченного от всего русского казачества, обратился лично к Керенскому и спросил его: хочет ли он порвать с советами, хочет ли он отказаться от заигрывания с нарождающимся движением и опереться на казачество, от имени которого я обещал ему поддержку и опору.

На предложение мое Керенский ответил, что у него и без казаков достаточно много войска, достаточно много сил, чтобы самому справиться с большевистской угрозой. При этом он пересчитал мне много наименований, но я вывел заключение, что теми, на кого может рассчитывать Керенский, является лишь Петергофская школа прапорщиков, да женский батальон. Я указал ему на это и прибавил, что и дворец-то его стоит в первой и непосредственной опасности под угрозой крейсера «Аврора», на котором тогда жил Ленин. Керенский еще раз категорически отклонил мое предложение, и я уехал из Петрограда в Оренбург.

Как вы помните, граждане, первый выстрел был сделан с крейсера «Аврора» в Зимний дворец на расстоянии 100 саженей, и можете представить, что получилось из красавца дворца. Итак, повторяю, я уехал к себе в Оренбург, а 25 октября 1917 года, как вам известно, большевики захватили власть в Петрограде. В этот же день мною была получена телеграмма Ленина, чтобы я признал власть Совета народных комиссаров.

Я послал ответ от имени войска, что эта власть, как власть захватчиков, нами казаками признана быть не может, и что мы будем бороться до последнего!

Оренбургская область имела 647 000 человек населения. В мирное время она выставляла 7 полков и 3 батареи, в военное время — 9 батарей и 18 полков. А в настоящее время выставлено 42 конных полка, 4 пеших полка и 16 батарей. Дали мы, значит, втрое больше, чем в германскую войну. У нас мобилизованы возрасты от 19 до 55 лет. Таким образом, у нас на службу призвано 36 возрастов. Все это сделано потому, что Оренбургское казачье войско доверчиво и чутко относилось к моим словам.

И вот 25 октября 1917г., когда большевики стали на путь захвата, я поднял восстание.

Сам я за все время своей политической деятельности нигде не захватывал власти. Власть мне давалась.

После посылки мною телеграммы Ленину о непризнании советского правительства, я был вызван в Оренбургский совет рабочих и солдатских депутатов для объяснений — почему я послал такую телеграмму.

Я ответил, что действовал по указанию круга. И... совдеп[1], считаясь с реальной силой казаков, назначает меня командующим войсками всего Оренбургского округа.

Городское и земское самоуправления утвердили это назначение, а на этом основании на другой день я арестовал весь совдеп, а власть, по крайней мере — военная, перешла в мои руки.

Город и земство меня поддержали. В то время у меня было 2 конных полка, 2 батареи, юнкера и школа прапорщиков. Но, к сожалению, в г.Оренбурге было еще 32 000 совдепствующих солдат. В одну прекрасную ночь я с казаками обезоружил всю эту компанию, и отправил

---

[1] Имеется в виду Совет депутатов (рабочих, крестьянских, казачьих) — местный исполнительный орган власти.

по домам с отпускными билетами без указания срока возвращения. Таким образом, у меня появилось 15 000 винтовок и пулеметы.

В это время на Дону совершилось большое событие: застрелился атаман Каледин. Он не вынес позора, начинавшегося на родном Дону, когда с одной стороны надо было устраивать после войны мирную жизнь, а с другой стороны начали возникать совдепы. По смерти Каледина казачья армия, собранная им, распалась. У большевиков развязались руки. Остался один мой фронт.

12 тысяч красных было брошено на меня. У нас было 3 тысячи, и мы дрались до тех пор, пока силы большевиков не дошли до 20 тысяч. Тогда нам пришлось отступить и остановиться в 15 верстах от Оренбурга.

Обратившись к казакам, я объявил, по постановлению круга, мобилизацию. В первые сутки ко мне явилось 8 тысяч всадников и на другие сутки 9 тысяч. С этими 17-ю тысячами конницы я бросился в атаку. Несмотря на трудности зимнего похода и на усиление большевистской армии 2-мя матросскими полками, к новому году мы отогнали большевиков на 200 верст от Оренбурга.

К этому времени удалось кое-что получить и собрать из снаряжения. Большевики преградили ко мне доступ со всех сторон, мы были окружены. Я обратился с призывом к населению о денежной поддержке. В результате этого обращения довольствие казачьих частей приняли на себя сами казаки, а горожане дали на военные расходы около 4 миллионов рублей. На эти средства удалось содержать армию и раненых, которых к тому времени было до 1 500 человек. Наши офицеры жалованья не получали, а получали только одежду, квартиру и стол.

В дальнейшем встало ужасное затруднение: борьба затянулась, мы были отрезаны со всех сторон — не было патронов и снарядов. К 5 января 1918 года у нас оставалось по 10 патронов на винтовку и по 2 снаряда на орудие. Тогда мы начали драться штыками. Дрались — и отогнали большевиков на 40 верст. Но они поняли, что у нас нет патронов, и стали бить с 8 — 10 верст артиллерией. Положение стало безвыходным.

Я распустил казаков по домам, а отряд юнкеров и добровольцев с орудиями и пулеметами отправил в Уральскую область. Передав командование отрядом другому, я,

как войсковой атаман, по долгу своему остался на территории войска, и продолжал борьбу один.

Я ездил по станицам, собирал сходы, объясняя казакам необходимость воевать.

В этот период большевики старались насадить по станицам комиссаров. Я объяснял казакам, чтобы они, в крайнем случае, соглашались на комиссара из казаков. Я знал заранее, что большевики на это не согласятся. Таким образом, я объехал около 60 станиц. Большевики преследовать меня не решались, так как считали, что я имею большие силы.

В Верхнеуральске я созвал войсковой круг и доложил ему о страшных затруднениях для продолжения борьбы без единодушной поддержки казаков, просил освободить меня от должности атамана, высказывая опасение, что мое контрреволюционное имя может послужить во вред казачеству. Войско обиделось и приказало мне воевать дальше. Я согласился, но потребовал беспрекословного подчинения мне. Это было мне обещано. Я набрал семь отрядов и начал партизанскую войну. Войну такую, что комиссары не имели ни одной секунды покоя, и я держал так их в страхе около 4-х месяцев. Комиссарам пришлось разъезжать под охраной ста штыков, орудий и пулеметов, если же этот «конвой» оказывался меньше, то комиссарам грозило попадать на телеграфные столбы...

Партизанская война в зимний период закалила казаков и выработала великолепную организацию.

Настала весна. Патроны и снаряды мы все время получали, отнимая их от большевиков. Но, в конце концов, большевики стали осторожными, уклонялись от боев, и доставать все это стало труднее. Я знал, что в городе Тургае есть склад патронов. За 600 верст мы двинулись за патронами. Кроме этого я хотел дать отдых казакам, у которых было сожжено к тому времени несколько станиц. Казаки работали все время безропотно.

По пути в Тургай мой отряд в 240 человек три раза окружался 6 — 8 тысячными отрядами большевиков, которые откуда-то узнали мой план. Но каждый раз мы с боем пробивались дальше.

В Тургае я заболел тифом, врачей не было. Патроны мы достали без боя, одновременно достали 2 500 000 руб. романовских денег, екатерининских новеньких, что явилось большим подспорьем. Еще не совсем оправившись от

болезни, я отдал приказ отряду выступить обратно. На обратном пути без всякого отдыха нам пришлось снова броситься в бой, в котором я принимал участие как рядовой боец.

Вскоре мы узнали, что восстание идет по всему войску полным ходом.

Способ добывания оружия был не совсем обычный. Случалось, являлся ко мне казак и требовал у меня оружие для борьбы с большевиками. Я отвечал ему: я не фабрика и не склад оружия. Иди и бери его у большевиков, — там русское оружие.

Таким путем добывалось оружие для войска.

Кроме того, оренбургские казаки возвращались к себе домой с фронта кружными путями с оружием в руках. Отдельные полки проходили походным порядком 2 500 верст, и, все-таки, приносили с собою оружие, данное им войском.

У нас было свыше 150 боев с большевиками, не считая мелких стычек. Расскажу вам об одном из боев.

Станица Изобильная, куда приехали комиссары, решила их повесить и повесила. На другой день на станицу двинулся карательный отряд в 600 человек при 2 орудиях и 6 пулеметах. В станице было только 30 винтовок, тем не менее, станичники решили драться до последнего. Детей, жен и стариков посадили на телеги и отправили из станицы в степь. Оставшиеся станичники разделились на отряды, и засели в сугробах и за стогами сена, оружие было — топоры, лопаты, вилы и косы. 30 казаков с винтовками укрылись за каменной церковной оградой. Каратели подошли к станице, обстреляли ее и вошли. На церковной площади они устроили митинг. Из 30 винтовок станичники открыли по ним огонь, навели панику среди большевиков, а в это время подоспели станичники с топорами и вилами. Из 600 карателей никто не ушел, а мы добыли 600 винтовок, 2 орудия и 6 пулеметов.

Через три дня большевики решили отомстить станичникам и отправили к Изобильной 2 полка, 12 пулеметов и 6 орудий. Казаки бросились в атаку, и нам досталось еще 6 орудий, 12 пулеметов и 1500 винтовок.

Были нападения на поезда, подвозившие большевикам оружие.

Под руководством ныне моего личного адъютанта войскового старшины Чеботарева 4 казачьих полка атако-

вали поезд на ходу, ворвались в вагоны и захватили оружие из 10-ти вагонов состава. Это является единственным в мире случаем атаки конницей находящегося в движении поезда.

Есаул Мишуков, ординарец Дутова

Восстание оренбургских казаков[1] совпало приблизительно с чехословацким выступлением. Когда была установлена связь с ними, война с большевиками приняла планомерный характер, в государственном масштабе.

Таким образом, образовался единый фронт борьбы с большевиками. Оренбургское казачье войско, зная о недостатке конницы в армии, решило дать ей свои полки. В настоящее время оренбургские казаки дерутся в северной, западной и южной армиях, а также в Семиречье.

Лично я занимал в Оренбурге несколько ответственных должностей, совмещая в себе военную и гражданскую власть. У меня было полдня военного и полдня гражданского: приходилось работать с 7 часов утра до 2 часов ночи.

Моя бывшая армия состояла из 2 казачьих корпусов и 1 корпуса пехотного, главным образом из крестьян тех местностей, которые были освобождены казаками от большевиков.

Почему крестьянство шло за мной, это должно быть понятно: я всегда и везде открыто говорил, что Россию нужно спасать собственными руками. Даже и теперь, когда мне задают вопрос или при мне сетуют: «Почему-де союзники не помогают нам?», я спрашиваю: «А почему вы не шли помогать Франции, например, когда ей было тяжело?» «Да далеко ведь» — отвечали мне. «Ну, так и им

[1] Имеются в виду события марта-апреля 1918 года.

до нас тоже далеко» — отвечаю я. Нельзя, в то время, когда горит наш дом, сидеть сложа руки, и не ждать помощи со стороны, и, если эта помощь придет, то аплодировать ей, а самим смотреть и улыбаться, а если помощь окажется медленной, то нервничать и негодовать.

Далее меня спрашивали: почему вы деретесь, когда вся Россия против вас?

Я отвечал: не верю, чтобы 180-ти миллионный народ шел против нас, не верю, чтобы он сам задушил себя, верю, что народ проснется, взглянет на действительность, и, ужаснувшись своего безумия, совершит чудеса.

Разговаривая с крестьянами, я указывал на 1613 год, когда взрыв народного патриотизма освободил Москву, а также на такой же пример 1812 года, когда разорение страны послужило к укреплению ее мощи, величию и славы. Полагаю, что и в 1919 году повторится то же самое. Я верю в русский народ, в его дух — если бы этой веры у нас не было, то тогда незачем было бы жить...

Оренбургские казаки не могли рассчитывать на помощь союзников, так как ближайшая граница находилась от Оренбурга на расстоянии 2 500 верст, а потому боролись своими силами. У нас есть сведения, что есть отряды Деникина, Семенова, Калмыкова и др. и эти сведения, долетая до нас, указывали, что мы не одни, что наше дело не пропащее.

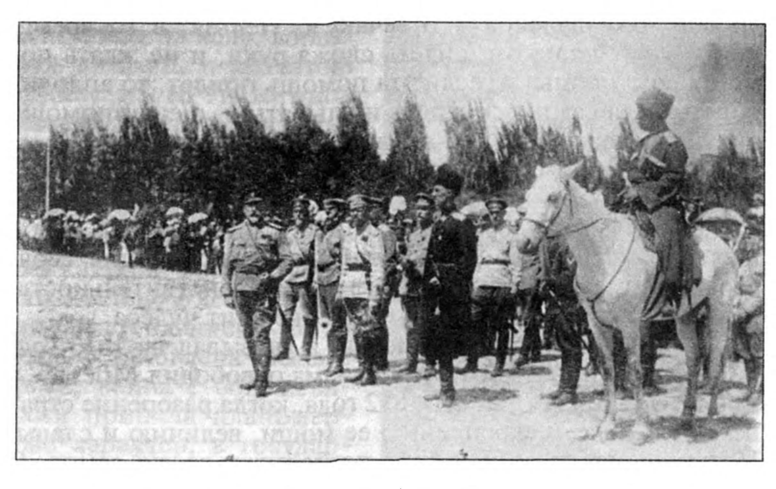
Теперь душа радуется, видя возродившуюся русскую армию.

Все работники, на долю которых выпала, так сказать, черная работа по организации первых ячеек армии, были горячие головы, люди молодые, а потому делали немало ошибок.

Я прошу граждан помнить, что не ошибается тот, кто ничего не делает. За эти ошибки не надо судить слишком строго.

Я был простым рядовым офицером, но пришлось сделаться и министром финансов, и министром внутренних дел. Были ошибки. Но за них надо судить потом, а не сейчас.

Я должен сказать, что проехал за эти два месяца почти всю освобожденную Россию... Работа кипит везде. Русские военные силы растут не по дням, а по часам. Я могу с глубоким чувством удовлетворения заявить, что русская армия возродилась!

Генералы Деникин и Врангель в Царицыне

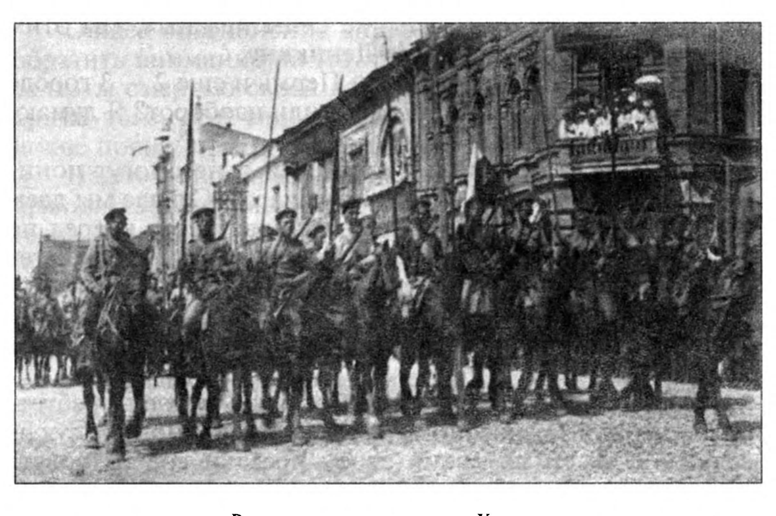
А.В.Колчак, верховный правитель и верховный главнокомандующий, работает непокладая рук. Звание верховного главнокомандующего адмирал, но его Колчак носит временно, насколько временно — это вы узнаете позднее, но за короткий срок создано многое.

Может быть, существуют ошибки. Но сейчас, повторяю, не время судить за них. Всякий русский гражданин должен беречь этот драгоценный хрустальный сосуд — Всероссийскую власть, возглавляемую Колчаком.

На фронте это поняли. С чувством глубокого уважения к русскому патриотизму я должен сказать, что ныне на фронте имеются больше 200 000 солдат из населения освобожденных от большевиков местностей.

Казаки, отдавая армии все, что могут, прекрасно сознают, что являются лишь маленькой частью русского народа, а потому никогда не стремились к власти. Мне предлагали неоднократно большую власть, но я не хотел принимать ее, опасаясь, что вручение мне власти может быть понято, как стремление казаков захватить в свои руки власть. Я не знаю, на что нужно больше мужества: принять ли власть, или отказаться от нее вовремя.

Когда я первый признал власть Колчака, у меня было 42 полка.

Вступление кавалерии в Харьков

Я счастлив, что главнокомандующий армиями Юга России генерал Деникин признал адмирала Колчака.

Теперь в освобожденной от большевиков России нет такого уголка, где эта власть не была признана.

Есть колеблющиеся умы, говорящие, что правительство не признано пока союзниками. Но не беспокойтесь — придет день, когда русский народ везде заставит признать эту власть.

Мы дойдем до Москвы, и под ее священным стягом восстановим порядок в России и русский народ будет вновь крепок своей армией!

Обыватель часто говорит, что вот отдали большевикам тот или другой пункт. Не надо забывать, что мы боремся на колоссальном фронте. Вокруг советской России сейчас сплошное кольцо наших армий. У большевиков все заводы и большая сеть железных дорог, благодаря которым им легко маневрировать. У нас этого нет, зато есть твердый дух и вера.

Сейчас большевики бросили все силы на Уральский фронт, но в это время армия ген. Деникина взяла Камышин, Царицын и Харьков и приближается к Воронежу!

У меня сейчас есть ночная телеграмма, говорящая о взятии Пензы, угрозе Курску, опоясывании Киева и о том, что Волга от Астрахани до Камышина очищена от большевиков.

Отвлекая на себя большие силы красных, мы этим даем возможность двигаться Деникину.

Что же лучше, удержать ли Пермь и еще 2 — 3 города и не брать Москвы и Петрограда или наоборот? Я думаю, что последнее лучше.

Обыватели не учились стратегии и не смогут понимать тех или иных стратегических шагов. Сейчас мы даем Юденичу и Деникину возможность двигаться вперед по направлению к Москве. Никакие временные потери тех или иных пунктов на нашем фронте не могут изменить общего хода борьбы за освобождение России. Например, если бы была отдана Пермь, — разве это изменит общее положение.

В настоящий момент от всех русских граждан требуется поддержка Всероссийской власти. Я лично пользуюсь всяким случаем во время своей поездки содействовать укреплению Всероссийской центральной власти и разъяснять гражданам истинное положение на фронте.

Прифронтовая полоса — области Уральская и Оренбургская и Пермская губерния — великая страдалица земли русской. Мы разорены. В Оренбургском войске детишки ходят буквально голые. Мануфактуры, чая, сахара, не получаем, мы не можем позволить себе этой роскоши. Между прочим, мануфактуру дают по 6 вершков на человека, — количество, из которого не сделаешь даже купального костюма.

Заканчивая свою речь, я прошу вас граждане верить, что о здешнем большевизме волноваться вам нечего, сил у вас много. Борьба теперь пойдет лучше, и, Бог даст, скоро все наладится; надо сказать, что при моей поездке по Дальнему Востоку я с большим недоумением увидел, что здесь совсем нет организованности, нет дружественности, я вижу отсутствие работы — общественной, большой работы, которая теперь кипит во всех уголках советской России. Но, думаю, что эта работа наладится.

Я прошу вас, граждане, поддержать нашу Всероссийскую власть, отдать все лишнее в армию, чтобы в будущем никто не мог упрекнуть вас, живущих в глубоком тылу. У нас на фронте лучшие сыны Родины жертвуют своими жизнями: крестьяне, офицеры, добровольцы и рабочие сражаются с большевиками. Два рабочих дивизиона, исключительно из рабочих, дерутся выше похвал.

Общее объединение на фронте должно заставить вас обратить внимание на тот край земли русской, где наши солдаты смертью своей доказывают любовь к Родине, и, кроме того, при вашем сравнительном благополучии и покое прошу помнить о бедствующих».

На этом атаман закончил свою речь. Председатель собрания Н.Н. Родионов предложил собранию поблагодарить генерал-лейтенанта А.И. Дутова за сообщение и, пожав, под шумные аплодисменты присутствовавших, руку атамана, объявил заседание закрытым. А.И.Дутов в сопровождении офицерства покинул зал Общественного собрания».

Начавшись с пропагандистских заявлений, постепенно акценты в выступлениях атамана Дутова смещаются в сторону политики, о чем свидетельствует статья в газете «Приамурская жизнь» от 18 июля 1919 года. Корреспондент, в частности, пишет:

«Случай дал мне возможность побеседовать с А.И.Д. во время его путешествия. Высказанные им в беседе мысли не соответствуют во многом тому мнению, которое составилось об А.И.Д. у народа, а потому я считал бы, что для широких масс было бы весьма интересным узнать вкратце то, что было мне высказано атаманом.

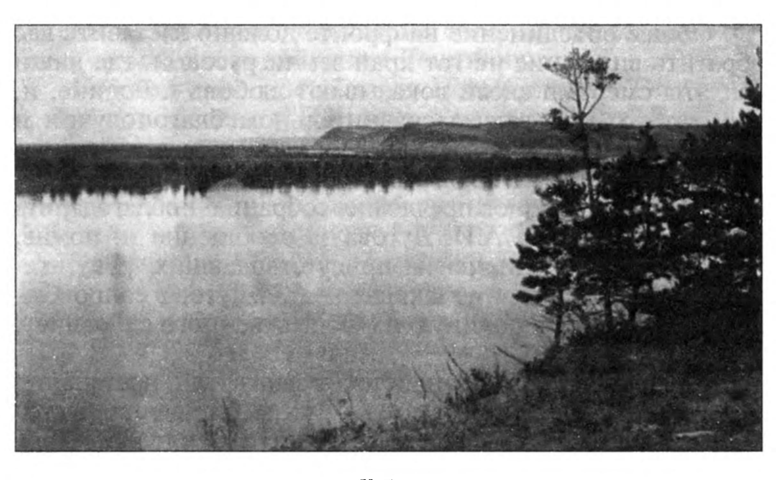
Чтобы вести с успехом военную операцию, говорил А.И.Дутов, нужно прежде всего выработать верную идею этой операции. Если впоследствии выяснится, что основная идея была неверна, то менять стратегический план без больших потрясений уже нельзя.

То же самое и в политике. Нужны верные основы.

Франция, например. Во время революции выдвинула основной лозунг: «Да здравствует нация» и здоровое национальное чувство вывело ее на широкий путь государственного строительства.

Основой нашей революции был клич «Земля и воля». К сожалению, красивые слова были поняты темным русским народом только со «шкурной» точки зрения. «Земля» было понято как захват чужой собственности, а «воля» — как произвол, как право делать то, что нравится, не считаясь с правом своего соседа. И... красивые слова послужили лишь к гибели государства.

Правительство, которое хочет создать вновь великую Россию и дать счастье всему народу, должно ясно наметить себе исходные точки своей политики.

Кубань

Сознавать ошибочными многие шаги первых деятелей революции, не следует. Однако, отрешаться от всех, так называемых, «завоеваний революции».

К прошлому не может быть возврата.

В основе управления должно, безусловно, быть заложено чистое демократическое начало. Не следует бояться этого слова. Управляя, надо всегда помнить, что народ дает право на власть, и что власть существует для народа, а не народ для власти. Власть должна быть прозорлива, тонко и чутко ловить настроение и уметь уберечь народ от всех подводных камней. Это возможно лишь при помощи учреждения с народным представительством, почему созыв Учредительного (или, точнее, как теперь его называют, национального) собрания, должно быть первой задачей Временного правительства[1]. Другая основа, которая должна быть заложена в управлении государством — это предоставление широкой работы местным самоуправлениям. Организация власти должна идти с мест к центру, а не наоборот. Это особенно верно теперь, когда Россия разбита и раздроблена на массу отдельных частей, спаять которые только одними приказами из центра невозможно.

---

[1] Временное правительство создано 2 марта 1917 года, вслед за отречением от престола императора Николая II (Романова).

Чтобы отдельные районы и области могли существовать, нужно предоставить им в мудрых границах полную возможность проявлять инициативу. Снисходительно-покровительственное и одновременно с этим невнимательное отношение центра к окраинам должно быть раз навсегда оставлено. Окраины доказали теперь, что они носят в себе крепче, чем центр, чистое национальное начало. Не центр начал выручать русский народ от ига большевизма, а окраины, ранее забытые центром, идут выручать его и насаждать порядок. (Это должно быть учтено правительством, и не может быть дано никаких преимуществ центру, только благодаря его близости к власти).

Главная точка опоры России — земельный вопрос. Последнее время под земельным вопросом стали понимать только вопрос о разделе земли, забывая, что кроме владения землей, нужны средства для ее обработки и умение извлекать из земли наибольшую для себя и государства пользу. Взаимоотношения захватчиков земли и ее прежних владельцев должны быть, разумеется, урегулированы специальными законами, которые будут и могут быть изданы только Всероссийским национальным собранием. Право на землю для желающего трудиться и работать на земле должно быть священно. Но захват земли в излишке, как это имело место в эти годы, без возможности обработки ее собственным трудом, должен быть строго преследуем законом. Потому, что это значило бы отнять землю у одних — помещиков, чтобы дать возможность другим счастливым новым владельцам — крестьянам опять угнетать тех крестьян и батраков, которые оказались обделенными землей. Дав народу землю, надо ему дать и возможность ею разумно пользоваться. Нужны земледельческие машины, нужны сельскохозяйственные школы, нужна помощь по сбыту хлеба и регулировки цен на хлеб, нужны правительственные ссыпные пункты и т.д.

Еще одна из твердых основ всякого государства — это религия, семья и школа. Последние десятки лет было сделано многое, к сожалению, чтобы убить в народе религиозное чувство. Не стоит, конечно, говорить о большевиках, которые православную русскую веру отдали на посмеяние; уничтожили браки, чтобы развалить всякое для человека понятие «семьи».

О школе говорить нечего; вопрос о развитии школьного дела слишком ясен для каждого и особенно в последнее время крестьянством.

Много и много говорилось А.И. Дутовым потом. Видимо, много и широко думал он над вопросами нашей печальной действительности...

И достаточно приведенных мною простых и ясно высказанных мыслей, чтобы заставить глубоко, глубоко задуматься...

Вот атаман Дутов, гроза и бич большевиков, выставляемый ими перед народом, как самый ярый «контрреволюционер», как заклятый враг народа... Разве краткая, высказанная А.И.Д. в частной беседе «декларация» не была бы приветствуема тем же народом, если бы он знал... Но между народом и его истинными друзьями чьей-то преступной рукой вырыта пропасть...

Дай бог, чтобы через эту пропасть удалось скорее перекинуть прочный мост».

Итоги сибирского вояжа атамана Дутова были подведены в очередной статье омской газеты «Русь», увидевшей свет в конце июля 1919 года. В ней он, в частности, отметил:

«Вы просите поделиться вывезенными мною из поездки впечатлениями... Не буду говорить о тех впечатлениях, которые произвели на меня Дальневосточные казачьи войска. Впечатление, как и следовало ожидать, самое отличное. Везде идет большая организационная работа. Везде казачество готово нести на алтарь возрождающейся родины все, что имеет. Словом, в Дальневосточных войсках происходит приблизительно то же, что вы имели возможность наблюдать здесь, в Омске, на кругу Сибирского казачьего войска.

Я хотел бы сказать несколько слов об атамане Калмыкове. Обидно, что против этого атамана ведутся интриги и его имя муссируется. Мое личное впечатление — Калмыков человек очень достойный, честный русский патриот и хороший русский офицер.

Для того, чтобы не быть голословным, я прочитаю Вам два наиболее характерных приказа Калмыкова.

Генерал прочитал приказы, в которых проходит красной нитью призыв к казачеству быть носителями права и справедливости. Атаман Калмыков чрезвычайно скромен в своей личной жизни, — продолжает генерал. — Он живет в одной комнате со своими ординарцами. У него нет личных средств... Он не вмешивается в городские и земс-

кие дела. И вся его энергия направлена на борьбу с большевиками. Его отряд прекрасен по дисциплине и боевой подготовке. Атаман до сих пор не признан нашим правительством и это, конечно, не может не отразиться на жизни края.

Вы спрашиваете, какое впечатление произвел на меня атаман Семенов.

Должен сказать, что это впечатление очень сложное, и я еще не успел во многом разобраться. Войска атамана Семенова производят прекрасное впечатление. Обращает на себя внимание и то, что железная дорога в полосе заведования атамана Семенова работает, пожалуй, лучше, чем где-либо, по всей линии между Омском и Владивостоком. Этого атаман достиг тем, что проявил должную заботливость к нуждам железнодорожных рабочих, которые получают натурой все продовольствие.

Вы интересуетесь той международной ситуацией, которая создалась в данный момент на Дальнем Востоке. Начнем с японцев. Должен сказать, что в настоящее время в отношении русского населения на Дальнем Востоке к японцам происходит перелом. Ни для кого не секрет, что еще год назад русское население относилось к японцам очень сдержанно, если не сказать более. И теперь, насколько я могу судить из разговоров с различными представителями всех слоев населения и обзора дальневосточной прессы, между русским населением и японцами начинают устанавливаться самые дружественные отношения. Причину перелома, по-моему, нужно искать в той реальной помощи, которая оказывается Японией России. Огромное влияние, которое имеет и та беззаветная храбрость, которую проявляют японские войска в борьбе с большевиками. Конечно, Япония оказывает помощь России не из-за прекрасных глаз. По общему убеждению, Япония хочет на случай войны с Америкой, иметь у себя в тылу верного друга и мощную базу для снабжения.

Американцы. Если в отношении русского общества к японцам приходится говорить о переломе, то о таком же переломе приходится говорить, по-видимому, в отношении американцев к России, которые постепенно переходят от благих пожеланий к более реальным — к поддержке.

Китайцы... Мое личное впечатление от китайцев сводится к следующему. Китайцы чрезвычайно безразлично

относятся к внутренним делам России, а в частности, к большевизму. Во всем они преследуют только свои личные интересы. Об этом говорит, по-моему, между прочим, то, что в свое время они давали приют русским, спасавшимся от большевиков. В настоящее же время на их территории находят приют большевики. Известно, что в настоящее время Китай усиленно занимается формированием армии по европейскому образцу. По слухам, численность этой армии в настоящий момент доведена уже до 1 500 000 человек. Несомненно, Китай к чему-то готовится.

Монголия. Уже давно Монголия тяготеет в сторону России, говорит далее атаман. Монгольский народ остался верным своей старой дружбе. И именно эта симпатия легла в основу отношений к атаману Семенову, который в настоящее время формирует из монголов Дикую дивизию.

Вы спрашиваете, как я смотрю на текущий момент. Я считаю, что в нем нет ничего катастрофического.

Положение, конечно, очень серьезное, но не безвыходное. Большевики, продвигаясь в глубь Сибири, все более и более отрываются от своих баз. Не нужно забывать, что за ними остаются разрушенные пути, сожженные мосты. И мы видим, что в данный момент уже испытывают острый недостаток в снаряжении...

Вы спрашиваете о чехах. Наша казацкая дружба с чехами — давнишняя дружба. Лично у меня среди чехов много друзей. Между прочим, я встретился на ст. Маньчжурия с генералом Гайдой[1]. Мы с ним беседовали несколько часов... Год тому назад чехи выступили за дело возрождения Родины...

Теперь, когда наступил период развала, у каждого из чешских солдат невольно возникла мысль, как спасти народ, который сам не хочет двинуть пальцем для собственного спасения. Теперь же в их отношении происходит перелом. И первый толчок в этом переломе дало, несомненно, выступление казаков.

И я убежден, что чехи выступят, если увидят, что мы, русские, не дурака валяем, а делаем настоящее дело, — энергично закончил атаман».

---

[1] Гайда Радол, он же — Рудольф Гейдль (1892—1948) — один из организаторов мятежа чехословацкого корпуса, с января 1919 года — генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией Колчака.

Ярко иллюстрируют экономическую, политическую и военную обстановку на Дальнем Востоке две записки, обработанные А.А.Будбергом, в которых нашли отражение многие проблемы, в том числе — поднимаемые Дутовым в открытой печати. К сожалению, не известно, из скольких частей они состояли. В распоряжении у автора имелись только публикуемые ниже материалы.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

За время поездки генерал-лейтенанта Дутова по Дальнему Востоку им замечено:

1) По финансово-экономическим вопросам.

а) Спекуляция на вкладах «Зеленых»[1].

Все коммерческие сделки, заключаемые через банки, производятся исключительно на зеленые деньги. Гонконг-Шанхайский банк, а с ним и все остальные, установили классификацию качества зеленых денег, поэтому всякую сделку введено в обычай утверждать в Гонконг-Шанхайском банке, который выдает гарантию, что проданная партия зеленых будет им принята. Чтобы совершить коммерческую сделку, нужно приобрести взамен краткосрочных обязательств Государственного казначейства — зеленые деньги. Маклеры, продающие зеленые деньги, выдают такого рода письма: мы продали такую-то партию зеленых денег с вкладом в столько то %, причем прием этих денег гарантируется Гонконг-Шанхайским банком. «Зеленых» денег в наличности мало, и операции проводятся путем выдачи чеков на тот же Гонконг-Шанхайский банк, который тоже не имеет того громадного количества знаков, на которое ему может быть предъявлено чеков.

Постановление Министра финансов, изданное в апреле месяце с.г., воспрещающее принятие банками керенских или романовских денег на особые текущие счета, банками нарушается явно, или в скрытом виде.

б) Импорт и экспорт.

Курс валюты, конечно, в большой мере зависит от усиления вывоза и сокращения ввоза. Если по условиям транспорта в настоящее время не представляется возмож-

---

[1] Имеются в виду кредитные билеты зеленого цвета, выпущенные в обращение Гонконг-Шанхайским банком.

ным вывоз сырья, а по условиям общей разрухи развитие той области промышленности, которая это сырье вырабатывает, то следовало бы обратить внимание, что во Владивостокском порту в складах имеются товары, накопившиеся для европейской России и которые частично не представляют ценности для Сибири. Эти товары должны быть экспортированы, а взамен их — приобретены другие, настоятельно нужные в настоящий момент. Эта мера произведет одновременно и разгрузку Владивостокского порта, на загруженность которого сильно жалуются. Недостаточность коммерческого фронта Владивостокского порта указывалась крупными авторитетами еще при царском правительстве, теперь же имеет особо важное значение.

Чтобы уменьшить ввоз, требуются, казалось бы, специальные меры, вплоть до закрытия границ для импорта, за исключением предметов самой первой необходимости. Ввоз предметов роскоши должен быть строжайше воспрещен.

Для облегчения работы порта должны быть приняты меры к облегчению таможенного осмотра. Задержка в этой области в настоящий момент весьма значительна.

в) Отсутствие мелких денежных знаков.

На всем Дальнем Востоке замечается большой недостаток таких денежных знаков. Вследствие чего по сей день в ходу денежные знаки советской власти. Во многих городах вместо денег идут гербовые марки; затем выпущены самого различного вида боны. Таковые выпускаются некоторыми городскими самоуправлениями, крупными торговыми фирмами, ресторанами и пр. Выпуск бонов без особого контроля, а следовательно — и без надлежащего обеспечения, может вызвать значительные злоупотребления, от которых пострадает в первую очередь неимущее население края. Кроме указанного, отсутствие мелких денежных знаков влечет за собой увеличение дороговизны, ввиду стремления торговца округлять цены на товары для удобства в расчете.

Отсутствие мелких денежных знаков не представляет собой крупного финансового значения, восстанавливая против правительства беднейшее и среднее население.

Под мелкой монетой следует разуметь: денежные знаки от 50 коп. до десятирублевого значения.

г) Охрана промышленных предприятий.

К наиболее крупным естественным богатствам Даль-

него Востока следует отнести: золото, уголь, лес и рыбные богатства. Все промышленные предприятия по разработке указанных богатств в настоящее время почти прекратили свое существование. Так, например, ликвидировало свое предприятие Золотопромышленная компания (Зейский район); Амурский золотопромышленный район прекратил заготовки к операциям предстоящего сезона; из 38-ми лесопильных заводов, имевшихся в крае, в настоящее время функционируют только четыре. Одной из главнейших причин упадка промышленности называют необеспеченность предприятий от большевистских нападений. Уездная и заводская милиция бессильны бороться с большевиками своими средствами. Чтобы дать заводам возможность работать, нужно организовать надежную охрану воинскими частями. Изверившись в помощи русского правительства, некоторые предприниматели обращаются к японским войскам. По той же причине некоторые русские промышленники ведут переговоры об образовании с японцами компаний, надеясь, что в этом случае их предприятия будут надежнее охраняться.

д) Финансовая политика Китайско-Восточной дороги[1].

Общество Китайско-Восточной дороги находится в тесном финансовом единении с Русско-Азиатским банком. В свое время дорога выпустила совместно с банком боны, известные под названием «хорватских»[2]. Ввиду того, что деньги эти были выпущены с большой гарантией, а также и потому, что имели чрезвычайно внушительный вид (для простых китайцев это имеет большое значение — они только за внешний вид денег называют Хорвата «Шибко большой царь»), они пользуются большим доверием, а потому в настоящий момент на рынке их не имеется. Причина: Русско-Азиатский банк постарался их собрать назад, а население прячет их, как в прежнее время романовские. Теперь Китайско-Восточная железная дорога платит только денежными знаками (краткосрочными обязательствами Государственной Казны), между тем Русско-Азиатский банк, как и все банки, работающие на Даль-

[1] Имеется в виду КВЖД.

[2] Имеются в виду боны, выпущенные генерал-лейтенантом Дмитрием Леонидовичем Хорватом (1858—1937), верховным уполномоченным администрации Колчака. До гражданской войны Хорват был управляющим на железной дороге.

нем Востоке, старается сосредотачивать у себя только зеленые и романовские, ввиду существующего крупного лажа на означенные деньги. Банк, принимая более дорогие и расплачиваясь через Китайско-Восточную дорогу менее ценными, наживает, главным образом, за счет служащих и рабочих громадные деньги.

На Китайско-Восточной железной дороге правительственные деньги совершенно не ходят, так что проезжающие пассажиры не имеют возможности приобрести себе необходимой пищи, служащие же и рабочие поставлены в безвыходное положение. Это обстоятельство сильно подрывает престиж правительства.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

За время поездки генерал-лейтенанта Дутова по Дальнему Востоку им замечено:

2) По железнодорожным вопросам.

а) Во Владивостокском порту имеется большое количество рельсов и иных железнодорожных материалов, которые с пользой могли быть применены на дорогах Западной Сибири. Равно могли бы быть использованы старые рельсы, оставшиеся уложенными на некоторых участках первоначального пути Сибирской ж.д.

б) Забастовка на Китайско-Восточной железной дороге носила чисто экономический характер на почве уплаты жалованья деньгами Временного правительства, которые на Китайско-Восточной железной дороге не ходят.

в) Рабочий вопрос на железных дорогах мог бы быть значительно улучшен продовольственным делом. На дорогах, где продовольственное дело поставлено хорошо, недоразумений не бывает. Пример — Забайкальская железная дорога.

г) Состояние дороги: Забайкальская — хорошее, Китайско-Восточная — плохое, Уссурийская — неудовлетворительное, Амурская — совершенно не работает.

д) Охрана дорог: Забайкальская — хорошая, Китайско-Восточная — плохая, Уссурийская — в пределах Уссурийского казачьего войска — хорошая, Амурская — охраны почти нет.

е) На Уссурийской железной дороге следует обратить внимание на ремонт паровозов и правильность работы Сучанской угольной ветки, которая недавно еще была в руках большевиков.

ж) Для характеристики работы Уссурийской и Китайско-Восточной железной дороги можно указать на нижеследующий факт: при проезде походного атамана на стан. Иман стоял поезд, груженый понтонами, отправляемыми на фронт. Тот же поезд на обратном пути стоял на станции Хандяохедзы. Таким образом, за месяц с лишком поезд продвинулся лишь на 560 верст.

з) В экспрессах почти не замечается официальных и деловых лиц, едут преимущественно лица коммерческо-спекулятивного мира, попадаются постоянные пассажиры экспресса. Поэтому, казалось бы, что экспрессы могли бы быть отменены и заменены срочными маршрутными поездами для доставки всего необходимого для фронта.

и) На протяжении от ст. Новониколаевск до ст. Барабинск (280 верст), стоят почти сплошной лентой, один за одним, эвакуируемые поезда. Станция Новониколаевск совсем загружена. Можно предполагать, что образовавшаяся пробка может повлечь за собой большие осложнения в движении.

Ставке следовало бы потребовать ежедневного донесения о продвижении означенных поездов.

3) По продовольственному вопросу.

а) Во главе продовольственного дела стоят во многих случаях лица, не знакомые с этим делом.

б) Неуспех продовольственного дела они пытаются исправить путем набора большого количества служащих, которые, в свою очередь, также неопытны. В результате — большое количество служащих, а дело не делается. Многие служащие рассматривают свою службу по продовольствию, как на побочный заработок к постоянной службе и занимают, таким образом, одновременно два места.

в) Работы продовольственных организаций на местах не видно. Так, например, Приамурский край снабжается хлебом из Японии, тогда как мог бы снабжаться из Сибири. Расстройства транспорта не могло бы иметь в этом случае места, так как в обратном направлении, от Омска, безусловно, могли бы быть даны поезда.

г) Вместо того, чтобы регулировать запасы, а вместе с тем — и цены на предметы первой необходимости, продовольственные организации конкурируют с торгово-промышленниками, и, не зная в достаточной степени условий рынка, увеличивают цены на продукты из желания монополизировать дело.

д) Продовольственные организации могли бы быть полезны как орган распределительный и субсидирующий операции некоторых солидных и добросовестных фирм. В этом случае продовольственный орган состоял бы из незначительного штата служащих, и одновременно с этим предоставлена была бы возможность и местным людям проявить большую деятельность.

4) По вопросу международных отношений.

А) О японцах.

Начиная от Верхнеудинска, японцы имеют всюду свои гарнизоны. В некоторых городах эти гарнизоны весьма значительны.

Внешний вид японских солдат великолепный, образ жизни скромный, обращение с русским населением вежливое и предупредительное.

В настоящее время в Приамурском крае японские войсковые части стоят во многих деревнях и селах, защищая жителей от набега большевистских и грабительских банд. Сначала крестьяне относились к японцам недоброжелательно, но затем, когда увидели их реальную помощь, нередко с потерями убитыми, то отношение к ним переменилось и теперь прекрасное. Об отношении к японцам городского населения говорить не приходится. Зажиточное население открыто заявляет, что покинет город немедленно, как только японцы выведут свои войска. Интеллигенция и средний класс также видят в японцах только своих друзей.

Рабочий класс определенно не высказывается, так как вообще держится обособленной политики, выжидая, что будет дальше.

Военные относятся к японцам восторженно, и это отношение вполне понятно. Атаманы Семенов и Калмыков почти единственные, располагающие реальной военной силой, начали формировать свои отряды. Японцы предоставили Семенову и Калмыкову все снаряжение и деньги. В настоящее время как другие державы ограничились и ограничиваются разговорами о помощи, японцы помимо материальной помощи, дают на Дальнем Востоке и значительную военную силу. Японцы первые увидели в большевизме величайшее государственное зло, и не строят себе иллюзий, что война с большевизмом есть борьба двух политических партий.

Пока не видно, чтобы Япония делала слишком больших завоеваний нашего рынка. Рынок в смысле мелкой торговли, вернее спекуляции, захватили китайцы. Торговопромышленники считают, что японцы имеют намерения впоследствии использовать разработку золота и каменного угля. Также, конечно, известно всем, что японцы всегда имели виды на наши рыбные промыслы. Охрана Приамурской области может быть рассматриваема как желание японцев защитить от разорения то, во что вложены уже годами японские деньги и японский труд.

Наиболее вероятным объяснением дружеского отношения японцев следует считать желание их в лице России иметь, во-первых, надежного соседа, и, во-вторых, базу по снабжению армии на случай войны с Америкой.

Б) Об американцах.

Американцы держат свои военные части по железной дороге. Они охраняют Забайкальскую дорогу от ст. Мысовая до ст. Верхнеудинск и частично Уссурийскую ж.д. Между прочим, в их ведении находится Сучанская угольная ветка, недавно еще находившаяся в руках большевиков.

Американские войска производят очень неблагоприятное впечатление; солдаты имеют весьма разнузданный вид. Среди солдат много говорящих по-русски — это дезертиры, принявшие американское подданство и приехавшие наводить порядок. Они являются переводчиками для остальных и освещают своим согражданам все события в том именно свете, котором им нужно, так что американцы, не зная русского языка, не могут вынести своего собственного мнения обо всем происходящем в России. Вследствие этого они до сих пор смотрят на большевизм, как на идейное учение, а потому отношение их к большевикам в основе не верно. Так, например, они вступают с большевиками в переписку (прилагается выкопировка[1] из газеты «Свет»), принимают и посылают от себя депутации для переговоров. Из таковых известны переговоры американцев с большевиками о том, чтобы они не разрушали железной дороги, каковые переговоры кончились захватом большевиками всей Сучанской ветки. Словом, американцы производят на внутреннем фронте уже знакомые давно при Керенском опыты мирного соглашательства.

---

[1] Упоминаемые в записках копии газетных статей, к сожалению, не сохранились.

По отношению населения американцы ведут себя весьма вызывающе. Солдаты, получая очень большое жалование, пьянствуют, развратничают и дебоширят. К стыду русских женщин надо отметить, что некоторые из них, прельщенные американским золотом, бросают свои семьи ради них. Для характеристики поведения американцев прилагается выкопировка из газеты «Свет».

Все проведенные указания в связи с незаметными успехами американцев на «охраняемых» ими участках дороги, вызывают к американцам со стороны населения озлобленное отношение, особенно усиленное еще и тем, что среди упомянутых выше дезертиров имеется большое количество русских евреев, к которым вообще и прежде наблюдалось враждебное отношение.

В отношении экономической политики работы американцев пока не наблюдается.

В) О китайцах.

Отношение китайцев с большевиками определенно выяснить трудно. Известно, что они охотно давали и дают теперь приют скрывающимся большевикам. Но то же самое они делали и по отношению тех из русских граждан, которые в свое время пытались скрываться от большевиков. Вернее, что китайцы относятся безразлично к политике, а преследуют только узко коммерческие цели. Политики со стороны Китайского правительства по отношению большевиков совсем нет.

Что касается до международных отношений, то наблюдается стремление китайцев к усиленному формированию армии. По отношению кого они считают необходимым армию формировать, точно сказать нельзя, но можно предполагать, что они в этом случае имеют в виду главным образом Японию. Отношение китайцев к японцам враждебное. Заставляет обратить на себя внимание китайское пароходное общество «Утун». История образования этого общества вкратце такова:

В начале сего года (может быть в конце прошлого) стали заметны перепродажи русскими судовладельцами своих судов китайским коммерсантам. На первый взгляд могло казаться, что означенное явление носит чисто коммерческий характер. Все проданные русскими суда впоследствии оказались под флагом «Утун». Во главе этого коммерческого предприятия встали крупные китайские сановники и председатель Совета министров. Далее некото-

рые из судов «Утун» стали вооружаться и производить различные насилия, для характеристики которых приводится выкопировка из газеты «Приамурье».

На действия «Утун», вследствие изложенного, должно быть обращено особое внимание.

В смысле торговли китайцы поголовно в настоящее время спекулянты и в большой мере являются виновниками колебания и падения нашего рубля. Не говоря уже о производимой ими спекуляции товарами, следует указать на распространенную в широком масштабе спекуляцию зелеными и романовскими деньгами. Спекуляция эта представляет собой ничто иное, как азартнейшую игру. Около города Харбина имеется город Фудидзян. На главной улице этого города можно видеть вдоль тротуаров на далеком протяжении расставленные маленькие столы, за которыми сидят менялы. Около них толпится народ, жаждущий продажи или покупки денежных знаков. Тут же создаются самые нелепые слухи, чтобы изменить курс рубля.

Г) О монголах.

Еще с 1907 года монголы стали открыто проявлять свое желание выйти из под влияния Китая и перейти под протекторат России. По этому поводу в Петроград в свое время ездило Монгольское посольство, но, к сожалению, в то время министерство иностранных дел не оценило в достаточной степени положение и отклонило предложение Монголии о принятии ее под протекторат. Для России Монголия важна как самостоятельный буфер от китайцев, и это положение должно быть учтено в настоящее время.

Отношение Монголии (северной) ныне более чем благожелательное, они по-прежнему продолжают смотреть на Россию как на лучший проводник к ним культуры. Этим объясняются громадные симпатии монголов к атаману Семенову, который, помимо всего, известен им с детских лет. По указанию монгольских богов в Семенова переселилась душа одного из Монгольских великих князей, а потому имя Семенова для монгола священно (важно отметить, что указание это было дано не теперь, а в то время, когда Семенову было только пять лет). Такое отношение монголов усиливается еще существующими двумя легендами. Одна из них указывает, что Великая Монголия будет восстановлена человеком не монгольского проис-

Туземный конный дивизион

хождения, родившимся на границах трех государств, а другая указывает, что Россия будет величайшей страной мира.

Монголия — страна очень богатая лесом и скотом, и, кроме того, дает широкую возможность развития земледельчества, а также к использованию рынка.

Монголы очень охотно записываются добровольцами, и из них Семеновым формируется Дикая дивизия. Монголы обязательно требуют русскую форму и русское вооружение, что весьма характерно.

При желании и поддержке правительства можно было бы в течение двух месяцев собрать до 10 000 человек. Боевое качество монголов широко не испытано. Можно опасаться, что им, как дикому народу, будет не под силу бороться в условиях современной военной техники. Но как разведчики они, безусловно, будут образцовы.

На отношение с Монголией правительством должно быть обращено значительное внимание, теперь же надлежит устроить съезд монгольских князей, богато их одарить, как это полагается по восточному обычаю, и завязать с ними дружеские отношения. Большая роль в этом деле, разумеется, будет принадлежать атаману Семенову.

Период военных неудач

Окунувшись с головой в порученное верховным правителем дело, генерал Дутов оставался в курсе многих событий, так или иначе связанных с Оренбургским казачьим войском и его армией. Прежде всего, как уже упоминалось выше, он поддерживал постоянную почтовую и телеграфную связь с Омском, где находились не только колчаковские правительственные учреждения, но и его личные представители. Именно этот информационный обмен позволяет нам сейчас, спустя многие десятилетия открывать новые грани в жизни и деятельности атамана Дутова.

Оказывается, еще в январе 1918 года Дутов занялся, образно говоря, экспортом контрреволюции в смежные с территорией Оренбургского казачьего войска регионы. Вот, например, как отчитался перед своим атаманом один из его посланцев:

«Рапорт.

Доношу Вашему превосходительству, что будучи командированным согласно вашего приказания, в Туркестанское автономное Туземное правительство — возложенную на меня задачу по поднятию восстаний в Туркестанском крае и борьбе с большевиками выполнил. (С 1 января 1918 года по 1 августа 1919 года).

Хорунжий Полюдов.

Удостоверяю, что действительно хорунжий Полюдов был командирован войсковым правительством Оренбургского казачьего войска для связи с Временным правительством Автономного Туркестана перед Самаркандскими и Кокандскими событиями[1], выполнял весьма рискованные поручения по установлению связи; участвовал в Кокандском восстании. Принимал участие в заговоре для устройства моего побега из Ташкентской крепости.

По поручению нашей Туркестанской военной организации выполнял весьма смелые и рискованные поручения; организовал отделы нашей организации в Черняевском и Аулиатинском уездах, словом, непрерывно работал по борьбе с большевиками.

19 августа 1919 г.

Оренбургского казачьего войска полковник Зайцев.

---

[1] Имеются в виду вооруженные выступления против Советской власти.

Навыки, приобретенные в Академии генерального штаба, не прошли даром. Но время шло, позиции адмирала Колчака зашатались на всех фронтах. Былая эйфория военных побед ушла в прошлое. На смену им пришли военные неудачи. Фронт стремительно приближался к Омску, и на повестку дня вышел вопрос не столько о борьбе до последнего человека в ходе обороны столицы Сибири, сколько об эвакуации всех правительственных учреждений. Окончательный развал всех колчаковских фронтов должен был дать старт этой малоприятной процедуре. Оставалось только ждать — сколько же продержится на позициях доблестное воинство верховного правителя?

В обстановке полного хаоса началась агония режима Колчака. Она сопровождалась массовыми назначениями и переназначениями генералов и чиновников, отстраненных от должностей ранее, сотнями бесполезных уже директив и приказов, которые, по прошествии нескольких часов, явно устаревали и запаздывали. Официальная пропаганда, в лице полностью подконтрольных белоколчаковцам газет, практически не могла уже вселить в обывателя веру в завтрашний день, надежду в скорую победу.

О событиях тех дней очень ярко и образно расскажет письмо поручика Зубкова, который и являлся представителем Дутова при ставке верховного правителя России. Потребовалось приложить огромные усилия для того, чтобы разобрать текст этого документа, который, за неимением времени, писался в течение пяти дней. Но это, несомненно, стоило сделать.

«г.Омск, 4-го ноября 1919 года.

Многоуважаемый Андрей Андреевич![1]

Сегодня получил Ваше письмо от 31-го октября. Очень благодарен Вам за сообщения. Барон Тизенгаузен вероятно спутал правительство войсковое с правительством «Адмирала». Судя по размещению министерств в разных городах Д. Востока, думаю, что и правительство определенного места не выбрало. А так как сдача Омска будет не только крахом фронта, но и правительства — местонахождение его будущее становится неважным.

Сейчас уже ухудшенное положение фронта и угроза Омску ясно показало, что из всего правительства деяте-

---

[1] Имеется в виду барон А.А.Будберг, секретарь Дутова.

лен и энергичен остался лишь верховный правитель — остальное не только сжалось, но не подает и голоса. Новая перемена состава высшего командования, а с ним влечется и полная перемена правительственного аппарата, уже показывает достаточную ненужность прежнего гражданского аппарата. Министерство снабжения и Министерство путей сообщения, подчиненное Сахарову[1] и насильно мобилизованное, производит фактическую работу, а не будет разбавлять ее политикой.

Признаться, назначение Сахарова вначале как будто было принято всеми удовлетворительно. Но первые же шаги его показали, что и генерал Сахаров не свободен от советов «добрых друзей». Назначение Ив. Ринова[2] своим помощником и те всегда губительные перемены в штафронте[3], которые удаляют лучших работников (Рябикова[4], Иностранцева и др.) показывают сразу цели и чаяния будущего сильного мира сего. Из телеграмм моих Вы уже знаете, каково отношение Сахарова к Атаману, как носителю идей казачьих, а молчаливое присутствие Ив. Ринова на приеме генерала Одноглазкова[5] ясно осветило всю подпольную работу Ринова.

Вместо благодарственной хартии Ив. Ринову за прошедшую деятельность его на благо родины адмирал изругал его, упрекнув, что в такой тяжелый момент Ив. Ринов не нашел другого исхода, как спрятаться в штабе на военно-административном посту, бросив войско на произвол судьбы.

---

[1] Сахаров Константин Вячеславович (1881—?) — генерал-лейтенант, с мая 1919 года — командующий Западной армией у Колчака. С ноября того же года — командующий Восточным фронтом. Позднее служил у атамана Семенова.

[2] Иванов-Ринов Петр Петрович — генерал-майор, управляющий военным министерством в правительстве Колчака. В разное время занимал посты войскового атамана Сибирского казачьего войска, начальника штаба походного атамана Сибирского и Уральского казачьих войск, командира 2-го (Степного) Сибирского армейского корпуса, командующего Сибирской армией и командующего Сибирским военным округом.

[3] Сокращенное наименование «штаб фронта».

[4] Рябиков Павел Федорович (1875—1932) — генерал-майор, профессор Николаевской военной академии, впоследствии — преподаватель Всероссийской академии в г.Томске. С марта 1920 года — личный представитель генерала Семенова в Китае, а затем — в Японии.

[5] Одноглазков Федор Федорович — генерал-майор, занимал должность начальника штаба 4-го Оренбургского армейского корпуса, а также ряд других должностей в Оренбургской Отдельной армии.

Вероятно, тому пропесочка практически была совсем безболезненна, на что указывают громковещательные приказы нового помощника Главковерха. Удивляюсь лишь одному — почему приказ Ринова не начался словами «Миром господу помолимся».

В общем, настроение скверное. Сахаров прежде всего на всех нагнал страх «белый», Ив. Ринов объявил город на осадном положении, начгарн[1] устроил облаву на дезертиров офицеров и солдат, а Белов на всех рычит и приказами, и приказами. Противник же все ближе и ближе к Омску. Сегодня прибыл вызванный сюда генерал Лохвицкий[2]. Он передает командование в руки генерала Войцеховского[3], группа которого вольется в состав второй армии и сделает последний удар для отпора красным. Дай бог, чтобы было удачно — если же нет... возможны всяческие сюрпризы. Время интересное, а связи с Вами нет. Телеграф почти не работает. Виню только одних служащих, судя по примеру. Вчера добиваясь провода, удалось получить Павлодар и Акмолинск — дальше связь была прервана. Тогда я передал записку срочную командарму, и на половине передачи ее телеграфист Акмолинской станции заявил, что записка длинная, и он принимать ее отказывается. Потребовал его фамилию, сразу не сказал, но принимать продолжал уже под испугом. Этот телеграфный типчик Неустроев, очевидно, такой же слюнтяй, как и все остальные служащие промежуточных станций. Порча провода обыкновенная, привычная вещь для них, вовсе их не волнующая. Необходимо подтянуть. Бурлин тоже покидает пост и куда-то собирается уезжать. Генерал Дитерихс[4] уехал в Читу. Все миссии смазались салом и тоже текут на Восток. Главы же миссий, хотя и заявили, что остаются, но озабоченно смотрят туда же. Конференция сжалась, и в речах, и в объеме, т.к. вме-

---

[1] Сокращенное наименование должности начальника гарнизона.

[2] Лохвицкий — генерал-лейтенант, в разное время занимал должности командующего 2-й армией, командующего Дальневосточной армией, начальника штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами так называемой «Российской восточной окраины».

[3] Войцеховский Сергей Николаевич (1883—ок.1946) — генерал-лейтенант, с июля 1919 года — командующий 2-й колчаковской армией. Позднее служил у атамана Семенова.

[4] Дитерихс Михаил Константинович (1874—1937) — с 4 ноября 1919 года смещен с поста военного министра правительства Колчака и главнокомандующего армиями Восточного фронта. Позднее эмигрировал, возглавлял Дальневосточный отдел РОВСа.

стилась в × вагона и лишь один раз пискнула, возмущенная отношением к ней Сахарова. Да и то через генерала Одноглазкова, у которого лихорадка (страха или возмущения) еще не прошла после приема у Сахарова. У Вас, ей богу, лучше. Все сообщения дышат спокойствием. Издали лучше смотреть на пожар. Атаману предоставляются права командующего Отдельной[1]. Знает ли об этом атаман. Здесь же говорят пока под секретом. Иду сейчас в Ставку и затем продолжу свое письмо.

Продолжаю письмо. Бурлина[2] «ушли», и он уезжает на Восток. Вызывают снова генерала Андогского[3]. Он согласился, и едет в Омск, вероятно приедет и Смирнов[4]. В этом факте опять подтверждение этой сумятицы, которая здесь царит везде и во всем. Прибыл в Омск генерал Пепеляев[5]. Верховный был страшно обозлен этим и здорово ругал Пепеляева, точно не знаю за что, но фраза Верхправа «Сахаров — это не Дитерихс» — может быть, немного прольет света во мраке неизвестности. В Омске все настроены нервно, у всех глаза выпученные и движения порывисты и спешны. Люди не ходят, а бегают. Разговоры лишь об эвакуации. Кстати, эвакуация министерств намечена так:

В Иркутск — Правительственный сенат, Министерство просвещения, Минфин, Минпуть, Министерство внутренних дел, Союз городов.

Томск — начальник отдела Министерства просвещения, Управление по делам вероисповеданий.

Владивосток — Кредитный отдел Минфина, Комитет заграничной торговли.

Читу — Главуказ[6], конференция и другие казачьи учреждения.

Совмин едет в Иркутск, вначале бумага, а живые люди, вероятно, поедут с эшелоном Верхправителя. Гла-

---

[1] Имеется в виду Оренбургская казачья армия.

[2] Бурлин Петр Гаврилович — генерал-майор генштаба, начальник штаба командующего войсками Приморской области.

[3] Андогский Александр Иванович — генерал-майор, начальник Томской военной академии.

[4] Имеется в виду генерал Смирнов Владимир Михайлович.

[5] Пепеляев Анатолий Николаевич (1891—1938) — генерал-лейтенант, во второй половине 1919 года командовал 1-й Сибирской армией.

[6] Главное управление казачьих войск.

вуказ и конференция отделились от штаба походного атамана, и едут отдельным эшелоном. Один классный вагон взяли у начальника штаба походного, пока едет только до Новониколаевска, а затем смотря по обстоятельствам. Выехать или эвакуироваться из города могут те, кто имеет разрешение командармов, иначе никого не выпускают из города. Штаб фронта грузится в вагоны, уедет должно быть скоро. Я двинусь со штабом походного лишь в том случае, если штаб фронта, будет выяснено, что отправится в Новониколаевск и уедет скоро. Если же останется, то придется остаться, дабы не терять связи с Вами. Но только как это произойдет, пока не знаю. Что касается настроения масс, то высокое решение бесполезно — когда фронт начинает трещать. Принимаются меры охранять составы, дабы не было крушений. Пока же только состав «салонов» Министерства путей чуть было не пострадал на разобранных путях. Я сам живу — скорее горю. С 8 часов до 2-х часов ночи на работе. Или же за столом — пишу, шифрую и принимаю многочисленных посетителей или же в бегах по городу. Особенно надоедают дамы, чтобы они лопнули — думают, что лишь только время существует для них. Провод приходится ловить, иначе его не добьешься. Ответов от Вас на телеграммы главным образом по вопросам снабжения не дождешься, и приходится принимать решения без них. Прошу простить, Андрей Андреевич, за мою мазню, но право, едва успеваю написать хотя бы так. Сравниваю Ваше письмо на машинке и мое это — небо и земля. Еще одно.

Верхправ ищет поддержки от лиц его окружающих, это заметно во всем и везде. Письма атамана хотя и бодры, но в них пока будто сквозит и безнадежность, хотя как-нибудь выйти из тяжелого положения. Сахаров на этом сыграл, но выиграл ли он — это вопрос будущего. Я лишь хочу сказать, что в такой тяжелый момент надо атаману жаловаться меньше, но вселить уверенность верх. правителю, что есть еще и бодрость духа и верная ему армия, которая все-таки исполнит долг свой. Жалобы на недостаточность работы верховному настолько загрузили слух, что дабы поддержать свое равновесие он хватается за людей с твердой и спокойной наружной вывеской.

Это, конечно, мое мнение. Сейчас получил сведения, что и большой, и малый совет Совмина грузится и уезжает.

Пока все, буду писать еще и атаману.
Желаю успехов и здоровья. Всем привет.
Уважающий Вас пор. Зубков.
8/11 — 1919 г.».

А что же сам атаман Дутов? Примерно в это же время он руководит своей армией, вернее будет сказать — остатками Оренбургской армии, которая находится довольно далеко от арены жарких политических баталий, интриг, переназначений, паникерства. Он — снова со своими людьми, которые без отдыха отступают уже в течение трех месяцев:

Походный атаман всех казачьих войск **Копия**
Командующий Оренбургской армией **Секретно**
Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска
«5» ноября 1919 г.
№ 2948
г. Кокчетав
Командующему Московской группой[1]

Рапорт

Пользуясь случаем (поездкой полковника Пишона[2]), вследствие назначения Вас командующим Московской группой, доношу:

1. Надежд на Оренбургскую армию возлагать каких-либо в смысле боевых, временно нельзя. Части бывшей Южной армии мной осмотрены. Дух и вера подорваны. Люди и командный состав устали до предела. Армия, вернее остатки, все время в движении, обременены обозами, или, вернее, сами обоз.

Кадры же, которые представляет из себя Оренбургская армия — превосходны. Если дать, хотя бы $1^1/_2$ месяца, отдых, пополнить и одеть, то армия воскреснет. Офицеры, оставшиеся казаки и солдаты, люди испытанные и если у них теперь подорвана вера и дух, то это от того, что они все время идут, начиная с августа месяца.

2. Отсутствие артиллерии и негодность 50% оружия известно всем в армии.

Вашему превосходительству известно и то, что армия Южная потеряла все свои запасы, обозы и штаб с его учреж-

---

[1] Имеется в виду генерал-майор Каппель.
[2] Пишон — полковник, член французской военной миссии.

Брошенная батарея

дениями. Только часть личного персонала прибыла в Атбасар.

В армии нет ни парков, ни мастерских, ни авиации, ни авто, ни типографии, короче говоря, ничего. Штаб Оренбармии только начал свое формирование и не окончил.

Обоза у штаба нет, двигается на обывательских, что трудно, а подчас и невозможно.

3. Нет даже начальника штаба армии и все попытки его получить, дали только телеграфные ответы, но чиновник не прибыл.

4. Самый существенный и главный недостаток — это отсутствие одежды, совершенно нет брюк, полушубков, валенок и вообще верхней одежды и белья. Все мои попытки получить что-либо не имели успеха, даже ответа не последовало. Начснабармии тоже предпринял свои шаги и также безуспешно. Живем сейчас только местными средствами, раздевая население и делая из них большевиков.

5. Неимение никаких запасов — ни артиллерийских, ни интендантских, ни вещевых, при полном отсутствии мастерских и транспортов, ставит армию в невероятно бедственное положение.

Имена их, Ты Господи веси

6. Последняя директива, указавшая армии район сосредоточения треугольник озер Чагла-Кичи-Карой-Алабата, едва ли будет выполнена.

Мною принято все для ускорения движения армии, но обстоятельства выше нас. Одними и теми же подводами приходится везти войска, больных, госпитали, штабы и прочее.

Конница, сделав свыше 2000 верст переход, все еще продолжает движение в новый район сосредоточения и лошади подбиты совершенно.

В момент получения директивы части армии были в движении на участке свыше 1200 верст в длину и 200 верст в ширину.

Телеграфов, почт, телефонов тоже нет — все утеряно Южной армией, а населенные пункты редки и малы.

Степной край весьма суров, безлесен. Дров нет. Все это усложняет движение.

Край сплошь заражен тифом всех видов, и я, имея свыше 2000 больных, и заболеваемость все растет, ибо армия идет, ночует скученно, заражается. Отсутствие одежды еще более увеличивает число больных.

7. Отсутствие населенных пунктов, соленая и горькая вода, пустынность района к востоку от линии Кокчетав-Атбасар, заставили всю эвакуацию больных и раненых,

еще ранее всех директив, направить на Акмолинск-Павлодар. Эта дорога оборудована и населена. В настоящее время, согласно директивы, мной в районе севернее Кокчетава выброшено все, что было под рукой, и сравнительно обутые и боеспособные — именно отряд генерала Комаровского и части 1-го корпуса. 1-й корпус пока имеет остатки прежних полков, что пока дает только шесть сотен, два эскадрона и 4 орудия. Егерей конных в отряде Комаровского вместе со стрелками не будет более 500 здоровых. Вот все, что сейчас работает в районе севернее Кокчетава.

Наиболее надежный и сплоченный корпус ген. Бахича в пути на протяжении до 800—1000 верст, совершает фланговый марш. В этом корпусе бригада Степанова — до 1000 человек, 33 Оренбургский казачий полк — до 800 человек и четыре сотни, а также Атаманский полк Захарова в 900 человек — надежный и представляет из себя еще части, все остальное — только по названию. 2-я стрелковая дивизия — хороша, но мала по составу, всего сейчас до 600 штыков, страшно усталая и очень плохо одетая.

Передвинуть и убрать сейчас все хвосты армии прямо на восток — нужно месяц времени.

В тоже время, треугольник Кокчетав — Акмолинск — Атбасар настолько важный, что его бросить без войск и сопротивления — я полагал бы не возможным:

а) Район населенный, богат фуражом и хлебом — дадим большевикам базу и пополнения.

б) Прикрывает пути на Туркестан, который нам тоже важен, без этого прикрытия не обойтись.

в) Сосредоточив в новом районе озер Чагла-Алабата — левый фланг армии будет в степи, его легко обойти по населенным пунктам указанного выше треугольника городов.

г) Оставлением района городов я открою путь на Павлодар-Славгород — район большевистский — там вспыхнет новая война и будет новый фронт, угрожающий и левому флангу нашего фронта и тылу 2-го Степного корпуса и его разобщение (2-го корпуса).

д) Выполнить же обе задачи — прикрыть треугольник городов и треугольник озер — непосильно для армии.

е) Нахождение, хотя и слабой Оренбармии, на фланге треугольника дает возможность оттянуть значительную

часть сил красных.

При решении прикрывать города Кокчетав-Акмолинск-Атбасар — база армии должна быть Акмолинск, а дорога на Павлодар.

Кроме того, этого района я не могу бросить до тех пор, пока не вывезу всех больных и раненых, и тем [самым] почти все эвакуировать на Акмолинск.

Нужда и особенность театра постоянно диктуют для Оренбармии иметь базу на Акмолинск, а фронт на Петропавловск и речку Ишим, т.е. на север и запад. К тому же беспрерывное движение, особенно на восток, при забитости дороги у Омска, усиливает дезертирство и передачу.

Донося о вышеизложенном, я докладываю Вашему превосходительству, что я не просил армии, мне ее дали, я пошел на понижение, т.к. я командовал ранее отдельной армией и уже более года генерал-лейтенант, исключительно памятуя пользу дела и блага родины. Меня армия звала и встретила восторженно, потому и доношу, что можно сделать из армии или же ее погубить вконец.

Генерального штаба генерал-лейтенант Дутов».

Неутомимый поручик Зубков продолжает информировать атамана Дутова о состоянии дел в Омске. Правда, в отличие от письма А.А.Будбергу, тон здесь несколько иной, можно сказать — менее искренний. Выясняется, что теперь есть во что одеть Оренбургскую армию, а также имеется возможность довооружить ее подразделения. Беда только в одном — нет возможности все это доставить:

«Ваше превосходительство!

Попытка установить связь с Армией периодической посылкой (через каждые три дня) фельдъегерей не удалась с первого раза. Посланный мною писарь Попов вернулся из Петропавловска, не доехав по назначению. В Петропавловске штаб Третьей[1] отказался в какой бы то ни было содействии, а обывательских подвод нельзя было достать ни за какие деньги. За невозможностью переезда через р. Иртыш паромом и отсутствия лошадей пришлось задержать курьера до 1 ноября. С фельдъегерями Лопатиным и Сачковым отправил все, что было готово для штаба. Обменные деньги, которые едва успели получить, от-

[1] Имеется в виду штаб 3-й армии.

правил тоже с ними. Теперь только беспокоюсь, прибудут ли благополучно в г. Кокчетав.

Пытался несколько раз вызвать к проводу Вас или наштарма, но и это оказалось почти невозможным. Связь настолько плохая, что я успевал лишь передать $^{1}/_{10}$ того, что мне необходимо было. Ответов же, ввиду прекращения тока, не удавалось получить никогда.

Между тем, отсутствие телеграфной, прочной связи отражается на всех вопросах, касающихся армии.

Помначснаба[1] Оренбургской полковник Пономарев, полковник Умов, подъесаул Полюдов, Керенцев, войсковой старшина Кузнецов, уполномоченный Липовецкий и Серов, не имея ответов на свои телеграммы, являются за советом ко мне.

Зная оперативную обстановку по сведениям фронта и писем Вашего превосходительства, а также как обстоит дело снабжения в армии — я взял на себя смелость давать советы и указания, дабы была принесена наибольшая и действительная помощь армии.

Полковник Пономарев остался в Омске помначснаба без кредитов и договоренности на истребование их.

В таком же точно положении и начавточасти Полюдов. И тот и другой получили для армии с величайшим трудом все, что возможно было. Отправить же в армию, в отсутствии денег, указаний полковника Карханина и создавшейся обстановке фронта, не могли.

Уполномоченный Союза городов Липовецкий, закончив формирование учреждений, тоже задерживал отправку, не имея уверенности, что все посланное в армию не будет подвергнуто риску прибыть не по назначению.

Полковник Умов, сразу же и не задумываясь, отказался от занимаемой должности, и принял должность начальника Омской группы, передав все подъесаулу Керенцеву. Последний снесся с начальником Московской группы проводом и получил согласие производить снабжение непосредственно через штаб фронта, донося лишь периодически о количестве отправленных артгрузов. И в настоящее время вопрос артиллерийского снабжения улажен, т.к. промедления в утверждении нарядов отпадают, а кредиты, переданные Умовым все, вместе с должностью, Керенцеву.

---

[1] Сокращенное наименование должности «помощник начальника по снабжению».

По докладу Липовецкого, о чем я имел честь доложить Вам, им приготовлено к отправке около 10 000 пудов ценного для армии груза. Передано ему от имени наштарма желание иметь их в армии, возможно скорее. Для чего указал на необходимость отправлять походным порядком все готовое по тракту Омск, Боголюбовка, Полтавка, Щучье, Кокчетав. При той обстановке и неразберихе, которая царит сейчас в Омске возможно, что все заготовленное с таким трудом заберут в Омскую группу Войцеховского и армия снова останется без всего.

Отправка же, согласно требованию высших властей, всех грузов в г. Новониколаевск, заставит отложить подачу в армию учреждений на неопределенное время.

Да и уверенности в возможности отправить их через Барнаул — Акмолинск нет никакой.

Железная дорога и теперь уже забита так, как она не была никогда, а малейшее ухудшение положения на фронте застопорит ее совершенно.

Пока Липовецкий согласился со мною и отправил уже несколько транспортов, хотя ждет подтверждения от Вас со дня на день.

Если дальнейший отход будет продолжаться, думаю, что наиболее удобная подача снабжения будет происходить из Новониколаевска на Славгород, Павлодар. И в первом и во втором случае все транспорты все-таки встретятся с частями армии, и остается лишь риск на состояние дорог и погоды. Посоветовал Липовецкому, имея в виду впечатление о дороге прибывшего мотоциклиста, отправлять пока на колесах до резкого изменения погоды.

Убедил Липовецкого в необходимости дать заимообразно полковнику Пономареву аванс в 500 000 руб. на формирование и отправку транспортов с обмундированием и теплым бельем. С 6-го ноября Пономарев начинает отправку, пока грузы еще не взяли в группу Войцеховского. Двуколки, полученные полк. Строжевым, будут употреблены также на формирование этих транспортов, иначе они будут использованы на разгрузке города Омска.

Полученная подъесаулом Полюдовым колонна грузовиков от Степной группы, распоряжением начавтоотдела Гинжу, употреблена на разгрузку города Омска, и никакими силами отстоять ее не удалось. Необходимо срочное ходатайство о возвращении их обратно или о замене их легкого типа машинами. Остальные ремонтированные

машины удалось Полюдову скрыть, и будут с 6-го ноября отправляться походным порядком на Кокчетав, для чего полковник Пономарев [будет использовать средства] из полученных 500 000 руб. Полюдовым. Склады и мастерские распоряжением начвоенсообщений требуют к отправке в глубокий тыл.

Что касается формирования паркового дивизиона, то таковой в Омске войсковому старшине Кузнецову сформировать невозможно.

В начале вся работа шла нормально, были получены 200 лошадей, возможно было получить и повозки, и не было только людей. Обещали их дать из Томска, но до сего времени ни одного нет. Дабы не пали лошади без ухода, пришлось взять 20 человек от военного начальника. Все рапорта, все просьбы и ходатайства не приводили ни к чему, а в результате 50 лошадей заболели, и Кузнецов сдал их как бракованных обратно. Повозки в Омске сейчас купить совершенно нельзя, а транспорт Войскового правительства в 30 подвод все равно и половины парка не составит, и будут куплены Пономаревым. На все телеграммы Кузнецов ответа не получил и просит разрешения формировать парки в Новониколаевске.

Полковник Пономарев и подъесаул Полюдов выехать из Омска, до отправки грузов не могут, о чем они телеграфировали в штарм, но первый получил предложение занять должность интенданта, а последний и до сего времени ничего не имеет.

Полюдову посоветовали съездить в армию, а Пономарев выедет после отправки всех грузов, если к тому времени обстановка фронта резко не ухудшится. Все малоценное и не имеющее срочного назначения будет отправлено в Новониколаевск.

Угроза, созданная напором красных на Омск, заставила верховного правителя принять срочные меры к обороне города и восстановить боеспособность армии.

3-го ноября было созвано секретное и экстренное совещание Военмина, Главковостока, Наштаглавковостока[1] и других чинов под председательством верховного главнокомандующего для принятия определенного и твердого

---

[1] Сокращения, соответственно, наименований должностей военного министра, главнокомандующего Восточным фронтом и начальника штаба главнокомандующего Восточным фронтом.

решения. Верховный правитель предложил сохранить г. Омск во что бы то ни стало, бросив на защиту все возможное. И лишь в случае неуспеха отступить, отводя кадры (Омскую группу Войцеховского) в глубокий тыл для нового формирования армии под защитой сдерживающих, отступающих частей. Генерал Дитерихс не согласился с этим, заявляя, что фронт отпора дать не может, а рисковать последними резервами нельзя. Предложил увести Омскую группу до линии р. Оби, где под прикрытием отступающих частей фронта спешно формировать новую армию. Омск же значения никакого иметь не может. На все высказанные опасения верховного правителя о моральном значении падения Омска и риска разложить армию и оставить казаков — Дитерихс заявил о невозможности оставаться, в таком случае, на посту Главковостока и просил освободить его. Верховный правитель, раздраженный неподатливостью генерала Дитерихса, и переговорив по проводу с генералом Сахаровым, убедился, что последний поддерживает план верховного. 4-го утром Сахаров был вызван в Омск на пост Главковостока, а Дитерихс поступил в распоряжение адмирала. Назначение генерала Каппеля[1] было вызвано ходатайством генерала Сахарова, также как и подчинение Главковостоку Минпути и Минснаба[2] с объявлением всех железных дорог на военном положении. Ставка и штаб фронта с вынужденными переменами, сильно понизили свое настроение. Возможны снова большие перемены в их составе. Начальником штаба фронта пока назначен Оберюхтин[3]. Отношение общества пока учесть не возможно, т.к. большая часть его еще не знает этих перемен, а остальная часть в совокупности общей погружена во всепоглощающие заботы эвакуации. Омская группа Войцеховского уже имеет 5 000 добровольцев, и приток их ввиду обещанной поголовной мобилизации будет продолжаться. Всего же теперь уже насчитывается до 20 000 штыков. Принимаются меры к укреплению г. Омска. Объявлена всеобщая трудовая повинность до 43 лет. Мнения в пользу и бесполез-

---

[1] Каппель Владимир Оскарович (1883—1920) — генерал-майор генерального штаба, командующий Московской группой войск. Позднее — командующий 3-й армией и Восточным фронтом. О его дальнейшей судьбе см. приложение № 1.

[2] Министерство путей сообщения и министерство снабжения.

[3] Оберюхтин Виктор Иванович — генерал-майор, занимал должности начальника штабов 3-й армии и Восточного фронта.

ность этих мер расходятся, хотя, как будто преобладают последние.

Думаю, что это наиболее верно, т.к. давление противника не только на центре, но сильно ощущается и на флангах. При дальнейшем же отходе не позволит закончить укрепление и время.

Союзные миссии выезжают все в Иркутск, а японские — в Читу. Главы миссий остаются в Омске до отъезда штаба фронта.

Генерал Нокс[1] по поводу предполагаемой сдачи Омска заявил, что власти тогда потеряют свое первенствующее значение, и центр будет перенесен на юг. Разгрузка города идет, по виду, лихорадочно скоро и временами превращается в панику. Картина, в общем, такая — увозят бумажные дела и канцелярии и оставляются огромные запасы военных материалов.

Золотой запас уже погружен в вагоны, при чем не обошлось и без кражи 70000 [рублей]. Предполагается увезти золото возможно дальше в тыл. Настроение рабочих пока не из важных. На некоторых фабриках, работающих на сторону, рабочие не позволяют свертываться.

Главуказ эвакуируется вместе с эшелоном Сибказвойска, а конференция предполагает со штабом Походного атамана, куда погрузится и войсковое правительство. Выясняла конференция у Верховного Правителя, когда она может эвакуироваться и должна ли. Адмирал заявил, что если конференция будет помогать ему живым словом и делом, то пусть остается и работает. Если же будет заниматься только говорением, то может уезжать. Конференция решила ехать, и были предложения даже собирать совещания на разъездах и полустанках. Генерал Одноглазков канцелярию свернул, дабы дать возможность погрузиться всем в вагоны. День отъезда еще не назначен. Беспокоит пока лишь возможность отобрания вагонов распоряжением ген. Белова[2], которого приказы должны исполняться как верховного правителя. Попытка уже была, но

---

[1] Нокс Альфред Уильям (1870—1964) — генерал, в 1911—1917гг. — военный атташе Великобритании в России. Позднее находился у Колчака.

[2] Белов П.А. — генерал-майор генштаба, в разное время занимал должности начальника штабов Сибирской армии и Омского военного округа, 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, командующего Южной группой войск Западной армии, командующего Южной армией.

генерал Одноглазков не дал и просит распоряжений Ваших, и ходатайства у Верховного Правителя. Телеграфировал Олег Викторович распоряжение Ваше, относительно переезда его в г. Иркутск. Был у меня, прибывший по делам в Омск, представитель биржевого комитета г. Новониколаевска, с письмом от Ольги Викторовны[1], с просьбой указать день отъезда. Ответил, что дам знать за три дня. О вас сообщил, что Вы здоровы и находитесь в Кокчетаве. В семье все здоровы и лишь беспокоятся о Вас.

Судя по разговорам, в ставке Верховного главнокомандующего надеются на наибольшую активность и сопротивления от Оренбургской армии и считают, что и дух и состояние армии не хуже других.

Вот все, что я желал доложить Вашему превосходительству.

Отец и мать жены эвакуируются вместе с министерством.

Леня едет с женой, я же остаюсь до отъезда штаба фронта. Ехать раньше считаю невозможным, т.к. потеряю связь с армией и не смогу помочь тогда ничем всем обращающимся ко мне.

Искренне желая успеха Вашему превосходительству, прошу не отказать принять уверение в преданности Вам.

5.11.1919 г.

Поручик Зубков.

Паша, Леня и вся семья наша шлет Вам привет и живет лишь надеждой добрых вестей и успехов в армии».

Через четыре дня последовало еще одно донесение Зубкова атаману Дутову:

«Ваше превосходительство!

Все пакеты, адресованные на имя наштафронта и верховного правителя, получил и лично передал по назначению. Последний пакет наштафронта генералу Рябикову не решался передать, ввиду ухода его, но так как он еще не сдал должности Оберюхтину — вручил лично 7-го ноября. Положение фронта скверное. По мере приближения красных к Омску уверенность удержать его становится все меньше и меньше. Близкая опасность городу не оправдала возлагаемых надежд получить тысячи добровольцев. И ставка, и штафронта уверены, что город не удержат. От же-

[1] Жена атамана Дутова.

лезной дороги Петропавловск — Омск, к северу группы и армии отходят по 40 верст в сутки, 2-я и третья — 25—28.

Пепеляевская группа настолько измоталась, что сопротивления оказать не может, и ее отводят в глубокий тыл переформировывать и пополнять.

Группа Войцеховского употреблена на пополнение главным образом 2-й армии и частью первой. Лоховицкий сдал командование Войцеховскому. Около Омска сосредотачиваются 6 дивизий, но это только названия. Сегодня выслана на рекогносцировку позиций вокруг Омска партия курсантов. Бой предполагается в 50 верстах. До сего времени через р. Иртыш переправа идет только по железнодорожному мосту. Других переправ не готовится, а погода — дождь и оттепель. Что будет твориться, когда весь фронт подойдет к Иртышу и удержать противника не сможет?

И теперь курьеры ждут очереди по 2—3 дня пропуска через мост.

Вызывается генерал Андогский, который уже спешит сюда. Приедет, вероятно, и полковник Слижиков. Андогский займет пост наштаверха, генерал Бурлин еще остается, т.к. все отказались заместить его должность.

Сегодня штафронта предполагает передвинуться на ст. Татарскую, дабы мог проскочить в Новониколаевск в случае пробки. Генерал Белов недолго царствовал, и сегодня передал бесшумно свою власть минпуть Устругову[1] под давлением железнодорожников. Генерал Сахаров стоит в глазах верховного правителя пока высоко, но недовольство им растет. Ив. Ринов стал мишенью острот и ругательств, но приказы его дышат твердостью и силой. Заговорили уже и о несостоятельности адмирала спасти положение. Группировка власти в такой тяжелый момент оказалась неудачной. Многие жалеют Дитерихса, и уверены, что он спас бы положение. Сердце щемит, когда подумаешь, что будет с Оренбургской армией, если придется уходить до Томска. Миссии все выехали из г. Омска и только японцы, уже погрузившиеся, маячат всюду. Облава в городе на офицеров и солдат дала пополнение в 300 офицеров и 4022 солдата — бездокументальных и не отбывших воинской повинности. Генерал Одноглазков будет принят Верховным правителем в понедельник 12 ч. дня. Олег Викторович телеграфировал, что штаб выезжает 10-го — 11-

[1] Устругов — министр путей сообщения в правительстве Колчака.

го ноября в Новониколаевск. Для семьи Вашей все приготовлено, и она не будет чувствовать недостатка ни в чем.

Беспокоюсь больше всего за транспорты, которые сегодня и завтра должны быть готовы. Направляются все на Акмолинск. Связь с Оренбургской армией настолько плохая, что ответов ждем по 10—12 дней.

Дай бог Вам, Ваше превосходительство, энергии и сил в этой тяжелой обстановке вернуть новую бодрость армии на новые бедствия.

Николай Семенович шлет Вам привет.

Глубоко преданный Вам поручик Зубков.

9 ноября 1919 г.»

Спустя несколько дней после написания этого письма, 14 ноября 1919 года Омск пал. Наиболее крупные части вооруженных сил Колчака начали отходить в Приморье и в безводные казахские степи.

Продолжила свой крестный путь и Отдельная Оренбургская армия генерал-лейтенанта Дутова. Не выбрасывая ни единого слова из донесения атамана, вчитываясь в его строки, начинаешь понимать всю глубину трагедии — трагедии военачальника, человека и гражданина, — постигшую генерала. Но надежда на перемены к лучшему все еще остается в нем. Единственное его пожелание — чтобы его не бросили на произвол судьбы:

«Командующий Отдельной
Оренбургской армией
и Походный атаман всех
казачьих войск
5 января 1920 года
№ 3182
г. Сергиополь[1]

Главнокомандующему
Восточным
фронтом

Д О Н Е С Е Н И Е

Настоящее донесение посылается со штаб-офицером для поручений войсковым старшиной Новокрещеным, которому приказано на словах лично доложить все пережитое и настоящее положение войск.

После боев на линии Кокчетав-Сантыктавская-Айбасар, где армия потеряла лучших старших начальников, как

[1] С 1939 года — город Аягуз, находится в Семипалатинской области.

например, командир Сызранской дивизии генерал Вишневский[1], командир 33 полка войсковой старшина Савельев и другие, в связи с общей обстановкой, армия начала отход на Акмолинск-Баян-Аульскую. Этот фланговый для правого фланга[2] марш был очень труден. Зима, снега, когда армия имела лишь колесный обоз, оказывали свое действие. Эпидемия тифа всех видов вырывала ежедневно сотни бойцов. Транспорты больных были огромны. Из района Акмолинска армия должна была отойти на р. Иртыш в районе Павлодара-Семипалатинска. Но отход общего фронта, занятие Павлодара красными и восстание в Семипалатинске не дали возможности выполнить этого марша, и части пришлось свернуть на Кара-Каралинск. Если принять во внимание колоссальные обозы, схождение всей армии в одной точке — Кара-Каралинске, то нетрудно представить то скопление войск в маленьком степном городке, ауле и последствия такого скопления. Кроме того, должен добавить, что весь район от Акмолинска до Кара-Каралинска беден продовольствием, мало заселен, средняя величина деревни 35 дворов, то ясны все трудности этого перехода, армия же шла почти вся по одной дороге. Выставление этапов было сопряжено с огромными трудностями, и сбор запасов был еще труднее. От пос. Санниковского до Кара-Каралинска 110 верст голодной степи. Все это армия преодолела. Изменившаяся обстановка заставила армию идти в Семиречье[3], на присоединение к отряду атамана Анненкова[4]. Марш от Кара-Каралинска до Сергиополя — крест-

---

[1] Вишневский Виктор Арсентьевич — генерал-майор, в разное время занимал должности и.о. делопроизводителя Главного управления Генерального штаба Русской армии, начальника штаба отряда генерала Толкушкина (Чирский район) и командира Сызранской дивизии.

[2] Так в документе.

[3] Семиречье — район в юго-восточной части Казахстана, расположенный между озерами Балхаш (на севере), Сасыкколь и Алаколь (на северо-востоке), хребтами Джунгарский Алатау (на юго-востоке) и Тянь-Шань (на юге). Получил название от 7 основных рек, протекающих по его территории: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепсы, Баскан, Сарканд.

[4] Анненков Борис Владимирович (1889—1927) — атаман, начальник партизанского отряда им. Анненкова, один из наиболее активных участников гражданской войны. С января 1919 года находился со своими частями в Семиречье; в конце того же года был назначен командующим Отдельной Семиреченской армией. Позднее с ее остатками отступил на территорию Китая. После возвращения в 1926 году в СССР был осужден и расстрелян по приговору Верховного суда Союза ССР.

ный путь Оренбармии. Голая степь, горы, скалы, отсутствие воды, полная пустынность, встречались аулы из одной, много — двух землянок, с колодцами в 10—15 ведер воды. Холод, бураны, местами — снежные вершины и перевалы, ни клочка сена, о зерне думать было нельзя, все это усложняло до предела трудности перехода. Ночлеги в степи зимой по 60 человек в одной землянке без окон и дверей и брошенной жителями, только увеличивали и смертность, и заболеваемость, ибо и здоровые, и больные спали рядом, вернее, сидели друг на друге. Боеспособность армии падала с каждым днем, но никто в сторону красных уходить не думал, армия голодная, разбитая, больная тифом, со смертельным ужасом в глазах, но шла за своим вождем, веря в него и светлое будущее.

Армия вышла в Сергиополь, и, конечно, боеспособность утеряла почти полностью, главным образом — из-за болезни. Я, выделив наиболее боеспособные, как то Конвойную сотню в 180 человек и мой Атаманский полк с двумя батареями, всего около 60 человек, стал в арьергарде и прикрыл отход армии, сначала от Акмолинска на Каракаралинск, а потом — на Сергиополь, я шел, лично командуя арьергардом, 32 дня и вывел армию, не оставив ничего врагу. Я вывел в Сергиополь 14 000 человек, более 150 пулеметов и 15 орудий, все госпитали Красного Креста и Согора, все милиции и прочие вспомогательные части. Запасы патронов и снарядов имею. Все казначейства и прочие деньги при мне. Необходима теперь помощь нам: через китайское и японское правительства, которые имеют консулов в Чугучаке, деньгами, зерном, обмундированием, короче — всем. Мы голодны буквально, мы раздеты, мы больны, но мы умираем с именем России на устах и за веру Православную и честь русскую счастливы были перенести все, ибо смерть легче позора. Мы не знаем, что делается в России, не знаем, что нас ожидает, и верим только в одно — нашу окончательную победу, ибо мы за правду и Святую Русь. Я доношу кратко, подробности передаст податель донесения.

В настоящее время, за оторванностью от всех, здесь в крае возникло следующее положение: я являюсь начальником Семиреченского края, атаман Анненков — командиром Семиреченской Отдельной. Донося обо всем, уверен, что мы здесь не будем брошены на произвол судьбы.

Генерального штаба генерал-лейтенант Дутов».

Днем ранее верховный правитель России адмирал Колчак передал свои полномочия генералу А.И.Деникину, с тем, чтобы уже через месяц быть расстрелянным по приговору Иркутского военно-революционного комитета. Главную роль в определении дальнейшей судьбы Колчака сыграло руководство чехословацкого корпуса, о котором так лестно отзывался атаман Дутов.

В изгнании

Итак, после окончательного развала фронта, осенью 1919 года генерал-лейтенант Дутов отступил с частями Оренбургской Отдельной армии в Семиречье, откуда, под давлением Красной армии, в марте 1920 года перешел на территорию Китая, где его войска были интернированы в приграничной крепости Суйдун.

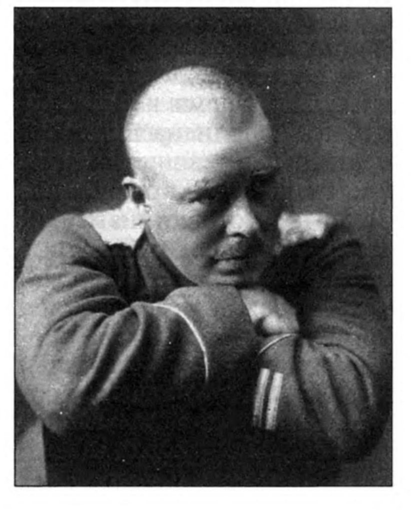
Позднее, уже с территории сопредельного государства, Дутов предпринял многочисленные попытки организации восстаний, в первую очередь — в Семиречье и соседних с ним регионах, но все они закончились неудачей.

Деятельность генерал-лейтенанта Дутова, ярого врага Советской власти, не могла не привлекать к себе внимания Москвы. Соответствующие выводы были сделаны и Реввоенсоветом Туркестанского фронта. Уже осенью 1920 года началась кропотливая работа по изучению подходов к Дутову, с последующей его ликвидацией. К помощи в выполнении этой задачи были привлечены и местные органы ВЧК, которые, впрочем, оказывали чисто консультативную и техническую помощь, в первую очередь — в осуществлении бесперебойной связи с Москвой, обработке информации, поступавшей от агентов Регистрационного отдела[1] Туркестанского фронта.

Чтобы легче было ориентироваться в логике тех или иных поступков атамана Дутова, необходимо рассказать, хотя бы в общих чертах, о политической и экономической обстановке, царившей в Семиречье в период 1920 — 1921 годов.

---

[1] В период гражданской войны — структурное подразделение военной разведки.

А.И. Дутов

Установившаяся на его территории Советская власть столкнулась со множеством различных проблем — голод, разруха, враждебное отношение местного населения, «не понимающего» всех мероприятий новых властей, а также зреющие в недрах общества заговоры.

Недавно закончившиеся боевые действия гражданской войны насытили край как участниками белого движения, так и всевозможным оружием. Так как основное население Семиречья проживало в сельской местности, то практически у каждого крестьянина имелась винтовка, пулемет, или, на крайний случай, ружейный обрез.

Поскольку подвоза продовольственных товаров, и в первую очередь — хлеба из других регионов республики не осуществлялось, то обеспечение этим самым необходимым продуктом питания предполагалось осуществить за счет плановой продразверстки, обычной для периода военного коммунизма[1]. Всего таким образом предполагалось в год собирать до 5 000 000 пудов зерна.

Попытка сбора хлеба через сеть коммунистических ячеек, ревкомов, комбедов и других органов Советской власти не удалась с самого начала, так как многие коммунисты, в силу местных особенностей, попросту саботировали это мероприятие. Тогда было решено провести выемку зерна по-другому. Были созданы многочисленные союзы мусульман и батраков, женские и молодежные организации, детские приюты, дом инвалидов, обширная сеть просветительских учреждений — музыкальная школа на 300 человек, клубы, читальни и даже театры.

---

[1] Военный коммунизм — система чрезвычайных мер, принятых Советским правительством в ходе гражданской войны, с целью концентрации у органов власти всех материальных и продовольственных ресурсов, для наиболее рационального распределения таковых среди населения.

Результатом всех этих массированных агитационных мероприятий, проведенных специально созданным штабом в течение нескольких недель, было выполнение хлебной разверстки на 80 процентов, в то время как за всю предыдущую осень и зиму она была исполнена только на 10 процентов. Транспортные отделы, имевшие в своем распоряжении в общей сложности около 250 подвод, стали располагать 4 000 подвод. Лесные заготовки, намеченные на тот же сезон, за три месяца с начала работы выполнявшиеся только на 15 процентов, позднее стали выполняться на 95 процентов. Как говорил красноармеец Сухов: «Восток — дело тонкое».

Вторым фронтом, на котором местные власти вели непримиримую борьбу, была религия. Ввиду пестрого состава населения, в регионе было обилие всякого рода сект, в том числе — баптистов[1]. Многочисленные священники и проповедники всегда пользовались уважением во всех уездах. Как ни странно, именно баптисты организованно вступали в партию, правда, возник неприятный инцидент — когда во время Нарынского мятежа была объявлена тотальная мобилизация, то почти 70 процентов баптистов-коммунистов категорически отказались бороться с восставшими. Мало того, после ареста в селе Черноречье местного священника, богослужения стал проводить «секретарь сельской ячейки коммунистов, который исполнял службу в церкви и все православные обязанности[2]».

Ввиду необычайной популярности в Пишпекском[3] уезде местной христианской святой иконы, к поклонению которой стекались верующие даже из соседних регионов, местными властями была проведена операция по «аресту» иконы и отправке ее в город Верный[4], под охрану местной ЧК. Для острастки были также расстреляны два священнослужителя: «сел. Талгарь — за злостную контрреволюционную агитацию, за участие в казачьем восстании в 1918 году и спекуляцию пшеницей в количестве

---

[1] Последователи одного из течений протестантизма, возникшего в начале XVII века и шедшего по пути упрощения как внутренней организации христианской церкви, так и ее религиозных обрядов.

[2] Из информационной сводки военно-политических событий в Семиречье за первое полугодие 1920 года.

[3] Пишпек — в настоящее время г. Бишкек, столица Киргизской Республики.

[4] В настоящее время — г. Алма-Ата.

140 пудов, набранной от них, и поп селения Евгениевское — за участие в казачьем восстании и хранение винтовки, ручной гранаты и трех линейных патронов[1]».

Не меньшие проблемы у местного руководства вызывала спекуляция, которой занималась довольно большая часть населения, причем «все спекулятивные проделки русского населения тесно связаны с должностными преступлениями, а мусульманского — ввозом и вывозом запрещенных товаров. В связи с предполагаемым усилением охраны границ крупная спекуляция с ценными продуктами, как опий и анаша, должна заметно сократиться. [За] информационный период областной чрезвычайной комиссией задержано изрядное количество анашистов и опийщиков, которые без задержки передаются областному ревтрибуналу».

Проведение широкой программы перестройки народного хозяйства тормозилось из-за отсутствия четкого плана, а также необходимых денежных средств. Тем не менее, стоит отметить, что только за 1921 год предполагалось построить:

«1) 2 каменных моста, 58 деревянных и произвести капитальный ремонт 26 мостов;

2) Произвести ремонт Семиреченских трактов;

3) Постройка чугунно-медной литейной мастерской, завода и постройка электрической станции около города Верного.

4) Ремонт суконной фабрики, двух паровых мельниц, двух табачных фабрик и трех кожевенных заводов».

Сырье для всех этих промышленных предприятий решено было закупать у местных крестьян.

Однако наибольшие опасения областного руководства вызывала подпольная контрреволюционная деятельность. Стараниями чекистов в горах были обнаружены хорошо оборудованные тайники, где находились «11 винтовок и ящик с пироксилиновыми шашками, а также разные инструменты, как то топоры, пилы, котлы и т.п.». Данное обстоятельство повлекло за собой массовые аресты, проведенные среди местной «буржуазии» и бывших белых офицеров под началом у белогвардейского полковника Бойко. Часть из них (58 человек) были расстреляны.

---

[1] Так в документе.

Начавшееся расследование целого ряда аналогичных организаций привело партийное руководство к мысли о том, что все они имеют отношение к деятельности атамана Дутова, укрывшегося в китайской крепости Суйдун, который, как мы уже знаем, был мастером в подготовке всякого рода народных восстаний.

Информационные сводки и телеграммы, направленные в Москву, не могли не насторожить и высшее советское руководство. Перспектива образования на юго-восточных границах республики нового очага напряженности, в дополнение к еще не решенным дальневосточным проблемам, Совнарком совершенно не устраивала. Решено было покончить с этой проблемой окончательно — было санкционировано проведение террористического акта в отношении Дутова. Эта нелегкая задача была поставлена перед Реввоенсоветом Туркестанского фронта, который переадресовал столь почетную обязанность Регистрационному отделу Туркестанского фронта, а тот, в свою очередь, Верненскому регистрационному отделению, а последний — Джаркентскому регистрпункту.

Уже 26 сентября 1920 года начальник Джаркентского регистрпункта Давыдов сообщал своему руководству в г. Верный, что «в ущелье Теректы, что в 20-ти верстах от Мазара, пасутся до 500 лошадей казаков отряда Дутова. Разрешите организовать перегон лошадей на советскую сторону, не прибегая к вооруженной силе и компенсируя за услуги лошадьми. Также прошу разрешения организовать похищение Дутова живым, в крайнем случае — его ликвидации. Ответ срочно». В свою очередь, начальник Верненского регистрационного отделения Пятницкий запросил на сей счет мнение Центра. Последовало очередное указание — ликвидировать Дутова любой ценой.

Необходимо сказать, что эта задача была весьма сложной. По информации, которой Давыдов располагал к тому времени, было известно, что Дутов и весь его отряд в 500 казаков располагались в крепости Суйдун, круглосуточно охраняемой отрядом вооруженных китайцев. Выезды атамана за пределы крепостных стен осуществлялись очень редко.

Человек, который мог бы выполнить миссию по ликвидации Дутова, кроме бесстрашия должен был обладать еще целым рядом достоинств, а именно: уметь переходить государственную границу, иметь значительные связи

за границей, а также достаточно правдоподобную легенду, способную заинтересовать атамана, который, напомню, был выпускником Николаевской академии Генерального штаба и, соответственно, знаком как с разведывательной, так и с контрразведывательной деятельностью.

И такой человек был найден. Касымхан Чанышев[1], во-первых, был коммунистом; во-вторых — начальником уездной милиции; в-третьих — происходил из местной аристократии, часть которой находилась в Китае, в непосредственной близости от границы и крепости Суйдун (в связи с чем и получил псевдоним «Князь»); в-четвертых — он был достаточно храбр; в-пятых — он с большим желанием взялся за это рискованное дело.

На начальном этапе перед Чанышевым поставили задачу по изучению как самого Дутова, так и его ближайшего окружения, а также дальнейших планов атамана.

Пока происходили все эти события, активизировалась деятельность атамана Дутова по консолидации всех антисоветских сил, в том числе — в смежных с Семиречьем областях. В октябре 1920 года в руки начальника Джаркентского регистрпункта Давыдова попала довольно интересная копия документа, которую удалось получить от одного из курьеров атамана. В нем, в частности, говорилось:

«Командующему армией в Фергане Ергаш-Баю.

Еще летом 1918 г. от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас — связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение — работать вместе — мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула.

В 1919 году летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с нею Вам вновь письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию,

---

[1] Полный отчет К.Чанышева публикуется в приложении № 6.

но эта миссия по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе в Китае, у Джаркента, в г. Суйдуне. Со мной отряды, всего до 6000 чел. В силу обстоятельств оружие мое сдано Китайс. Правительству, и теперь я жду только случая вновь его получить и ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа. Шлю поклон Вам и Вашим храбрецам.

Атаман Дутов.

1 октября 1920 года.

№ 732, ставка Суйдун, Китай».

Необходимо отметить, что изложенная в письме информация прямо-таки требовала решительных мер. «Князь», срочно отбывший в Китай еще в сентябре, после недолгого отсутствия появился в Джаркенте. Сведения, полученные от него, вполне обнадеживали. Прикинувшись ярым противником большевизма и пользуясь родственными связями среди видных белогвардейских деятелей, ему удалось войти в личное знакомство с атаманом Дутовым, к которому он и поступил на службу агентом в Советской России. Дутов поручил Чанышеву широко использовать свое общественное положение, занимаемое в Джаркенте, в своих интересах, всячески стараясь тайно подрывать авторитет Советской власти и, в то же время, оказывать всемерное содействие расширению и укреплению ячейки, существующей в Джаркенте, которая работала по инструкциям и указаниям Дутова.

В состав джаркентской ячейки входили: врач Церавский, его зять — Гельштер, директор бывшей гимназии Лейман, Троицкий и многие другие, не выясненные к тому времени лица. Кроме того, была получена информация о существовании подобных организаций в Пржевальске, Талгаре, Верном, Пишпеке, Ташкенте, Семипалатинске и Омске. Общая для всех созданных ячеек цель — подготовка сил к одновременному восстанию против Советской власти, борьба с большевиками до полной победы и осуществления заветной мечты всех белых — созыва Учредительного собрания.

По горячим следам активных деятелей белогвардейских организаций в перечисленных городах выявить не удалось, но в дальнейшем, в ходе работы местного ЧК, велика была вероятность раскрытия всей дутовской контрреволюционной сети.

Из личных разговоров Чанышева с Дутовым выяснилось также, что определенные надежды последним возлагаются на чудотворную икону Табынской божьей матери, с которой они намереваются выступить в поход, сыграв на безразличном (если не сказать — враждебном) отношении большевиков к религиозным чувствам населения. Активным участником всех дел атамана, в том числе приготовлений к походу, являлся священник по имени Иона, или, как его именовали все, «святой Иона».

Кроме инструкций, Чанышев получил для распространения среди населения солидную пачку агитационных воззваний: «Народам Туркестана», «К чему стремится атаман Дутов?»[1], «Обращение к большевику»[2], «Слово атамана Дутова к красноармейцам»[3], «Обращение к населению Семиречья».

Удалось также установить, что эти воззвания в изобилии распространяются по уездам Семиречья, причем все это делалось настолько умело и тайно, что случаев обнаружения прокламаций среди жителей, по крайней мере — Джаркентского уезда, не было.

Итак, к моменту выступления сам Дутов располал всего пятьюстами вооруженных казаков. Но могли произойти какие-либо коренные изменения. Так, например, генерал Дутов не оставлял надежд на поддержку не только казачеством, но и со стороны местного крестьянства, а также и киргизов.

Несмотря на весьма воинственные речи и приготовления, изредка в словах Дутова (по оценкам Чанышева) чувствовалась некоторая неуверенность в успехе затеваемой кампании, ибо он заявил: «Я выйду умирать на русскую землю, и в Китай больше не вернусь».

Ближайший боевой помощник атамана — генерал Багич, на отряд которого он возлагал особые надежды, имел в своем распоряжении отряд численностью до 6000 человек, из которых вооружено было до 2000. Кроме того, в распоряжении Багича были 2 скорострельных орудия и 4 пулемета.

Но и у Багича был занят своими проблемами — около 1500 штыков башкир, входивших в отряд, хотели не воевать, а вернуться на родину. Их настроение к белому

---

[1] См. приложение № 3.
[2] См. приложение № 4.
[3] См. приложение № 5.

руководству было почти враждебным; только боязнь возможных репрессий и расстрелов удерживала их в отряде.

Кроме агитационной и другой подготовительной работы, белыми был оборудован в Кульдже[1] завод по выпуску винтовочных патронов, о существовании которого сведений не имели даже китайские власти.

В целях недопущения несогласованности и ошибок в действиях своих отрядов, Дутов отдал приказ о подготовке отличительных знаков на обмундировании. Для православных нашивался крест, для мусульман — луна и звезда.

Наладившаяся связь с Дутовым поддерживалась с помощью конных посыльных. Через некоторое время «Князь» направил всадника к атаману, с просьбой сообщить о положении дел, о времени и возможности выступления против Советской власти, а также с информацией о том, что ему, «Князю», якобы предоставляется возможность произвести заготовку хлеба, фуража по пути следования Дутова.

Ответ не заставил себя долго ждать. Дутов лично написал письмо, в котором говорилось:

«Письмо Ваше получил. Теперь сообщаю новости. Анненков уехал в Хами. Все находящиеся теперь в Китае мною объединены. Имею связь с Врангелем. Дела комиссаров Кульджи все хуже и хуже, наверное, скоро уедут. Началось восстание в Зайсане. Наши дела идут отлично. Ожидаю на днях получения денег, они уже высланы. Связь держите с Чимпандзе, там есть полковник Янчис, он предупрежден, что к нему будут приезжать люди, от кого — он не должен спрашивать, да ему и не сообщается о вас. Про Вас знаю только я один. Продовольствие нужно: на первое время хлеб по расчету на 1000 человек, на три дня должен быть заготовлен в Боргузах или Джаркенте, и нужен клевер и овес. Мясо тоже. Такой же запас в Чилике на 4000 человек хлеба и фураж. Надо до 180—200 верховых лошадей. Даю слово никого не трогать и ничего не брать силой. Передайте мой поклон Вашим друзьям — они мои. Посылаю своего человека под Вашу защиту и ответ: сообщите точно число войск на границе, как дела под Ташкентом и есть ли у Вас связь с Ергаш-баем.

Поклон, дружище. Ваш Д.

К Янчису будете посылать — говорите только одно: по приказу атамана».

---

[1] Кульджа (Инин) — город в Китае, на реке Или, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Было очевидно, что Дутов весьма рассчитывает на получение подкреплений от Багича. Группа в 4 000 конников должна была в скором времени начать боевую операцию. Присланный же в Джаркент связник атамана, который (разумеется, с помощью Чанышева) был устроен на работу в одно из советских учреждений, должен был также обеспечить координацию совместных усилий, а также «присматривать» за «Князем». Ясно, что Дутов занял выжидательную позицию, так как для решительного выступления у него самого не хватало сил.

На определенном этапе К.Чанышев вдруг почувствовал, что Дутов ему все еще не доверяет. Об этом свидетельствовали не только многочисленные проверки его благонадежности[1]. Даже в очередном письме это обстоятельство было четко обозначено:

«К.Ч. Ваш обратный приезд в Джаркент меня удивил, и я не скрою от Вас, что я принужден сомневаться и быть осторожным с Вами, поэтому впредь до доказательства Вами преданности нам, я не сообщу многого. Сообщу лишь Вам последние сведения, полученные три дня тому назад.

Ваши большевики озверели потому, что им будет конец. У меня был один мусульманин с Кубани и передал письмо Врангеля. Содержание его не скажу. Деньги от Врангеля я получил. Каково мое отношение к китайцам и их ко мне — Вам знать незачем. Врангель взял Екатеринодар, Владикавказ, Новочеркасск и Астрахань. Все казачьи войска — с ним, и теперь, когда официально Врангель признан правителем России, Францией и Америкой — дело большевиков кончено.

Италия выгнала большев. агента из своей страны. Мы теперь имеем тесную связь со всеми, и надо сейчас не играть на две лавочки, а идти прямо.

Я требую службы Родине — иначе я приду, и будет плохо. А если кто из русских в Джаркенте пострадает — ответите Вы и очень скоро.

Я требую сдачи в Чимпандзе 50 винтовок с патронами — иначе сами учтите, что будет. Вы сделать это можете, и тогда поздравляю Вас с чином и должностью высокой, почетом и уважением.

До свидания. А.Д.».

---

[1] Более подробно см. приложение № 6.

Атаман явно угрожает. Кроме того, успехи Врангеля явно преувеличены. В своем очередном послании, полученном Чанышевым в конце октября, по-прежнему прекрасно настроенный атаман сообщает:

«Вы спрашиваете новости. Сообщаю: ген. Врангель соединился с крестьянами Махно[1] и теперь работают вместе. Фронт его усиливается ежедневно. Франция, Италия и Америка официально признали генерала Врангеля главой всероссийского правительства, послали помощь: деньги, товары, оружие и 2 пехотных французских дивизии. Англия пока подготавливает общественное мнение против большевиков и на днях ожидается ее выступление. Дон и Кубань соединились с Врангелем. Все эти сведения достоверны, так как получены об этом телеграммы из Пекина и газеты. Бухара, совместно с Афганистаном, выступает на днях против Соввласти. Думаю, что шаг за шагом коммуна погибнет, комиссарам грозят все последствия народного гнева. Советую семью Вашу перевезти в Кульджу, под видом свидания с родственниками или закупки товаров. Пока все. Поклон Вам и другим, кто против народа не работал.

А.Д.».

Как обстоят дела на самом деле, сообщил курьер Князя, ездивший к Дутову:

А) В пределах Кульджинского округа протекает мобилизация, причем набор происходит по расчету 800 человек на волость, однако призыву по этой мобилизации в войска не подлежат дунгане и тарачинцы, очевидно, из опасений их нелояльности по отношению к китайцам. Эта мобилизация — не случайна. Она проводится на случай выступления Дутова, усиленно ведущего приготовления к походу — если кампания последнего потерпит фиаско, пресечь ему путь отступления в китайские пределы и, тем самым, избегнуть открытия военных действий со стороны Советской России. На днях китайские представители выезжали на обследование границы, выясняя степень надежности ее охраны.

---

[1] Махно Нестор Иванович (1889—1934) — анархист, создатель крестьянских вооруженных отрядов на территории Украины, где вел боевые действия против Красной армии, петлюровцев и белогвардейцев, время от времени вступая в союз с каждой из этих сторон. С августа 1921 года — в эмиграции.

Б) Дутов продолжает усиленным темпом вести приготовления к походу. В письме к «Князю» он предлагает задержать какими угодно средствами запасы опиума, находящегося на складах в Джаркенте. В Куре производятся строевые занятия русских белогвардейцев.

Постепенно радужные настроения атамана рассеиваются. После очередной поездки на поклон к Дутову 9 ноября 1921 года, возвратившийся «Князь» сообщил очередные новости:

А) В связи с разгромом Врангеля, мира с Польшей, быстрой ликвидацией нарынских восстаний, позванный своим войском атаман Дутов совершенно пал духом. На вопрос «Князя» как обстоят дела, ответил: «Дела, брат, неважные. Врангеля прогнали, с поляками помирились — Петроградом началось и Петроградом окончится, и не нам здесь решать судьбу России».

Б) Денежных средств в данный момент Дутов не имеет — это усматривается из того, что «Князь» просил у него на «организационные расходы», и получил отказ и обещания, что когда Дутов восторжествует над большевиками — то не забудет своих верных слуг, не покинувших его в трудные минуты. Оружие также отсутствовало. На просьбу «Князя» прислать несколько автоматических винтовок, он также получил отказ, и только обещания, обещания и обещания дать их в будущем, при получении таковых от китайцев.

В) Начатая было китайцами мобилизация прекратилась; очевидно, что последние убедились в добрососедских отношениях с Советской Россией.

Г) Сведения о приходе Багича оказались вымышленными и не подтвердились совершенно.

На очевидные неудачи белого движения очень резко среагировал рынок. Курс русского романовского рубля и керенки у менял города Кульджи упал до самых низких значений.

Но Дутов все еще крепится. В полученном 12 ноября его очередном письме говорилось:

«Ваше письмо получил. Очень благодарен за сведения и за Вашу работу. Новости таковы: восстание Алтайской губернии и около Семипалатинска идет, и подавить его не смогли. Связь с Дальним Востоком и Врангелем у нас установлена. До меня дошли слухи, что красные хотят предпринимать поход на Китай, и в Джаркент переходит

штаб армии и будто армией этой будет командовать генерал Сокольский или Сокольницкий. Правда ли все это? На все Ваши подробные вопросы отвечу следующим посланным, которого очень прошу прислать к вечеру 16 ноября. С ним сообщу подробный план действий.

Мне необходимо прислать три винтовки с патронами, лучше 3-х линейки. Если устроите это дело — награда будет очень большая. Людей еще пошлю. Дело наше идет вперед. Вас прошу работать так: внушать населению, что пока будут большевики — нет порядка, помощи. Запутать аппарат власти, введя больше канцелярщины и милиции, надо скрывать дезертиров. В следующий раз пришлю выдержки из телеграмм и газет как иностранных, так и русских. Проверьте слух о движении к Джаркенту 3-х советских полков из Аулие-Ата. Прошу прислать советские газеты. Ходят ли телеграммы в Оренбург и Семипалатинск — узнайте это. Желаю всего хорошего. Будьте здоровы. Д.»

Итак, все единомышленники, обладавшие сколько-нибудь реальной силой, в последний момент от атамана Дутова отвернулись. Атаман Анненков занялся своими проблемами, верный Багич также не смог прибыть в Суйдун, а своих сил было слишком мало. Таким образом, в этой обстановке все надежды Дутова возлагались исключительно на «Князя», который становился теперь основной фигурой, способной решить поставленные атаманом задачи.

Необходимо сказать, что на протяжении всей этой переписки Дутов щедро снабжался дезинформацией, подготовленной в регистротделении, уездной и областной ЧК. Иногда, в случае необходимости, предпринимались определенные шаги с тем, чтобы дезориентировать людей атамана, продолжавших пристально следить за К.Чанышевым. Казалось бы, что деятельность Дутова, все его последующие шаги, намерения были как на ладони, что все организованные им вооруженные выступления вскоре локализуются. Остается только удивляться маниакальному стремлению атамана к подготовке очередного мятежа, следующего очага нестабильности, новой войны. Таким образом, люди, с помощью которых реализовывались утопические — по своей сути — мечты, в очередной раз становились всего лишь разменной монетой, «пушечным мясом». В этом отношении генерал не был оригинален.

В Москве продолжали с тревогой следить за развитием событий в Средней Азии. Военные телеграммы, отмечавшие любое изменение ситуации в этом крае, продолжали поступать. Основным действующим лицом в них, как мы уже подозреваем, был атаман Дутов.

Очередное письмо Дутова, доставленное К.Чанышеву гонцом в декабре 1920 года, гласило:

«К. Письмо получил, сейчас же отвечаю, кажется ждать нечего. Если 5 полк наш — то с богом начинайте. Буду сегодня давать распоряжение. Мне посланный сказал, как только полк восстанет, то сейчас же идти на границу на другой день быть там 4 по старому стилю, часть наших будет держать разъезды у границы, а вы действуйте по обстановке. Главное запасайте оружие и высылайте его на границу. Там сейчас же вооружатся и уйдут к Вам на помощь. Телеграф обязательно перерезать и дать знать в Баскунчи и в Баргузир. Там есть наши люди, они поддержат Вас сейчас же. Когда начнете восстание, посылайте в Гавриловку, Апсинск гонцов, там ждут, и дальше в Уч-Арале, Алакуль. Вся эта местность готова, оттуда дадут знать в Чугучек и лагерь.

Не забудьте дать знать в Пржевальск и Кольджат. Помните, что от этого зависит все — связь во все стороны и оружие на границу. Чимпандзе имеет более 300 бойцов. Желаю удачи и до свидания.

Подлинное подписал: Д.».

Именно после этого письма, спустя несколько часов уже лежавшего на столе у политического руководства страны, было принято окончательное решение — ликвидировать Дутова в кратчайшие сроки, любым способом и любыми средствами.

Следуя этому решению свыше, уже руководством Семиречья Чанышеву были даны соответствующие указания. Необходимо также отметить, что о деятельности «Князя» знал очень ограниченный круг лиц — любая утечка информации могла стоить жизни не только подобранным для реализации плана людям, но и натолкнуться на адекватные меры со стороны Дутова.

В то время, когда группа Чанышева готовилась осуществить ликвидацию Дутова, по независящим от нее причинам она чуть не осталась без своего руководителя. Решив, что «Князь» по своей инициативе оттягивает реализацию плана, и заподозрив его в недостатке желания,

местный реввоенсовет, губчека и другие силовые структуры на своем заседании 29 января 1921 года приняли решение о новом сроке для убийства атамана. Он истекал в 12 часов 7 февраля. При невыполнении плана сам Чанышев подлежал расстрелу, а при его отсутствии должны были пострадать девять заложников[1].

Создавшееся положение повлияло на окончательное решение проблемы с Дутовым — после нескольких неудачных попыток, в 18 часов 6 февраля 1921 года генерал-лейтенант Дутов был убит в китайской крепости Суйдун, вместе со своим адъютантом и несколькими солдатами, охранявшими вход в отведенные атаману апартаменты. Через два дня, 8 февраля в Суйдуне была отслужена панихида, после которой тела Дутова и остальных белогвардейцев были отправлены в город Кульджу, где и были похоронены[2].

После ликвидации Дутова местные власти известили Центр о выполнении ответственного задания. Одновременно возникли трения по поводу получения «лавров» — кто же, все-таки, реализовал план «Князь». В этот спор вступили практически все стороны — и реввоенсовет, и ВЧК, и погранстража, и местная милиция. Ответ здесь был очень простым — в деле они, действительно, все принимали участие, но в разной степени. Однако приписываемая ВЧК стопроцентная реализация этого плана является очевидным блефом.

Чтобы поставить окончательную точку в дутовской эпопее, процитирую последний из документов, относящийся к данной проблеме:

«Телеграмма Шифром вх. ВЧК № 12/2-21 г.[3]

Москва ВЧК копия Сокольникову[4]

В дополнение посланной вам телеграмме сообщаю подробности: посланными через джаркентскую группу коммунистов шестого февраля убит генерал Дутов и его адъютант и два казака личной свиты атамана при следующих обстоятельствах. Руководивший операцией зашел квар-

---

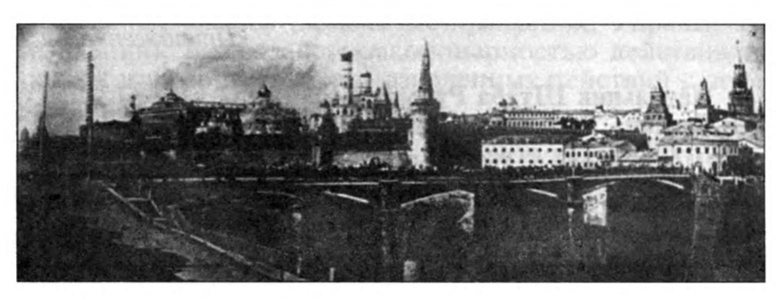
[1] См. приложение № 6.

[2] Подробности реализации плана убийства Дутова изложены в приложении № 6.

[3] На документе есть помета: «В ЦК РКП послано».

[4] Сокольников Григорий Яковлевич (1888—1939) — с 1918 года член Реввоенсовета ряда фронтов гражданской войны, председатель Туркестанской комиссии СНК и ВЦИК. Позднее — на партийной и хозяйственной работе.

тиру Дутова, подал ему письмо и, воспользовавшись моментом, двумя выстрелами убил Дутова, третьим адъютанта. Двое оставшихся для прикрытия отступления убили двух казаков из личной охраны атамана, бросившихся на выстрелы в квартиру. Восьмого февраля после панихиды трупы убитых отправлены Кульджу. Наши сегодня благополучно вернулись Джаркент. Ташкент, 11 февраля 1921 г. № 586. Уполномоченный представитель ВЧК Петерс[1]».

Москва в начале XX века

[1] Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — в 1920—22гг. представитель ВЧК в Туркестане. Позднее — на разных постах в ВЧК-ОГПУ, затем на партийной работе в МКК ВКП(б). Необоснованно расстрелян, в настоящее время полностью реабилитирован.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Начальник Штаба Румынского
Легиона Трансильвано-
Буковинских стрелков
21 февраля 1920 г.
№ 101

Своей подписью и приложением печати удостоверяю, что действительно 26 января 1920 года в санитарном вагоне румынского легиона от гангрены обеих ног и воспаления легких, не приходя в сознание скончался ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ, ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КАППЕЛЬ, тело почившего было передано в один из санитарных чешских эшелонов под честное слово для предания земле за озером Байкал (восточнее этого озера) во избежание возможности осквернения могилы кем бы то ни было.

Локотинент — Колонель Петровски»[1].

---

[1] Автограф.

Положение о войсковых атаманах казачьих войск

1. Войсковые атаманы избираются войсковыми кругами на определенный срок из природных казаков своего войска.

2. Об избрании войсковых атаманов войсковые круги доводят до сведения верховной власти.

В исполнение обязанностей войсковые атаманы вступают тотчас же по избрании, донеся о сем верховной власти через Министерство по делам казачьих войск.

3. Войсковые атаманы являются главой исполнительной власти в войске.

4. Войсковые атаманы управляют своими войсками в военном отношении через войсковые штабы, а в гражданском — через избранные войсковыми кругами исполнительные органы (войсковые правления, Управы, Управления), наблюдая за закономерностью действия таковых и за соответствием означенных действий с волей круга.

5. Войсковые атаманы по управлению войсками в военном отношении строевых казачьих частей, находящихся на территории своего войска и не входящих в состав высших соединений (корпуса, армии) пользуются правами начальника непосредственно высшего над тем начальником части, какой командует высшими соединениями в данном войске, но не ниже начальника дивизии.

6. Строевые казачьи части в мирное время расквартировываются на территориях своих войск, если это не нарушает интересов обороны государства. Расквартирование вне территорий войск производится по предварительному соглашению войсковых атаманов с военным Министерством через Министра по делам казачьих войск.

7. Строевые казачьи части, входящие в высшие общеармейские соединения (корпуса, армии) подчиняются войсковым атаманам лишь в инспекторском отношении.

8. По поддержанию государственного порядка и в отношении несения гарнизонной службы строевые казачьи части, находящиеся хотя и на территории своего войска, подчиняются высшему местному военному начальнику через своего войскового атамана, если таким начальником не является сам войсковой атаман.

9 Войсковые атаманы представляют кандидатские списки на командиров полков и высших строевых начальников в мирное время — командиру по делам казачьих войск, а в военное — походному атаману и при назначении их на должности дают свое согласие.

10. Войсковые атаманы могут совмещать в своем лице другие высшие должности не иначе, как с согласия войсковых кругов и лишь в районе территории своего войска.

Примечание 1: Войсковые атаманы, принявшие назначение на должность вне территории своего войска, утрачивают звание и права войскового атамана.

Примечание 2: При назначении в военное время на командные должности на театрах военных действий войсковые атаманы сохраняют свое звание, оставляя заместителя.

11. Войсковые атаманы наблюдают за исправным несением военных обязанностей казачьим населением, а также за боевой и мобилизационной готовностью строевых частей, военных управлений и учреждений войска.

12. Войсковые атаманы в случае несоответствия действий и постановлений войсковых Управ (правлений, управлений), в смысле законности и несоответствия постановлениям кругов, приостанавливают таковые и представляют на рассмотрение совещания представителей, о чем и докладывают на ближайшей сессии войскового круга.

Приложение № 3

К чему стремится атаман Дутов?[1]

Избранник тринадцати казачьих войск и населения трех губерний, почетный старик[2] всех войск и гражданин многих городов России, атаман Александр Ильич Дутов отдал себя всего на служение народу без различия веры и национальности. Для Дутова не существует разницы классов и сословий, наций и веры. Атаман Дутов считает великой свою Россию и стремится упрочить величие ее. Все же народы, населяющие Россию, должны быть вместе и работать дружно для ее блага, славы и величия. Будет Рос-

---

[1] Листовка

[2] Так в документе.

сия цела — все будут в ней спокойны, и получать все для себя; не будет России — все рухнет; не составят себе ни мусульмане, ни башкиры, ни украинцы, никто отдельного государства. Более сильный народ или государство по частям разобьет каждую группу и погибнет целое. Атаман Дутов полагает, что крупные народности России, как, например, мусульманские, должны иметь особые права и особые управления. Другие меньшие народности должны быть обеспечены в сохранении своего быта, обычаев, языка и веры, а в управлении государством иметь обеспеченное законом меньшинство. Атаман Дутов полагает, что мусульмане в тех областях, где они большинство и почти исключительное, должны иметь свое самоуправление, свой язык и свою письменность и только в сношениях с Правительством России употребляется язык русский. Свобода веры мусульман неприкосновенна, также как их мечети и молитвенные дома. Школы для мусульман, там, где будет помощь государства, имеют одинаковое с русскими право на таковую помощь и поддержку от казны. Быт, обычаи, суд — по своим книгам, преданию и обычаю мусульмане сохраняют полностью и неприкосновенно. Только преступления государственные караются общегосударственным судом. Смешанные дела мусульман и христиан разрешаются общегосударственным судом при равном числе судей мусульман и христиан. Земельные угодья татар, киргиз, таранчей, башкир и других мусульман составляют собственность данного народа, мусульмане могут иметь свои войска, своих офицеров, команды на мусульманском наречии, иметь знаки луны, но дисциплина и организация должны быть общегосударственные, равно как и определение мест квартирования частей есть исключительное право Правительства России. Форма одежды мусульманских частей, пища и казарменный обиход должны быть соответственны с их обычаем и Кораном. Праздники мусульманские — праздники мусульманских воинских частей. В государственной жизни мусульмане играют такую же роль, что и русские, согласно пропорциональности населения, с сохранением закона меньшинства. Родовое начало, право седины сохраняются у мусульман, равно как и многие обычаи, процессии, празднества, увеселения и семейный уклад. Права мусульман в торговле, оседлости и других отраслях жизни ничем не ограничиваются. Право получения высшего образования

за государственный российский счет и право службы в русских учреждениях по желанию от мусульман не отъемлются и ничем не ограничиваются. В какие формы может вылиться мусульманский вопрос, атаман Дутов не предрешает, считая его с одной стороны окончательным для решения только Учредительным собранием, с другой — самим мусульманином на их всероссийском съезде. Атаман Дутов полагает, что в новой, возрожденной России смертной казни, как позорящей имя человека, быть не должно. Все реквизиции, контрибуции и другие насилия путем извращения закона должны отойти в вечность. Свободная торговля в свободной стране должна быть одним из условий восстановления промышленности и торговли. Имущество граждан должно быть защищено законом. Ни монархия, ни республика, навязанная народу отдельными лицами, не будут прочны до тех пор, пока народ России весь не скажет своего властного слова о том образе правления, который он хочет иметь. Свобода, равенство и братство — в лучшем понимании этих слов — вот к чему стремится атаман Дутов.

Приложение № 4

Обращение к большевику

К тебе, большевик, пишу я. Кто ты, русский, и не видишь ничего русского. Если ты мусульманин, вспомни Коран и заветы Магомета, нарушено и загажено. Где твоя свобода, можешь ли ты говорить то, что хочешь, можешь ли ты ехать туда, куда желаешь, можешь ли ты торговать и делать запасы? Спокоен ли ты за свою жену, дочь и сына, за свой дом, за свои сапоги, за хозяйство, белье, хлеб и скот? Почему Семирек идет в Ташкент и далее, а Сибиряк идет в Семиречье отбирать хлеб, скот и одежду? Что ты знаешь о белом свете? Только то, что сказал тебе комиссар, а он говорит лишь о своей выгоде. Можешь ли ты послать телеграмму туда, куда хочешь, и получить ответ в тот же день или на другой? Где скорая почта, езда по железным дорогам, где почтовые тракты? Куда ни глянешь ты — везде разруха. Опомнись и не принимай сам участия в этом преступном деле. Вспомни бога, своих дедов и великую мать Россию и брось свой большевизм и

иностранщину. Иди по пути честного русского гражданина, будь свободным сыном своей великой земли.

Атаман Дутов.

Приложение № 5

Слово атамана Дутова к красноармейцам

Братья заблудившиеся и заведенные в тупик, измученные братья... Стон ваш дошел до меня... Я увидел слезы ваши, ваше горе, нужду и страдания... И мое сердце русское, душа православная заставляет забыть все обиды, причиненные вами вашей родине многострадальной... Ведь нас всех так мало осталось. Сколько погибло на Германской войне, а еще больше — в междоусобной. Где же Вы, люди православные, где Вы, сыны верные Матушки России? Откликнитесь, остановитесь. Забудем старые обиды, деления на партии, раздоры и ссоры. Будем помнить, что у нас русская кровь течет, что сердце русское в нас бьется. Протянем братски руку друг другу и пойдем спасать Матушку Святую Русь. Избранник народа, я, Вами русскими людьми выдвинутый, раскрываю свои объятия, со слезами и радостью встречаю своих детей, забывая, кем

Пленные красноармейцы

Вы были раньше, и помню лишь одно, что теперь Вы верные сыны своей родины, и готовы страдать за нее.

Итак, братья, одной дружной семьей, в которой не будет ни красноармейца, ни комиссара, ни белогвардейца, а будут только русские люди, горящие любовью к родине, пойдемте с Божьей помощью спасать Россию, чтобы скорее вернуться к честному и спокойному труду, во славу величия нашего государства.

Атаман Дутов.

Приложение № 6

Начальнику Верненского регистротделения регистрода Реввоенсовета Туркфронта товарищу Пятницкому агента того же отделения Касымхана Чанышева

Доклад

В сентябре прошлого 1920 года мне Вашим помощником товарищем Щербетиньским было предложено поступить агентом в Джаркентский пункт вверенного Вам отделения, на что я счел себя обязанным согласиться, т.к. считал себя могущим принести пользу в названной должности.

Первой задачей, данной мне заведующим Джаркентским регистрпунктом товарищем Давыдовым, было: познакомиться с атаманом белых, находящихся в пределах Илийского округа Китайской Республики, Дутовым, постараться заслужить его доверие и узнать в точных числах количество белых, находящихся там.

В то время я занимал пост начальника уездной милиции, поэтому для исполнения указанной задачи мне потребовался отпуск, каковой и был дан сроком на 15 дней.

Получив отпуск, я поехал в пределы Китайской Республики в город Кульджу, где у меня имеются родственники, у которых я и остановился. На другой же день по приезду в Кульджу я встретил на улице бывшего джаркентского городского голову Миловского, скрывшегося в китайские пределы от ответственности, будучи пригово-

рен Революционным Трибуналом к заключению в концентрационный лагерь на 20 лет. В разговоре Миловский всячески нападал на Советскую Власть, в чем я его усиленно поддерживал, стремясь завоевать его доверие и воспользоваться им для выполнения задачи. Ему я, между прочим, сообщил, что у меня имеется 200 человек вооруженных милиционеров, с которыми я свободно могу произвести восстание в Джаркентском уезде. Обрадованный Миловский предложил мне познакомиться с атаманом Дутовым, с которым и сговориться о дальнейших действиях, предварительно же посоветовал переговорить с проживавшим в Кульдже попом Ионой.

Вечером того же дня Миловский привел этого попа Иону на квартиру моих родственников, где я остановился.

После долгого разговора с попом Ионой, мне последний заявил: «Я человека узнаю по глазам. Вы наш человек и Вам необходимо познакомиться с атаманом Дутовым. Он человек хороший, если Вы будете работать ему, то он Вас никогда не забудет. Я завтра поеду в Суйдун, а Вы завтра же вечером тоже приезжайте туда, заходите в казарму и спросите отца Иону. Часовой Вас пропустит, и мы переговорим».

В Суйдун я выехал лишь через день, с целью встретиться с попом Ионой не в казарме, а непосредственно в квартире Дутова.

Приехав в Суйдун, в полдень я случайно на базаре встретился с полковником Аблайхановым, которого знал еще с детства. В разговоре с ним во время обеда в харчевне он мне сообщил, что состоит переводчиком у Дутова. После чего я уверил его, что хочу им помогать и имею для этой цели 200 вооруженных милиционеров и просил его доложить Дутову о моем приезде и желании переговорить с последним. Обрадованный Аблайханов пошел к Дутову и через 15 минут, вернувшись, пригласил меня идти к Дутову.

Дутов принял меня одного, выслав всех из комнаты. После долгого разговора, во время которого он меня убеждал помогать ему, он заявил, что в случае моей измены он найдет меня на дне моря, и обещал после получения от меня первых же сведений прислать в Джаркент одного помощника, с которым я должен буду подготовлять восстание.

Находя, что данная мне задача выполнена, я вернулся в Джаркент и сделал соответствующий доклад заведующему регистрпунктом товарищу Давыдову.

Спустя некоторое время с товарищем Давыдовым было составлено письмо к Дутову, в коем излагались ложные сведения.

Ответом на это письмо Дутовым был прислан человек по фамилии Нехорошко, зачисленный писцом в Угормилицию, что явилось доказательством доверия Дутова мне.

В возникшей переписке между заведующим регистрпунктом Давыдовым через меня — с одной стороны, и Дутовым — с другой, мы просили Дутова прислать мне пулеметы с патронами, необходимые для организации восстания. Дутов же просил прислать три трехлинейных винтовки, видимо желал еще раз убедиться в моей преданности их делу.

По приказанию заведующего регистрпунктом тов. Давыдова срочно были привезены в гор. Чимпандзе (пограничный китайский город) три трехлинейных винтовки и один револьвер системы «Наган» и переданы, согласно распоряжения Дутова, полковнику Янчису, от которого я взял расписку, переданную мною Дутову по приезде в Суйдун.

Дутов встретил меня радостно и сообщил, что его агентура донесла ему о желании большевиков арестовать меня. Я уверил Дутова, что обратно в Джаркент не поеду, но предложение его оставаться у него в Суйдуне отклонил, прося отпустить меня к родственникам в Кульджу. Согласившийся Дутов снабдил меня визитной карточкой на китайском языке, на которой карандашом приписал следующее: «Отец Падарин. Предъявитель сего из Джаркента — наш человек, которому помогите во всех делах».

Заподозрив недоброе, я, приехав в Кульджу, к Падарину не пошел, а послал одного агента Регистрода к нему с этой карточкой и велел попросить денег и сказать, что я сам заболел.

В ответ на это Падарин денег не прислал, а передал словесно через агента распоряжение мне явиться ночью к нему на квартиру.

Убедившись из такого ответа в действительности моих подозрений, я выехал в Джаркент, передав Падарину через этого же агента, что меня экстренно вызвали туда.

Вернувшись в Джаркент, я вызвал Нехорошко к себе, и уверил его в том, что отъезд мой был вызван письмом, полученным из Джаркента, в котором сообщалось, что мое дальнейшее пребывание за пределами Советской России вызовет аресты моих родственников и помощников по организации восстания. Убедившийся Нехорошко обещал разъяснить положение Дутову таким образом, что у того отпадут малейшие подозрения.

Находя, что к этому времени я уже в достаточной степени заслужил доверие Дутова и мне сравнительно легко будет привести в исполнение план ликвидации его, я, посоветовавшись со своими товарищами, которые помогали мне при сборе военно-агентурных сведений, предложил этот план заведующему Регистрпунктом тов. Давыдову, и просил разрешения проводить его в жизнь, однако такого разрешения тогда товарищ Давыдов не дал.

Спустя месяц (т.е. 5 января с.г.) товарищ Давыдов мне разрешил проводить план ликвидации Дутова в жизнь и предложил подписать обязательство, по которому я должен был убить Дутова в течение 10 дней, при невыполнении же чего должен быть расстрелян.

Будучи коммунистом и сознавая тот вред, который может быть причинен Дутовым Советской России и Революции при оставлении Дутова не обезвреженным, я счел своим революционным долгом названное обязательство принять на себя, поставив, однако, необходимым условием арест Нехорошко и еще двух лиц, подозреваемых мною в работе в пользу белых, нахождение которых на свободе могло помешать осуществлению плана. Нехорошко скоро же был арестован, другие же два лица, по неизвестным мне причинам арестованы не были.

Уже 6 января мною были отправлены в Китай для осуществления плана ликвидации Дутова три человека: тт. Хаджамиаров, Байсмаков и Кадыров Юсуп. Однако, провести план в жизнь им не удалось, т.к. благодаря наступившему рождеству Дутов не выходил из дома. После же рождества произошло восстание Манчжурского (хунхузского) полка в Куре, вследствие которого не было возможности проникнуть в крепость города Суйдун, где жил Дутов.

14 января вечером я и мои помощники по организации убийства Дутова были арестованы и заключены в арестный дом при Угорчека.

31 января мне был предъявлен приговор местных карательных органов, по которому я, как не выполнивший к сроку боевой задачи, должен быть через пять дней расстрелян.

После моих разъяснений о невозможности мне, находясь под арестом, проводить в жизнь боевую задачу, мне было предложено представить 10 за себя заложников и выполнить все-таки свою боевую задачу во что бы то ни стало, при невыполнении же ее в течение 7 дней заложники должны быть расстреляны. Мною было представлено в тот же день 9 человек заложников, и в ночь с 31 января на 1 февраля отбыл за границу для проведения акта.

Прибыв в Суйдун 2 февраля вечером, я находился там у знакомых, и вынужден был выжидать подходящего случая до 6 февраля, когда был из Джаркента мой курьер тов. Ушурбакиев Азис и сообщил, что сегодня во что бы то ни стало нужно выполнить задачу. Тогда я решил более не выжидать и убить Дутова на его квартире, несмотря на находящийся при нем конвой.

С этой целью я написал Дутову записку следующего содержания: «Господин Атаман. Хватит нам ждать, пора начинать, все сделано. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Прощайте В.К.»

С этой запиской я отправил товарища Махмуда Хаджамиарова, так как он всегда бывал у Дутова, являясь моим курьером с ним, снабдив его.

Товарищ Махмуд Хаджамиаров прошел в комнату Дутова, будучи пропущен беспрепятственно часовым.

Близ дверей в квартиру Дутова около часового мною был поставлен тов. Мухай Байсмаков, которому отдал распоряжение убить этого часового немедленно, как только раздастся выстрел тов. Хаджамиарова.

Сам же я стал у дверей караульного помещения, дабы выстрелами в окно и дверь помещения не дать конвою выйти наружу.

Товарищей Азиса Ушурбакиева, Кудека Байсмакова и Юсупа Кадырова оставил с лошадьми у ворот двора.

Товарища Султанай Моралбаева (старик 50 лет) оставил у ворот крепости Суйдун.

Услышав в квартире Дутова три револьверных выстрела, товарищ Мухай Байсмаков застрелил часового, я же несколькими выстрелами из нагана в дверь и окно караульного помещения, загнал назад кинувшихся было оттуда бывших там часовых.

По выходе товарища Хаджамиарова от Дутова мы сели на лошадей и поехали к воротам крепости.

У ворот стояла группа китайских солдат-часовых, в сторону которых мы произвели несколько выстрелов, заставивших их в панике разбежаться в разные стороны.

По выезду из крепости, когда мы уже находились в относительной безопасности, товарищ Хаджамиаров вкратце передал мне следующее:

«При входе к Дутову я передал ему записку, тот стал ее читать сидя на стуле за столом. Во время чтения я незаметно выхватил револьвер и выстрелил в грудь Дутову. Дутов упал со стула. Бывший тут адъютант Дутова бросился ко мне, я выстрелил ему в упор в лоб. Тот упал, уронив со стола горевшую свечу. В темноте я нащупал Дутова ногой и выстрелил в него еще раз».

Желая точно убедиться в действительности совершившегося акта, я, отправив своих товарищей в Джаркент, сам вместе с товарищем Азисом Ушурбакиевым отправился в Кульджу, где, проверив факт, 7 февраля отправился в город Джаркент.

Агент Чанышев.

гор. Алма-Ата
8.02.21 г.

Приложение № 7

Грамота атаману А.И.Дутову[1]

Батьке своему, походному атаману Уссурийского казачьего войска, войсковому атаману Оренбургского казачьего войска, оренбургскому казаку Александру Ильичу Дутову.

От 7-го чрезвычайного войскового круга Уссурийского казачьего войска, Грамота.

В грозный час гибели нашего Отечества ты, наш батька, походный атаман, первый твердой рукой поднял знамя казацкое против разрушителей родины. Горя искренней любовью к нашей матушке России и многострадальному народу ее, ты не побоялся лишений и невзгод, а по примеру дедов твоих, вышел на борьбу за правду и спра-

[1] Опубликована в одной из дальневосточных газет в июле 1919 года.

ведливость, за восстановление мощи российской и за вольную волюшку казацкую.

Мы, казаки, тебя, батька-атаман, поняли, а скоро и весь русский народ поймет, что ты с казаками хочешь спасти его от гибели и стать на страже добытых народом гражданских свобод, явиться твердой опорой в возрождении великой, могучей России и объединении всех славян в тесную, единую, дружную семью.

Мы смело вручаем тебе, наш батька — походный атаман, судьбу нашу и готовы по первому зову твоему стать в ряды борцов за волю казацкую, правопорядок и за Всероссийское учредительное собрание. В знак нашего этого доверия мы жалуем тебя, батька — атаман, званием почетного старика Уссурийского казачьего войска станицы Гродековской[1].

Июня 24 дня 1919 года. Станица Гродековская.

Подлинный подписали:
Председатель 7-го Чрезвычайного большого войскового круга Н.Зибзеев.
Президиум круга (подписи).
Делегаты круга: (подписи).
С подлинным верно:
Личный адъютант походного атамана всех казачьих войск
войсковой старшина П.Чеботарев.

Приложение № 8

Омск, 6 июля 1919 года[2]

Главному начальнику военных сообщений при штабе Верховного главнокомандующего.

РАПОРТ

В дополнение к моей докладной записке, поданной при рапорте от 24.06 за № 83, имею доложить, что по

[1] Уссурийское казачье войско образовано в 1889 году, с центром в г.Владивостоке, а затем — в г.Имане. В тот период его центром являлась станица Гродековская.

[2] Копия подлинного документа войскового инженера-технолога Г.А.Малафеева, направленного атаману Дутову.

наведенным мною справкам и возбужденным ходатайствам, как по поручению генерал-майора И.Г.Акулинина[1], выяснилось следующее:

1. Французская миссия уступила для 1-го Оренбургского казачьего корпуса один легковой автомобиль, который уже получен и отправляется в Троицк[2] и 2 грузовика фирмы «Интернациональ»[3]; последние ожидаются прибытием из Екатеринбурга в самом ближайшем будущем.

2. Для бронирования грузовиков в Инженерном управлении имеется броня, раз. 3-6 мм., в количестве, вполне достаточном более чем на 2 автомобиля; находится она на Петропавловском складе, откуда может быть и отпущена, по первому требованию.

3. Для оборудования забронированных грузовиков, как боевых единиц, в Артиллерийском управлении имеются пушки малого калибра, вполне пригодные для постановки на грузовики и со щитами и пулеметы, которые тоже по требованию могут быть отпущены в Южную армию.

4. В Инженерном управлении, кроме указанного, недавно получены мотоциклетки, часть из них предназначена к отправке в Южную армию; туда же отправляются и станки, для усиления Троицкой автомобильной мастерской.

Вопрос о снабжении полевыми орудиями 3-х дюймового калибра и более обстоит так, что в Южную армию за последнее время отправлено означенных орудий до 23 штук, при чем по предположениям Управления, из этих орудий на получение первым корпусом рассчитывать нельзя.

Таким образом, по докладной записке, полного удовлетворения военно-техническими средствами первого корпуса Южной армии не последовало, но, несмотря на это, полагаю, что то, что может быть теперь же получено, должны быть и использованы простые грузовые автомобили, хотя бы упрощенным способом, нужно забронировать, превратив их в боевые единицы.

---

[1] Акулинин Иван Григорьевич — генерал-майор генштаба, до гражданской войны занимал должность делопроизводителя Главного управления Генерального штаба Русской армии. Во время гражданской войны — командир 1-го Оренбургского отдельного казачьего корпуса; позднее занимал должности командира 2-го Оренбургского казачьего корпуса и главнокомандующего Оренбургским военным округом.

[2] Город в Челябинской области.

[3] Французская автомобильная фирма.

Ввиду того, что французская миссия передает автомобили, судя по фирме, слабосильные, то для бронирования можно бы в обмен взять из троицкого парка более сильные, или лучше где это сделать не только проще, но и целесообразнее.

Само производство бронирования произвести в Троицких автомобильных мастерских, воспользовавшись, если потребуется, железнодорожными мастерскими Троицкой дороги.

Что касается мотоциклеток, то, воспользовавшись ими, можно организовать пулеметно-мотоциклетную команду, поставив на них по пулемету.

Получение всех указанных частей, материалов, организацию доставки и производство бронирования грузовых автомобилей с доставкой их на место боевых действий, лично мог бы принять на себя. Кроме всего перечисленного мог бы взять на себя и организацию правильного питания топливом, как автомобилей, так и мотоциклеток Южной армии.

Если с Вашей точки зрения мое предложение заслуживает внимания, и считаете его приемлемым, то для выполнения его необходимо:

1. Снабдить меня соответствующим официальным документом с указанием данного мне поручения, за подписью начальника штаба Верховного главнокомандующего.

2. Сделать распоряжение Начвосо[1] Южной и Н.Троицкой железной дороги об обязательном оказании полного содействия в этой работе в случае обращения к ним.

3. Выдать удостоверение на право подачи телеграмм с надписью военная, и, чтобы эта работа не носила характера отдельного выступления, то предполагаю войти в полное соглашение с начальником Авточасти Южной армии, которого тоже необходимо поставить в известность о порученной работе и оказании мне полного содействия.

Если эта работа будет налажена в достаточной мере, то в дальнейшем, с получением автомобилей, они будут приспосабливаться, как боевые единицы, и для других частей Южной армии. Относительно денежных средств, то, полагаю, этот вопрос может быть решен на месте производства работ.

---

[1] Начальник военного снабжения.

Считаю, что эта работа для меня и поначалу носит временный характер, то и мое служебное положение и вознаграждение тоже должно носить временный характер.

Инженер-технолог Малафеев.

Приложение № 9

Обращение к населению[1]

Волею Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего я назначен командующим войсками в районе гг. Хабаровск-Никольск-Уссурийский-Гродеково.

Объявляя об этом населению, я требую самой широкой помощи мне всего населения этого района, беспрекословного исполнения всех моих приказов и самого спокойного отношения к событиям в крае. Ознакомившись с положением на железной дороге по линии Хабаровск-Никольск-Уссурийский, я лично убедился в небезопасности этой дороги, а потому я решил очистить всю эту дорогу от большевистских банд. Все жители района обязаны с получением сего обращения немедленно указать начальникам отрядов всех красноармейцев, известных им и скрывающимся вблизи их.

От имени Верховного Правителя объявляю полное прощение всем насильно мобилизованным в Красную армию, при условии немедленного перехода к нам. Добровольцам же красноармейцам могу простить их заблуждение только при условии выдачи своих комиссаров. Жители указанного выше района обязаны сдать в трехдневный срок все имеющееся у них оружие и патроны ближайшему военному начальнику. Приступая к решительным действиям в борьбе с большевиками, я заявляю, что все задержанные с оружием в руках будут расстреливаться без всякого суда; такому же наказанию подвергнутся и хранящие оружие без надлежащих на то разрешений. Железная дорога и телеграф, как народное достояние, обязаны охраняться самим населением. Поэтому приказываю жителям городов, местечек, сел и деревень, станиц и по-

[1] Типографский экземпляр.

селков — всемерно охранять находящуюся вблизи их железную дорогу и телеграф.

При неисполнении, я буду чинить испорченные сооружения за счет того населения, вблизи которого будет эта порча. Все жители городов и деревень при обращении к ним начальников моих отрядов — обязаны всемерно помогать в быстром доставлении подвод, припасов и проводников.

Граждане! Я знаю, что все суровые приказы не нравятся вам, но мне, борющемуся за свободу и счастье России, за установление порядка и правильного исполнения законов вот уже почти два года, к сожалению, пришлось убедиться, что только суровыми мерами [можно добиться беспрекословного выполнения] распоряжений в столь тяжелое время. Вам известно мое имя, известно также, что я не бросаю слов на ветер, а потому все свои распоряжения я буду проводить с неумолимой твердостью. Когда край очистится от большевиков, когда вы будете безопасно ездить с одного места на другое, когда будет хорошо работать железная дорога, почта и телеграф, тогда вы сами поймете, что я был прав.

Еще раз призываю вас, граждане, к порядку, к самопожертвованию; изгоняйте большевиков из своих сред и будем жить мирно.

8 июля 1919 года, пароход «Джон Коккериль».

Атаман, генерал-лейтенант Дутов.

Приложение № 10

Осведстепь[1]

Осведомительный отдел Военно-административного управления района Оренбургской армии.

ДОРОГИЕ СТАНИЧНИКИ!

Несколько месяцев тому назад я, по повелению Верховного Правителя должен был покинуть свое родное Оренбургское войско ради иной общегосударственной задачи — объединить в дружную семью все казачьи войска.

Хоть и с болью в сердце, но все же с надеждой на близкое хорошее для вас будущее, уезжал я в далекие

[1] Типографский экземпляр.

края, чтобы выполнить возложенное на меня трудное дело, тем более, что положение на фронте вашем было спокойное. Поездка моя увенчалась полным успехом. Иркутские, енисейские, забайкальские, уссурийские, амурские и сибирские казаки все почти поголовно встали на защиту родины, права и порядка.

Но за время моего отсутствия военное счастье переменилось для нас. Наши войска, усталые от постоянных походов не выдержали натиска и должны были отойти, чтобы отдохнуть и вновь собраться с силами.

Теперь наши войска опять начали наступление и наносят врагу одним за другим мощные удары. Я сам только что объехал фронт и лично убедился, какой силой горит желание всех прогнать дерзкого врага. Я видел славные рабочие Ижевскую и Боткинскую дивизии, которые, бок о бок с сибирскими казаками, геройски сбивали с позиций врага; видел прекрасные егерские полки, набранные из интеллигенции; видел, наконец, наши родные оренбургские полки. Все преисполнены единой верой в успех и единой мыслью — победить.

Дорогие станичники! Наш враг большевик опять вторгся в наши родные земли. Опять чинит он там произвол, опять лишает вас возможности жить и работать.

Вы и уральцы больше других испытали все ужасы советской власти и не вас учить и не вам рассказывать о последствиях их хозяйничанья на нашей земле.

Я знаю как тяжело вам, станичники, а потому в трудную минуту я опять с вами, опять вернулся, чтобы положить все мои силы для облегчения войска.

Враг не так силен, как коварен. Все меры принимаются им, чтобы победить. Гнусной ложью незаметно окружает он вас, будя, может быть, в вашем сознании сомнения... Слушайте только людей, которых вы знаете. Слушайте тех, кто на деле показал свою любовь к вам!

Я, Ваш Войсковой Атаман, опять с вами.

Не первый раз наше войско находится в тяжелом положении, не первый раз вы оторваны от своих семей и от своего крова. Но тем более я верю, что несчастье наше временно.

Я счастлив опять быть среди своего родного войска, работать опять на его благо и на его воссоздание. В прошлом году мы были почти одиноки и все же долго выдерживали натиск врага. Теперь с нами рядом борются три

прекрасных сибирских армии, в рядах которых и наши оренбургские казаки. В тылу наши братья-чехословаки[1] и друзья союзники охраняют от разбойничьих набегов железную дорогу, обеспечивая снабжение армий. Общественные организации, непокладая рук, создают все большую и большую помощь по медико-санитарной части.

Я приехал, обеспечив правильное снабжение армии всем необходимым. За мной прибывают транспорты с самым разнообразным имуществом.

Успех нашего дела обеспечен.

Нужны только: бодрость духа и вера в себя!

Не бойтесь временных неудач: они всегда возможны!

Идите смело вперед! Победа легка!

Вас ждет после нее мирная, спокойная жизнь!

Командующий Оренбургской армией и
войсковой атаман генерал-лейтенант Дутов.

Приложение № 11

ПРИКАЗ
походного атамана всех казачьих войск[2].

№ 5, 26 июля 1919 г. г. Хабаровск.

Станичники забайкальцы, амурцы и уссурийцы!

К Вам мой приказ.

Ваша ревностная, честная и бескорыстная служба родине на глазах у всех. Не мне ее отмечать, она оценится народом русским, запишется в его историю и оценится всем казачеством. Мое слово одно — продолжайте ваше дело помощи России, исполняйте свой долг до конца. Приказываю всем станичникам, станичным атаманам, командному составу оказывать всякое содействие гражданским властям края и областей при обращении к вам за помощью. Они также служат родине и их работа нужна государству. Ваша прямая обязанность, как представителей военной

---

[1] Имеются в виду части чехословацкого корпуса.

[2] Опубликован в одной из хабаровских газет в июле 1919 года.

мощи России, помочь всем до оружия включительно.

Бросим бывшие трения, недовольство друг другом и в тесном русском единении будем творить общее дело и строить новую Русь.

Все приказы командующего войсками и его указания в борьбе с большевиками исходят от имени центральной власти, всеми нами признанной, а потому нам, казакам, щеголявшим всегда разумной воинской дисциплиной, эти приказы надо исполнять особенно тщательно и быстро. Все же приказы командующего войсками округа в деле борьбы с большевизмом обычно исходят из желания облечь эту борьбу в единый план, в единство действий, а потому требую отзываться на призыв командующего войсками также, как вы отзываетесь на мой, атамана походного.

Сыны мои, станичники дорогие, батька ваш худого не посоветует, а потому к единению, дружбе и общей работе на благо всего государства я призываю вас.

Желаю удачи и здоровья.

Атаман, генерального штаба
генерал-лейтенант Дутов.

Приложение № 12

ГЕНЕРАЛ ДУТОВ[1]

ОКОНЧАНИЕ.

Круг снова выбирает А.И. своим атаманом и А.И. продолжает свою борьбу с большевиками. В конце декабря[2] большевики со стороны Бузулука выступили против Оренбурга уже с оружием в руках. Атаман организует станичные дружины, собирает добровольческие отряды из офицеров, юнкеров и добровольцев, отбирает оружие у оренбургского гарнизона, и отгоняет большевиков. Но сейчас же начинается снова наступление рабочих, вооруженных большевиками. Со стороны Ан-Булака. А там снова наступление со стороны Бузулука. Но атаман, не задумываясь, боролся с напиравшими со всех сторон большевика-

---

[1] Окончание статьи, опубликованной в газете «Енисейский вестник», № 133 от 20 июля 1919 года.

[2] Имеется в виду 1917 год.

ми, и не думал о прекращении борьбы, и только прибывшие к тому времени с фронта зараженные большевизмом казачьи части и угроза перенести бой в сам город, да вмешивающийся в оперативные распоряжения атамана малый казачий круг, наполненный теперь большевиками, заставили атамана подумать о бесполезности борьбы около Оренбурга. А.И: не хочет подвергать родные станицы братоубийственной войне и собирает соединенное заседание малого круга и войскового правительства, чтобы узнать мнение казацких выборных и обсудить дальнейшее их поведение. На соединенном заседании решили расформировать отряды; войсковому правительству и атаману со знаменами ехать в Верхнеуральск и там собрать, когда будет возможно, экстренный войсковой круг; с отрядами, желающими продолжать борьбу с большевиками, уйти в Уральск. Всецело подчиняющийся войсковому кругу атаман отдает приказ о прекращении борьбы, расформировывает свои отряды, отправляет артиллерию в Верхнеуральск, а отряды, желающие продолжать борьбу с большевиками, он отправляет в Уральск, передав им пулеметы и другое оружие. Сам А.И. торопится уехать из Оренбурга, чтобы не попасться большевикам. Всего на час забежал он проститься с семьей, собрать сход своих родных станичников, благословил их образом Святого Александра Невского и хотел ехать. Но в городе уже шла разруха, и атаману с трудом удалось выбраться из города.

Путешествие же до Верхнеуральска среди настроенных большевиками станиц, похоже на сказку из «Тысячи и одной ночи»[1], и только смелость, энергия, убедительные речи и простота в обращении атамана позволили ему благополучно добраться до Верхнеуральска и даже оставить в сердцах казаков еще больше к себе привязанности. Вот что рассказывает сам атаман об этом путешествии в городской думе по своему возвращении в Оренбург («Оренбургский казачий вестник», № 7 — 1918 года):

«17 января в $8^1/_2$ часов вечера для меня поданы были лошади для отъезда из г. Оренбурга. Однако мусульманская организация, которой в тот момент в городе принадлежала власть, этих лошадей арестовала. Тогда я пошел в форштаб[2]. Иду по войсковой площади, меня догоняет под-

---

[1] Знаменитый сборник древних восточных сказок.
[2] Передовой (главный) штаб.

поручик Гончаренко: «Куда вы? — спрашивает он. — Домой. — Куда домой? — В Оренбургскую станицу». Гончаренко берет меня, и едем в Нежинскую станицу. Приезжаем. Там идет сход, на котором выносится решение, чтобы меня арестовать. Узнав об этом, являюсь на сход и предлагаю привести в исполнение их постановление обо мне. Нежинцы смягчились, напоили чаем и отправили дальше. Приезжаю в Верхне-Озерную станицу. Там имеется телеграф, по которому в эту станицу было уже сообщено о том, что за поимку меня обещана награда — 200 000 рублей. Являюсь в станицу и говорю: у вас бедно, заработайте на мне. Тоже устыдились и проводили дальше. Приезжаю в поселок Хабарный, от которого до г. Орска 17 верст. Приехал и еду дальше на г.Орск, около которого уже стоят пикеты. Проезжаю Орск. Кругом пьяно. Видны пьяные хвосты. Приезжаю в поселок Ургазымский, где сталкиваюсь с четырьмя каторжанами-казаками, которые вначале хотели было меня арестовать, но чего-то медлили. «Почему же не арестуете?» — спрашиваю. «Да мы думали, что Вы не такой, какой Вы есть».

Казак-каторжанин на своих лошадях бесплатно отвозит меня до следующей станции, причем 60 верст делает в 4 часа. В Верхнеуральске меня встретили довольно торжественно. В других станицах меня встречали частью хорошо, частью сдержанно, причем везде я собирал сходы».

Из рассказа атамана ясно, как обаятельна его личность и как сильно в нем желание блага родине и казачеству, если, несмотря на опасность быть убитым или арестованным в каждой станице, он не торопится в безопасное место, а везде собирает сходы, чтобы разъяснить темным казакам текущие события и поддержать в них прежнюю славу, любящих горячо отчизну и стойких в своих убеждениях людей.

В Верхнеуральске атаман созывает круг и делает ему доклад о своей деятельности. Круг высказывает одобрение всем его действиям, но, тем не менее, атаман три раза просит депутатов сложить с него тяжелые в такое неустойчивое время обязанности войскового атамана, указывая на то, что все города и станицы, кроме Верхнеуральска, в руках большевиков, что он не может бросить борьбы с этими врагами отечества и губителями родины, а большевики, мстя казакам за то, что во главе их стоит такой сильный противник большевизма, будут разорять

станицы и притеснять казаков. Но депутаты не согласились с атаманом: все время настойчиво просили его остаться во главе войскового правления и атаман, видя, что все лучшее казачество стоит на его стороне и является противником большевизма, остался атаманом и предался кипучей деятельности, присущей его натуре и сильно развитой самостоятельным воспитанием в детстве и юности. Из ничего он создает отряды, отрезанный от всего мира большевиками, без денег, он достает оружие, патроны, обоз, лошадей, обмундирование и деньги и устраивает свой штаб и канцелярию, и начинает издавать газету «Уральский Маяк», и сам же пишет в ней зажигательные статьи под псевдонимом «Гражданин». Узнав, что большевики движутся на него из Троицка, он пополняет свой отряд, выходит им навстречу, разбивает их и гонит до самого Троицка и вновь возвращается в станицу Красницкую над самым Верхнеуральском. Здесь, окруженный со всех сторон большевиками, замечает, что войско его снова тает, запас патронов уменьшается, население станиц измучено войной, и славный атаман решается покинуть землю родного войска, чтобы дать отдых мирным жителям. Он прорывает красное кольцо у станицы Наваринской и неожиданно появляется у Бриена в тылу у большевиков, и ловит там зазевавшихся комиссаров.

Здесь он снова окружен отрядами Каширина[1] и Блюхера, которые, по мнению красных, первые стратеги мира, непобедимые и неподражаемые. Но атаман неожиданно прорывает и их кольцо, задает стратегам изрядную взбучку и спокойно уходит в киргизские степи со своим небольшим отрядом. Здесь он на третий день Пасхи занимает Тургай, куда его влечет обилие интендантских запасов и патронов. В Тургай приезжают отовсюду киргизы, чтобы взглянуть на славного воина-атамана оренбургского казачьего войска, отряд между тем отдыхает и организуется для новых ударов по хитроумным красным.

В Тургае А.И. заболел, и доктор определил тиф, а между тем издалека приносились приятные известия о битвах казаков у Илецкой защиты и над Оренбургом и о движении чехословаков, и в Тургай приехали депутаты от съез-

[1] Каширин Иван Дмитриевич (1890—1937) — командир Красной Армии. В марте 1918 года сформировал первые красноказачьи отряды для борьбы с Дутовым. Позднее — командир сводного отряда и Особой казачьей бригады.

да объединенных станиц и от чехов. Еще больной, А.И. отдает приказ о возвращении в войско и двинул свой отряд на Иргуль, на станицу Ильинскую и ст. Кандык. С боем прошел эти этапы и двинулся дальше по Оренбургской дороге на Оренбург. Здесь уже не было боев и жители станиц встречали своего атамана с хлебом, солью, колокольным звоном и радостными криками. Атаман прибыл в разоренный и опустевший Оренбург, и, не останавливаясь в нем, пошел на помощь казакам, берущим Илецкую защиту. Наблюдая все время за фронтом, он не забывал и тыл. Везде видны следы работы энергичного атамана и все, за что он брался, начинало принимать нормальный вид. А.И. хлопочет везде. Как член Учредительного собрания он едет в Уфу, чтобы вступить в комитет членов Всероссийского учредительного собрания и попутно добывает там все нужное для своего войска. Там он получает назначение главнокомандующим Оренбургской губернии, Оренбургской и Тургайской области, а 20 июля производится в генерал-майоры по постановлению круга объединенных станиц, утвержденному главнокомандующим. После Самары А.И. едет в Омск к Сибирскому правительству и хлопочет о соединении Правительства для целостности и нераздельности России и для большей согласованности действий против большевиков. На Уфимском государственном совещании А.И. избирается в члены Директории, но отказывается от избрания, помня свою клятву казачьему кругу, и, желая все время работать на пользу и славу казачества. Он не ищет чести и славы, ищет только работы по восстановлению России на славу и честь казачества.

Отказавшись от выборов в члены директории на государственном совещании в Уфе, А.И. вновь возвращается к своей прежней работе — борьбе с большевиками родного ему Оренбурга. Он даже не дождался, когда закончится государственное совещание, и когда были сданы Симбирск и Казань, сразу же едет в Оренбург — готовить войска для защиты Оренбурга, и посылает отряд в Самару на помощь правительственным войскам. А сам начинает организовывать и проводить в порядок Оренбургское войско и край. Появляются у войска управления, штабы, войско систематизируется, появляется хорошо оборудованная санитарная часть, появляются всевозможные мастерские для выделки и починки предметов, необходи-

мых в военном обиходе. Сразу создаются военные школы и курсы различных родов оружия, оборудуется типография, приводятся в порядок казармы и другие помещения. Приходят в порядок гражданские управления и налаживается снабжение населения продовольствием. Но в такой кипучей и полезной тыловой деятельности атаманом не забывается и фронт. Он едет на Оренбургский фронт, вырабатывает план взятия города, лично руководит боем, берет Орск, и торжественно и радостно встреченный жителями, наскоро приводит в порядок гражданские дела, издает даже газету «Орский вестник», и выезжает из города, едет к поселку Губерлинскому, где происходят бои, дает штабу ценные указания, возвращается в Оренбург, и, не заходя домой и не отдыхая, дает кругу отчет в своей деятельности. Круг постановил за отличие атамана в боях ходатайствовать о производстве его в генерал-лейтенанты, и на другой же день была получена телеграмма с утверждением этого производства. Падает Самара, образовывается новый фронт Юго-западный (Оренбургское, Уральское и Астраханское войска) и атаману вручается правительством командование этим фронтом. И снова начинается кипучая работа, снова атаман и в войске, и в штабе, и в гражданском управлении и в своем войсковом правительстве. Везде он присутствует, везде дает ценные указания, обнаруживая знание дела и свою дальновидность, и везде, благодаря ему, работа кипит, и все разрушенное красными восстанавливается. При такой кипучей деятельности нет атаману времени уделить своей семье ни одной минуты, и он бывает дома, как гость. Он держит свою клятву кругу, что дал в 1917 г. — все силы и все здоровье принести в жертву казачьему благополучию. И действительно, здоровье его неважно. Контузии, полученные еще в войне с немцами, дают о себе знать. У атамана вечные головные боли, часто усиленные припадками. Но и болезнь не может побороть атамана; силой воли он часто, не оправившийся еще от припадка, заставляет себя встать с постели, чтобы присутствовать на каком-нибудь важном заседании или дать какие-нибудь ценные указания по важному делу. Нет ни одного дела ни в одном из управлений или учреждений, в котором атаман не мог бы дать указаний и советов. И сам он во вновь завоеванной местности сразу же дает все учреждения, необходимые для управления и снабжения жителей всем необходимым,

а учреждениям дает план, по которому лучше и скорее можно исполнить все то, что от них требуется. С утра и до ночи работает атаман на пользу родного края. В 8 часов утра к нему является адъютант и начинаются доклады по оперативной части и тут же атаман решает вопросы и дает указания; затем комендант штаба округа и вновь доклады и решения по различным военным вопросам. С 9 часов атаман принимает юрисконсульта Войскового правительства, потом объезжает войсковые части, госпитали, лазареты, все осматривает, везде дает свои указания, потом принимает начальника милиции, и с $10^1/_2$ часов до 12 принимает просителей, а с 12 часов принимает одного за другим начальника контрразведки, коменданта города, начальника гарнизона, инспектора артиллерии, начальника штаба, генерал-квартирмейстера, окружного интенданта, инспектора инженеров округа, начальника Военно-дорожного управления, начальника Военно-топографического отдела и дежурного генерала. С трех часов до 5 атаман обедает, а затем снова за работу. До 6 часов, а иногда до 7 занимается атаман в управлении по продовольствию, до 10 часов посещает ежедневно различные заседания по продовольствию, в 10 часов вечера происходит доклад по делам печати, потом прифронтовой врач делает атаману доклад о положении военно-санитарного дела на фронте. Кроме этого, командующие фронтами могут обращаться к атаману во всякое время дня и ночи. Весь день атаман занят, но он еще находит время читать лекции и писать в газетах по различным вопросам.

Вот с кого надо брать пример в это страшное и тяжелое для России время. Трудно обыкновенному человеку так отречься от семьи и от самого себя и все заботы и здоровье отдать своей измученной матери России, как это сделал атаман Оренбургского войска, но каждый из нас должен приложить все усилия, чтобы хоть сколько-нибудь походить на этого замечательного человека, так горячо любящего родину и свое казачество. Перевелись богатыри и на земле Русской и давно прошло то время, когда стоило только выйти Минину на площадь, сказать, что страдает Россия, что погибнет она, если верные сыны ее не сплотятся все, не отложат своих личных забот и не пожертвуют всем своим состоянием для ее спасения, как кучи золота, серебра и драгоценных камней стали возвышаться у ног истинного патриота. Увы! Слишком много

речей в настоящее время, слишком много призывов для жалких себялюбцев, спокойно слушающих речь и проливающих даже слезы умиления, трусливо прячущихся при призыве отречься от части своих благополучий для скорейшего спасения своей родины.

К.Злотковский[1].

Приложение № 13

Мои наблюдения. О русской женщине[2]

В наше тяжелое время много геройства и мужества проявила женщина. Она оказалась гораздо выше толпы. Она в минуты растерянности сохранила спокойствие. Женские батальоны появились на фронте в то время, когда мужчина позорно бежал оттуда.

Единственным верным защитником Зимнего дворца в октябре 1917 года был только женский батальон.

В поразительно преступной вакханалии большевизма русская женщина не участница.

В то же время, русская женщина всегда играла почти главную роль и притом почетную во всех этапах чистой революции.

Декабристки, шестидесятницы, восьмидесятницы, движение после Японской войны — здесь много женщин. И теперь, в эпоху возрождения, женщина мать и женщина-гражданка, должна сказать свое слово.

У нас почему-то мало обращают внимания на чуткую и твердую душу женщины, труд ее берут и она явилась серьезной конкуренткой мужчинам во всех отраслях труда интеллигентного и даже физического. Но от участия в общественной жизни ее всемерно отстраняют.

Я думаю, что это ошибка, во-первых, всякий гражданин стремится участвовать в строительстве государства, женщина также должна быть участницей, но главным образом у себя в семье.

---

[1] Авторство статьи, скорее всего, принадлежит А.А.Будбергу, который, кроме всего прочего и для поддержания положительного имиджа атамана Дутова, готовил материалы для периодической печати, выступая под различными псевдонимами.

[2] Статья в газете «Приамурская жизнь» от 22 июля 1919 года.

Ибо семья есть прообраз государства, иначе мы сами толкаем женщину на ложный путь, что мы и видим сейчас.

Во-вторых, история народов говорит нам многое.

Проследите, хотя бы вкратце, но внимательно, мировую историю, и вы увидите, какую роль женщина играла в жизни государств.

Я не могу в короткой газетной статье дать яркую, полную картину вопроса, но только резкими этапами отмечу то значение, какое имела женщина в жизни народов.

Век Перикла[1] в Греции считался золотым веком, вдохновителем же его являлась Аспазия[2].

Все прекрасное, умное, эстетически настроенное группировалось около нее, и эта плеяда художников слова, кисти, скульптуры, поэзии, давала блеск Периклу и вдохновляло его в работе на благо страны. Рим.

Римская матрона, ее воспитание, культ семьи, все это отражалось на государстве. Законы Рима, служащие до сих пор фундаментом всякого законодательства, отражали в себе семейный уклад римского гражданина, а в семье главой была мать-матрона.

Она дала закону пример. Мать Гракхов[3] — имя нарицательное.

Вся римская культура, ее рост и величие Рима, продиктованы воспитанием в семье римского гражданина. Отсюда роль женщины Рима велика.

Даже потом, при упадке Рима женщина сыграла роковую роль.

Как только пала семья, как только женщина встала на путь не государственный, а взяла на себя роль вакханки, увеселительницы, Рим быстрыми шагами пошел к развалу.

Золотой век Рима блещет женскими именами.

Если же возьмем древнюю историю вообще, то зна-

---

[1] Перикл (ок. 490—429 до н.э.) — афинский стратег и политик, вождь демократов; прославился осуществлением прогрессивных реформ.

[2] Аспазия — возлюбленная Перикла, гетера.

[3] Гракхи — братья Тиберий и Гай, римские народные трибуны, погибли в борьбе с сенатской знатью за осуществление своих демократических реформ.

чение в ней Семирамиды[1], Клеопатры[2], царицы Савской и др. только лишний раз подтверждает правильность моей мысли.

Прочтите «Суламифь» Куприна[3] и многое из деяний царя Соломона[4] будет освещено иначе. С падением древних государств, вернее — с началом средних веков, роль женщины еще более увеличивается.

Век обскурантизма[5], схоластики[6], религиозного фанатизма, грабежей, тем не менее, имеет удерживающее начало в лице женщины.

Грубый рыцарь, яркий выразитель торжества только грубой силы, покорно гнет свою волю перед женщиной. Ее лента, цветы или перчатка способны вызвать в нем бурю прекрасных чувств.

Ради ее ласкового взгляда, рыцарь покорно едет за тысячи верст, борется за религию, освобождает Иерусалим и единой наградой за все это — бант на руке из лент цвета его дамы сердца.

Разве это не знаменательно! В этом мраке, среди ужасов, крови и пожаров, женщина сияет в ореоле красоты, идеализма. Это учли инквизиторы, и часто красавица попадала на костер за свои чары.

Таково было влияние женщины. За ней история должна сохранить честь легкого перехода от грубого века к изящному, сентиментальному романтизму.

Только на таком контрасте мог создаваться романтизм, с его влиянием на историю.

Век энциклопедистов — продукт этого воздействия. Новая же история вся от своего начала и до нынешнего дня полна женских имен.

---

[1] Семирамида (конец IX в. до н.э.) — царица Ассирии, завоевательница.

[2] Клеопатра (69—30 до н.э.) — последняя царица Египта из династии Птолемеев, символ женственности и красоты. Любовница римских императоров Юлия Цезаря и Марка Антония. Покончила жизнь самоубийством.

[3] Имеется в виду произведение Александра Ивановича Куприна (1870—1938), русского писателя.

[4] Соломон — царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 до н.э. По преданию отличался необычайной мудростью; ему приписывают авторство в подготовке нескольких книг Библии.

[5] Обскурантизм — крайне враждебное отношение к просвещению и науке; мракобесие.

[6] Схоластика — один из видов религиозной философии.

Возьмем королей, императоров, правителей всех стран и всех народов, времена императриц, все время женщина незримо присутствует и в политике и в финансах и во всей государственной жизни.

Ее влияние подчас так велико, что в ее руках вопросы войны и мира, краха и благоденствия.

Почти все религиозные течения имели главных вождей в лице женщин.

Сектантство же почти все в руках женщин.

Вот краткая, но резкая картина влияния женщины в жизни.

И теперь, вспоминая это, как-то невольно хочется обратиться к русской женщине, этой исконно верной патриотке, прими же участие в жизни нашей, будь гражданкой.

Вы, молодые матери и девушки, в ваших руках сейчас молодое поколение, оно и вы будете строить новую Россию.

Так вспомните римскую Матрону[1], вспомните нашу княгиню Ольгу[2], княгиню Евпраксию Рязанскую[3], вспомните Марфу[4], вспомните тысячи чудных русских матерей и жен, все отдавших на благо родины и ее чести, воспитавших русских людей, и вы займетесь воспитанием ваших детей в духе русского патриотизма, на славу родине и на благо народное.

Дети — воск, и в ваших руках их души и сердце.

---

[1] Матрона — одно из божеств кельтского пантеона, богиня-покровительница реки Марны (приток реки Сены на севере Франции). Возможно, что выражение употреблено в переносном смысле, то есть имелась в виду римская женщина.

[2] Княгиня Ольга (?—969) — жена киевского князя Игоря. После смерти мужа, учитывая малолетство сына Святослава, управляла княжеством. Ок. 957 приняла христианство.

[3] Евпраксия Рязанская — согласно русской легенде, именно ей удалось (благодаря уму и сообразительности) освободить из монгольского плена мужа, рязанского князя.

[4] Марфа-посадница — вдова новгородского посадника И.А.Борецкого. Возглавила оппозицию (в XV в.), боровшуюся против присоединения новгородских земель к Московскому государству.

Русские женщины!

Будьте достойны своей великой страны, творите ваше святое дело воспитания, берегите семью и дайте нам русских граждан.

Клеймите позором тех, кто уклоняется от работы на честь и благо нашего родного Отечества.

Знайте, что ваше презрение, ваш голос для мужчин сильнее всех наказаний.

Русские женщины!
Страна ждет от вас подвига.

А.И. Дутов.

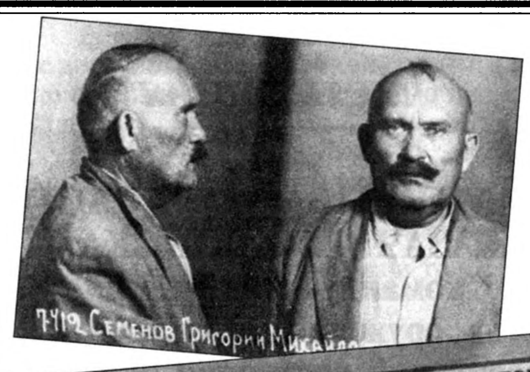

Москва в начале XX века

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АТАМАН ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА, командующий всеми вооруженными силами «Российской восточной окраины», генерал-лейтенант СЕМЕНОВ

7412 Семенов Григорий Михайло

ПРИВѢТ IV-ому СЪѢЗДУ РОССIЙСКИХ ФАШИСТОВ!

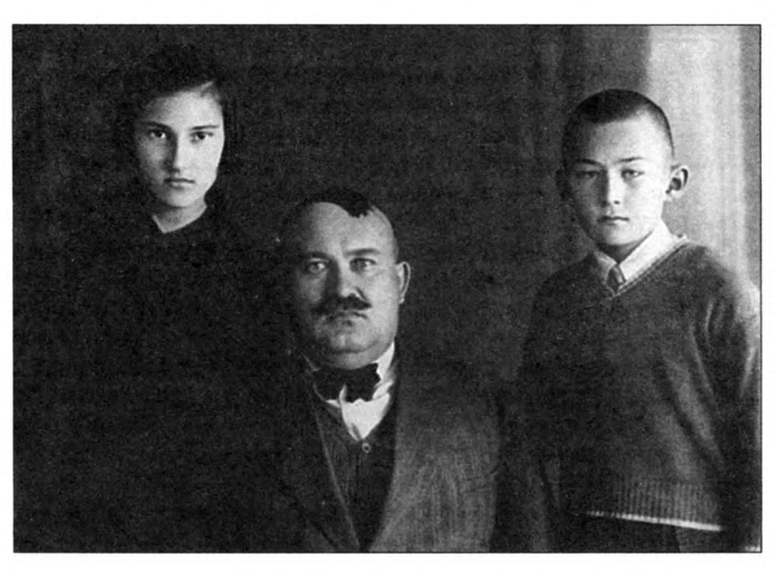

Шестого сентября 1945 года начальник Главного управления контрразведки «Смерш»[1] генерал-полковник Абакумов, а 7 сентября того же года — Главный военный прокурор Красной армии, генерал-лейтенант юстиции Афанасьев санкционировали арест Семенова Григория Михайловича, 1890 года рождения, уроженца бывшей Забайкальской области, русского, бывшего генерал-лейтенанта белой армии.

В вину Семенову вменялось то, что он «в период с 1918 по 1921 год вел вооруженную борьбу против Красной армии, вначале — в качестве командира полка белой армии, а затем — командира Особого маньчжурского отряда. В 1920 году Колчаком был произведен в должность Главнокомандующего всеми вооруженными силами «Российской восточной окраины». В 1921 году Семенов, части которого были в боях разбиты Красной армией, бежал с остатками своей армии за границу.

Проживая в Японии, Китае и в последнее время — в Маньчжурии, Семенов возглавил там белоэмигрантское движение и вел активную антисоветскую деятельность.

[1] «Смерш» («Смерть шпионам») — Главное управление контрразведки (ГУКР) в 1943—1946 гг. входило в систему Наркомата обороны СССР. Наряду с контрразведывательными функциями занималось проверкой благонадежности советских граждан, по разным причинам оказавшихся в немецком тылу. «Смерш» подчинялся лично Сталину.

Г.М. Семенов со старшими детьми

Кроме того, в Маньчжурии Семенов установил шпионскую связь с японскими разведорганами».

Незадолго до официально оформленного ареста, 22 августа 1945 года Семенов был задержан сотрудниками контрразведки «Смерш» в местечке Какакаши[1] (Маньчжоу-го[2]) и доставлен в Москву, в ГУКР «Смерш».

После ареста

В ходе обыска, произведенного 26 августа 1945 года в городе Мукдене, было изъято немало интересных документов, среди которых:

— диплом о присвоении степени бакалавра философии, выданный университетом Андри-Рисерч (Индия);

— протокол о характере взаимоотношений с японскими властями;

---

[1] Во многих документах встречаются другие варианты названия этого населенного пункта — Какаши (Какаша).

[2] Маньчжоу-го (Маньчжоудиго) — марионеточное государство, созданное японцами на территории Северо-Восточного Китая — Маньчжурии. Существовало в период с 1932 по 1945 годы.

— копия проекта к созданию Международной безопасности от угроз войны от 06.06.45г.;

— портрет великого русского полководца Суворова и многое другое.

Особо среди прочего выделялся орден Георгия-Победоносца и розетка к нему.

Как видно из анкеты арестованного, Семенов Григорий Михайлович, 1890 г.р., родился в селе Куранжа, Дурулгульской станицы[1], бывшей Забайкальской области, постоянно проживал на ст. Какакаши, Квантунской области. Какой-либо определенной профессии, по словам Семенова, он не имел. До начала военной карьеры занимался земледелием в своем казацком хозяйстве. Генерал уверял, что он никогда не участвовал в деятельности каких-либо партий, имел среднее образование (окончил военную школу). За прошедший с 1922 года период атаман так и не приобрел чьего-либо гражданства.

Его отец, Семенов Михаил Петрович, умер в 1911 году; мать — Евдокия Марковна, скончалась в 1920 году; жена Зинаида Васильевна — умерла 30 марта 1945 года. Старшие дети: Вячеслав (1915 г.р., домашний адрес — Диагональная улица, квартира Тельтовой), Елена (1921 г.р., замужем за эмигрантом Скорупским Ростиславом Казимировичем, квартира — в районе пристани) — проживали в г. Харбине. Младшие дети: Михаил (1922 г.р.), Татьяна (1928 г.р.), Елизавета (1930 г.р.), Валентина (1943 г.р.) — проживали на ст. Какакаши, расположенной на железной дороге Дайрен — Порт-Артур.

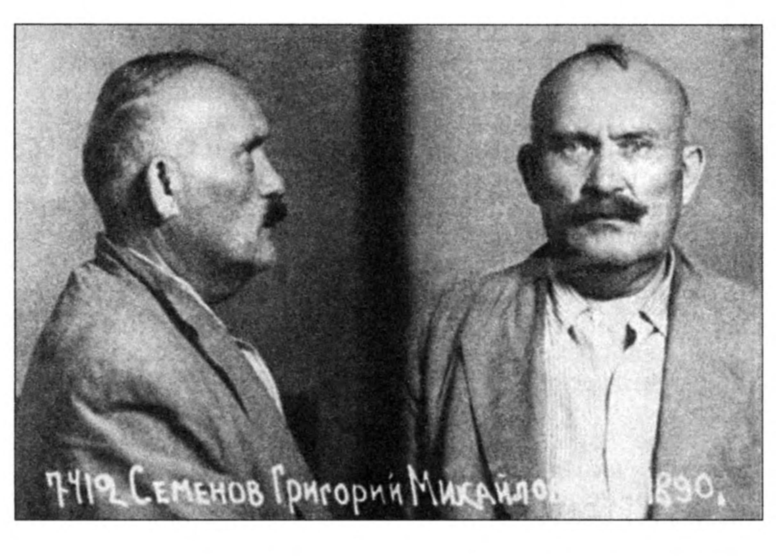
На допросе 26 августа 1945 года атаман Семенов показал, что в Какакаши он проживал постоянно с 1932 до 1934 года. Сначала снимал квартиру, а потом построил дом. Периодически выезжал, по личным и общественным делам, в Чань-Чунь, Мукден, Тяньцзин, Пекин и Шанхай. Выезд же в г. Харбин ему был запрещен японцами, ввиду плохих его отношений с генералом Чжан-Цзо-Лином[2], губернатором трех восточных провинций Маньчжурии.

Семенов уточнил, что он был арестован между 16 и 18 часами 22 августа 1945 года в своем доме, в районе ст.

---

[1] Так указано в анкете арестованного.

[2] Встречается несколько вариантов написания фамилии этого генерала, в том числе — Джан-Цзо-Лян, Чжан-Цзо-Линь.

Какакаши, тремя офицерами Красной армии, которых сопровождал работник советского консульства. Офицеры предложили ему взять необходимые личные вещи, и в их сопровождении он уехал в Дайрен.

В ходе допроса 23 октября 1945 года Семенов сообщил следующее:

«Мои активные действия против большевистской партии и советской власти начались в 1917 году, когда в Петрограде образовались советы рабочих и солдатских депутатов.

Находясь в то время в Петрограде, я после обследования положения в городе пришел к выводу. Что с помощью двух военных училищ можно будет организовать переворот, арестовать Ленина и Петроградский совет и обезглавить этим путем революционное движение. Встретившись с военным министром Муравьевым[1], я предложил ему ротой юнкеров занять здание Таврического дворца, арестовать всех членов Совета и немедленно их расстрелять, чтобы поставить революционный гарнизон Петрограда перед уже свершившимся фактом. Нерешительность,

[1] Семенов, вероятно, ошибается. Возможно, что имелся в виду Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918) — подполковник, во время мятежа генерала Краснова — начальник обороны г. Петрограда. Муравьев был убит в ходе ареста.

проявленная Муравьевым, помешала мне приступить к осуществлению своего намерения.

Также в 1917 году мною был составлен проект создания ударных воинских частей из монголов и бурят, который получил одобрение Керенского, так как способствовал укреплению позиции Временного правительства.

Как автору этого проекта, мне в июле 1917 года было предложено выехать на Дальний Восток и развернуть формирование ударных частей.

В конце 1917 года, по моей инициативе, в Чите был проведен казачий съезд, а в Улан-Удэ мне удалось собрать съезд бурят и настоять на принятии съездами решений о призыве нескольких возрастов на военную службу.

Когда я был на казачьем съезде в Чите, в районе Хайлара произошла вооруженная борьба баргут с харачинами[1], теснимыми из Внутренней Монголии китайцами. Баргинские князья просили меня принять меры к примирению их с харачинами. Мне удалось уговорить главу харачинского отряда Фушенга прекратить боевые действия против баргут и перейти на русскую службу в формируемые мной воинские части.

Еще в 1911 году, будучи молодым офицером, я был прикомандирован в Улан-Баторе к российскому генеральному консульству. В то время царское правительство вело переговоры с хутухтой (главой) Северной Монголии Джибзун-Дамба о независимости Северной Монголии от Китая и обещало монголам поддержку. Я неоднократно исполнял роль переводчика при встречах русского генерального консула Люба с хутухтой и был осведомлен в существо ведущихся переговоров.

11 декабря 1911 года монголы совершили в Улан-Баторе переворот и разоружили китайский гарнизон. Я принимал активное участие в этой операции, переодевшись в монгольский национальный костюм, командовал одним из монгольских отрядов. С тех пор у меня возникли связи с монгольскими князьями, от которых я получал пополнение для своих отрядов.

К декабрю 1917 года на станции Даурия мной был сформирован монголо-бурятский полк, который, после пополнения за счет офицеров, бежавших из своих частей,

---

[1] Народности, проживающие в Монголии.

казаков и монголов, развернулся в так называемый Особый маньчжурский отряд.

Во главе этого отряда в начале 1918 года я выступил против партизан Лазо[1] и затем вел военные действия против частей Красной армии. Период гражданской войны характеризуется моей беспощадной борьбой против большевиков и всех кто им сочувствовал. Я посылал в районы Забайкалья карательные отряды для расправы с населением, поддерживавшим большевиков и уничтожал партизан.

В январе 1920 года Колчак после объявления себя Верховным правителем России, назначил меня Главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской восточной окраины и присвоил мне звание генерал-лейтенанта.

После расстрела Колчака я стал руководителем всех белогвардейских вооруженных сил на Дальнем Востоке, а с конца 1920 года, когда был вынужден бежать от Красной армии на территорию Китая, на протяжении 25 лет я являлся главой русских белоэмигрантов, осевших на [китайском] Дальнем Востоке.

Мне казалось, что можно будет легко добиться отделения Монголии от Китая и провести свои планы в исполнение.

С этой целью, еще в 1920 году в Хайларе я заключил соглашение с китайским генералом Сюй, обязавшимся способствовать установлению в Китае монархии, а в качестве компенсации получил заверение, что будущий китайский император предоставит Монголии независимость и разрешит расселить на ее территории белоэмигрантов.

Это соглашение было сорвано бароном Унгерном[2], который с отрядом белогвардейцев напал в Улан-Баторе на части генерала Сюй.

---

[1] Лазо Сергей Георгиевич (1894-1920) — с 1918 года командовал Забайкальским фронтом и партизанскими отрядами Приморья. Член Дальневосточного областного комитета РКП (б). Сожжен заживо белогвардейцами в паровозной топке.

[2] Унгерн-Штернберг Роман Федорович, фон (1886—1921), уроженец Эстонии — один из руководителей семеновских отрядов в 1918—1921 гг., генерал-лейтенант (1919), барон. В 1920 году — военный диктатор в Монголии, организатор вооруженного вторжения на территорию ДВР. О его необычных наклонностях — см. очерки генерала Вериго. 21 августа 1921 года Унгерн был доставлен из Монголии в СССР, а 15 сентября того же года — расстрелян по приговору Сибирского ревтрибунала в г. Новониколаевске (Новосибирске).

В 1921 году, поселившись в Порт-Артуре, я договорился с князьями Внутренней Монголии — ургинским хутухтой и баргутским князем Шин-Фу — организовать независимое монгольское государство. Тогда же я выехал на станцию Гродеково, имея намерение увести остатки своих частей в Монголию, но эта операция мне также не удалась, так как японцы запретили мне уводить белогвардейцев и захватили приобретенное мною оружие.

После этого, мне ничего не оставалось, как вступить в переговоры с губернатором трех северных провинций Китая — Джан-Цзо-Лином, в результате которых я получил разрешение Джан-Цзо-Лина на расселение эмигрантов на маньчжурской территории.

К моменту разоружения в 1920 году моих войск в Китае у меня насчитывалось до 12 тысяч человек, способных участвовать в боевых действиях и около 14 тысяч больных. В последнее число в основном входили каппелевские войска, подчиненные мне после падения Колчака.

Общее же число белоэмигрантов, поселившихся на территории Китая, равнялось 250 тыс. человек. Из них около 8 тысяч казаков получили земли в районе Трехречья (Гану, Хайлу и Дербулу) и вдоль линии КВЖД, начиная от станции Якиши. Буряты расселились в районе Шенехена, а остальная часть эмигрантов — около 23 тысяч — обосновалась в Захинганье, 20 тыс. — в Шанхае, около 15 тыс. — в Тяньцзине и Пекине и немного меньше в Мукдене, Цындао и Дайрене».

В ходе другого допроса, 27 августа 1945 года Семенов показал, что до 14 сентября 1921 года он находился на территории России, где вел вооруженную борьбу с Советской властью и ее Красной армией. К сентябрю в этой борьбе создалось такое положение, что стало очевидным крушение всех семеновских планов и надежд. Определенные ограничения в принятии политических шагов, связанные с выполнением соглашения, заключенного между меркуловским правительством[1] и японским командованием — с одной стороны, и представителем атамана — начальником штаба Гродековской группы Ивановым-Риновым, вынудили Семенова покинуть Россию и выехать за границу. Стоит

[1] Меркуловское правительство — власть военной диктатуры в Приморье, установленная братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми. Продержалось до конца 1922 года.

также отметить, что только от японского правительства за период гражданской войны атаман Семенов получил денежную помощь в размере 4-х миллионов йен.

Вынужденный бежать из России, Семенов намеревался поселиться у своих друзей в Японии, однако японское правительство, по неизвестным для генерала причинам, не предоставило ему такой возможности.

Попытка Семенова поселиться в Шанхае и Тяньцзине была также неудачной — на территории Китая на него было организовано два покушения, и Совет консулов в Тяньцзине посоветовал ему выехать в другое государство, так как не мог обеспечить его безопасность. Как потом оказалось, организаторами покушений были японцы.

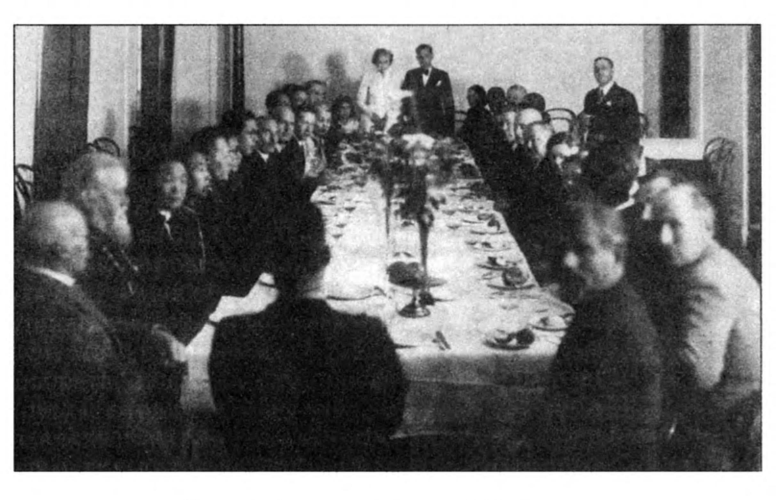
Учитывая данное обстоятельство, атаман обратился к французскому правительству, с просьбой о выдаче визы на въезд и проживание во Франции. Получив согласие французского правительства, в 1922 году атаман выехал во Францию, проехав через Японию, Канаду и США.

Находясь в Соединенных Штатах и проживая у своих знакомых, совершенно неожиданно Семенов был втянут в судебный процесс, когда ряд американских фирм предъявили ему иск за ущерб, причиненный им частями семеновской армии в ходе боевых действий в Сибири и на Дальнем Востоке. Учитывая данное обстоятельство, он на некоторое время вынужден был задержаться, а затем, потратив имевшиеся на поездку деньги, вернулся в Китай.

По прибытии в Китай, при содействии знакомых генералов и офицеров японской армии, и главным образом — генерала Юки, он переехал на постоянное жительство в Нагасаки. Поначалу его пребывание там было ограничено обязательствами, по которым он должен был проживать под другой фамилией и не заниматься политической деятельностью.

В Нагасаки он проживал до 1928 года, вначале — под фамилией Ердена, а затем, после огласки его настоящей фамилии в местных газетах, вышел из «подполья» и больше не прятался.

Первые три года он проживал в усадьбе вдовы бывшего австрийского консула Леснера, а затем, после удачно проведенной торговой операции по приобретению для одной из японских фирм наркотических средств, за что получил вознаграждение в размере 120 000 йен, купил собственный дом.

На свадьбе старшей дочери Г.М. Семенова

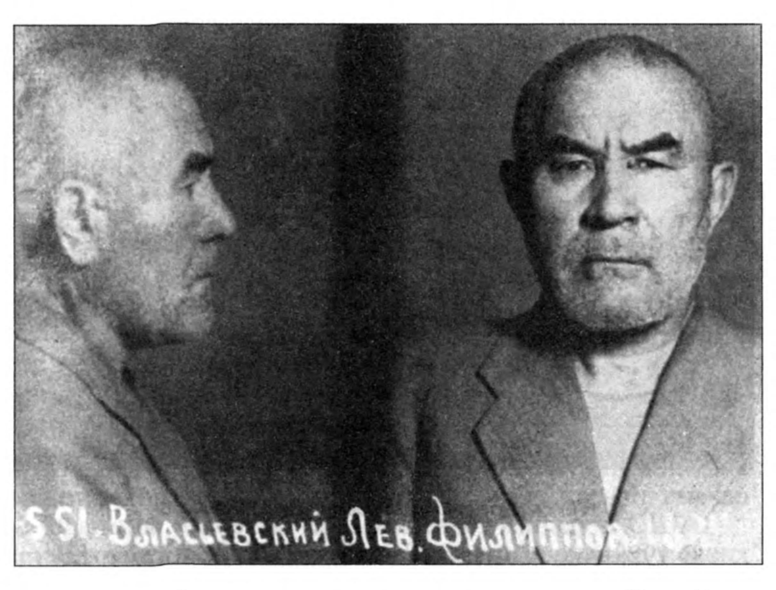
В 1928 году Семенов переезжает в Иокогаму, откуда уже в 1930 году перебирается на материк — в Маньчжурию, где покупает себе дачу под городом Дайреном. С тех пор никуда не выезжал.

Проживая в Маньчжурии, Семенов, по его словам, не занимал какого-либо официального положения. Однако для белоэмигрантов, официальных лиц Китая, Японии и Маньчжоу-го принято было считать его главой русской эмиграции. При решении отдельных вопросов (о присвоении званий офицерам и т.д.), он пользовался правами последней своей должности — Главнокомандующего вооруженными силами «Российской восточной окраины». Кроме того, выполнял поручения японцев по организации тех или иных проектов, касающихся белоэмигрантов, а также выступал в роли советника по делам русских эмигрантов, которых только в Маньчжурии находилось около 60 000.

Основные колонии русских эмигрантов располагались в Харбине и его пригородах (до 35 000 человек), а также в Захинганьи (Трехречьи)[1], где проживало до 18 000 человек. Остальная часть расселилась по городам Маньчжурии — Мукден, Дайрен, Чань-Чунь, Цицинар, Хайсар и другие.

---

[1] Захинганье (Трехречье) — территории, лежащие за Большим Хинганом, горной системой на северо-востоке Китая и востоке Монголии. Трехречье образовано притоками Амура — реками Сунгари, Уссури и Аргунь.

Главное бюро по делам русских эмигрантов (Брэм)[1] состояло из председателя (начальника), двух заместителей и 5 отделов, с начальниками во главе, а также секретариата.

Первый отдел занимался вопросами печати и просвещения, второй отдел — военной подготовкой, третий — разведкой и контрразведкой, четвертый — вопросами снабжения, пятый — вопросами благотворительности.

Начальником Главного бюро до 1945 года был генерал-майор Власьевский[2]; его заместителями — начальник 3-го отдела, инженер Мартовский Михаил Алексеевич и начальник 1-го отдела Родзаевский Константин Владимирович[3].

Второй отдел возглавлял полковник маньчжурской армии[4] Косов, четвертый — штабс-капитан царской армии Кудрявцев Сергей Александрович. Пятым отделом руководил Милосердов, который позднее был заменен полковником Демишханом[5].

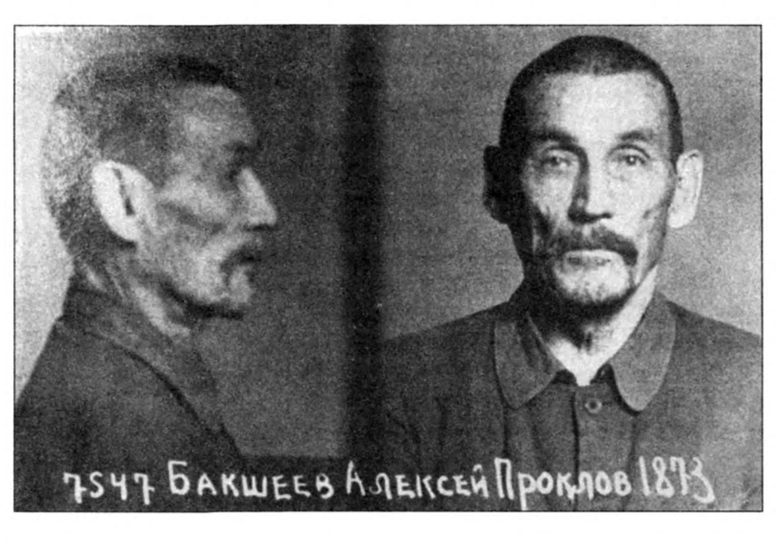
[1] Образовано в 1934 году.

[2] Власьевский Иван Филиппович (1884—1946) — уроженец ст. Первый Чиндант, Читинской области. Генерал-майор белой армии. Был осужден по одному с Семеновым делу.

[3] Родзаевский Константин Владимирович (1907—1946) был осужден по одному с Семеновым делу.

[4] Имеются в виду вооруженные силы Маньчжурии.

[5] Демишхан Модест Александрович — бывший полковник белой армии.

Как уверял Семенов, непосредственного отношения к Брэму он не имел с 1934 года, поэтому не особо ориентировался в вопросах, связанных с его руководством. Тем не менее, он вспомнил, что начальник этой организации, генерал-майор Власьевский русский, из забайкальских казаков, по профессии учитель, в царской армии был подъесаулом, прибыл в Читу в 1919 году и проходил службу под руководством Семенова. До 1934 года Власьевский был лишь представителем Семенова при Брэме, а после смерти его предыдущего председателя, генерал-лейтенанта Кислицына, возглавил Бюро.

Родзаевский — русский, уроженец Благовещенска, прибыл в Маньчжурию из СССР в 1926 году, занимался журналистикой. Организатор и руководитель Российского фашистского союза (РФС), активный агент японских разведывательных и контрразведывательных органов.

Инженер Мартовский был членом РФС и тесно связан с японской разведкой и контрразведкой.

Полковник Корнилов[1], начальник Брэма в Мукдене — донской казак, малограмотный, в политике недалекий, настроен антисоветски.

---

[1] Корнилов Петр Семенович (1892—?) — полковник белой армии, донской казак. Был близок к атаманам Дутову и Семенову. В 1945 году был арестован в Маньчжурии и репрессирован.

Генерал-лейтенант Нечаев Константин Петрович, начальник Брэма в Дайрене, был офицером колчаковской армии, позднее командовал у Семенова дивизией. Затем служил в китайской армии. Тесно связан с японцами, примыкал к РФС.

Генерал-лейтенант Бакшеев Алексей Прокофьевич[1], уроженец Забайкалья, по идеологии — антимонархист. Распоряжения японских властей исполнял точно. Не исключена его связь с разведорганами Японии.

Вязельщиков Гурий Павлович, начальник Брэма в Циуньаре — монархист.

Поручик Яскорский Александр Андреевич, начальник Брэма в Чан-чуне — тесно связан с японцами.

Связь Брэма с правительственными учреждениями Маньчжурии осуществлялась через японские военные миссии, которые в своем составе имели отдельных работников по русской эмиграции, являвшихся одновременно сотрудниками Брэма. Советником при Главном бюро по делам русских эмигрантов в Харбине до последнего времени был Акачи, подчинявшийся 3-му отделу японской военной миссии в этом городе.

Кроме всего прочего, по словам Семенова, именно он являлся идеологом русской эмиграции в Маньчжурии. Тем не менее, командование Квантунской армии, как и японские власти запретили ему какую-либо политическую деятельность. Согласие Семенова на это ограничение было закреплено в особом документе, составленном в Дайренской военной миссии 24 февраля 1938 года. В нем, в частности, говорилось:

«1. Атаман Семенов, который является заслуженным генералом и бойцом перед бывшей императорской Россией в антикоммунистической борьбе, приобретая большое уважение всех эмигрантов и может оказаться при надобности хорошим и опытным советником в российских вопросах и изъявляет свое личное мнение, но добросовестно соблюдать государственный порядок Маньчжоуго и Северного Китая, но передавать приказания своим бывшим подчиненным как верховный атаман только с разрешения начальника Мукденской военной миссии.

---

[1] Имеется в виду Бакшеев Алексей Проклович (1873—1946), уроженец пос. Атамановка, Забайкальской губернии. Был приговорен к высшей мере наказания.

Делегаты IV съезда российских фашистов. Харбин, 1939 г.

2. Атаман Семенов не имел и не будет иметь права вести политическую работу, как, например, посылку агентов с политической целью, по сбору средств на дело борьбы с коммунизмом или отдавать приказания Бюро русских эмигрантов или антикоммунистическому комитету, а также и собирать сведения по личной инициативе.

3. Если вышеизложенные два пункта атаман Семенов нарушит, то он потеряет свою привилегию, которой он пользуется ежегодно по условиям от 20 года со штабом Квантунской армии...».

Этот договор был подписан от Квантунской армии подполковником Асами, а также представителем японской армии в Северном Китае, майором Таке.

Позднее, учитывая подписание между Японией и СССР договора о ненападении, японские власти ужесточили свое отношение к атаману.

Еще в 1921 году группой офицеров-семеновцев был подготовлен «План мировой борьбы с большевизмом», представлявший из себя программу деятельности, выработанную совместно с представителями английского по-

сольства. Сам Семенов в 1936 году написал и в 1938 году опубликовал книгу «О себе».

Касаясь истории возникновения «Союза российских фашистов», Семенов отметил, что он был создан при прямом участии генерала Акикуса, бывшего начальника японской военной миссии в Харбине, и К. Родзаевского. Деятельность этого фашистского союза была прекращена японцами только в 1943 году.

Родзаевский же стал инициатором создания школы диверсантов, где обучались методам подрывной работы молодые русские люди. Всего было подготовлено около 500 диверсантов.

Наряду со всеми перипетиями судеб русских эмигрантов, весьма печальна также судьба русского золота, часть которого перепала и Семенову. Точнее, оно было им своровано у Колчака, который, правда, в свою очередь взял его в качестве трофея у большевиков, которые, вполне естественно, получили его в наследство «от старого мира». Из протокола допроса от 24 июня 1946 года:

«В октябре 1919 года в Чите мной было захвачено два вагона золота на сумму 44 миллиона рублей. Из этого количества золота:

22 миллиона при моем отступлении из Читы были переданы на станции Маньчжурия начальником моей личной канцелярии полковником Мироновым (застрелил-

ся в 1926 году в г. Харбине) представителю японского главного командования полковнику Исооме на хранение, о чем имелось специальное соглашение, подписанное мной и Исооме.

В 1925—26 гг. премьер-министр японского правительства барон Танака попросил у меня подлинник этого соглашения, якобы, с целью разбора вопроса о деньгах, а на самом деле соглашение было у меня отобрано и не возвращено. В моем распоряжении осталась фотокопия соглашения, ныне хранящаяся в Шанхай-Гонконгском банке в сейфе на имя журналиста Вен-Ен-Тана, являющегося моим доверенным лицом.

11 миллионов вначале были переданы мной в распоряжение Читинского казначейства, как фонд, обеспечивающий выпуск банкнот, имевших в тот период хождение в Чите.

В 1920 году эта часть золота была увезена из Читы на бронепоездах, которыми командовали полковник Бойко (проживает в Шанхае) и полковник Вдовенко (умер) и сдана на станции Маньчжурия тому же представителю Японии полковнику Исооме.

Приемо-сдаточная ведомость, подписанная Исооме и Мироновым, вместе с фотокопией соглашения о передаче золота на хранение японцам находятся в Шанхай-Гонконгском банке в сейфе на имя Вен-Ен-Тана.

Факт передачи золота в руки японцев могут подтвердить маршал Маньчжоу-го Чжан-Хай-Пын, войска которого несли охрану золота до отправки его в Японию и бывший китайский представитель в комиссии по приему ценностей бригадный генерал в отставке Чжан-Ю-Пын, который ныне проживает в Шанхае.

11 миллионов были мной израсходованы главным образом на нужды белой армии, а частью захвачены китайцами.

20 пудов золота (около 600 тысяч рублей) в марте 1920 года было задержано китайскими властями на Харбинской таможне и конфисковано по распоряжению Чжан-Цзо-Лина — генерал-губернатора трех восточных провинций Маньчжурии.

326 тысяч золотых рублей в ноябре 1920 года в г. Хайлар захватил генерал У-Цзы-Чен, который умер в 1928 году.

В ноябре 1920 года все оружие, находившееся на во-

оружении белой армии, мной лично было передано на станции Маньчжурия Чжан-Цзо-Лину. При передаче оружия я и Исооме, оценив его в 7,5 миллионов рублей золотом, заключили 26 ноября 1920 года соглашение, по которому японцы и Чжан-Цзо-Лин по первому моему требованию должны были выплатить мне указанные 7,5 миллионов.

Я пытался получить эти 7,5 миллионов с правительства Маньчжоу-го, так как последнее в своей декларации обещало оплатить все долги прежних маньчжурских правителей, но под разными предлогами японцами и китайцами мои претензии на деньги отклонялись. Приблизительно в 1932—1933гг. я обращался по этому вопросу к командующему Квантунской армией генералу Муто, позже к генералу Тодже — начальнику жандармерии Маньчжоу-го, но ни в том, ни в другом случае ответа не получил.

Я должен также сказать о том, что наряду с перечисленными суммами в 1919 году Колчаком было сдано в Шанхай-Гонконгский банк 81 миллион рублей, как депозит, обеспечивающий оплату военных заказов в Англии.

Мои попытки как преемника Колчака получить эти деньги из банка успехом не увенчались, и они по настоящее время находятся в распоряжении англичан.

Частным образом от англичанина Джонса — адвоката, работавшего в Шанхае, мне известно, что из 81 миллиона в банке осталось только 50 миллионов, а остальные англичанами реализованы якобы за поставки, сделанные Колчаку Англией».

Можно бесконечно долго перечислять все «заслуги» атамана Семенова. На допросах он как-то стыдливо замалчивал многие другие факты своей кипучей деятельности, пытался скрыть свою истинную роль в борьбе против Советского Союза. Впрочем, это ему не помогло — каждая очная ставка, проведенная с очередным «соратником», каждый очередной трофейный японский документ добавляли красок в неповторимо колоритный портрет нашего «героя».

О «подвигах» атамана значительно увлекательнее расскажут сам Семенов, а пробелы в его памяти заполнят люди, хорошо знавшие не только генерала, но и все события, происходившие на Дальнем Востоке в 1917—1945 годах.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ арестованного СЕМЕНОВА Григория Михайловича от 5 сентября 1945 года[1]

В 1918 году в начале января, точного числа не помню, я встретился в Харбине с английским генеральным консулом Портером, придя к нему с целью выяснить взгляд его на положение концлагерей германских, австрийских и турецких военнопленных, охрана которых перестала существовать в связи с революцией в России, а посему я настаивал военнопленных эвакуировать из Забайкалья, я же лишен был возможности охранять несколько многочисленных лагерей в Забайкалье. Портер просил меня несколько дней обождать, пока он снесется с английским посольством в Пекине. Через указанный Портером срок я вновь был в английском консульстве.

Мне был задан вопрос — почему я разоружил те дружины, которые охраняли концлагеря военнопленных. Я пояснил, что дружины были совершенно разложены и своим присутствием лишь помогали разгулу военнопленных, зачастую начавших обижать мирное население. Портер мне обещал принять все меры к эвакуации военнопленных. Далее у меня разговор перешел на начавшуюся мою борьбу с большевиками. Этот вопрос Портером был освещен мне под углом зрения необходимости мне и другим русским офицерам доказать, что в России нашлись люди, которые могут еще доказать миру, что умеют быть верными четвертому альянсу. Я заявил, что я готов положить все усилия, чтобы восстановить противогерманский фронт хотя бы на Байкале, а также начать борьбу и с большевиками. Портером на следующий же день мне было передано 400 000 мексиканских долларов, и я в это же время был познакомлен с приехавшим из Пекина помощником английского военного атташе майором Дени. Дени мне обещал срочно прислать из Пекина имеющееся там некоторое старое вооружение.

Оружие к февралю 1918 года было действительно привезено на ст. Маньчжурия, куда одновременно прибыл и майор Дени, будучи англичанами назначен состоять при

[1] Заголовок документа, придуманный атаманом Семеновым.

мне и организовать снабжение отряда. Почти в одно и то же время прибыл из французского посольства капитан Пелье, с теми же задачами, как и Дени от английского посольства — организовать снабжение моего отряда. В феврале 1918 года для этих же целей был прислан ко мне Японией майор Куроки.

Указанные выше факты и были первыми случаями моего соприкосновения с английской, французской и японской разведками.

В начале 1919 года, или даже в конце 1918 года, Англия и Франция прекратили непосредственную помощь мне, начав передавать деньги, амуницию и вооружение в распоряжение генералу Хорвату. В это же время прибыл в Харбин адмирал Колчак. До этого момента он командовал, или лишь был назначен командовать английской эскадрой в водах Тихого океана (на Дальнем Востоке). Тогда же я был уведомлен майором Дени, капитаном Пелье и майором Куроки, что Япония лишь будет снабжать меня, а Англия и Франция — генерала Хорвата, для его формирований в полосе отчуждения КВЖД.

Адмирал Колчак в это время, если не ошибаюсь, то зимой 1918 года, был Хорватом приглашен руководить в военном отношении движением т.н. белых военных отрядов, как-то: моим, Калмыкова и в полосе отчуждения отрядом полковника Орлова и подполковника Вращеля. Руководство это продолжалось недолго, адмирал Колчак заболел нервным расстройством и был отправлен в Японию лечиться.

В 1919 году, в ноябре, адмирал Колчак, в сопровождении генерала Нокса (англичанина) приехал через Читу в Омск. В Омске, как известно, его назначают военным и морским министром, и он вскоре же осуществляет переворот и становится верховным правителем. В это же время начинается помощь снабжением Колчака Америкой, давшей амуницию, обмундирование и оружие. Лично у меня не было близких соприкосновений с САСШ[1].

Последующие этапы сношений моих с англичанами и французами стали слабые, но усилились с японцами. С англичанами связи у меня возобновились в 1926 году, о чем изложу особо ниже.

Падение правительства адмирала Колчака и передача власти мне на территории Российской восточной окраи-

[1] Северо-Американские Соединенные Штаты.

ны 4 января 1920 года оставили меня лишь с японской помощью в борьбе с советской республикой.

Когда адмирал Колчак объявил себя правителем, то был в Омск, где была столица Колчака, командирован японским правительством дипломат Като. Като проезжая Читу был у меня на обратном пути из Омска, и мне сообщил, что Япония хотела активно помочь Колчаку, но Англия и Америка не дали этому осуществиться, посему, сказал Като, у Японии остался свой путь налаживания своих взаимоотношений с Россией на Дальнем Востоке. Мною было предложено Като воздействовать на Колчака. Като мне заявил, что из моего шага едва ли что выйдет.

Положение правительства адмирала Колчака стало колебаться, что он признал в ответе на мой ему доклад. Когда же власть Колчака была передана мне, то я повел переговоры с демократическими партийными элементами Дальнего Востока, включительно до коммунистической партии, делегатом которой на собранный съезд на ст. Хадабулак, Забайкальской ж.д. был назначен Никифоров Петр Николаевич[1].

Т.н. Хадабулакский акт, вызвавший много шума в обществе и вспышки восстаний т.н. Каппелевских частей[2], что составляли остатки Западной армии адмирала Колчака, против меня под руководством их генералов мне ясно показали, что нужно искать выхода из положения новыми и решительными путями. Это привело к началу моих переговоров с советским правительством через посланную мною телеграмму В.И.Ленину и к посылке вследствие ее своей делегации во главе с полковником Завойко Василием Степановичем, для переговоров с советским правительством через Наркомзема Смирнова. Почти одновременно с сим проходило осуществление договоренности о конструкции власти на Дальнем Востоке с демократическими элементами, куда, как я уже указал, входил от коммунистической партии П.Н.Никифоров. В это время среди частей армии при руководстве генералов Вержбицкого, Лохвицкого, Молчанова и других, началось выступление против меня, как соглашателя с красными. Решительными мерами мне удалось прекратить рас-

---

[1] Вероятно, имеется в виду Никифоров Петр Михайлович (1882—1974) — государственный и партийный деятель. В 1920 году — член правительства ДВР.

[2] Имеются в виду части, ранее подчинявшиеся генерал-майору Каппелю, о судьбе которого — см. приложение № 1 к части первой.

кол среди частей и, доведя армию до ст. Маньчжурия, там сдать оружие представителю власти 3-х восточных провинций — Чжан-Цзо-Лина, под гарантию представителя японского командования полковника Исооме. Представитель японского командования требовал полного разоружения частей, иначе переброски частей и эмигрантов в Приморье японцы, захватившие в то время фактически власть в свои руки, — не допускали.

Пока происходило улаживание трений в частях моей армии, в это время японцы вели переговоры с правительством ДВР, возглавляемое Краснощековым[1]. По прибытии моем во Владивосток, где я должен был с городским советом закончить договоренность, начатую на ст. Хадабулак, но японцы меня изолировали на броненосец «Миказа», с которого я должен был уехать в Порт-Артур временно, куда я прибыл около 7 декабря 1920 года.

Когда образовался ДВР в Забайкалье, японцы старались в Приморье создать приемлемую для себя власть. Сделали они это успешно через переворот во Владивостоке и установление там власти т.н. Меркуловского правительства, через которое и потребовало моего личного удаления из Приморья. Не имея ни возможности, ни смысла вести борьбу с Меркуловыми из-за власти, я покинул Приморье после подписания соглашения с Меркуловыми моим начальником штаба в то время генералом Ивановым-Риновым, коим Меркуловы обязались не отказывать в продовольствии частям моей армии в Забайкалье.

Благодаря стараниям японцев в проводившейся тогда их интриге изолировать меня, дабы я не помешал бы им с Меркуловыми удержать эмиграцию, сосредоточенную в Приморском буфере, у меня произошла натянутость взаимоотношений с японцами настолько, что в конце 1921 года на ст. Гродеково было ими организовано на меня покушение через отравление вином. Все взятое вместе и привело к тому, что японское правительство отказало мне в праве жить где-либо на японской концессии, а также и на островах Японии. Поэтому, как уже показано мною 4 сентября с.г. я и выехал в Шанхай через г. Кобе.

---

[1] Краснощеков Александр Михайлович (1880—1937) — советский государственный деятель. В период с апреля 1920 года по август 1921 года — председатель правительства ДВР, совмещая должности председателя Совмина и министра иностранных дел. Необоснованно репрессирован и расстрелян.

С этого времени вплоть до моего возвращения из Америки, куда, как уже показано, я ездил в 1922 году с целью проехать во Францию, куда я уехать не смог по причине, также указанной мною уже 4 сего сентября[1].

Возвращение мое из Америки, вторичный отказ японского правительства мне жить в Японии, привели меня снова в Тяньзинг, где была организована попытка покушения на мою жизнь неким Силинским. В силу содействия мне генерала Юки, мне удалось выехать, на особых условиях отказа заниматься политикой. С 1924 года запрет с передвижения моего был снят, и, как уже указывалось мною, за отсутствием средств к жизни, я должен был заняться каким-либо делом, отсюда вытекает и моя работа недолгое время с японской фирмой «Дай» — другую часть названия я забыл. Дальше, с целью выполнения поручений фирмы, мне удалось завязать связи с китайскими кругами, как делового, так и политического мира, что и нужно отнести к 1924 году с самого его начала.

В 1921 году, кроме уже описанной связи с генеральным консулом Англии Портером и с майором Дени непосредственно, — мне было предложено [сотрудничество] через генерал-лейтенанта Афанасьева, одного из более близких моих сотрудников, а Афанасьеву предложение это было передано от англичан бароном Жерар де Сукантон. Со стороны англичан выступала м-ме Нетушь, последняя инспирировала Сукантона на составление плана борьбы с 3-м Интернационалом, который и составлялся ген. Афанасьевым, Жераром де Сукантоном и, кажется, принимал участие в его составлении капитан 1 ранга Фомин и вице-адмирал Шубин-Позднев, а затем план был утвержден мною в 1921 году.

Англия, по утверждению всех означенных лиц, намеревалась серьезно поддерживать этот план, но потом этот план так и остался на бумаге, а м-ме Нетушь, как я припоминаю, умерла по пути в Англию, но твердо этого я утверждать не могу.

С французами — деятелями на Дальнем Востоке, мне встречаться, кроме п-ка Грабуа в Шанхае, с отъездом капитана Пелье от меня, не приходилось.

В 1938 году я выезжал в Шанхай и там встречался с неким адвокатом Джоном Робертом Джонсоном, с ним я выяснял вопрос о действительном наличии в Гонконг-

[1] Так в тексте.

Шанхайском банке денег, вложенных распоряжением адмирала Колчака. Деньги эти действительно находились в банке и были вложены через отделение Гонконг-Шанхайского банка в Шанхае, о чем как будто Джонсону подтверждал один из директоров банка.

Не исключена возможность, что этот вопрос может знать бывший министр финансов правительства адмирала Колчака и ныне проживающий в Харбине — Иван Андриянович Михайлов. Сумма этого вклада равнялась приблизительно 30 000 000 золотым русским рублям. Несмотря на все меры, принятые с моей стороны, точного положения с этими деньгами мне до сих пор выяснить не удалось.

В 1924–26 гг. я раза два встречался с б. послом Англии сэром Элиотом в Токио, с которым я был знаком по Сибири, где он был высоким комиссаром Англии при адмирале Колчаке. В Токио я был приглашен на обед к Элиоту. Он, как ученый-этнолог, много говорил об Азии вообще.

В 1926—27 гг. я был в Пекине в отеле «Вагонли», встретился и познакомился с полковником английской службы Стюартом, который имел целью прозондировать у меня почву, что имею ли я какие дела с Надеждой Хуан. Надежда Хуан — дочь бывшего китайского шарже-де-форж в Испании, мать ее испанка. Хуан была секретарем китайского премьер-министра Панг-фу, Чжан-Цзо-Линовского правительства в Пекине в 1928 году. Хуан позднее имела сотрудничество с итальянцем Анжелло, поставщиком оружия на воюющие между собой китайские группировки.

Моя связь со многими китайскими деятелями относится ко времени первых лет моей жизни в эмиграции.

Я связан был с 1926—27 гг. с Сун-Фо — сын д-ра Сун-Ят-Сена, с С.Т.Ваном — бывшим министром иностранных дел Нанкинского правительства в это время, как и с адмиралом Ченом, что уже описано мною 4 сентября в связи с исполнением мною поручений фирмы «Дай».

С Сун-Фо и С.Т.Ваном у меня создалось знакомство через адвоката Дю-Пак-де Марсули и адвоката англичанина Джона Роберта Джонсона на почве вкладов в Гонконг-Шанхайском банке правительством адмирала Колчака.

В 1925–26 гг. при личной встрече с японским премьер-министром бароном Танака, у меня была долгая беседа, на частной квартире Танака. Танака владел достаточно русским языком, чтобы в спокойной беседе обойтись без переводчика.

Танака интересовался вопросом положения на русском Дальнем Востоке, проектируя буфер до озера Байкал. На мой ответ, что наша неудачная борьба белых с красными и уход наш с русской территории, отчасти по причине неудачного вмешательства японских представителей в дела взаимоотношений нас русских привело к недоверию населения к нам.

Танака мне ответил, что вопросы вмешательства в русские дела, как показывает его опыт, должны носить совершенно иные формы, а именно: когда Япония займет крепкое положение на континенте, и своими силами сможет поддержать порядок и выдвинуть то или иное правительство, состоящее из популярных людей, тогда эта власть, как независимая от внутренних трений различных групп, будет прочной и без «конкурентов». Мною был выражен взгляд, что такой способ имеет и отрицательные стороны, как население будет смотреть на такое правительство, как на чужестранных ставленников, если власть будет создаваться без участия населения. Таких же приблизительно взглядов придерживались и другие лица из японских деятелей, как, например, генерал Араки. Мы можем видеть эти методы японского насаждения в Маньчжоу-го и в Нанкине, да и вообще в Китае.

Японцы неправильно оценивали как положение СССР, так и Китая. Они рассчитывали, что оккупация ими Китая должна будет произвести демонстрацию их военной мощи на весь мир, а не только на СССР. Занятие же Китая японцы предполагали осуществить в 6 месяцев. У меня был случай в 1937 году, еще до войны Японии с Китаем, когда я имел по этому поводу разговор с генерал-майором Акикусом, последним начальником японской военной миссии в Харбине. Он спросил мое мнение о силе сопротивляемости китайцев и мое мнение о качественности японцев. Я сказал, что мне трудно судить о японской армии, о ее снабжении, вооружении, хотя я и знаю их боевые высокие качества. Но, сказал я, что японцам придется воевать больше, может быть, с природой, чем с китайским солдатом, тем более, если Чжан-Кай-Шекч[1] будет отходить вглубь страны, где нет железных дорог и шоссейных трасс. Мне был ответ, что я недооцениваю преимущество Японии над Китаем. И что разбить Китай и поставить перед необходимостью капитулировать Чункинскую власть Японии хватит времени от 4 до 6 месяцев.

---

[1] Имеется в виду Чан Кай-ши, с 1927 года глава гоминьдановского режима в Китае.

В 1935—36 гг., даты я точно в памяти восстановить не могу, я имел разговор с генерал-лейтенантом Андо, в то время начальником японской военной миссии в Харбине о перспективах возможности возвращения русской эмиграции на родину. На мой вопрос — каким образом это возможно сделать, Андо мне ответил уклончиво, что возможно дипломатическим путем будет достигнута возможность согласия на это советского правительства, но возможно и другим путем — сказал Андо.

Позднее я узнал об уступке правительства СССР КВЖД, то невольно подумал, что не связан ли с этим вопрос возвращения эмиграции. Но когда начались события у озера Хасан[1], то я полагал, что возможно японцы начали осуществлять проект генерала Чжан-Хуан-Сяна, бывшего министра юстиции Маньчжудиго. Он впервые подал еще при генерал-губернаторе 3-х Восточных провинций маршале Чжан-Сюе-Ляне проект об аннулировании старого договора России и Китая об уступке нам Уссурийского края (кажется, договор был заключен в 1877 году) и присоединения Уссурийского края к Китаю, а теперь к Маньчжудиго, ибо это вытекало из моего разговора с генерал-лейтенантом Андо. Я полагаю, что ключом причины событий у озера Хасан и была попытка вооруженного давления на СССР, и если бы японцы имели удачу, то возможно план аннулирования договора об Уссурийском крае и передаче его Маньчжудиго была попытка осуществить.

Хотя Андо в разговоре со мной и сказал, что выведя эмиграцию из России, мой долг перед ней и вернуть ее, чем фактически заявил, что предлагается это мне. Я поблагодарил его о заботах об эмиграции[2].

Кто знает характер и психологию японцев, для того не будет странным, что японцы в оценке нас ли русских, или вообще иностранцев, в первую очередь учитывают чувства патриотизма и возможность реакции на их предложения и таковые делают в решительной форме лишь, когда очевидность выполнения задуманного плана неоспорима. Но несмотря на это было определенно выражено генералом Андо, что во-первых: если удастся дипло-

---

[1] Советско-японский вооруженный конфликт, начавшийся 29 июля 1938 года — после вторжения японских войск на территорию Приморского края. В ходе боев, продолжавшихся до 11 августа, захватчики были разгромлены частями Красной Армии.

[2] О причинах столь трогательной «заботы» — см. ниже.

матическими путями осуществить возвращение эмиграции в Россию — в Уссурийский край, то эмиграция там послужит базой развертывания реакционных сил на русской территории, во-вторых — если этого не удастся, то осуществить это Япония намеревалась вооруженной силой.

В связи с наличием агрессивных планов Японии против СССР и велась, поскольку возможно, завуалированная подготовка кадров из русской молодежи, о чем изложу ниже.

Мне было предложено генералом Андо составить план организации и структуры власти на территории Уссурийского края. При этом обращалось внимание на то, что новая власть Уссурийского края будет вероятней всего на положении провинции Маньчжудиго. Это мною было выполнено и передано ген. Андо, даты передачи я не помню. Для разведки в Приморье направлялись распоряжением военной миссии в Харбине разведывательные мелкие группы и отдельные лица. Одним из видных агентов считался некий Долгов, которого я лично видел один раз, когда он приезжал ко мне в Какаши. Долгов мне рассказывал, что он уже много раз бывал глубоко в СССР. На мой вопрос, какого характера и кто дает ему задания, отправляя его в СССР, Долгов ответил, что все задания он получает лично от подполковника Акикуса[1], а иногда и от другого офицера военной миссии. Он просил меня не говорить никому этого, так как ему строго запретили называть лиц, иначе неисполнение угрожает его жизни. После я Долгова больше никогда не встречал.

Группа русских во главе с князем Ухтомским Федором Капитоновичем, захваченная на китайском пароходе «Тунг-Санг», как я помню, тоже являлась группой, посланной военной японской миссией в Харбине тоже подполковником Акикусой. Захвачена эта группа была где-то в устье реки Сунгари чинами пограничной охраны СССР.

Деятельность белогвардейских организаций состояла в подготовке кадров молодежи, как чисто в военном смысле, так и в специально-разведывательном. Существовали следующие организации подготовки их:

Были курсы идеологической и разведывательной подготовки эмигрантской молодежи при фашистском союзе в Харбине и руководил ими К.В.Родзаевский и кто-то из японцев, фамилию его я не знал.

---

[1] Однофамилец генерала Акикуса, возможно — его родственник.

Характер подготовки в идеологическом смысле был антисоветским с идеологией японской идеи «Мир — одна крыша» или «Хакко-Ичи-У», чем японцы старались связать идеологическое единство с маньчжудиговским населением, имея в виду, по японскому плану, отторжение Уссурийского края от СССР и присоединение его следом за Кит. Вост. ж. д. к Маньчжудиго.

Особенно ярким доказательством за последние полтора года японских агрессивных планов в отношении СССР было установлено, что все призываемые по мобилизации японцы в Квантунской области и вообще в Маньчжудиго направлялись не на юг против американцев, а на границы СССР.

Чисто строевая подготовка русской эмигрантской молодежи и идеологическая велась в т.н. Асановском отряде, по имени командира отряда японского полковника Асано. Подробной программы подготовки отряда я не имел. Точно не знаю времени, когда не более 1– 2 лет полковн. Асано был заменен русским офицером полковником Смирновым, назначенным туда распоряжением Харбинской военной миссии.

Чины отряда на Сунгари 2-я[1] все числились по армии Маньчжудиго, и производство в офицеры делалось также властями Маньчжудиго.

Официально японцы для маскировки подготовлявшейся агрессии против СССР, заявляли интересующимся, что русская молодежь обязана нести военную службу в Маньчжудиговской армии и участвовать в обороне страны, где они являются 5-й народностью.

Отряд на Сунгари 2-я, приблизительно за 5–6 лет своего существования пропустил через школу своей подготовки не меньше 4 или $4^1/_2$ тысяч человек.

Отряд на станции Хандаохедзы возглавлялся полковником русской службы в прошлом Поповым.

Количество пропущенных людей через школу подготовки будет меньше, чем в Сунгарийском отряде и, я полагаю, будет около 2-х тысяч человек.

Подготовка казаков имела место и в Захинганском районе. Характера подготовки отряда я не знаю, так же, как и в указанных выше отрядах. Руководил подготовкой одной группы есаул Пешков, а другой полковник Портнягин.

Была также группа и в Трехречье, в Драгоценке, дол-

[1] Населенный пункт в Маньчжурии.

жна была находиться под наблюдением полковника Сергеева, а кто вел занятия с группой, я не знаю, ибо непосредственных отношений с организацией я вести не мог.

Захинганский район — какое количество людей мог пропустить, точно сказать не могу, но полагаю, что не меньше 3—4 тысяч.

Два или три года тому назад, проездом из Шанхая у меня был полковник Портнягин, который, на мои расспросы заявил, что он боится что-либо сказать мне, так как японской военной миссией в Хайларе строго запрещено говорить об отрядах и их работе кому бы то ни было.

Те лица, которые возглавляли школы подготовки и указанные выше, по моему мнению, должны быть все на местах, то точно быть уверенным я не могу.

Кроме всего, в то время подполковником Оноучи — начальником 3-го отдела Харбинской военной миссии, кажется в 1936 году, был создан монархический союз во главе с Б.Н.Шипуновым. Организация эта, как и фашистский союз Родзаевского, вербовала молодежь для диверсантских целей против СССР, но имел ли союз какие-либо курсы или школу, мне не известно.

Об организации, как фашисты, так и монархисты были в оппозиции мне, что подп. Оноучи в 1934 году выдвинул Шипунова вместо меня в будущем Уссурийском государственном образовании, но на деле оказалось, что авторитета Шипунова нигде не было, кроме монархического совета.

В силу моего несогласия с японскими мероприятиями, японцы предпочли проводить, не спрашивая моего мнения о мерах подготовки на местах, к чему строго обязывали и тех, кто руководил подготовкой на местах. Имея в виду, что я в силу безвыходности своего положения, их задачу по агрессии против СССР все равно выполню, а, не будучи в курсе их подготовки, не буду им мешать.

Намечавшаяся японцами структура власти в Приморье, или только в Уссурийском пока крае решено определенно не было, но в обоих случаях проектировалось создать власть по типу власти в Маньчжудиго. Вопрос образования буфера по Байкал, что предусматривалось планом барона Танаки, за последние годы совершенно отпал и был заменен Приморско-Уссурийским планом, что особенно заметно после подписания пакта о ненападении Молотова — Мацуоки[1].

---

[1] Заключен в 1941 году.

Кстати указать, что когда Мацуока ехал в Москву, то мною был предложен ему план, через начальника Дайренской военной миссии полковника Ясуе о возможности достичь безболезненного разрешения вопроса взаимоотношений с СССР.

План мой заключал в себе идею создания буфера при Монголии, включая всю внутреннюю Монголию и Баргу, воссоединив их с МНР, под двойной гарантией суверенности монгольского государства, как со стороны СССР и Японии, куда дать возможность вселиться и нам эмигрантам. План этот мною был передан консулу СССР в Дайрене Исаеву, через германского вице-консула Шумана, с которым Исаев тогда поддерживал добрые взаимоотношения и вместе с ним ездил на охоту, где мною и Шуманом проектировалось мое знакомство с Исаевым, но в силу слежки японцев, не удалось. Кто и где в данное время находится из руководителей эмиграции на местах, точно я сказать не могу. Но, когда мне предлагал начальник японской военной миссии в Дайрене уехать ради безопасности от возможного прихода Красной армии и на Квантун, что было около половины августа с.г., то капитан Такеока мне сказал, что из Харбина группа лиц из деятелей эмиграции с их семьями, во главе с ген. Власьевским, проследовала будто бы в Тяньцзин. Подтверждением этого служит факт, имевший место с моей 15-тилетней дочерью, которая в это время находилась в Харбине, и, желая уехать домой в Дайрен, она, случайно узнав, что семья Власьевского уезжает на юг из Харбина, то и пошла к И.Ф.Власьевскому с просьбой ее взять с собой, то Власьевский заверил мою дочь, что ни он, ни семья его никуда не едут. И для доказательства своей правоты он взял якобы для виз паспорт моей дочери, как сам, как оказалось, через $1^1/_2$ часа с семьей эвакуировался из Харбина, оставив мою дочь без (документа) паспорта, а пассажирское движение из Харбина уже было прекращено. Дочери моей удалось выехать с эшелоном японских семей, куда ее устроила одна знакомая.

Кроме всего, другого пути, как только на Тяньцзин, у скрывшихся и не было.

Кто скрылся с Власьевским, точно я не знаю, но кажется Родзаевский, Гордеев и их семьи.

Руководящая верхушка эмиграции состояла из лиц на местах сосредоточения эмиграции, которые занимали те или иные должности в эмигрантских органах Бюро русских эмигрантов, или т.н. Брэм.

Главное бюро возглавлялось генерал-майором Власьевским, помощниками его были: первым его заместителем и одновременно начальником 3-го отдела бюро, ведавшего разведкой и контрразведкой, инженер Мартовский Михаил Алексеевич, вторым заместителем начальника бюро являлся Родзаевский Константин Владимирович, он же начальник 1-го отдела бюро, который ведал просвещением и прессой. 2-м отделом ведал полковник маньчжудиговской службы Косов (имени не знаю), отдел этот ведал военной подготовкой молодежи.

4-м отделом снабжения ведал Кудрявцев Сергей Александрович.

5-м отделом благотворительности ведал полковник Демишхан.

Других лиц Харбинского бюро я совершенно не знаю.

В Захинганском районе с центром в Хайларе возглавлял бюро генерал-лейтенант Бакшеев Алексей Проклович. В его ведении был весь район от Хингана и до границы СССР и МНР. Бакшеев вел работу по заданиям Хайларского начальника японской военной миссии.

Трехречье во главе с полковником Сергеевым также подчинялось Бакшееву.

На линии КВЖД кто и какие посты занимал, точно мне не известно.

В Чан-Чуне начальником бюро эмигрантов является Ясоркский Александр Андреевич, многолетний сотрудник японской полиции, где официально и числился на службе, соединяя и должность начальника эмигрантского бюро в Чан-Чуне.

В г. Мукдене начальник бюро эмигрантов полковник Корнилов Петр Семенович.

В Дайрене возглавляет бюро генерал-лейтенант Нечаев Константин Петрович, как и все возглавители бюро на местах, подчинялись местным начальникам японских военных миссий и выполняли все их задания — включительно до контрразведывательных, вербовочных в отряды молодежи, военной подготовкой молодежи на местах и распределения продуктов питания и одежды, выдававшихся по карточкам, изысканием средств помощи бедным, а также информацией масс эмиграции о текущих событиях, как через радио, так и через издававшуюся в некоторых пунктах прессу. Распространялась и пропагандная литература, печатавшаяся при японских военных миссиях.

Г. Семенов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Летопись генерала Вериго

Предваряя опубликованный ниже материал, скажем несколько слов о человеке, его создавшем.

Итак, Вериго Леонид Витальевич, приписной казак Амурского казачьего войска, кадровый офицер с 1901 года. Кроме собственного войска, проходил службу в Забайкальском и Уссурийском казачьих войсках. Участник китайской, японской и германской кампаний.

Во время последней находился на фронте в составе 1-го Нерчинского казачьего полка (Забайкальское войско), в котором командовал сотней. Будущий атаман Семенов был у него младшим офицером. Позднее Вериго командовал Уссурийским казачьим полком.

После создания Омским правительством адмирала Колчака 5-го Приамурского корпуса, командующим которого был назначен не кто иной, как Семенов, полковник Вериго занял пост начальника штаба корпуса. Позднее он покинул этот пост, так как Семенов не внял его доводам о предании военному суду барона Унгерна и генерала Тирбаха за их преступления.

Впоследствии, уже при генерале Розанове, Вериго был назначен комендантом крепости Владивосток. Специали-

сты, хорошо знавшие Вериго, оценивали его военную подготовку и способности как посредственные.

В 1920 году Вериго опять оказался близок к Семенову. По его поручению он доставил около 100 000 рублей золотом из Китая в Русско-Азиатский банк, для обеспечения военных закупок для атамана. Хотя существовала и другая версия — что это золото было им похищено.

Позднее, по недостаточно понятным причинам он принимает решение о возвращении в Россию. Стремясь избежать ненужных осложнений, решил проехать в Советскую Россию через Маньчжурию. С другой стороны, он был уверен, что помня его заслуги, никто не пропустит генерала непосредственно через Владивосток, так как белая контрразведка могла просто не пустить его в Приморье.

Свое стремление возвратиться именно в Советскую Россию, в кругу своих соратников и близких Вериго объяснял следующими мотивами.

Он считал большой ошибкой, что белое офицерство в полном своем составе не осталось в рядах армии после большевистского переворота 1917 года. По его словам, оставаясь в России, они сделали бы гораздо больше для дела борьбы с Советской властью, чем отсиживаясь за границей. В качестве примера он приводил историю одного из своих друзей-офицеров, которые состояли на советской службе. Этот приятель всегда выражал резкое недовольство теми офицерами, которые в последние годы вели вооруженную борьбу с большевиками из-за границы.

Полностью соглашаясь со своим другом, Вериго отстаивал точку зрения о целесообразности проведения подрывной работы против большевиков посредством проникновения на различные должности в учреждениях Советской власти. Ярким доказательством такого вида борьбы генерал считал тот факт, что в Москве «всем командует» Каменев[1], бывший кадровый офицер, а также что Генеральный штаб состоял из большого числа старых офицеров[2].

---

[1] Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936) — советский военачальник, командарм 1-го ранга (1935). В 1918—19 гг. командовал Восточным фронтом, затем, до 1924 года был главнокомандующим вооруженными силами Республики.

[2] Имеются в виду военные специалисты (военспецы).

Переходя к вопросу о личной для него опасности поездки в Россию, Вериго высказывался, что он готов рискнуть своей головой и, в крайнем случае, предпочтет смерть в России, чем жалкое существование за границей. Он питал уверенность, что Советское правительство его амнистирует, так как он считал себя знающим строевым офицером, и никакого уголовного прошлого за собой не имеет.

Эту уверенность в нем поддерживал пример генерала Сыробоярского, который, несмотря на явную принадлежность к Семенову и другим антибольшевистским деятелям, был амнистирован правительством и даже получил ответственное назначение в Москве.

Учитывая целый ряд обстоятельств, генерала Вериго в Советскую Россию просто не пустили, и он остался за границей.

Неизвестно, для кого были написаны публикуемые ниже обзор и характеристики основных сподвижников атамана Семенова. Ясно только следующее: содержащейся в них информацией воспользовались представители спецслужб двух государств. После создания документов их использовала японская разведка, чьи позиции на Дальнем Востоке в 20-е годы были особенно сильны. Подтверждением этого может служить оттиск овальной печати, усеянный японскими иероглифами, который украшает последнюю страницу обзора. Затем, начиная с января 1923 года, эти материалы использовались только органами безопасности Советского Союза.

Итак, атаман Семенов и семеновщина... Довольно большой промежуток жизни этого человека, отраженный в подборке документов, дает если не полное, то хотя бы краткое понятие о нем и окружающих его людях. Вполне вероятно, что некоторые факты, приведенные генералом Вериго, изложены тенденциозно. Но никто не может отрицать очевидного — автор однозначно хорошо информирован. Единственное лицо, фамилия которого иногда всплывает в документах, но чьей характеристики нет в приложении к обзору — это сам генерал Вериго. Оставляя в стороне критику написанных им документов, уверен, что читатель найдет для себя много нового и интересного.

Совершенно секретно

Обзор деятельности атамана Семенова с 1917 года по 1920 год

После революции 1917 года Семенов, тогда подъесаул 3-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска, был избран от 2-й Забайкальской казачьей бригады на Всероссийский казачий съезд в Петроград, в качестве делегата.

В это самое же время у него зародилась мысль формирования добровольческих частей из инородцев Забайкальской области, что он рассчитывал провести легко, владея в совершенстве бурятским языком и хорошо зная монгольский язык.

Находясь в Петрограде, Семенов обратился через Генерального штаба полковника Самарина[1], бывшего начальником штаба Уссурийской конной дивизии к Керенскому за разрешением и как полномочиями, так и средствами. Благодаря Самарину, имевшему доступ к Керенскому, Семенов провел это дело, и в начале сентября или в конце августа, получив полномочия комиссара Забайкальской области по формированию добровольческих частей, а также кредит в 60.000 рублей, выехал в Забайкалье.

В Забайкалье первой своей штаб-квартирой Семенов избрал г. Верхнеудинск, как центр расположения бурят и ближайшие и удобные пути в Монголию. Аванс же, отпущенный ему Керенским, он получил или из Иркутского казначейства, или из Читинского. Надвигающиеся и разыгравшиеся события заставляют его перенести центр своей деятельности ближе к русской границе — в Даурию, куда прибывает с Кавказского фронта есаул барон Унгерн и урядник Бурдуковский. На Даурии к нему присоединяется комиссар станции Даурия, бывший писарь 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска Березовский, который дает Семенову все необходимые сведения. Кроме этих лиц было еще два-три человека из быв-

[1] Самарин Сергей Николаевич — с 30 августа 1917 года генерал-майор ГШ, командующий войсками Иркутского военного округа. До революции исполнял должность начальника штаба Уссурийской конной дивизии, полковник с декабря 1914 года.

ших его сослуживцев. Само собой разумеется, что эта небольшая кучка людей не могла противостоять гарнизону ст. Даурия, состоящему из дружины государственного ополчения и нескольких сот военнопленных, а потому Семенов решает переехать в Маньчжурию. Это происходит в середине декабря месяца. События в Харбине наталкивают Семенова на мысль — при помощи китайцев разоружить находящуюся на ст. Маньчжурия дружину государственного ополчения. Что им и приводится в исполнение ночью, а дружина сажается в заранее приготовленные теплушки и под конвоем китайцев отправляется до 86 разъезда, и уже далее — самостоятельно.

В конце декабря месяца из проходившего в это время Уссурийского казачьего полка остаются на ст. Маньчжурия у Семенова офицеры полка: подъесаул Сергеев, подъесаул Тирбах, подъесаул Бирюков (Алексей), сотники: Савельев, Торчинов, Попов, подъесаул Ловицкий, хорунжий Крыжановский и около 100 человек казаков, которые, совместно с подъесаулом Ловицким и сотником Поповым, выехали через несколько дней к себе в войско. Формирование же так называемого Монголо-бурятского полка шло очень медленными темпами, и со дня объявления набора в полк до начала января 1918 года прибыло не более 20 человек монголов, племени харачин, бурят же было человек пять, не более.

В это самое же время Унгерн отправился в Хайлар, где начал вести работу по привлечению некоторых монгольских племен в формируемый на ст. Маньчжурия отряд. Работа по привлечению монголов сводилась, главным образом, к трате денег — разным проходимцам давались крупные суммы, но монголов отряд не видел. Заведя собственное интендантство, Унгерн начал продавать все, что было казенного в Хайларе, и, само собой разумеется, совершенно не подчиняясь Семенову.

На ст. Маньчжурия начали прибывать офицеры, и со ст. Даурия были привезены четыре полевых конных орудия из пришедшей с фронта 1-й Забайкальской батареи, с лошадьми и амуницией. Отряд начал насчитывать в своих рядах уже до ста человек, образовался штаб отряда, во главе с подъесаулом Кубинцевым в роли начальника штаба. Кубинцев — человек не только совершенно неспособный, но даже крайне ограниченный, в этой должности продержался только до первого выступления отряда. Системы

управления никакой не было выработано, как не было выработано никакого плана, прибывшие же в отряд офицеры с большим стажем, как генерал Никонов, полковник Нацвалов, полковник Мациевский, полковник Загоскин указали Семенову на недочеты и повернули дело в более правильное русло.

В конце февраля месяца было предпринято первое наступление на ст. Даурия и далее, но закончилось полной неудачей, и, потерпев поражение у ст. Шарасун, отряд должен был отойти в исходное положение — на ст. Маньчжурия. Китайцы запротестовали, и не хотели впускать отряд в поселок, но и им был предъявлен ультиматум: в случае их попытки разоружить отряд будет открыт артиллерийский огонь по казармам, занимаемым китайскими войсками. Китайцы сдались, и Семенов остался на ст. Маньчжурия.

После неудачного наступления, в более опытных людях и произошла перемена, что так продолжать нельзя, и были моменты, когда возникал вопрос о том, что все находящиеся на Маньчжурии должны быть подчинены какому-то другому лицу, с более сильным положением и именем, однако этот вопрос не прошел, и, ввиду того, что Семенов все-таки кое-что сделал, то решили предложить ему остаться во главе, именоваться впредь не начальником, а атаманом Особого Маньчжурского отряда, мотивируя тем, что он только есаул, а так как по кодексу военных законоположений начальник должен быть старший в чине, атаманом же может быть, независимо от чина, и стоять во главе. Таким образом, атаман Семенов с этого момента получил свое гражданское назначение, будучи только атаманом Особого Маньчжурского отряда, но не атаманом Забайкальского казачьего войска, ибо таковым в это время состоял выбранный кругом в июле месяце полковник Зимин, находившийся в Чите.

Помощником Семенова был назначен генерал Никонов, начальником штаба — полковник Нацвалов, дежурным штабс-офицером — полковник Бирюков, интендантом отряда — генерал Мунгалов.

Командиром Монголо-бурятского полка — полковник Мациевский, командиром Семеновского пешего полка — подполковник Лихачев, начальником артиллерии — полковник Загоскин, начальником пулеметной команды — полковник Крузе.

С этого времени начинается уже более стройная деятельность, на ст. Маньчжурия приезжает командированный от Японского генерального штаба капитан Куроки, от французского атташе из Пекина — капитан Пелье, от американского — майор Берроуз. Образовался уже юридический отдел, во главе с бывшим правителем[1] иркутского губернатора Волгиным, и политический — во главе с прапорщиком Файбусовым, впоследствии расстрелянным. Функции первого — судебная деятельность, второго — информация, пропаганда.

Капитан Куроки знакомит и сводит Семенова с китайским губернатором Чжан-Ку-Ю, начинается работа по привлечению в отряд китайцев-наемников, одновременно с этим посылаются в Монголию люди, во главе с Погадаевым, для ведения переговоров о привлечении монголов ближайших хошунов на службу и борьбу против большевизма.

В начале марта из Японии присылаются Семенову две тяжелые мортиры, четыре полевых орудия Арисака, несколько пулеметов Гочкиса, прибывают с ними инструктора-японцы. Французы посылают две горные пушки. В это время Семенов всю свою работу направляет только на вооруженную борьбу, действуя, главным образом, на привлечение забайкальских казаков. Прибывают новые силы для работы, так в середине марта прибыл генерал Шильников, бывший член 4 Государственной Думы Таскин, командир Уссурийского казачьего полка полковник Веригo. Последний назначается штабс-офицером для поручений при атамане, и через несколько дней ему поручается составить схему управления отряда в связи с новыми формированиями и расширением деятельности, его же самого назначают на должность штабс-офицера штаба отряда, а бывший дежурный назначается интендантом, заменяя старого, малоподвижного и неэнергичного генерала Мунгалова.

Пропаганда, ведущаяся в Забайкалье, находит отклик во 2-м отделе, и казаки нескольких станиц готовы выступить на поддержку отряда, выставляя два полка. Подготавливается новое наступление, в более широком масштабе, одновременно образуется коллективное Забайкальское правительство из трех лиц — атамана Семенова, генерала Шильникова и С.А.Таскина.

---

[1] Так в тексте документа.

В конце марта происходит выступление казаков 2-го отдела и отряд, не закончивший еще своего формирования, должен был двинуться сам на поддержку казаков. Продвинувшись до Онона[1], отряд остановился и спешно приступил к окончанию формирования. На ст. Маньчжурия прибыл целый отряд китайцев, поступивших на службу, в количестве 900 человек, из которых и был сформирован 2-й Маньчжурский пехотный полк, а на ст. Даурия — 400 монголов, из которых был сформирован 3-й Даурский конный полк. Казаки выставили на службу 1-й Ононский полк, и приступили к формированию 4-го Акшинско-Мангутского полка. Кроме того, была объявлена в занимаемом районе частичная мобилизация — специально для несения охранной службы на линии дороги.

Сам Семенов ведет переговоры со всеми — и с Хорватом, и с Чжан-Ку-Ю, и с адмиралом Колчаком, но результаты остаются плачевными; все ограничиваются только обещаниями и очень большими посулами. Частичный успех, чрезвычайно малый — прибытие на службу 400 человек монголов, наталкивает Семенова на мысль — при помощи капитана Куроки перенести свою деятельность в Монголию, и объединить вместе в самостоятельное объединение монголов и бурят, мечтая самому стать во главе. Принципиально, для вида, капитан Куроки соглашается, но отговаривает самого Семенова переходить для деятельности в Монголию, доказывая, что это не принесет никакой пользы, но вести подобную пропаганду необходимо, что внесет необходимое ослабление влияния Китая, а так как Япония — ближайшая соседка России и должна жить в согласии, то они могут помочь.

Владеющий монгольским языком Семенов начинает переговоры с прибывшим с 400 монголами Гегеном (один из многочисленных святых монголов) о посылке особой миссии как в Ургу, так и Лхасу, к далай-ламе[2], для предложения ему этой идеи. Геген соглашается, и миссия в составе двух бурят Агинской степной думы и двух монголов отправляется в Монголию и Тибет.

В отряд же прибывают новые силы для работы — прибыл полковник Афанасьев, который назначается помощ-

---

[1] Река в Монголии и России, приток реки Шилка.

[2] Далай-лама — первосвященник ламаистской церкви на территории Тибета.

ником начальника юридического отдела. Формируются и строятся на ст. Маньчжурия броневые поезда и начальником их назначается подполковник Шелковый.

Простояв у Онона несколько недель, отряд не переправляется через реку, ввиду того, что мост был взорван и еще не исправлен, но в это время противник повел сам наступление большими силами, и отряд вынужден был начать отход. Отходя отряд задержался только у ст. Мациевская, где принял оборонительное положение, и стал уже укрепляться, тогда же появляется добровольческий японский батальон, сформированный при содействии капитана Куроки, и под командой находившегося при нем капитана японской армии Хираса (известного под псевдонимом Хияма). Приезжает к Семенову бывший деятель Сибирской областной думы Краковецкий, и, получив от Семенова 50 000 рублей, выезжает обратно в Харбин. Краковецкий привез Семенову предложение так называемого Дерберовского правительства[1] — после свержения власти большевиков в Сибири признать Сибирское правительство, во главе с Дербером, а за это Семенов назначается им Главнокомандующим, себе Краковецкий отвел роль только военного министра. Получив же деньги, он, конечно, больше не приезжал. В Харбине происходят всевозможные интриги между адмиралом Колчаком и штабом, между управлением дороги или, вернее, Хорватом и адмиралом, одним словом, начинается неразбериха и борьба за власть.

Семенов не принимает сам непосредственного участия, но его представитель в Харбине, полковник Скипетров, участвует во всех интригах. Отношения атамана Семенова с адмиралом Колчаком натягиваются, и адмиралу Колчаку Японская военная миссия в Харбине предложила покинуть Харбин и поехать отдохнуть в Японию.

На ст. Маньчжурия интендантство, для содержания отряда, начинает продавать таможенные грузы, так как субсидии, даваемой японцами, не хватало, а Харбин, или, вернее, штаб российских войск в полосе отчуждения, не давал Семенову ни одной копейки, существовать же надо было.

В конце июля и начале августа начавшиеся бои перешли в довольно значительные схватки, и отряд вынужден

[1] Имеется в виду правительство, сформированное Дербером Петром Яковлевичем (1888—1929), представителем правого крыла партии эсэров, который в 1918 году являлся главой Временного сибирского правительства.

был начать отступление, и отошел уже не только на ст. Маньчжурия, но за нее даже, до ст. Цагань Кит. Вост. ж.д., где и простоял вплоть до начала прибытия иностранных войск, а события, свершившиеся в Сибири, дали возможность Семенову двинуться вперед в середине сентября 1918 года уже чрезвычайно легко.

На р. Онон состоялась встреча отряда Семенова с войсками Пепеляева и с чехами, с Гайдой во главе, и, после номинального признания Семеновым власти Сибирского правительства в Омске, Семенов двинулся в Читу, и был назначен командиром 5-го Приамурского отдельного корпуса, начальником штаба корпуса — полковник Вериго.

С этого времени начинается уже более интенсивная деятельность Семенова, чисто политическая, образовывается специально дипломатическая канцелярия, наименованная личной, во главе с подъесаулом Власьевским.

Начинаются новые формирования, и Особый Маньчжурский отряд передается в командование Тирбаху, местом стоянки назначается Маковеево. Броневые поезда передаются в командование Степанову.

Унгерн из Хайлара, ведя совершенно самостоятельно работу, переходит в Даурию, где и начинает совершенно самостоятельную деятельность, абсолютно не считаясь и не признавая Семенова. У Унгерна появляется Жуковский, впоследствии сыгравший у безвольного Семенова значительную роль.

По прибытии в Читу происходят перемены в назначениях: начальником штаба корпуса — полковник Вериго, помощником командира корпуса — полковник Афанасьев, начальником снабжения — полковник Бирюков, председателем корпусного суда — капитан Покровский, управляющим областью — Таскин, помощником его — Волгин, начальником военного училища — полковник Лихачев, начальником военного района — полковник Скипетров, начальником контрразведки — полковник Мальц, начальником сообщений — полковник Меди, начальником городской полиции — ротмистр Каменнов.

Кроме того, так как в район корпусного округа входила и Амурская область, то командующим в ней войсками был назначен полковник Шемелин, атаманом же Забайкальского войска оставался по-прежнему полковник Зимин.

Ввиду зародившейся идеи у Семенова об объединении монголов и бурятов, в Чите основывается Монголо-

Бурятский национальный совет, и, при посредстве Ринчина, Цибденова, Вандалова начинается усиленная пропаганда среди бурят и монголов, а полученные сведения от посланной миссии в Ургу и Тибет окрыляют надежды Семенова. Японцы, оказывая поддержку Семенову, все-таки осторожно относятся к этому вопросу, и обещают только помощь оружием и ограниченными средствами, но удерживают Семенова от его стремления самому идти в Монголию, что особенно он порывался сделать после происшедшего его разрыва с адмиралом Колчаком.

Разрыв же с адмиралом Колчаком, в начале основанный исключительно только на личной неприязни друг к другу, мог бы легко быть улаженным, но посланные телеграммы Семеновым, через его личную канцелярию и составленные случайно находившимся в Даурии Жуковским, сыграли конечную роль полного разрыва, показав невероятные стремления Семенова к наполеоновской деятельности, и, подчеркнув полную невозможность белых сговориться между собой из-за стремления к власти людей, совершенно не пригодных для таких целей.

В начале января 1919 года прибыла, наконец, обратно из Урги и Тибета посланная с Онона туда миссия, привезя Семенову из Урги титул — Монгольского князя первой степени, а из Тибета — богатые подарки и письмо далай-ламы на согласие с идеей Семенова. Японцы, в лице тогда уже уезжавшего капитана Куроки и вновь назначенного начальником миссии в Чите полковника Куросавы, предложили Семенову организовать целое посольство, на основании полученных Семеновым документов от Далай-ламы, в происходившую тогда конференцию в Версале[1]. Подходящих людей для этого не было, так как прибывший с миссией из Урги, один из князьков, отказался ехать, мотивируя отсутствием полномочий от Хутухты, а потому, не долго думая, Семенов берет первого попавшегося подполковника Беньковского, одного бурята — Эпова, и сочиняет это импровизированное посольство, придумав даже национальный монголо-бурятский флаг. Это посольство, выехав из Читы, доехало только до Владиво-

[1] Имеется в виду Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 года странами-победительницами (Великобритания, Франция, Италия, Япония и др.) и побежденной Германией. Договор закрепил итоги первой мировой войны.

стока, закончив свое путешествие, таким образом посольство провалилось, и Национальному Бурятскому совету была дана задача вести только пропаганду в этом отношении, и, уже путем предполагаемых будущих формирований национальных частей добиваться осуществления идеи не дипломатическим, а военным путем.

Между тем, внутренняя жизнь Забайкалья не только не налаживалась, а наоборот, с каждым днем разлаживалась все больше и больше.

Разрыв Семенова с адмиралом Колчаком расколол Забайкальское войско, так как 2-й Забайкальский казачий полк под командой полковника Комаровского, а точно также — управление 1-го военного отдела, во главе с генералом Толстихиным, несогласные с действиями Семенова, прекратили подчинение, и признали всецело власть адмирала Колчака. Самостоятельные, самовольные, номинально считавшиеся в составе войск Семенова Тирбах и Унгерн, а точно также — начальник броневых поездов Степанов, творили в местах своего расположения нечто невообразимое, где поролись, расстреливались или просто избивались люди не только противоположного лагеря, но даже свои. Возникли большие трения между Семеновым и войсковым правлением Забайкальского войска, во главе с атаманом, полковником Зиминым, из-за раскола войска и действий Тирбаха, Унгерна и Степанова. Восставшие против этих безобразий помощник Семенова, полковник Афанасьев, и начальник штаба, полковник Вериго, и потребовавшие немедленного предания суду этих трех лиц, вынуждены были один за другим уйти со своих постов. Командированный в Амурскую область полковник Шемелин натворил таких дел, что даже японцы потребовали удаления его из Благовещенска. Все эти события сделали свое дело, и партизанские действия росли с невероятной быстротой.

Чтобы прекратить трения между войсковым правлением и Семеновым, было решено созвать новый круг, а чтобы в делегаты круга попали люди, нужные Семенову, по станицам были посланы свои люди, и сходы станичные, для выбора делегатов, могли происходить только в присутствии этих лиц. Так был созван круг, и этот круг выбрал Семенова войсковым атаманом, точно также было переизбрано и войсковое правление.

Одновременно с этим, Калмыков, собрав круг Уссурийского войска в Гродеково, для большей своей поддер-

жки предложил кругу избрать Семенова походным атаманом, точно то же было проделано и в Амурском войске, и, таким образом, Семенов стал походным атаманом Дальневосточных казачьих войск.

В Чите был сформирован штаб походного атамана, и во главе его Семенов пригласил стать опять генералу (тогда уже) Афанасьеву. Фактически штаб походного атамана было маленькое министерство, даже с дипломатическим отделом.

Переговоры же Семенова с адмиралом Колчаком велись все время через разных лиц, и главную роль играли японцы, всякий раз, когда эти недоразумения должны были кончиться, японцы ставили сейчас же Семенову свои соображения, по которым он не должен соглашаться на предложенные условия, особенно они восставали против того, что адмирал Колчак требовал от Семенова выхода на фронт. В этом сказалась заинтересованность японцев в монгольских делах, и они слишком переоценивали значение Семенова среди монголов.

Переговоры Семенова о ликвидации конфликта тянулись и затягивались японцами помимо еще того, что они видели в нем своего верного раба, и могли свободно проводить свою политику разъединения русских людей. Только к концу августа почти месяца, когда ясно наметился полный крах Омского правительства, состоялось, наконец, соглашение Семенова с адмиралом Колчаком, и Семенов был назначен командующим войсками в Забайкальской области.

На забайкальском фронте дела Семенова пошатнулись сильно, и войскам приходилось сдавать свои позиции во многих местах.

В начале декабря месяца Семенов решает провести в жизнь формирование бурятских частей, и для этой цели был приглашен генерал Вериго, но, отказавшийся от этого, а развернувшиеся события в Сибири показали несвоевременность этой меры — было уже поздно.

4-го января 1920 года адмирал Колчак издает указ, по которому передает свои права Правителя генералу Деникину, а атамана Семенова назначает Главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке, с предоставлением ему права осуществления, впредь до соединения с генералом Деникиным, верховной власти, и образования административного аппарата.

В конце декабря 1919 года, для поддержки власти адмирала Колчака, в Иркутск был послан отряд под коман-

дой генерала Скипетрова, проявившего свою полную бездарность и нераспорядительность, следствием чего была большая потеря в людях и полный разрыв с чехами, двигавшимися в это время во Владивосток.

Весь февраль месяц прошел в ожидании прихода каппелевских войск, и только в первых числах марта эти люди стали прибывать в Читу.

С прибытием каппелевского командования началась, конечно, борьба за власть генерала Войцеховского с Семеновым, кончившаяся отставкой Войцеховского, которого сменил генерал Лохвицкий; территория в это время сократилась до минимума, и передовые части Семенова стояли только на ст. Хилок. После боев под Читой в апреле, японцы заявили уже официально о своем скором уходе из пределов Забайкалья, и неудавшаяся авантюра в Приморской области заставила их приводить этот план в исполнение. Авантюра в Приморской области заключалась в следующем: в определенно назначенные дни японцы должны были спровоцировать как во Владивостоке, так и в Хабаровске нападения на свои войска, и, таким образом, создать прецедент к вмешательству вооруженной силы, что и было ими приведено в исполнение в ночь с 3-го на 4-е апреля. Не удалось же это благодаря только случаю. Во Владивостоке после переворота январского оставался генерал Никонов, подполковник барон Жирар-де-Сукантон, полковник Немысский и еще несколько других лиц, которые жили в японском штабе; по плану переворота, как только будет спровоцировано нападение на японцев, и японцы фактически займут Владивосток, генерал должен был объявить себя командующим войсками в Приморской области, и заявить о своем подчинении Семенову, а до прибытия особоуполномоченного Семенова, быть самостоятельным. Однако этому помешала порча пути между Владивостоком и Никольском, так как был подорван Кипарисовский туннель. Не имея никаких сведений, генерал Никонов воздержался от объявления себя командующим, и японцы перед другими иностранцами оказались в ложном положении, и, таким образом, продержав фактически в своих руках власть почти 6 дней, вынуждены были вновь начать говорить с Медведевым и прочими.

Видя, таким образом, что план не удался, и желая во чтобы то ни стало задержаться, японцы предложили Семе-

нову такой план: действия начинать с полосы отчуждения, и создать их вмешательство в дела Кит. Вост. ж. д., а для этой цели по всей почти линии дороги сформировать шайки хунхузов, и развить максимум нападений на китайскую дорогу, конечно, случаи нападения и на проживающих японцев не исключались. Для этой цели были назначены специально офицеры из числа проживающих в полосе отчуждения, и во главе поставлен подполковник Сакулинский, однако и этот план, благодаря слишком открытым и неосторожным действиям Сакулинского, был открыт китайцами, которые проследили, и с поличным, т.е. оружием, задержали на одной из станций Сакулинского и всех с ним.

С другой стороны, Семенов, учитывая свое положение после ухода японцев, решил предпринять самостоятельные шаги, и войти в переговоры с Владивостоком. Для этой цели был во Владивосток послан генерал Хрещатицкий, которому было поручено сначала прозондировать почву, а потом развить мысль, что Семенов большой демократ, и всегда готов работать с демократической властью, что он сам вышел из того же народа, как сын простого казака, а потому его следует пригласить на службу. Переговоры эти тянулись довольно долгое время, и хорошо чувствовалось, что Владивосток оттягивает их окончание, ожидая эвакуации японцев из Забайкалья, что и подтвердилось Хадабулакским соглашением, после чего Семенов быстро ушел из Забайкалья.

Сидя уже в Порт-Артуре, совместно с японцами был опять-таки разработан план, по которому Семенов, заняв Приморскую область, направляет свою деятельность на Кит. Вост. ж. д., развивая там хунхузнические шайки в широких размерах, дабы занять возможно большее количество войск Чжан-Цзо-Лина, и одновременно с этим дать сообщение Унгерну в Монголию — открыть военные действия против китайцев же, захватив Ургу, Уде и Калган. Так как сообщение с Унгерном было крайне затруднено, то ему заранее назначили время действия, и послано было со специальным курьером-японцем. События же разыгрались иначе, и Меркуловы, получив от Семенова деньги на устройство переворота во Владивостоке, предпочли деньги взять, а самим остаться у власти. Не принятый во Владивостоке Семенов, даже сидя в Гродеково, ничем не смог сделать, так как японцы не могли его поддержать и дать средства, и вся эта затея кончилась гибелью Унгерна.

Атаман Григорий Михайлович Семенов

Казак Забайкальского казачьего войска, Дуроевской станицы, пос. Куранжа, начал учиться в станичном училище, а затем — в городском, в Чите, и после окончания его поехал в Оренбургское военное училище, которое и окончил в 1911 году. Выпущен был в 1-й Верхнеудинский полк Забайкальского войска, и по прибытии в полк был назначен в сотню, которая стояла консульским конвоем в Урге. В Урге пробыл почти два года, и в 1913 году был по собственному желанию переведен в 1-й Нерчинский полк Забайкальского войска, имевший стоянку в ст. Гродеково, Приморской области. По прибытии в полк был назначен в 1-ю сотню, расположенную в с. Кневичи, где и находился все время, до объявления войны. На войну выступил младшим офицером этой же сотни, и принимал с ней же участие в боях. Потом был переведен в 6-ю сотню, которой командовал есаул Оглоблин. В 1915 году, в сентябре был назначен полковым адъютантом, и в 1916 году принял в командование 6-ю сотню. В бытность в боевых операциях в Карпатах был удален из полка командиром полка, полковником бароном Врангелем, и командирован на Кавказ, в 3-й Верхнеудинский полк Забайкальского войска. Революция застала его на Кавказе, и выехал он оттуда в скором времени после революции, будучи избран делегатом от полка и бригады на казачий съезд в Петроград.

Во время войны и в боевой обстановке показал себя отличным и толковым офицером, легко разбирающимся с обстановкой, храбрым и распорядительным. За дело получил Георгиевское оружие. Очень добивался ордена Георгия, но, будучи представлен, не получил — в представлении думой было отказано. После революции уже просил командира 1-го Нерчинского полка о возбуждении вторичного ходатайства и представления к ордену Георгия, был представлен, но благодаря событиям дума не собиралась. Орден Георгия носит не по праву. Начал его носить с тех пор, как прибывший в отряд уже после восстания чехов Жуковский уверил, что дума собиралась, и приказ о его награждении подписали Ленин и Троцкий.

Из Нерчинского полка полковником Врангелем был удален за то, что командуя 6-й сотней и, получив аванс в 600 рублей, не смог отчитаться в нем.

По натуре — человек высшей степени добрый и отзывчивый, но абсолютно бесхарактерный и безвольный. Как и все забайкальские казаки, правды никогда не скажет. Склонен к суеверию, и говорить не надо — к авантюрам, и честолюбив.

Случайно вынесенный на ту высоту, о которой не мог и мечтать, никогда не мог и не умел разбираться в людях его окружающих, а как человек безвольный, всегда и во всем было мнение последнего, и, таким образом, иногда по одному и тому же вопросу бывало пять и больше распоряжений, совершенно противоположных между собой. Способен был отдать распоряжение, даже написать его письменно от его имени, но потом совершенно отказаться от своих слов, отрицая, что никогда подобного распоряжения не отдавал. Так, в 1919 году Семенов ездил в Мукден, к Чжан-Цзо-Лину, для переговоров по поводу выступления его со своими войсками против Советской власти, и по поводу восстановления в Китае монархии. План этот был Семенову предложен ненормальным Унгерном.

Склонность к суеверию заставляла его всегда возиться с разными гадалками, ворожеями и ламами (буддистские священники) и в этом сказалось влияние Унгерна, с которым он дружил еще будучи в полку.

Крайне женолюбивый, Семенов всегда сходился с какой-либо женщиной, а при своем безволии всегда был под ее влиянием. Особенно это ярко сказалось при его совместной жизни с так называемой Машей-цыганкой. Неизвестно, кто такая Маша; обладая незаурядной наружностью, произвела на Семенова сильное впечатление, и как человека, не обладающего качествами мужчины, могущего нравиться женщинам, заставляла его относиться к ней с большим подозрением в верности, что порождало иногда дикие выходки и угодливость перед ней. Впрочем, такое недоверие к Маше было вполне естественным по ее прошлому. Естественно, боясь потерять ее, он исполнял ее малейшие капризы, а окружавшие его почти всегда случайные люди пользовались этим влиянием, в свою очередь, угождая Маше.

Маша терпеть не могла только двух людей около Се-

менова — это Афанасьева и Вериго, которые, между прочим, многим обязаны ей, что были удалены от должностей. Маша всегда говорила, что Вериго и Афанасьев держат в руках атамана. Однако угодливое и пресмыкающееся отношение перед Машей не останавливало Семенова перед случайными связями в ее отсутствие. Так произошел и окончательный разрыв Семенова с Машей. Во время ее последнего, довольно продолжительного отсутствия, Семенов хотел сойтись с одной машинисткой из его личной канцелярии, но девушка оказалась неглупой, и на связь не пошла, зная хорошо, что если вернется Маша, то она останется ни при чем, а потому предложила Семенову жениться. Влюбчивый и женолюбивый Семенов женился на ней, и теперь это его законная жена. Девушка с характером, всецело забрала его в руки и вертит им, как угодно, что чрезвычайно легко при полном безволии Семенова.

Разница между Машей и теперешней женой Семенова заключается в том, что Маша, при всем своем беспокойном, взбалмошном характере, своей нравственной испорченностью, была добрым человеком, тогда как новая жена Семенова, гордая, самолюбивая, чрезвычайно мстительная и злая. Таким образом, окруженный с одной стороны — женщинами, случайными людьми, иногда гадалками и просто всевозможными авантюристами, а иногда — просто жуликами, Семенов, при своем безволии, был игрушкой в руках всех этих господ. Все более сильное, с характером, волевое убиралось с дороги, если не путем простого наговора, то какими-либо другими путями.

Барон Роман Федорович Унгерн-Штернберг

Воспитывался в Морском кадетском корпусе и в период русско-японской войны бежал из корпуса на войну. Поступив в 12-й Сибирский стрелковый полк вольноопределяющимся, Унгерн в боях уже участия не принял, так как был конец войны. С окончанием войны Унгерн приписался к Забайкальскому казачьему войску, к станице 2-й Чиндантской, и отправился в Петербург, где поступил в Павловское военное училище. По окончании училища вышел на службу в 1-й Аргунский полк Забайкальского войска, стоявший тогда по станицам. Пробыв в

полку несколько месяцев, Унгерн был удален из полка за анти-дисциплинарный проступок, и был переведен в Амурский казачий полк. В полк Унгерн поехал верхом, в зимнее время, от станицы Бырка до Благовещенска. Прибыв в полк и пробыв там тоже несколько месяцев, Унгерн, благодаря своему характеру, полному нежеланию подчиняться, имел столкновение на служебной почве с дежурным офицером, который вынужден был ударить его шашкой по голове, и после этого инцидента, выздоровев, Унгерн вынужден был уйти в запас. Уйдя в запас, Унгерн уехал в Монголию, где нанялся на службу к монголам, сформировал отряд и, ввиду осложнений в 1911 году отношений монголов с китайцами, вел войну против китайцев у Калгана. Объявление войны 1914 года застало Унгерна в Монголии, но, узнав, он тотчас же выехал на фронт, и поступил в один из Донских казачьих полков. Из-за какого-то также анти-дисциплинарного проступка Унгерн вынужден был уйти из полка, и был прикомандирован к 1-му Нерчинскому полку Забайкальского войска, где он и встретился с Семеновым. В тот момент, когда Унгерн был прикомандирован к полку, полк находился в позиционной войне под Праснышем, что было совершенно ему не по душе, а потому он уехал из полка и поступил в Дикую дивизию, где в одном из боев Унгерн с 20 всадниками занял такой пункт, который накануне атаковала целая дивизия, и не взяла, за этот подвиг Унгерн получил орден Георгия. Но и в этой дивизии ему не повезло, так как благодаря своей невоздержанной натуре он набил физиономию, и, как оказалось, какому-то маменькину сынку из петербургских аристократов, а потому вынужден был из полка уйти и вернуться, опять-таки, в 1-й Нерчинский полк. В конце 1915 и начале 1916 года, когда полк стоял на отдыхе, Унгерн опять ушел из полка в один из партизанских отрядов. Когда полк опять вступил в полевую войну и был направлен в Карпаты, Унгерн снова возвратился в полк, и в Карпатах, за неповиновение и анти-дисциплинарный поступок в отношении помощника командира полка, был командиром полка, полковником Врангелем из полка удален, и переведен на Кавказ, в 3-й Верхнеудинский полк. Его удаление из полка совпало с удалением из полка Семенова. На Кавказе Унгерн не оставался в полку долго, так как полки этой бригады в большинстве случаев несли только охран-

ную службу, но не боевую, а потому Унгерн начал формировать Айсорские батальоны и воевать с ними. После революции, оставаясь там, Унгерн уехал в Забайкалье, по приглашению Семенова.

Отличаясь выдающейся храбростью, а также безупречной честностью — это в полном смысле бессребреник, Унгерн соединял в себе полное нежелание кому-либо подчиняться, и одновременно с этим был чрезвычайно суеверный человек. Не проходило дня, чтобы ему лама (бурятский священник), а таких в забайкальских полках много, не гадал на бараньей лопатке (особый способ гаданья), и, если лама нагадал ему плохо, то никакими приказаниями, ничем Унгерна в бой невозможно было послать, но если лама нагадал хорошо, то Унгерн совершал что угодно, и шел на самое рискованное дело.

В полную противоположность Семенову, Унгерн — женоненавистник, и до 1919 года — полный девственник, но в отношении спиртных напитков Унгерн тоже полная противоположность Семенову, насколько Семенов мало пил, настолько Унгерн был алкоголиком. В чем они сходились — это только в полном неумении разбираться в окружающих людях. Сам по себе Унгерн, мрачный и замкнутый, никогда конечно никому не льстил, но себе лесть считал за правду. Возражений никогда никаких не терпел, противоречий тоже, и всякого ему хоть раз противоречившего — уже ненавидел. Сам не желая подчиняться, требовал себе полного подчинения, и никогда не разбираясь с обстоятельствами дела, раз ему показалось, что поступили не так, как ему хотелось, он немилосердно избивал палкой, называемой «дашур» (это особая полицейская палка монголов и китайцев) и, зачастую, настолько серьезно, что избитых им относили в лазарет на несколько дней. Он не считался ни с годами, ни с занимаемым местом, а просто или бил, или порол. Все расправы, что особенно нехорошо, производились им только по докладу двух-трех лиц, которым Унгерн верил, хотя и это оказалось до поры до времени, так как одного из них — именно Лауренца — он расстрелял, а двух просто прогнал — братья Еремеевы.

Семенову он не верил, то есть не верил в его способности (в этом отношении он был прав), зачастую в лицо, а зачастую — открытыми телеграммами называл его просто дураком или ругал матерной бранью. О подчинении

он не хотел и слышать, и это началось сразу же после его удаления в Хайлар. В общем, что делал Унгерн, никто не знал, как никогда никто не знал, что формирует Унгерн, сколько у него людей, на какие средства, куда он пошел воевать — все это было никому не известно. Столкновения Семенова с Унгерном начались уже после занятия Читы, и особенно после того, как Семенов привез к себе Машу, которую Унгерн не переваривал.

В начале Унгерн начал нанимать для отряда на службу монголов, но потом сношения с монголами завел самостоятельные, хотя его сношения ограничились только привлечением к себе их на службу, и называемая Монгольская бригада — была детищем Унгерна.

Впоследствии Унгерн отказался от Монгольской бригады, когда он выпорол как-то их князька, и эта бригада, уже под командой полковника Девицкого, впоследствии убитого этими же монголами, выведена была в Верхнеудинск. С того времени у Унгерна появляется новое увлечение — формирование татарских частей. Но все эти формирования обыкновенно ограничивались тем, что являлись какие-то люди, магометане, брали у Унгерна деньги, где-нибудь торговали, послав ему три-четыре человека татарчуков.

Первое столкновение Унгерна с Семеновым было из-за Маши, следующее — из-за разрыва Семенова с адмиралом Колчаком, когда Унгерн, узнав о посланной Семеновым телеграмме, ответил: «Удивляюсь твоей глупости, что ты — о двух головах что ли, очевидно ты только е..шь Машку, и ничего не думаешь».

Следующее столкновение было опять-таки из-за Маши. Семенов ехал в Харбин, по дороге останавливался в Даурии, и когда туда прибыл, а ехал он вместе с Машей, то Унгерн не пустил Машу никуда со станции. После этого инцидента Унгерн уехал из Даурии, и решил уйти совсем, это было в марте 1919 года. Но и в этом Унгерн остался себе верен — он выехал абсолютно без денег, и занимал их у Никитина, Микеладзе и других, несмотря на то, что только что, до этого инцидента, по его распоряжению у проезжавших из Советской России китайцев было отобрано шесть миллионов рублей.

Выехал Унгерн в Пекин, и вот тут-то и произошло с ним сначала никому непонятная вещь. Он женился на китаянке.

Как оказалось потом, впоследствии Унгерн познакомился с несколькими китайцами, принадлежащими к монархической партии, и стремящимися к восстановлению монархии; китайцами, даже отчасти родственными бывшему императорскому дому, и у него зародилась мысль начать с ними переговоры, втянув в это дело Семенова, или, вернее, через него Чжан-Цзо-Лина, так как сам он не мог начинать переговоры с Чжан-Цзо-Лином. Дабы закрепить этот союз, Унгерн и женился на одной из дочерей одного из родственников императорского дома, так сказать, брак был чисто политический. Женившись, он должен был поехать в Забайкалье — к Семенову, втянуть его в это дело. Вот поездка Семенова в 1919 году в Мукден и имела главной целью эти переговоры. Японцы были посвящены в эти планы, и план этот ими, конечно, был одобрен, что он не удался — это теперь видно из того, что «Аньфуисты» потерпели поражение, потому, что не были своевременно поддержаны Чжан-Цзе-Лином.

Мысль идти в Монголию у Унгерна появилась уже в конце 1919 года, когда он учел прекрасно положение Омского правительства, и то, что японцы все равно покинут Семенова, а потому он и стал усиленно готовиться к этому движению, заранее выслав туда своих агентов.

Евгений Дементьевич Жуковский

Окончил Кишиневскую классическую гимназию и поступил в Елисаветградское кавалерийское училище, по окончании которого вышел в 1910 году в 7-й Гусарский белорусский полк, и вскоре, за скандалы в пьяном виде, задолженность всем в городе сверх меры было предложено обществом офицеров — или уйти совершенно из полка, или искать себе для службы другой полк, но не в России, а на окраине. Удалось Жуковскому перевестись на службу в Амурский казачий полк в Благовещенск, где он встретился с Унгерном, бывшем в то время в этом же полку. По службе считался очень на дурном счету, потому, что всегда манкировал занятиями, пьянствовал и особенно с Унгерном, с которым сдружился сразу. Развращенный до мозга костей, Жуковский был еще аномален в некотором отношении.

Война его застала в Амурском полку, с которым он и вышел на войну. Пробыл он в полку до октября 1915 года,

когда его командир полка, генерал Савицкий, просил начальника дивизии о переводе из его полка Жуковского в какой-нибудь другой полк. Жуковский был прикомандирован к 1-му Нерчинскому полку, где вторично встретился с Унгерном, и был даже в начале назначен в его сотню, но вскоре, выкинув в пьяном виде скандал, и допустив себе дерзость в отношении командира полка, вскоре убитого в бою полковника Кузнецова, человека чрезвычайно доброго, был переведен на исправление, как было объявлено при строе всего полка, в 4-ю сотню, под командой есаула Вериго. В боевом отношении — вполне хороший офицер, толковый и распорядительный в бою, но малодисциплинированный и распущенный.

В декабре 1915 года, в штабе дивизии, командовал полком тогда Врангель, был по какому-то случаю устроен обед, и вот на этом обеде Унгерн и Жуковский, оба пьяные, позволили себе, главным образом — Жуковский, дерзость в отношении командира Уссурийского казачьего полка полковника Губина; поставленный на свое место, Жуковский произвел выстрел в полковника Губина. Суд приговорил Жуковского к разжалованию в рядовые, и Жуковский был переведен в один из кавалерийских полков. Когда вернувшийся после всего командир сотни Жуковского задал вопрос командиру полка о причинах разжалования Жуковского, и высказал свой взгляд, что в боевом отношении Жуковский, уже получивший Георгиевское оружие — офицер отличный, то командир полка, полковник Врангель, ответил: «За мерзавца и негодяя заступаться не следует. Знаете ли Вы, что во время Вашего лечения от раны Жуковский позволил сам себя представить к ордену, вымышленно описав подвиг».

Командиру сотни пришлось, конечно, после этого замолчать. Оказалось, что Жуковский, во время прорыва немецкой кавалерии под Свенцянами был послан в разъезд, и от полка отбился, возвратившись в полк только через неделю. Сделав доклад о своей поездке, Жуковский описал подвиг, по которому следовало награждение Георгиевским крестом, но, как полагалось по статуту, необходимо было расследование. Жуковский сослался на начальника дивизии (донской казачьей) генерала Абрамова, что весь этот подвиг совершен им в его присутствии. Опрошенные казаки не подтвердили слов Жуковского, а спрошенный генерал Абрамов ответил, что дей-

ствительно к штабу его дивизии присоединился какой-то офицер Забайкальского полка, разыскивающий свой полк, и, переночевав одну ночь, выехал на дальнейшие поиски. В период разжалования Жуковского он был в чине сотника и только младшим офицером, не командую сотней даже временно.

После революции Жуковского встречали многие в Кишиневе, в форме унтер-офицера кавалерийского полка, и на заданные вопросы, почему же он не одевает теперь офицерскую форму, так как безусловно подходит под объявленную амнистию, Жуковский ответил: «По нынешним временам выгоднее ходить в солдатской форме». Последний раз Жуковского видели офицеры Уссурийского казачьего полка в Великих Луках, в декабре 1917 года, которым он заявил, что едет в Петроград, в Смольный, и Жуковский действительно исчез.

В период формирования Особого маньчжурского отряда прошел слух, подтвержденный, что Жуковский послал письмо Унгерну и просил его послать денег на проезд в Маньчжурию. Письмо было из Благовещенска, от конца января месяца, однако Жуковский в отряд не появлялся до времени восстания чехов и власти Сибирского правительства, и, наконец, появился в конце сентября 1918 года. Жуковский был в форме войскового старшины и с орденом Георгия. На заданные ему вопросы, каким образом он из сотников попал в войсковые старшины и получил Георгия, Жуковский сказал, что из Великих Лук (в декабре 1917 года) он поехал в Петроград, в Смольный, и там, получив документы, как делегат Амурского казачьего войска, был отдан приказ о его восстановлении и зачете ему всего потерянного времени, а также и награждении его Георгием, как он говорил, приказ подписан Лениным и Троцким. Кроме того, он тут же объявил, что ему удалось выхлопотать и орден Георгия для атамана Семенова.

Поступил он к Унгерну, где пробыл в Даурии до конца декабря месяца 1918 года, а затем был послан Унгерном в Читу, как его представитель, со специальным заданием — не допускать на Семенова ничьих влияний, кроме Унгерна, Тирбаха и Степанова.

Влияние его на Семенова объясняется, разумеется, прежде всего полным безволием его, а самое главное, что Семенов был от Жуковского в зависимости, так как держал

тайну носимого Семеновым Георгия в своих руках, имея возможность в любой момент поставить Семенова в чрезвычайно глупое, дискредитирующее его положение, даже в глазах тех, кто слишком заблуждался насчет Семенова.

Человек безнравственный, без моральных устоев, без каких бы то ни было убеждений, но наглый и нахальный, а иногда, при помощи Маши, вертел безвольным Семеновым, как хотел.

Артемий Игнатьевич Тирбах

Воспитывался в Хабаровском кадетском корпусе, но из 5 класса корпуса за пьянство, тихие успехи и очень громкое поведение был исключен. По исключении из корпуса, как приписной уссурийский казак, поступил вольноопределяющимся в Уссурийский казачий дивизион, и после года службы Тирбаху было разрешено вновь держать экзамен в один из корпусов, для поступления. Он отправился в Москву, где и был принят в 3-й Московский кадетский корпус. По окончании корпуса поступил в сотню Николаевского кавалерийского училища, и по окончании его вышел в 1-й Аргунский полк Забайкальского войска.

Перед войной, при начале формирований в кавалерийских дивизиях конно-саперных команд, Тирбах был назначен в бригадную команду и с этой командой поступил на войну.

Всем известно, что дивизионные и бригадные конно-саперные команды, состоя при штабе дивизии, боевой службы никакой не несли, а если и несли, то чрезвычайно незначительную. Пробыв к конно-саперной команде почти все время с начала войны до середины 1916 года, Тирбаха, наконец, потребовал в полк командир полка, и он был отчислен в полк, но в полк не пошел, а сумел устроиться в самый уже штаб дивизии — старшим адъютантом по хозяйственной части. С началом революции продолжалось еще формирование стрелковых дивизионов, и, наконец, Тирбаха потребовали категорически в полк, как офицера, ни разу не бывшего в бою — в период Тарнопольского прорыва, и после этих боев тотчас же ушел в Уссурийский казачий полк, заявив, что он уссурийский казак, а не забайкальский.

В Уссурийском полку Тирбах был назначен на хозяйственную должность, как офицер, не бывший в боях, а

следовательно — очень неопытный. С полком отправился на Дальний Восток, и на ст. Маньчжурия остался у Семенова. С первых же моментов Тирбах принял самое деятельное участие в порке, вешании и расстрелах, и сразу сказалась его преступная натура. Будучи сначала на должности начальника конвоя Семенова, Тирбах не принимал участия в боях, находясь все время при штабе. После занятия Читы, назначенный на должность начальника Особого маньчжурского отряда, Тирбах, заняв Макковеево, образовал особую заставу, и начал творить много всяких безобразий, и, прямо-таки — зверств. Казаки станицы Макковеево говорили часто, что до прихода Тирбаха у них не было большевиков, но каждое его новое зверство заставляло многих уходить в сопки — к партизанам.

Трудно даже перечислить все безобразия, сделанные Тирбахом, и всех преступлений, много невинных людей погибло и не только противоположного лагеря, а даже своих. Тирбахом было задумано удаление с поста Вериго и Афанасьева, путем их, как называли, «ликвидации или вывода в расход», и только благодаря тому, что к обоим этим людям отношение было самое хорошее, они избежали участи многих.

В одном Тирбах остался верен себе — это в нежелании воевать.

В тот период, когда Особая маньчжурская дивизия уже была выдвинута к Верхнеудинску, у Тирбаха оказалась тяжело больная жена, которая находилась на ст. Имяньпо, и он уехал в полосу отчуждения, а потом очутился в Тяньцзине, где пытался ликвидировать вольфрамовую руду, присвоив себе вырученные деньги, но в то время был задержан.

Достаточно сказать еще то, что его жена отказалась с ним жить и ушла от него только потому, что, как она сама говорит открыто, не может жить с преступником.

Вот краткая, но слишком яркая характеристика одного из главных закулисных деятелей Семенова.

Начальник броневых поездов Степанов

Появился в Особом маньчжурском отряде в январе 1918 года в форме капитана артиллерии. Что он действительно артиллерийский офицер, то это несомненно, что удостоверено и его сослуживцами, и его знаниями артил-

лерийского дела. Особенность его была еще в том, что на рукаве кителя Степанов имел невероятное количество нашивок за ранения, которых досужие люди насчитывали, кажется, 16 штук — вот в этом даже его сослуживцы ему не верили. В начале формирования Степанов был назначен командиром Горной батареи (французские пушки) и действовал вполне хорошо, проявив достаточно и умения, и личной выдержки при стрельбе.

После занятия Читы, Степанов по протекции Тирбаха и Унгерна назначен начальником броневых поездов, и с этого момента начал проявлять такие же наклонности, как Тирбах и Унгерн, но иногда даже перещеголяв их. Так ни для кого не секрет, что на поезде у него был специальный медведь, которого кормили исключительно мясом приговоренных Степановым людей. Убийство Нацваловой, с которой он сначала вошел в связь, убийство Шумского — все это дела Степанова.

После первого его громкого дела — убийства Шумского — начальник штаба настаивал на немедленном предании его суду, но суду Степанов предан не был, а был удален от командования броневыми поездами и уехал в Даурию — к Унгерну, но как только начальник штаба ушел со своего поста, Степанов тотчас же был возвращен на должность начальника броневых поездов. Интересно то, что когда уже и у Семенова лопнуло терпение, когда все в один голос стали говорить, что Степанова нельзя оставлять, то Семенов отправил его в Германию в качестве представителя, вместе с полковником Фрейбергом, то перед отъездом Степанов своего медведя подарил Семенову. Семенов очень удивлялся первое время — почему медведь такой злой и так бросается на людей, и когда ему сказали причину, то не вытерпел и сказал: «Вот подлец!»

Николай Иванович Савельев

Воспитывался в Хабаровском кадетском корпусе, был крайне ленив и неразвит, оставаясь в каждом классе по два года. Тогда как его сверстники уже давно окончили не только корпус, но и училище, Савельев только к 1915 году доплелся до пятого класса, и был все-таки исключен из корпуса за то, что в компании мальчишек из трех человек напал на китайскую лавочку недалеко от корпуса

на Плюснинке, ограбили лавочку на водку и мелкую монету, и был пойман с поличным. Благодаря войне, Савельеву удалось поступить в Оренбургское казачье училище, откуда был выпущен в Уссурийский казачий полк прапорщиком. Савельев приписной Уссурийский казак.

В полку офицерами был прозван или «социал-хам», или «социал-нахал».

Название, вполне характеризующее Савельева.

Недалекий, неразвитый, с дурными нравственными качествами, Савельев только благодаря своему нахальству мог играть какую-либо роль у Семенова.

Друг Тирбаха, во время начальствования последним над конвоем Семенова, Савельев принимал деятельное участие в «ликвидации» многих людей.

Михаил Иванович Афанасьев

Среди окружающих Семенова людей, конечно, крупной фигурой выделяется Афанасьев. Окончивший Донской кадетский корпус, а потом — Михайловское артиллерийское училище, Афанасьев вышел в свою Донскую казачью артиллерию. Отбыв обязательных два года в строю, Афанасьев поступил в Александровскую юридическую академию, которую и окончил по первому разряду.

Прибыв в Особый маньчжурский отряд, Афанасьев сначала занял скромную должность по своей специальности в юридическом отделе, стараясь своими знаниями и опытом внести порядок в судопроизводство, так как видел, что в этом отделе в большинстве юристы сидели совершенно неопытные.

Незамеченным Афанасьев пройти не мог, и в скором времени был назначен начальником тыла, поселившись в поселке Маньчжурия.

После занятия Читы, Афанасьев сразу был назначен помощником командира корпуса.

Идейно преданный делу, Афанасьев всеми мерами борется против всей клики, окружающей Семенова, и имея себе только одну поддержку — в лице начальника штаба, все-таки вначале не выдерживает и уходит. Вызванный вновь, Афанасьев опять едет в Читу и начинает работать, видя все творящееся, восставая против, Афанасьев зачастую все удары принимает на себя, особенно

когда Семенов отказывается от данных им же распоряжений. Делает это Афанасьев только потому, что считает — дискредитация Семенова не должна исходить от него и через него. Работая в такой кошмарной обстановке, Афанасьев дотянул до Хадабулака и все же ушел, покинув Семенова окончательно.

В данное время Афанасьев живет в Шанхае, и очень нуждается; все басни о нем, что Афанасьев увез большие деньги — чистейший вымысел, и он в любое время может дать подробный отчет о всех суммах, прошедших через его руки.

Человек умный, образованный и дальновидный, несколько раз говорил Семенову, что его ожидает при таком ведении дела, и тех лицах, которые его окружают.

Приложение № 2

Русская эмиграция в Маньчжурии[1]

Первые эмигранты начали появляться в Маньчжурии еще в 1917 году. Приток их значительно усилился во вторую половину 1919 года, когда начался отход армий адмирала Колчака за Урал и дальше.

Эти первые эмигранты состояли из богатых людей, преимущественно дворян. Безусловно не мирившихся с тем, что несли Февральская и особенно Октябрьская революции.

Вторая уже значительная и разнообразная по составу волна влилась в Маньчжурию в 1920—21 гг., после падения власти адмирала Колчака и эвакуации Забайкальской и Амурской областей войсками атамана Семенова.

Третья волна, в которую входили уже войсковые части, перешла границу в районе ст. Пограничной и г. Хунчуна в конце 1922 года. Часть войск и беженцев были отправлены из Владивостока морским путем на небольших судах, одно из которых затонуло в пути с командой и пассажирами; часть этих судов дошли до Гензана, часть до Шанхая; группа адмирала Старка[2] добралась до Манилы.

---

[1] Обзор написан Михаилом Васильевичем Ханжиным — белоэмигрантом, арестованным в 1945 году на территории Маньчжурии.

[2] Командующий Тихоокеанской эскадрой.

Эмигрантам этой третьей волны, включавшей беднейшие элементы (семьи воткинцев, ижевцев и др.), пришлось испытать наибольшие трудности в пути. Группа, отходившая через Хунчун, шла при жестоких морозах и ветре, почти без дорог и почти без перевязочных средств. В Гирине задержались немногие, главная масса проехала в Чань-Чунь. Высадившиеся в Гензане были размещены в легких бараках и терпели от голода и холода; кто мог выезжал в Мукден, Чань-Чунь, с целью пробраться далее в Харбин или на юг в Шанхай, Тяньзинь и Пекин.

Зимой 1922 — 1923 гг. в Чань-Чуне скопилось несколько тысяч человек, так как власти 3 восточных провинций, опасаясь переполнения уже перегруженного эмигрантами Харбина, запретили проезд их из Чань-Чуня в Харбин. Вся эта масса была размещена в китайских гостиницах, легких циновочных бараках и в домах в крайней тесноте. Рассасывание шло медленно, тем более, что приток беженцев из Гирина и Гензана не прекращался.

Трудно сказать, какое число людей эмигрировало из России в Маньчжурию за период 1917 — 1922 гг. В печати мне не приходилось встречать указаний на это. Не встречалось мне также сведений о числе эмигрантов, выбывших из Маньчжурии в Европу, Америку, Австралию и другие страны, а также вернувшихся по предложению правительства Советского Союза домой. Можно предположить, что число эмигрировавших не превышало 100 — 110 тысяч человек.

Статистические данные, относящиеся к периоду 1930—35 гг., определяют общее число эмигрантов на Дальнем Востоке в 115 — 120 т. человек.

Таблица народонаселения Маньчжурии, изданная Управлением КВ ж.д., дает для русских цифру 70 тысяч, что не расходится с данными харбинского справочника, относящегося к тому же периоду — около 60 тысяч эмигрантов в Харбине и на линиях КВ ж.д. По данным шанхайского справочника, в Шанхае в тот же период проживало около 30 тысяч человек, в Тянь — Цзине ок. 6000. Если принять для других пунктов эмигрантского расселения (Пекин, Циндао, Ханькоу, Квантунская область и пр.) цифру 10 — 15 тысяч, то и получится, что на всем Дальнем Востоке (Маньчжурия и Китай) в указанный период проживало около 115 — 120 тысяч человек. Эту цифру можно принять на весь период до настоящего времени,

т.к. рождаемость среди эмигрантов не превышает, скорее даже меньше, смертности, и на основании этого значительных колебаний в количестве эмигрантов по годам не должно быть.

Историю ДВ эмиграции можно разделить на три периода, точных границ между которыми дать нельзя. 1-й период с 1920 г. по 1925 г., второй период с 1925 г. по 1935 г. и третий период с 1935 г. по настоящее время.

Первый период — период приспособления к новым условиям жизни. Он характеризуется текучестью, неустойчивостью состава эмигрантских колоний; жизнь их не организована, нет ни общественных, ни политических организаций. В этот период каждый жил сам по себе. Заботясь о завтрашнем дне, ловил слухи о местах, где лучше, и многие, не задумываясь, ехали туда, где лучше — в Пекин, Шанхай, Америку, Австралию, Европу; иногда возвращались обратно в тот же Шанхай или Харбин, благо препятствий к этому не было. В этот период многие, преимущественно казаки и крестьяне, возвратились обратно в Советский Союз.

Однако, к концу этого периода жизнь начала отстаиваться. Эмигранты находили службу, заводили свои предприятия, приобретали недвижимость, или истощив на передвижения запасы денег, оседали прочно.

В Дайрене, где я жил с апреля 1920 года по сентябрь 1922 года, только в конце 1924 г. было образовано «Общество эмигрантов», часовня на кладбище была обращена в церковь и устроена школа. В Чань-Чуне, где я служил с октября 1922 г. по август 1925 г., колония в начале 1923 г. имела около $2^1/_2$ тысяч человек и только после разрешения местными властями проезда в Харбин она значительно сократилась. Выехали люди состоятельные, одинокие, остались беднейшие, многосемейные, вдовы с детьми, инвалиды. В 1925 г. колония имела две церкви, гимназию, вдовий дом, помещение для инвалидов, но не было никакого общественного объединения.

В Мукдене, где я служил в Арсенале на Химическом заводе с августа 1925 г. по декабрь 1926 г., я нашел и оставил только «Мукденский артиллерийский кружок», имевший около 15 членов — бывших офицеров русской армии. Этот кружок был филиалом «Харбинского артиллерийского кружка».

Такая же картина наблюдалась и в других местах эмигрантского расселения. Причиной этого была не только

текучесть состава эмигрантских колоний, но также и непривычка эмигрантов к общественной и политической работе, — в большинстве в политическом отношении малограмотных. Однако, к концу периода некоторый прогресс в этом направлении обозначился — у эмигрантов явился интерес к политической и общественной работе. Это было достигнуто не столько опытом жизни эмигрантов, сколько влиянием газет — местных («Свет», «Русский голос», «Заря») и парижских («Возрождение», «Последние новости»), журналов и литературы. Особым успехом пользовались романы Краснова[1].

Второй период в жизни Дальневосточной эмиграции — период самостоятельной общественной и политической работы. Колонии к этому времени имели более постоянный состав; члены ее не чувствовали себя гостями, а хозяевами, т.к. местные власти почти не вмешивались во внутреннюю жизнь колоний; рождались общие интересы, являлась связь между членами, необходимость общей работы, а так как вкус и интерес к такой работе уже был, то по всему Дальнему Востоку начали возникать различные объединения — общественные, политические, корпоративные, земляческие, благотворительные и т.д.

Одной из наиболее значительных организаций на Дальнем Востоке был Дальневосточный или девятый отдел Русского общевоинского союза (РОВС). Центр РОВС находился в Париже. Союз состоял из девяти отделов, из которых шесть были в Европе, два в Америке и один в Азии (девятый). Отделы охватывали территорию одного, двух государств или части государства; в состав отдела входили воинские организации, расположенные на его территории и пожелавшие включиться в него.

Дальневосточный отдел РОВС сформирован осенью 1928 года. Формирование его было поручено мне, как председателю отдела, Великим князем Николаем Николаевичем Романовым, стоявшим в то время во главе РОВС и жившим около Парижа. При этом мне была поручена работа только по «первой линии» — административная, а

---

[1] Краснов Петр Николаевич (1869—1947) — генерал-лейтенант белой армии (1917), атаман Всевеликого войска Донского (1918). С февраля 1919 года — в эмиграции. Автор множества романов, «предвещавших» скорую, фантастическую победу над большевиками. В 1939—45 гг. активно сотрудничал с фашистами. Казнен по приговору Верховного суда СССР.

генерал-майору генерального штаба Бурлину[1] — работа по «второй линии» — военная; я жил в Дайрене, а Бурлин в 1928 году в Дайрене, а с весны 1929 года в Шанхае. Никаких средств на ведение моей работы я не получил, и только в 1930 году мне было выслано из Парижа 3000 фр., из которых около 400 фр. мною было израсходовано на канцелярские потребности, а остальные возвращены в Париж при сдаче мной должности председателя отдела ген. Дитерихсу. ДВ отдел охватывал Маньчжурию, Квантунскую область, северо-восточную часть Китая (Пекин, Тянзин, Цинтао, Шанхай).

Следующие военные организации пожелали войти и вошли в состав ДВ отдела: в Харбине — Казачий союз, председателем которого был генерал-майор Сычев, Харбинский артиллерийский кружок (председатель генерал-майор Зольдне), Общество ревнителей военных знаний. Представителем ДВ отдела в Харбине был назначен генерал-майор Бардзиловский. В Казачий союз входили станицы различных войск (Оренбургская, Сибирская, Забайкальская и др.). В Мукдене в состав ДВ отдела вошел Мукденский артиллерийский кружок; представителем отдела — генерального штаба генерал-майор Петров[2].

В Тяньцзине в отдел вошли Союз служивших в Российских армии и флоте, председателем которого был полковник Веденяпин, а потом полковник Бендерский. В Шанхае в ДВ отдел вошли: Союз служивших в Российских армии и флоте, председатель — генерального штаба генерал-лейтенант Вальтер[3], Казачий союз, состоявший из станиц различных казачьих войск; представителем союза был полковник Бологов.

В Дайрене в состав отдела вошел Военный кружок, основанный в 1927 году, председателем которого был я, а после моего отъезда в 1931 году в Шанхай — генерал Семенов.

---

[1] Имеется в виду Бурлин Петр Гаврилович, с 25 ноября 1917 года бывший в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта. Позднее — в эмиграции.

[2] Петров Федор Андреевич — генерал-майор ГШ с 15 октября 1917 года, начальник штаба 6-й стрелковой сибирской дивизии (с 10 сентября того же года). Позднее — эмигрант.

[3] Вальтер Ричард-Кирилл Францевич — генерал-лейтенант ГШ с 8 августа 1916 года, в резерве чинов ГШ Минского военного округа с 7 декабря 1917 года. Позднее — эмигрант.

Все названные организации, войдя в отдел, продолжали жить своей жизнью, по своим уставам, но подчинялись общим указаниям и распоряжениям, исходившим из центра РОВС и отдела. Целями РОВС были — поддержание связи между воинскими чинами русской армии, взаимное осведомление, сохранение среди них воинского духа и военной готовности.

Связанный службой и отсутствием средств я не мог бывать на местах для личного ознакомления с организациями, живого руководства их работой. Вся моя деятельность сводилась к переписке, которая неуклонно росла. Возвращаясь к 5-6 часам вечера со службы, я один до 12 часов, до часу ночи разбирался в ворохе писем со всех частей света и отвечал на них, так как среди небольшой дайренской колонии, разбросанной на большой площади, я не мог найти достаточно свободного офицера, который согласился бы добровольно и безвозмездно помогать мне в работе, а оплачивать работу я не мог. Вследствие такой перегрузки я уже в начале 1930 года почувствовал крайнее переутомление, и у меня появились признаки малокровия мозга. Это принудило меня просить председателя РОВС генерала Кутепова[1] об освобождении меня от должности председателя ДВ отдела, но генерал Кутепов мои просьбы отклонял, и только весной 1931 года новый председатель РОВС генерал Миллер[2] согласился освободить меня, и я передал должность председателя ДВ отдела генерального штаба генерал-лейтенанту Дитерихсу, жившему в Шанхае.

Мне не известно, получил ли генерал Бурлин во время пребывания его в Дайрене какие-либо указания из центра РОВС относительно порученной ему работы. Средств у него для ведения ее не было, что заставило его переехать в Шанхай, где он рассчитывал получить деньги от вдовы богатого чаеторговца Е.К.Литвиновой.

Генерал Дитерихс сосредоточил в своих руках всю работу ДВ отдела, приняв от генерала Бурлина работу и по второй линии.

---

[1] Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — генерал от инфантерии (1920) белой армии, позднее — в эмиграции. С 1928 года возглавлял РОВС.

[2] Миллер Евгений Карлович (1867—1937?) — генерал-лейтенант (1915), с мая 1919 года — главнокомандующий войсками Северной области. С февраля 1920 года — в эмиграции. Позднее, с 1931 года, возглавлял РОВС.

Генерал Дитерихс располагал некоторыми средствами для работы. Он обратился с воззванием к своим соратникам, рассеянным по всему свету, с просьбой помочь ему в его работе посильными регулярными денежными пожертвованиями, и соратники поддержали его: приток этих пожертвований продолжался в течение нескольких лет, постепенно ослабевая. Он получал некоторые суммы и из Парижа.

Это позволяло ген. Дитерихсу иметь помощника в звании начальника штаба ДВ отдела (генерального штаба генерал-майор Петров), нанимать дом-квартиру для него и для канцелярии, содержать офицера для поручений и работы в канцелярии. В 1932 году до сентября я жил в Шанхае и некоторое время помогал генералу Дитерихсу, исполняя его поручения, за что имел квартиру в доме начальника штаба.

Генерал Дитерихс издавал небольшой ежемесячный журнал, в котором помещались преимущественно статьи о Красной Армии и жизни Советского Союза. Материалом для этих статей служили книги, журналы, уставы и газеты советского издания.

Наличие средств позволило генералу Дитерихсу осенью 1932 года или весной 1933 года проехать в Харбин и ознакомиться с организациями и их членами, а также назначить своим представителем в Харбине генерала Вержбицкого.

К работам по второй линии кроме издания журнала относятся военно-политические обзоры, которые генерал Дитерихс делал по временам в офицерском собрании.

На одном из таких обзоров в декабре 1931 г., разбирая последние операции японцев в Маньчжурии, он назвал их стратегию авантюристической, т.е. недостаточно обеспеченной, недостаточно подготовленной. Это стало известно японскому командованию.

Недружелюбно относясь к генералу Дитерихсу еще со времени Приморья, оно окончательно отвернулось от него, и какое-либо сотрудничество или связь между японским командованием и Дитерихсом стали невозможными.

Точно не помню, но, кажется, в 1934 г. японское правительство потребовало, чтобы все организации (военные, религиозные, скаутские и т.п.) всяких национальностей, в том числе японские, расположенные на территории

Японии и Маньчжоу-го, но имеющие центры вне Японии, прекратили связь с этими центрами. Раньше других это требование было обращено к ДВ отделу РОВС в достаточно категорической форме. В этом ярко выразилось неприязненное отношение японского командования к Дитерихсу.

Для членов отдела, проживавших в Шанхае, делались доклады. Они не были организованы, связаны между собой, читались не часто, случайными докладчиками и на случайные темы. Так вскоре после моего приезда в Шанхай осенью 1931 года по просьбе офицеров артиллеристов я сделал доклад о деятельности Великого князя Сергея Михайловича Романова, стоявшего во главе артиллерии с 1904 по 1917 гг. Затем, летом 1932 года я сделал доклад о батарейном уставе полевой артиллерии Красной Армии, экземпляр которого был добыт штабом отдела. Я обратил внимание слушателей на то, что на вооружении состояли еще 3-х дюймовые (76 мм) пушки обр. 1902 г. и батареи состояли из трех орудий. Остановился также на том, что средний командный состав артиллерии в значительной своей части не обладал требуемым развитием и особенно материматическими познаниями[1], которые требовались сложной стрельбой артиллерии; указал на меры, принимаемые соответствующими учреждениями Военного комиссариата и в самих частях для устранения этого пробела.

В течение моего пребывания в Шанхае (с 1-го августа 1931 г. по 1 сентября 1932 г.) я помню только один доклад капитана 2-го ранга Апрелева на историческую тему о Русском флоте и доклад полковника артиллерии Дойникова о способах стрельбы и приборах для стрельбы зенитной артиллерии.

Вел ли генерал Дитерихс какую-либо работу на территории ДВ СССР, я не знаю. Со мной он об этом не говорил, как случайному человеку в Шанхае, не имеющему отношения к этой секретной работе, в которую могли быть посвящены только лица, причастные к ней и то в пределах их точек касания. Генерал Петров, может быть, и знал об этой работе, если она велась, также не сообщал мне о ней, а я, как непричастный к ней, не спрашивал.

В Шанхае некоторое время действовала радиостанция Кутепова. Я слышал от знакомых, что генерал Дитерихс

---

[1] Так в тексте.

имеет близкое отношение к ней. Между тем ген. Петров говорил мне, что не знает точного местоположения станции.

В 1934 или 1935 г. японское военное командование предъявило всем организациям ДВ отдела РОВС, расположенным в Маньчжурии и Квантунской области, [требование] порвать связь с генералом Дитерихсом. После этого в ведении генерала Дитерихса остались только организации, расположенные в Китае. К этому времени приток денег почти прекратился; ему пришлось сократить расходы, отпустить своих помощников, сосредоточить всю работу в своих руках. Его смерть после продолжительной болезни около 1940 г. положила конец его деятельности. О дальнейшей судьбе и деятельности отдела я не имею сколько-нибудь точных сведений.

После прекращения связи с генералом Дитерихсом, генерал Вержбицкий образовал из Харбинских организаций ДВО[1] харбинский отдел РОВС. Я мало знаю о деятельности ген. Вержбицкого в Харбине. Знаю только, что им были организованы вечерние курсы для военной подготовки молодежи, библиотека, столовая. Осенью 1935 года японская военная миссия в Харбине предъявила генералу Вержбицкому требование подчиниться ей, но он отказался. После этого отделу не разрешались никакие собрания, даже для молебнов. В конце 1935 или начале 1936 г. генерал Вержбицкий и начальник штаба отряда полковник Белоцерковский были высланы в административном порядке в Тяньцзин. Отдел перестал существовать. Библиотека отдела была передана в Бюро по делам российских эмигрантов. Куда делось остальное имущество отдела, мне не известно.

Генерал Вержбицкий жил в Тянцзине, испытывая большую нужду, и умер года два тому назад.

О Казачьих союзах в Харбине и Шанхае и других военных организациях вне Дайрена вследствие удаленности и отсутствия какой-либо связи с ними у меня имеются только общие и отрывочные сведения.

Структура обоих казачьих союзов одинакова — правление и станицы различных войск — Оренбургская, Сибирская, Забайкальская, Амурская, Уссурийская и других войск, если имелось в данном пункте достаточное

---

[1] Имеется в виду Дальневосточный отдел РОВСа.

количество казаков данного войска; бывали сводные станицы из представителей нескольких войск.

Каждая станица управлялась выборным атаманом и правлением (казначей, писарь). Станицы имели характер землячеств; преследовали задачи сохранения быта, традиций, оказания взаимной помощи (поддержать в нужде, устроить на службу, дать совет и т.п.).

Казачий союз в Харбине, имевший отделения в Цицикоре, Хайларе, Трехречье, имел в этих пунктах строевые части (сотни), в которых обучались молодые казаки военному казачьему делу (езда, джигитовка, стрельба и т.д.). В Шанхае однажды я присутствовал на призовой стрельбе из буковых ружей совсем малых казаков, одетых в форму своих войск.

Союз служивших в Российской армии и флоте (в Шанхае) является старейшей организацией в эмиграции, он основан генералом Вальтером в 1920 году. Главной, и, может быть, единственной задачей союза было оказание помощи чинам, служившим в русской армии; при нем имелись заведения благотворительного типа, церковь, но не помню, чтобы была библиотека. В бытность мою в Шанхае не было ни одного доклада, устроенного союзом. Очевидно, союз довольствовался докладами, организованными генералом Дитерихсом, и пользовался библиотекой шанхайского офицерского собрания.

Последнее не было общедоступным; членами его могли быть только состоятельные офицеры, так как членский взнос был большой.

Задачи небольших военных организаций, как артиллерийские кружки в Харбине и Мукдене и Военный кружок в Дайрене сводились к тому же, к чему и в более крупных организациях — объединению, взаимной поддержке, поддержанию воинского духа и военных знаний.

Средством для этого были доклады — в артиллерийских кружках по преимуществу на артиллерийские темы, в Военном — на общевоинские. Большая часть докладов приурочивалась к годовщинам рождения или смерти ее великих вождей и героев. Так я делал доклады о Суворове, о подвиге корвета «Меркурий»[1] в русско-турецкую войну

[1] «Меркурий» — бриг русского Черноморского флота, в мае 1829 года одержавший победу в бою с двумя турецкими линейными кораблями. За этот подвиг экипаж был награжден Георгиевским кормовым флагом.

1828—1829 гг., о правилах стрельбы французской полевой артиллерии издания 1922 года, о полевых уставах русской, французской и германской армий, изданных накануне 1-й Мировой войны. Делались доклады о нашем наступлении в Восточной Пруссии и в Галиции в августе 1914 года, об операциях на Западном фронте (во Франции).

Кроме военных организаций в некоторых городах ДВ существовали общеэмигрантские объединения. В бытность мою в Шанхае там было два таких объединения: эмигрантский комитет, во главе которого был бывший генеральный консул в Шанхае Гроссе, а после его смерти секретарь консульства Мецлер и другое, название которого я не припомню, возглавляемое капитаном 1-го ранга Фоминым. Я не помню, чтобы при мне были какие-либо собрания этих организаций. Правления их с постоянными председателями носили скорее характер контор, в которых эмигранты регистрировались, через которые получали паспорта, визы, различные справки, работу, материальную помощь и т.п.

В Дайрене в 1924 году было образовано общество эмигрантов, председателем которого был избран И.Г.Гуманюк. Общество имело школу и клуб. Оно перестало существовать вследствие недовольства председателем в 1929 или 1930 г. На его месте образовалась эмигрантская община с председателем Г.И.Доля, после смерти которого, в 1931 г. кажется, непосредственно, председателем общины был избран генерал Нечаев. В 1935 году община прекратила свое существование; ее имущество, школа были переданы в Бюро по делам российских эмигрантов.

Община устраивала в клубе спектакли, концерты, благотворительные чашки чая, развлечения для детей. Я не помню, чтобы были в клубе какие-либо доклады, организованные общиной; только 7 ноября и 17 июля были панихиды по инициативе общины, после которых иногда в клубе устраивались доклады о Советском Союзе и читались стихотворения на тему «Россия».

В этот период в Шанхае и Харбине возникло много эмигрантских организаций благотворительного, корпоративного характера, не преследовавших политических целей. Так в Харбине работал возникший еще в 1-й период Беженский комитет, Союз инвалидов, в Шанхае и Харбине — Союзы военных инвалидов, затем различные землячества, объединения полков, объединения ижевцев, вот-

кинцев и т.д. Было создано много благотворительных учреждений — приютов, столовых, ночлежных домов и т.п.

В эмиграции Дальнего Востока возникли только две политических партии.

Партия легитимистов являлась ветвью расколовшегося монархического движения. Легитимисты признавали законным претендентом на Всероссийский престол Великого князя Кирилла Владимировича Романова, объявившим себя императором в 1924 г. Во главе этой партии стоял ген. Жадвоин, затем — генерал Кислицын. Кто был представителем Кирилла Владимировича после выхода Кислицына из партии, я не знаю.

Партия, не привлекши на себя ничьего внимания, также незаметно исчезла, как появилась.

Наиболее шумной организацией на ДВ была Всероссийская партия фашистов (название точно не помню), во главе которой стоял Родзаевский, создатель партии. Некоторое время партия имела успех, и ее филиалы распространились на ДВ.

Я не имею сколько-нибудь ясного представления о целях и задачах партии, все же мне кажется, что они находились в полном несоответствии с действительностью. Я лучше знаком с издательской деятельностью партии — партия издавала газету, также брошюры, листовки, которые можно было время от времени находить у дверей квартиры или в ящике для писем.

В Дайрене был филиал партии, возглавляемый Сараевым, молодым, недоучившимся и неуравновешенным человеком. Число членов было невелико.

Сараев устраивал доклады. Я раза два присутствовал на них. Так как докладчики были недостаточно образованны, то доклады, направленные против Советской власти и коммунизма, были шаблонны и неинтересны.

Один раз Дайрен посетил Родзаевский. На его докладе я не присутствовал.

Листовка, выпущенная дайренским филиалом, содержащая, кажется, резкие выпады против евреев, послужила причиной высылки местными властями Сараева и генерала Нечаева в Тяньзинь, где они оставались несколько месяцев. По возвращении в Дайрен Сараев вскоре выехал в Шанхай.

Я не знаю, кто был его заместителем. С отъездом Сараева филиал ничем не проявлял себя, и я не знаю, существовал ли он до настоящего времени или распался раньше.

В данном обзоре 2-го периода жизни эмигрантов на ДВ обращает на себя внимание почти полное отсутствие докладов о Советском Союзе, если не считать фашистов.

Причины этого я вижу в следующем.

1) Эмиграция в начале этого периода уже была более или менее устроена, осела; все хотели отдыха от тяжелых переживаний революции, борьбы и лишений первых лет эмигрантской жизни. Доклады о Советском Союзе могли принести новые тяжелые переживания, подновить горечь утери Родины. Наконец, сведения о Советском Союзе можно было найти в газетах, журналах, издаваемых в зарубежье. Другое дело — прошлое России, ушедшее, но родное и совсем еще свежее. Как было не вспомнить Суворова в двухсотую годовщину его рождения или Куликовскую битву в ее 550 годовщину? Надо было в день ордена Св. Георгия вспомнить подвиг брига «Меркурий» и его командира лейтенанта Казарского в русско-турецкую войну 1828—1829 гг. или защиту укрепления Михайловского на Кавказе в 1840 г. и подвиг рядового Архипа Осипова[1]. Все это было отрадно и успокоительно. Таких случаев для докладов набиралось много. В конце–концов подросшая молодежь запротестовала против этих постоянных экскурсий в прошлое и хотела послушать о будущем.

2) Если в Харбине и Шанхае еще можно было случайно достать материал для доклада о Советском Союзе, то в небольших центрах эмигрантского рассеяния такого материала достать было невозможно.

Вот еще более важный недостаток: для докладов о Советском Союзе по разным вопросам (политические, экономические и т.д.) нужны были достаточно сведущие в этих вопросах люди, к тому же обладающие свободным временем. Таких докладчиков можно было найти только в больших центрах, как Харбин, Шанхай, Тяньзинь, в других — только случайно.

Третий и последний период эмиграции — период военных миссий и БРЭМа, период контроля всей жизни эмигрантов этими учреждениями. Военные миссии, как и связывающие их с эмиграцией Бюро по делам русских

---

[1] Архип Осипов (1802—1840) — русский солдат, герой обороны укрепления Михайловское (ныне — поселок Архипо-Осиповка) во время Кавказской войны. 22 марта 1840 года ценой собственной жизни взорвал пороховой погреб, вместе с ворвавшимися в него через подкоп горцами.

эмигрантов, появились около 1935 года. Мне неизвестны причины, вызвавшие появление их, но по наиболее вероятному предположению они появились в порядке выполнения плана подготовки к войне, которая требовала полного контроля над жизнью населения.

Эмигранты до этого времени жили свободно, не зная почти никаких стеснений: свободно перемещались из города в город и из страны в страну, не имели паспортов или каких-либо удостоверений личности, не несли налогов, почти не знали контроля их общественной и тем более частной жизни, жили, как хотели, воспитывали детей в своих и иностранных школах. С появлением миссий эмигранты почувствовали себя под прессом, нажим которого, становясь все сильнее, постепенно охватывал все стороны их жизни. Не зная откуда дует ветер, эмигранты, видя в стоящем непосредственно перед ними БРЭМ источник стеснений, встретили его недружелюбно и недоверчиво. Этому способствовало то, что в Харбине учреждение БРЭМ сопровождалось арестами, заключением в тюрьму на сроки от нескольких дней до 3—4 месяцев и высылкой в Шанхай и Тяньцзин видных эмигрантов, как генералы Сычев, Космин, профессора Головачев и Покровский.

Главной задачей БРЭМ, как мне представляется, было установление контроля над русскими эмигрантами, что требовалось надвигающейся войной, и использование их в этой войне.

Военной миссии в Харбине были подчинены военные миссии в других значительных пунктах, где было достаточное скопление эмигрантов (Мукден, Дайрен, Хайлар и т.д.). Во всех этих пунктах были учреждены БРЭМ; они были учреждены также во всех пунктах, где не было военных миссий, но число эмигрантов было значительно (некоторые станции на линии железной дороги, напр., Ханьдаохедзы); в пунктах с малым числом эмигрантов назначались представители БРЭМ (Гирин).

БРЭМ в Харбине было главным; ему были подчинены все остальные БРЭМ, расположенные на территории Маньчжурии. БРЭМ Квантунской области первоначально был самостоятельным, но впоследствии включен в ОКЦУГО сеть БРЭМ и подчинен харбинскому БРЭМ.

При каждом БРЭМ были чиновники военной миссии в качестве советников, которые служили живой связью БРЭМ с миссиями и фактически были начальниками БРЭМ.

В Северном Китае положение было то же, но учреждение, созданное при Военной миссии в Тяньзине с функциями БРЭМ в Харбине, было названо не БРЭМ, а Антикоммунистическим комитетом; ему подчинялись антикоммунистические комитеты в Цинтао, Пекине, Калгане. В настоящем году эти комитеты были переименованы в БРЭМ. Во главе Антикоммунистического комитета в Тяньзине был подъесаул Пастухин.

БРЭМ в Харбине был учрежден в 1934 году. Начальником его был назначен генерального штаба генерал-лейтенант Рычков[1]; после его смерти начальником БРЭМ был генерал Бакшеев, его сменил генерал Кислицын; последним начальником БРЭМ в Харбине был генерал-майор Власьевский.

В начале БРЭМ в Харбине было невелико; к концу оно разрослось в громоздкое учреждение, состоящее из 5 или 6 отделов.

Я не знаком с историей и организацией Главного БРЭМ и других, находившихся в Маньчжурии и Северном Китае. Я остановлюсь только на БРЭМ Квантунской области. БРЭМ Квантунской области был основан в марте 1935 г. Официального открытия или оповещения о начале его деятельности не было. Начальником его был назначен генерал-лейтенант Семенов. После него начальниками были — полковник Попов, потом опять генерал Семенов, и последним был генерал Нечаев. Генерал Семенов предложил всем эмигрантам, проживавшим в Дайрене и Квантунской области зарегистрироваться в БРЭМ. При регистрации заполнялась анкета размером в лист писчей бумаги, содержащая около 70 вопросов. Сначала регистрация шла туго — не знали, что за учреждение, но вскоре выяснилось, что полиция дает разрешение на выезд из Дайрена только тем эмигрантам, которые зарегистрированы в БРЭМ; тогда регистрация пошла быстро.

Деятельность бюро началась с ликвидации эмигрантской общины. Школа и клуб перешли в ведение БРЭМ; все средства и имущество общины, клуба и школы перешли в распоряжение БРЭМ. Школа продолжала свою работу по-прежнему. БРЭМ назначил заведующего клубом.

---

[1] Рычков Вениамин Вениаминович — генерал-лейтенант ГШ с 20 мая 1917 года, командир 27-го армейского корпуса. Позднее — в эмиграции.

Как управлялся клуб, я не знаю; управление менялось. Первое время жизнь в клубе замерла, но с созданием драматического объединения (Дайренская драма. Председатель С.Г.Шахматов, а с его отъезда А.М.Ханжин) вновь оживилась. В нем ставились спектакли, устраивались концерты, большей частью с благотворительной целью, елки, БРЭМ устраивал доклады и торжественные заседания.

Из докладов я помню — доклад директора гимназии Фролова о Достоевском, профессора Эсперова «О происхождении боярских фамилий». В 75-летнюю годовщину судебных уставов императора Александра II генерал Полидоров сделал доклад «О праве», а директор гимназии Фролов об административных реформах императора Александра II.

БРЭМ сосредоточило в своих руках все дело благотворительности и объявило, что без разрешения БРЭМ никто не может выпускать подписных листов. Попечительный совет по охране русских военных кладбищ в Маньчжурии и Квантунской области был обязан, оставаясь в подчинении епархиального архиерея, представлять ежемесячно ведомости о состоянии денежных сумм, а в начале года — отчет за прошлый год и смету на новый. В 1941 г. настоятелю местной церкви было объявлено, что назначение нового настоятеля может состояться только с согласия Военной миссии. Военный кружок, бездействовавший с 1931 г., был упразднен окончательно, его библиотека передана в БРЭМ.

Относительно винного завода в дер. Инченцзы я мало осведомлен. В 1942 или 1943 году вблизи дер. Инченцзы на деньги, собранные с эмигрантов, была основана ферма (огород, виноградник, молочное хозяйство, куроводство, свиноводство). По воскресеньям эмигрантская молодежь приглашалась для работы на ферме.

Изучение японского языка русскими до БРЭМ не поощрялось; изучающих японский язык склонны были подозревать в шпионаже. Хозяева японских лавок и магазинов предпочитали разговаривать с русскими покупателями по-китайски. Когда начался японо-китайский конфликт в 1937 году, дело переменилось — в клубе были открыты курсы японского языка для желающих изучать его. Это можно считать первым указанием на намерение японцев использовать русских в предстоящей войне с Америкой и Англией (с Советским Союзом воевать япон-

цы не предполагали). С началом войны с Америкой и Англией изучение японского языка Военной миссией всячески поощрялось (вплоть до выдачи сливочного масла аккуратно посещавшим курсы). Результаты поверок (экзаменов), производившихся одной комиссией по всей Маньчжурии, опубликовывались в газете «Время».

В 1938 году начальником Военной миссии полковником Ясуе на деньги, отпущенные Военной миссией, городским управлением, управлением КВ ж.д. и, кажется, губернаторством, было выстроено здание гимназии, рассчитанное на 300 учеников, и для пансиона для мальчиков. Гимназия была включена в сеть японских школ и подчинена учебному отделу губернаторства. Программа была изменена — выброшен английский язык; уроки японского языка стали ежедневными. Подробных изменений я не знаю. Были приобретены учебные пособия (физический кабинет). Начальник миссии заявил, что целью постройки гимназии является сохранение русской эмигрантской молодежи для Родины.

Наш выигрыш заключался в том, что каждый класс имел свое вполне оборудованное, светлое и просторное помещение, а не ютился по 2 — 3 класса в одной случайной комнате. Весь педагогический персонал удовлетворительно оплачивался. Благодаря пансиону были ученики иногородние, особенно из Трехречья. Все же вследствие стеснений в получении виз число учеников редко превышало цифру сто.

Постройка здания гимназии было вторым указанием на намерение японцев использовать русских в войне. Привлечение молодежи к обучению военному делу было третьим указанием на то же и создание русских воинских отрядов — четвертым.

В 1942 году молодежь в возрасте до 35 лет была привлечена к обучению военному делу; в 1944 году эта повинность была распространена и на эмигрантов в возрасте до 45 лет. Обучение строю, стрельбе производилось по воскресеньям. Производились практические боевые стрельбы с выдачей призов (масло, мука). Летом выходили в лагерь на короткое время; в последний день производился маневр, на котором присутствовал начальник миссии, иногда даже начальник Харбинской военной миссии. Посещаемость военных занятий, как и курсов японского языка, была слабая.

Харбинской Военной миссией в 1943 году были созданы русские воинские отряды с русским командным составом, обучавшиеся по уставам Красной Армии, — один на ст. Ханьдаохедзы — пехотный, другой на ст. Сунгари 2-я — кавалерийский. Все дело было поставлено хорошо.

Мой сын, командированный 29 января 1944 года из Дайрена вместе с 4 молодыми людьми в отряд на Сунгари 2-я и уволенный в апреле по болезни, говорил, что все учились добросовестно, но с тем, чтобы в свое время обратить оружие против японцев. Эти отряды были расформированы весной 1945 года. После этого становится непонятным, для чего они формировались.

С появлением Военных миссий начались некоторые стеснения. Введены были паспорта, которые эмигранты должны были иметь всегда при себе. В городе и вне его были созданы запретные зоны, куда эмигранты не могли проникать. Поездки из Дайрена в Маньчжурию, Северный Китай и Шанхай были настолько затруднены условиями получения разрешений на выезд и виз, что иногда эмигрантам приходилось ожидать эти разрешения и визы месяцами и дольше.

БРЭМ издавал листовку, в которой помещалась информация, дававшаяся военной миссией, местная хроника, объявления; иногда помещались статьи самого разнообразного содержания.

2 окт. 1945 г.

Приложение № 3

Откровения отца Филофея[1]

1. Материальные источники Семенова

Прежде чем приступить к обсуждению, какие были отношения Семенова с другими странами, напр. с Монголией, Японией и другими, нужно сказать несколько слов о его финансовом положении.

Еще накануне создания правительства в Омске, перед тем как из Сибири, главным образом вдоль Сибирс-

---

[1] Об авторе этих заметок практически никакой другой информации, дополняющей его рассказ, не имеется.

кой железной дороги, были изгнаны большевики, денежные фонды Семенова складывались из трех источников:

а) помощи из-за границы;

б) реквизиции государственной собственности;

в) реквизиции частных лиц.

Известно, что долгое время Семенов со своей армией находился недалеко от Маньчжурской границы, которая служила для его армии базой пополнения, т.к. вначале его «армия» состояла из небольшой группы людей, но благодаря близости границы очень быстро росла за счет офицеров, выпускников военных школ, кадетов, студентов, русских, монголов и казаков. Всю эту банду нужно было кормить, одевать, и оплачивать. Жалованье у солдат было очень высокое, достаточно сказать, что рядовой получал 75 руб. в месяц, кроме всех остальных прибавок. Низшие офицеры получали также высокое жалованье. Что касается офицеров, главным образом тех, которых он вербовал во время своего странствования (а таких было очень много), эти офицеры получали очень высокое жалованье. Во время расквартирования в Харбине, когда эти вояки отдыхали, шампанское лилось рекой, а ресторанные расходы составляли 2 — 3 тыс. рублей, и это считалось мелочью. Генерал Хорват (в настоящее время — враг Семенова) обещал перевести Семенову большую сумму денег. Все время нужны были большие суммы денег (в те времена русские рубли имели более высокую стоимость, чем в настоящее время). Генерал Хорват обманывал Семенова. Таких случаев было несколько, но позднее он прислал через Колчака (с которым был тогда вместе) небольшую сумму денег. Семенов не мог рассчитывать на правительство Хорвата и должен был стараться достать большую сумму в другом месте, деньги ему нужны были для борьбы с большевиками. Именно в этот период он установил близкие отношения с Японией. Ему удалось очень быстро получить помощь от Японии деньгами и военными материалами. Без сомнения, эту помощь он получил на некоторых условиях, т.к. после установления отношений японцы послали к нему военного атташе, который был фактическим инспектором-советником и который всегда с ним находился. Это был своего рода японский адъютант Семенова. В настоящее время эти функции исполняет капитан Сево из японского Генерального штаба.

Примечание: Во время последнего путешествия Марии Михайловны в Японию в сентябре 1919 г. этот капитан находился с ней и выполнял функции кассира, переводчика, связного между нею и японским правительством. Они приехали в Токио 13 сентября, выехали в Россию — 9 октября.

В тот момент большевики были изгнаны из Читы и из окрестностей вдоль байкальской железной дороги, Семенов перевел в Читу свою Главную ставку, туда же немедленно прибыла японская военная миссия во главе с полковником Куросавой из японского Генерального штаба, и его заместителем майором Югами, из японской кавалерии и три господина находятся при Семенове до сего времени.

Эти японцы, которые находились тогда при Семенове, давали ему деньги до определенного периода, о котором я скажу ниже. Денежные суммы в этот период, которые передавались Семенову, составляли несколько миллионов. Денежная помощь была оказана в иенах. Что касается помощи китайцев, то у нас нет подробных данных. Однако известно, что Семенов получил от них некоторую сумму под предлогом защиты от большевиков большого количества китайских купцов, находящихся в Маньчжурии. Немедленно после занятия Читы и изгнания большевиков Семенов присвоил себе государственное имущество. Из государственного банка он забрал миллион рублей и брал большие суммы со всех предприятий, брал где только это было можно. Короче говоря, через некоторое время все фонды, которые принадлежали государству, перешли в руки Семенова. Так как тогда он не зависел от Колчака, а позднее был с ним в конфликте, Семенов почувствовал себя господином своего маленького Байкальского государства. Даже сейчас он не может выбить из головы идеи, что он является независимым владыкой и никогда он от этой идеи не откажется; благодаря этому положению, он достиг многого. Кроме того, что Семенов получил тогда помощь от Японии, он получал помощь еще из нескольких других источников. Получал он не только денежную помощь для оплаты жалованья и содержания армии, но также он получил несколько миллионов на содержание прекрасных хористок. Одна из них, еврейка Розенфельд, позднее она крестилась в христианскую веру и взяла себе имя Марии Михайловны, истратила 250.000 рублей на покупку шубы.

Примечание: Во время последней поездки в Японию в марте 1919 г. в японской прессе много писали об ее нарядах, и, в частности, о вышеупомянутой шубе.

Один ее кулон из бриллиантов стоил около 700.000 рублей, а второе ожерелье с прекрасным зеленым камнем оценивалось в 280.000 рублей. Кроме этих драгоценностей у Марии Михайловны было много колец, браслетов и кулонов. Она как-то сказала, что ее драгоценности стоят два миллиона. Кроме этого, она имела несколько миллионов в валюте, половину этих денег она завещала официальной жене Семенова после его смерти (это она сказала 16 сентября 1919 г. в гостинице «Сейкон» в Токио, в номере 58). Во всяком случае, достоверным является тот факт, что в то время у нее было много денег.

Кроме этого, Семенов имел еще один источник, откуда получал деньги. Нужно сказать, что в то время в Сибири спекуляция достигла предельной высоты. Появились всякого рода контрабандисты, среди них — железнодорожники, которые в течение четырех лет ездили на участке от Иркутска до границы Маньчжурии, Читы и Верхнеудинска. Солдаты Семенова задерживали пассажиров, забирали у них деньги и золото, иногда избивали их, расстреливали или вешали. Несмотря на это, Семенов очень часто находился в тяжелом положении. Он как-то сказал, что у него бывали моменты, когда он не имел денег для выплаты жалованья солдатам. У него тогда были большие трудности в контроле казаков-солдат. Бывали моменты, когда он не знал, что делать.

В один из таких моментов к нему пришел представитель евреев, которых в то время в Чите было много, вручил ему солидную сумму денег. В следующий раз, когда у Семенова не было денег, он лично обратился к представителям-евреям и получил от них 30—40 тысяч рублей. Вскоре было создано правительство в Омске, после чего положение изменилось. Особенно когда диктатором стал адмирал Колчак. Знаменитый приказ Колчака за № 61, в котором он называет Семенова «изменником», совершенно изменил его положение. Колчак порвал все отношения с Семеновым. Колчак — надежда России — говорил, что Семенов является обыкновенным авантюристом большого масштаба, что он всегда был изменником и бандитом. Этого было достаточно. Общественность стала отворачиваться от Семенова. Уже нельзя было трогать

фонды в государственном банке, и японцы начали колебаться!

В этот именно момент на арене появилась новая личность. Этой личностью был г-н Когеуров, редактор газеты «Русский Восток», газета эта издавалась и финансировалась Семеновым (20 000 рублей ежемесячно). Этот человек имел большое влияние на Семенова. Ему удалось убедить Семенова, чтобы он не обращал внимания на Колчака, и продолжал свою работу. Семенов тогда решил совершить поездку на Восток, взяв с собой Когеурова. Он посетил калмыков и казаков в Уссурийском крае. Однако эта поездка не поправила финансовое положение Семенова. Между тем среди байкальских казаков начались волнения. Денег не было, и положение становилось напряженным. Был созван Круг — так называемый парламент всех байкальских казацких деревень. Круг был созван в Чите. Туда же направлялся генерал Иванов-Ринов, которого называли «Великим обманщиком», он выполнял функции посредника между Семеновым и Колчаком. По прибытию в Омск генерала Иванова-Ринова, Семенов немедленно послал телеграмму Колчаку. Колчак его простил, Круг был доволен, и в начале июня 1919 г. Семенов был избран атаманом байкальских казаков.

В то время Семенов не был искренним, мы знали, что у него совсем другие намерения, но его войска в течение трех месяцев не получали жалованья, японцы колебались и больше нечего было реквизировать. Среди его людей все чаще стали раздаваться голоса, осуждающие его политику, люди хорошо ориентировались в ситуации. Солдаты первого полка убили одиннадцать офицеров...

Колчак простил Семенова и послал ему немедленно 26 миллионов, (на эти деньги Мария Михайловна поехала в Японию) и обещал ему, что он его сделает не только генерал-майором, но и генерал-лейтенантом. Несмотря на это, денег у Семенова не было. В то время японская иена стоила 50—60 рублей, а временами доходила до 100 рублей. В таких условиях 26 миллионов были большими деньгами, если еще принять во внимание, что солдаты не получали в течение трех месяцев жалованье.

В конце концов, Семенов остался совсем без денег, но он надеялся весной получить большую сумму денег.

Гортынский, агент Семенова в Токио, бывший его личным секретарем, сказал мне недавно, что офицеры

очень недовольны, а также и генералы, которым Семенов не выплачивает жалованья, что нужно обязательно найти выход из создавшегося положения и завоевать симпатию японцев. Говоря обо всех этих фактах, нужно помнить, какие нити связывали Семенова с Японией и с другими восточными странами.

2. План генерала Григория Семенова

Как я уже сказал выше, Семенов не был искренним, когда послал телеграмму Колчаку, во время казачьей сессии Круга.

Примечание: Все казаки в России в течение долгого времени пользовались привилегией контроля своей внутренней и местной администрации. Круг являлся своего рода казацким парламентом, который собирается один раз в год. Центром казаков является Чита.

Семенов имеет свои собственные планы и идеи. Несмотря на то, что эта идея является опасной как для России, так и для всего мира, и может показаться фантастической, нужно признать, что ни один Наполеон не сумел бы ее осуществить; но она является оригинальной, и Семенов с ее помощью старается продлить свое положение — вождя — если ему и придется покинуть Сибирь или даже Россию. Как он сам признает, он является авантюристом большого калибра, обладает искусством влиять и подчинять людей своей воле. Имеет большое влияние на полудиких людей, которые вообще не любят легко подчиняться.

Откуда взялась и в чем выражается знаменитая идея Семенова?

У Семенова, без сомнения, имеется достаточно здравого смысла для того, чтобы понять, что борьба против великих народов, как, например, Америки, Англии или Франции, является невозможной не только для него, но даже для всей России, если она даже объединится для этой борьбы. Есть ли у Семенова ненависть к этим странам? Сомневаюсь в этом. Этот план является результатом его авантюристического характера. Что же нужно сделать? Если все пойдет своим путем, то он займет второстепенную роль в ходе развития событий в будущем. Более сильные люди будут играть роль, которую, по его мнению, должен играть он. Мария Михайловна на банкете, устро-

енном господином Мори в ресторане «Шиба» в парке в Токио, в присутствии нескольких японских православных священников, г-на Толмачева и меня, наполнила бокал шампанским и громко сказала: «Пусть осуществится то, что должно осуществиться. Я убеждена, что ни Деникин, ни Колчак и никто другой кроме атамана Семенова не войдет в Москву! В настоящее время диктатором является Колчак, который является послушным орудием в руках англичан и американцев, но придет день, когда это место займет другой человек, который знает, как нужно спасти Россию и которому помогут занять это положение. Наши настоящие друзья — японцы. Вы ведь знаете, что этим человеком является Семенов». (Эти слова я записал в своем блокноте час спустя после банкета).

Мы должны помнить, что эти слова были произнесены полуофициально 16 сентября 1919 г. в то время, когда Семенов ненавидел Колчака, когда в полуофициальной газете «Русский Восток» (которая выходит сейчас под названием «Восточный курьер») и которую субсидирует Семенов, редактором которой является Когеуров.

Примечание: Редактор Когеуров был осужден судом за напечатание статьи 18 июня 1919 г. и только благодаря переговорам между Семеновым и Колчаком он был спасен от тюрьмы при помощи агента Гостинского в феврале.

Статья была направлена против Колчака и его правительства. В то время в Чите было две партии офицеров, одна шла за Колчаком, вторая выступала за установление перемирия между Колчаком и Семеновым, к этой второй партии Семенов относился лучше; из всего вышесказанного видно, что Семенов относился к Колчаку неискренне. Тем более что он этого не скрывал. Каждый человек, которому известны отношения в Забайкалье, прекрасно знает об этом.

План Семенова следующий. Он считает, что может прекрасно обойтись без Колчака, без России и русского народа. Именно поэтому его план является оригинальным. Он очень хорошо понимает и знает положение и условия, в которых живут северные народы, которые являются наполовину дикарями, ему пришла мысль объединить все эти народы и организовать их в так называемую Лигу Восточных Народов и наметить линию раздела между ними и другими народами мира. Согласно его плану, нужно было начать с Монголии, Туркестана, Персии, Афганистана,

а также необходимо было охватить Аравию. Одним словом, его план охватывает все народы, которые не имеют своих правительств и которые не совсем свободны, а частично зависимы.

Нужно заметить, что этот план содержался в секрете. Накануне моего отъезда из Японии, в разговоре с генералом Никоновым (который приехал специально для устройства дел Семенова) я ему дал понять, что мне известен план Семенова. Генерал очень удивился, посмотрел на меня, потом на дверь и сказал мне диким голосом: «Тихо, Вы никогда об этом не вспоминайте, эту тайну знают только несколько генералов и еще об этом рано говорить». Семенов лично мне сказал об этом плане, когда навестил меня в моем доме перед отъездом не в Японию, (как я сказал выше) а в Монголию, где я должен был устроить кое-какие дела, о которых буду говорить ниже.

В течение нескольких месяцев в Чите находилась одна особа, о существовании которой знало только несколько офицеров. Этой особой был арабский князь Ал-Кадири. Здесь нужно упомянуть, что все, кто с этим князем соприкасался, не питали к нему уважения. Этот князь должен был вскоре вернуться в Аравию. Князь этот жил у Семенова в гостинице, где последний учил его, как нужно вести пропаганду среди арабов. Мне было поручено быть у этого князя переводчиком (т.к. я был единственным человеком в Чите, который был на Ближнем Востоке и знал арабский язык и очень слабо владел русским языком).

Я знаю, что князь Ал-Кадири вскоре выехал из Читы к себе на родину. С ним вместе должны были выехать 2—3 офицера Семенова. По дороге на родину он должен был задержаться на некоторое время в Персии, где находились агенты Семенова, а также и в других местностях, где должен был проводить пропагандистскую деятельность. Семенов очень рассчитывал на курдов, для этой цели он учил одного молодого курда Алехиса (негодяя высшей степени), он его очень интенсивно обучал для того, чтобы послать его в качестве переводчика-пропагандиста в страны, находящиеся на юге от Кавказа. Я должен был читать лекции этому бездарному существу. Читал я ему лекции в течение двух месяцев, и только мой выезд избавил меня от этого неприятного занятия. Этот мальчик

называет Семенова папой, он был награжден своим папой двумя Георгиевскими крестами. Он не умел ни говорить, ни читать по-русски и все свое свободное время проводил в компании офицеров, которые ходили по кабаре и в дома сомнительной репутации. Этот человек был также шпионом «мадам Семеновой». Его очень любит «мама», а также и «папа». Напрасно я старался убедить Семенова, что этот человек ничего из себя не представляет, на что всегда я получал ответ, что именно таким он ему и нравится. Он говорил, что он очень способный пропагандист и очень наблюдательный человек. В настоящее время в течение нескольких месяцев он находится в кадетском корпусе в Хабаровске. Из вышесказанного мы видим, что деятельность Семенова в странах, находящихся далеко от Читы и Восточной Сибири началась еще тогда, когда он находился еще в этом городе. (Я выехал 21 июня 1919 г.). Я узнал, что эта деятельность в настоящее время еще более активизирована, мне, правда, неизвестно, чем это вызвано.

Когда я там находился, эта деятельность только начинала развиваться.

В этот период самым главным было: 1) сделать все возможное в Монголии; 2) в Китае; 3) в Японии. В настоящее время Монголия является самым важным полем деятельности Семенова. Это является важным пунктом в его северной программе. Было бы, однако, ошибочным думать, что Семенов интересовался Монголией только с точки зрения своей программы. Для того, чтобы этот фантастический план мог увенчаться успехом, нужно было много времени, и он об этом прекрасно знал... Сегодня у него в Монголии важнее интересы, чем были до сих пор.

Конечно, если его дела в Монголии пойдут хорошо, то у него будет богатая перспектива на будущее. Его полем деятельности в настоящий момент является Монголия. Может быть и Япония даже..., но Монголия, как говорит Семенов, более надежна.

С исторической точки зрения план Семенова кажется детской игрушкой. Но мы не должны забывать, какой ценой было заплачено за эту «детскую забаву», сколько крови и сколько человеческих жизней потеряно. Если это хотя бы на время не предотвратить, то это принесет большое несчастье несчастному русскому народу. Однако Семенов продолжает свою игру, как это показывают события.

3. Монголия

Атаман генерал Семенов родился в казацкой деревне в Байкальском округе. Этот округ очень близко расположен к Монголии. Русские, а особенно казаки Забайкалья, поддерживали торговые отношения с монголами. Монголы всегда едут в деревни и города Байкальского округа, где покупают промышленные товары, чай, сахар и т.д. В течение многих веков существовали близкие отношения между Забайкальем и Монголией. Нужно также отметить, что население Забайкалья состоит преимущественно из бурятов, это выходцы из монгольского народа, оно очень похоже на настоящих монголов, забайкальские казаки и буряты вступают между собою в брак.

Примечание: В Байкальском округе в селениях живут преимущественно казаки.

Это обстоятельство очень сближает два народа. Поэтому Семенов так хорошо знает обычаи, веру и религию монголов (и как мы увидим дальше, это является очень важным). С детства Семенов имел среди монголов знакомых и друзей. Семенов очень много путешествовал, короче говоря, он обладает всеми данными, необходимыми для выполнения своего плана в Монголии.

Какие это планы? Мы не будем здесь говорить, какую роль должна была играть Монголия в его общем плане. Важно, однако, не забывать, что в случае, если его план увенчается успехом, он всегда будет иметь возможность — если, конечно, это потребует обстановка, покинуть Россию и найти там не только убежище, но и базу для своих будущих операций, таких, какие он имел в Китае, Монголии в 1918 году, когда он был вынужден (т.к. генерал Хорват отказал ему в помощи) уехать в Маньчжурию в период его борьбы с большевиками. Словом, он делает все, чтобы сделаться хозяином Монголии. В начале текущего года ему удалось добиться от монголов, чтобы они его именовали «Великим Князем Монголии», и его адъютант, полковник Малиновский, который сопровождал его в поездке в Монголию, получил титул князя.

Примечание: В настоящее время полковник Малиновский является представителем Семенова в Харбине. Каждый, кто его знает, даже Мария Михайловна, во всеуслышание называют его «вором». На его содержании в Хар-

бине находились женщины, которые очень дорого ему обходились. Будучи во Владивостоке, за один обед он уплатил в кафе-шантане 12 тыс. рублей. Его легальная жена проживает в Хайларе. Его единственный двенадцатилетний сын скитается по улицам Японии. Я лично просил капитана Саво, о котором упоминал выше, передать ему сто иен[1].

Кроме того, я его устроил в приют Святого Юзефа в Иокогаме и отдал ему комнату моего племянника в доме генерала Толмачева.

У Семенова не было много солдат. Я не говорю здесь о солдатах, которые находятся под его командованием и под командованием его заместителя, генерала Розанова. Я говорю только о тех солдатах, которые состоят в его личном отряде. Этот отряд состоит из 15.000 человек. Таким он был по количеству накануне моего отъезда в Токио. Возможно, что в настоящий момент этот отряд насчитывает больше солдат, но, во всяком случае, его количество не превышает 16—17 тысяч человек. Весь отряд состоит из казаков и частично из интеллигенции. Армия, которая вела борьбу с большевиками, была демобилизована.

В апреле 1919 г. были призваны на военную службу все, кто окончил первую ступень. В Чите было призвано несколько тысяч человек, и Семенов их немедленно направил в Макковеево к полковнику Жуковскому, о котором я упоминал в начале этой скромной работы.

Количество 17—18 тыс. человек само по себе небольшое, но если принять во внимание еще тот факт, что состояние этой армии далеко неудовлетворительное, то это количество не представляет военной силы. Правда, офицеры настроены лояльно по отношению к Семенову, но солдаты — как и везде в России — очень испорчены и никогда не известно, как они поступят и что они сделают, когда придет время действовать. Не принимая во внимание большевистскую пропаганду, какую проводят среди солдат, имеются еще и другие причины, которые говорят о том, что на них рассчитывать нельзя.

Для примера можно взять следующий факт: в начале июля, когда большевики неожиданно появились на большом заводе, в девяноста километрах от Нерчинска, когда

---

[1] Предыдущая часть воспоминаний не сохранилась.

там совсем не было японских войск, Семенов послал на фронт первую и вторую дивизии, своего лучшего полка или лучший отряд казаков, что же оказалось? С момента прибытия на фронт солдаты убили одиннадцать своих офицеров и перешли на сторону большевиков. Когда стало известно, что на фронт должен быть послан второй полк, солдаты перед отправкой их на фронт говорили населению: «Как только приедем на фронт, последуем примеру товарищей из первого полка». Епископ города Читы прислал за мною и сказал мне, чтобы я предупредил Семенова о разговорах среди солдат. Семенова в тот момент дома не было, я об этом сказал начальнику штаба. Как видно из вышесказанного, Семенов не может рассчитывать на своих солдат, не говоря уже об интеллигентах, которые вступили в его армию согласно приказа и которые в своем большинстве являются социалистами, т.е. врагами Семенова. Поэтому он должен иметь людей отважных и дисциплинированных. Такими являются монголы. Что касается бурятов, о которых я упоминал, то они всегда были верны России, но считают себя больше монголами, чем русскими. Несмотря на то, что большое количество монгольских детей училось в русских школах и работало в русских учреждениях, они остаются верны своей расе и обычаям. Буряты служили в русской армии не только в казачьих частях. Семенов начал создавать специальные полки из монголов и бурятов, он начал их группировать в тех или иных регионах. Среди самих бурятов существуют разные мнения. В октябре в Чите должна была состояться конференция представителей всех бурятских сел. Некоторые считали, что нужно объединиться с байкальскими казаками, руководителем которых является Семенов. Во всяком случае, Семенов должен остаться их начальником, т.к. нельзя забывать, что он является главнокомандующим всех казаков Восточной Сибири, это значит, что не только байкальских казаков, но также и казаков с Уссурийского края, атаманом которых был Калмыков, и казаков с Амура, атаманом которых был Гамов.

Именно тогда Семенов начинает проникать в самое сердце Монголии. В октябре 1919 г. он начал оккупировать Монголию. Он послал в Ургу два артиллерийских полка, под предлогом, что там находится 40.000 человек, которые уклоняются от несения воинской службы; он всем говорил, что занимая город он заставит их выполнить свой

долг. Если бы этот довод был правдивым, что в городе укрывается такое количество дезертиров и Семенов ввел свои войска, чтобы заставить их пойти на военную службу, но и это было бы только предлогом, т.к. он из этого города никогда не собирался уходить.

Как известно, Урга является важным центром Монголии, город расположен вдоль дороги, идущей от Пекина к восточным странам, о которых мы говорили в предыдущих разделах. Кроме того, Семенов имеет много агентов, разбросанных по всей Монголии, большинство которых — монголы, и проводит там в течение долгого времени свою беспрепятственную деятельность. Чтобы добиться победы в Монголии, Семенов должен: 1) добиться симпатии у монголов, которые его еще не поддерживают. Есть несколько монгольских князей, очень интеллигентных людей, которые не поддерживают его авантюристические планы. 2) преодолеть в деликатной форме ненависть монголов к Китаю, вытекающей из-за боязни перед Китаем потерять свою свободу. 3) быть бдительным, чтобы Китай, который совершенно естественно обеспокоен поведением Семенова среди монголов, не мешал ему проводить его политику в Монголии.

А сейчас посмотрим, как он действует?

Средства, которые использует для того, чтобы влиять на монголов, не обыкновенные, поскольку хорошо подобраны к обычаям и вере этого народа. Известно, что монголы, хотя и язычники, глубоко религиозные люди, а их духовенство (ламы) — монахи. В Монголии много монастырей, которые являются не только центрами духовной и интеллектуальной жизни страны, но и политической. Первое место в иерархии духовенства у монголов и бурятов занимает далай-лама. Он — не только первый среди жрецов, но его власть и влияние на монгольский народ исключительны. Тоже самое можно сказать о каждом ламе в Монголии и клире вообще. Как раз среди них Семенов пользуется наибольшей поддержкой и дружбой. Он неоднократно посещал далай-ламу, однажды, еще в начале кампании, обратился к нему за денежной помощью, лошадьми и т.д. Позже, когда у Семенова денег было более, чем достаточно, то часто посылал ему дорогие подарки. Короче говоря, между далай-ламой и Семеновым сложились добрые и очень близкие отношения, и никогда не

было никаких противоречий между «штаб-квартирами» самого известного языческого духовного лица и будущим освободителем православной России.

Его отношения с многочисленными ламами Монголии также очень близкие и дружеские. Посредством этих духовных лиц Семенов влияет на монгольский народ и среди них набирает своих агентов. Собственно говоря, он старается, чтобы ламы стали его специальными агентами. Все, что я уже сказал и еще скажу, рассказал мне сам Семенов. Я должен был отправиться в Монголию в качестве атташе к далай-ламе — что было вещью нормальной, так как я сам из духовенства, а отношения между православной миссией в Забайкалье и церковью ламы были уже давно дружеские и очень хорошие.

Вернемся, однако, к нашему рассказу. Согласно монгольской вере, бог время от времени сходит на землю в образе человека, но не всегда проявляет эту божественность наружу, хотя внутри — он бог. Если он хочет, то сбрасывает божественность на какое-то время и перестает быть богом, а если хочет — то снова становится им. Иначе говоря, в течение всей жизни этого человека бог приходит к нему и отходит.

Долгое время в Монголии не было уже «бога» (он сходит на землю раз в сто лет). Надо обратить внимание на факт, что когда «бог» сходит на землю, то к нему приезжает множество людей со всей страны, так как это важнейшее событие для монголов.

Несколько месяцев назад появился давно ожидаемый «бог». Это — старый человек с длинными белыми волосами и длинной белой бородой, одетый в какую-то странную одежду. С ним — молодой, 25—30 лет, сын, который ходит с ним и выполняет роль помощника.

Когда разошлась весть, что «бог» сошел на землю, то начали приходить люди со всей страны. (Он живет в маленьком городке и часто меняет место пребывания). Влияние, которое оказывает этот «бог» на людей, исключительное и растет с каждым днем, так как говорит он почти исключительно о текущих политических событиях. Этот «бог» создан человеком, и этот человек — Семенов.

Когда Семенов говорил со мной о своих делах в Монголии, неожиданно он сказал: «А у меня есть еще и свой бог». Я почувствовал себя тогда глупо. Позже он рассказал вышеизложенную историю и отметил, что когда «бог»

перестает быть «богом», то живет у него, и когда появляется необходимость снова стать «богом», уезжает в Монголию и говорит то, что он ему велит, а значит то, что нужно. Семенов очень рассчитывает на своего «бога», и правильно, так как влияние, которое оказывает «бог» на народ — колоссальное. Я собственными глазами видел, как люди целовали босые ноги этого «бога» и края его грязной одежды.

«Бог» получает за это деньги, и после исполнения своих «обязанностей» отдыхает спокойно в его доме.

Совсем нетрудно поддерживать ненависть монголов к китайцам, с которыми длительное время были постоянные недоразумения. Поэтому также, может быть, ему удастся получить согласие на все то, что ему захочется, в том числе — введение своей армии в их страну. Нельзя исключить, что они согласятся принять участие в его авантюрах. Здесь Семенов действует не покладая рук, так как считает, что Монголия — главный оплот, через который достигнет своей цели.

Самое трудное, однако, это соглашение с Китаем. Действительность такова, что Семенов несколько раз становился популярным в Китае, особенно во время войны с большевиками в прошлом году. В настоящее время он старается, чтобы в Китае к нему относились хорошо.

На банкете в Японии, о котором я упоминал выше, обращаясь к японцам, Мария Михайловна сказала: «Сейчас каждый начинает уже понимать, кто такой мужественный генерал Семенов. Мой муж сейчас в Китае, и китайцы готовы пожертвовать ему все, клянутся, что дадут ему деньги, оружие и солдат — если этого захочет — так как знают, чего он сам стоит. Он был приглашен в Мукден и в другие города, и всюду его прекрасно встречали. Но мой муж повторяет, что когда у него будут такие добрые друзья, как японцы, то он ни от кого не будет ничего принимать».

Это последнее предложение было очень далеко от истины. В тот же день, когда я ехал в одной машине с этой женщиной в гостиницу Сейокен, она показала мне телеграмму, которую получила от ждущего ее «мужа»: «Когда возвращаешься? Здесь дела идут очень хорошо. Шлю тебе деньги. Возвращайся, однако, быстрее. Гриша». Эта телеграмма была выслана из Мукдена. Когда я спросил про значение этой телеграммы, то «мадам» от-

ветила мне, что речь идет об интересах в Китае. Семенов, скорее всего, собирал там деньги, так как до этого эта женщина сказала мне, что у нее нет уже денег, так как все истратила, а у него совсем нет денег, чтобы ей прислать. После того, как она получила эту телеграмму, она не стала переезжать в японскую деревню, где собиралась провести две недели, а осталась со своим «персоналом» (три женщины и двое мужчин, которых содержала и давала большие суммы на расходы) в гостинице Сейокен на две недели, занимая 5-ти комнатные аппартаменты «люкс» и где проходили страшные оргии. Она накупила самые изысканные платья в самых элегантных магазинах, для нее был арендован элегантный автомобиль. У нее должны были быть огромные суммы, так как одна комната в гостинице стоила в день 14 иен, так как только за аппартаменты она платила в день 90 иен. Зная, что иена = 60—80 рублей, станет ясно, что ее расходы в последние дни пребывания в Японии составляли несколько миллионов рублей.

Примечание: одно из платьев, которые она приобрела в Йокохаме, стоило 850 иен. Эта сумма была заплачена в моем присутствии.

Мы знаем, что до получения этой телеграммы у нее не было денег на покупки, что у ее «мужа» также никаких денег не было. Поэтому не вызывает сомнений, что эти деньги он получил в Китае. Якобы у него были какие-то интересы с китайскими купцами, и те давали ему деньги. Сомнительно, что правительство Пекина дало бы ему хоть какую-нибудь сумму.

Через два дня после отъезда из Японии я получил информацию от генерала Минокова и от самого лучшего друга Семенова, генерала Власьевского, что дела Семенова в Китае идут весьма хорошо, и что к весне он сделает что-то, что изменит всю ситуацию в России, и что повлияет на то, что ему удастся занять более высокое положение. Не вызывает сомнений то, что к весне Семенов что-то готовит, может быть что-то очень смелое. В связи с этим, он послал Гостинского в Японию, и во время последнего с ним разговора перед выездом он повторил несколько раз: «Сейчас я не могу Вам дать никаких денег, но постарайтесь дотянуть до весны. Тогда у меня будет много денег, и все изменится. Тем временем нужно работать и работать без отдыха».

Возвращаясь к теме, связанной с Монголией, нужно отметить, что кроме людей и оружия, эта страна может предоставить также лошадей, корма для них и продовольствие для людей. Несомненно, это — очень богатая страна, и может служить исключительно удобной базой, которую Семенов может использовать в своих целях.

4. Япония

Как уже ранее я упоминал, отношения Семенова с Японией начались еще во время войны с большевиками, когда те (последние) оккупировали всю Сибирь, и когда Семенов был рядом с Китайской границей, тогда первым японским представителем у Семенова был капитан Себо.

После взятия Читы Семенов перенес свою штаб-квартиру в этот город. Правительство Японии прислало в Читу свою военную миссию, во главе которой стояли: полковник Курасава (выпускник академии Генерального штаба) и его заместитель майор Югани (японской кавалерии). Японская военная миссия находилась в доме богатого купца господина Полотова, в Чите, на главной улице города (ул. Великая).

В Чите находился также японский генеральный консул Фурасава, который, также как и полковник Курасава, свободно говорил по-русски и жил в прекрасном доме на ул. Софийской.

Наконец, после появления в Сибири японских войск, был организован генеральный штаб 3-й японской пехотной дивизии, также в Чите. Главным человеком в этом ген. штабе, с нашей точки зрения, был капитан Матсумура, также выпускник академии Генерального штаба, который других языков не знал, говорил только по-японски и немного по-немецки. Его заместителем был капитан Итая, японский пехотинец.

Этот департамент, вместе с японским военным отделом и японским военным банком, ген. штабом 3-й дивизии занимал огромный дом Второва. Это был самый большой и красивый дом в Чите, он выходил на четыре улицы, а главные входы были с ул. Короткой и с ул. Александровской. Это — две главные улицы Читы. В настоящее время 3-я дивизия вернулась в Японию, и на ее место прибыла 5-я. Эта смена наступила в октябре. Но Матсуму-

ра там остался (23 октября 1919 г.) и было заявлено, что он остается там еще некоторое время и, возможно, будет постоянно находиться при 5-й дивизии.

Необходимо также вспомнить об официальных переводчиках (носят офицерский мундир и выполняют очень важные функции) этого департамента. Это:

1.Господин Матао, переводчик японской военной миссии в Чите, который не только переводит, но и выполняет возложенные на него японским правительством функции. Он очень часто выступает в качестве представителя полковника Курасавы (можно с полной уверенностью сказать, что он пользуется его абсолютным доверием), у него близкие отношения с различными известными людьми, предпринимателями, представителями прессы, короче говоря, он — важный представитель японского правительства в Чите. Он скорее заместитель или адъютант полковника Курасавы, чем переводчик. Свободно говорит по-русски, гораздо более интеллигентный и умный, чем все остальные.

2.Переводчик и интерпретатор капитана Матсумуры, господин С.М.Судзуки, окончил семинарию православной миссии в Токио. Говорит свободно по-русски.

3.Кроме них есть переводчик и интерпретатор господин Окамото, который владеет русским языком, и также находился в распоряжении капитана Матсумуры.

Эти трое играют очень важную роль в событиях, о которых здесь мы говорим. В Чите есть еще много других переводчиков, но те работают исключительно с письменными переводами. Все эти переводчики и интерпретаторы остались в Чите, так как японцы жалуются на нехватку переводчиков, несмотря на то, что были мобилизованы все люди, знающие иностранные языки, но все они знают русский очень слабо, и даже эти трое, самые лучшие, делают совсем непонятные переводы. Это только собрание глаголов и других частей речи, без всякой связи и смысла.

Об этих людях я скажу только несколько слов.

Полковник Курасава — человек, который имеет самое большое значение для Семенова. Свои интересы с Японией он решает через японскую военную миссию в Чите. Деньги, полученные Семеновым, его персоналом и его агентами, прошли через руку Курасавы. Семенов и Курасава — личные друзья.

А сейчас коротко рассмотрим вопрос о деньгах, полученных Семеновым через Курасаву. Мы уже говорили о низком курсе обмена [иены] на российские деньги. Курс этот упал в последнее время до такой степени, что один рубль стоит одну иену. Поэтому, когда Семенов должен был выслать в Японию одного из своих офицеров или кого-нибудь другого, или когда некий русский, будучи в услужении у Семенова, сам поехал туда — всегда возникали какие-нибудь неприятности — поскольку даже очень большая сумма в российской валюте была до смешного мала, когда ее меняли на японские иены. Билет на корабль из Владивостока в Тсуруги стоит несколько тысяч российских рублей. Именно в таких ситуациях приходил с помощью полковник Курасава и японская военная миссия. Конечно, они помогали только тогда, когда считали, что такая поездка необходима, и для них полезна. В таких случаях господин Курасава доставлял необходимую сумму в специальных военных банкнотах, выданных японским правительством для потребностей его армии в России. Это были ассигнации по 5 иен, на толстой бумаге, с надписями на японском и русском языках. В этих банкнотах доставлялись небольшие суммы, которые можно было поменять в военном банке, о котором я выше уже говорил и который находился в доме Второва или в Харбине, или также в других японских банках.

Деньги, переданные лично Семенову, были всегда в банкнотах Корейского банка (Банк Чосен). Офицеры и персонал Семенова также получали выплаты в этих банкнотах. Представитель Семенова, генерал артиллерии Никонов, который был в августе, сентябре и октябре в Японии, получил на свои расходы огромную сумму — около 10 тыс. иен — и у него были банкноты по 100 и 500 иен именно банка в Чосен. (Абсолютно ясно, что эти деньги были доставлены Курасавой, так как Никонов привез их с собой из России). Когда генерал-лейтенант Власьевский прибыл на несколько дней в Японию, у него также были ассигнации этого банка, которые он обменял в Японии. Когда мне предложили оплату за редактирование японских переводов в Чите (которую я не принял), то также она была в банкнотах Корейского банка. Независимо от этих документов, остается факт, что все суммы, одолженные или пожертвованные Семенову, были выплачены в банкнотах Корейского банка (Чосен). Японцы пользо-

вались этими банкнотами исключительно в Забайкалье и в Маньчжурии.

Вернемся, однако, к нашему вопросу. Посредством японской военной миссии в Чите Семенов и его ген. штаб решали все вопросы с японским правительством. Эта миссия занимается (и оплачивает все расходы) японской пропагандой среди русского населения. В апреле 1919 года я был вызван в резиденцию полковника Курасавы. После долгой речи о российско-японской дружбе и заверениях о лучших чувствах японцев к русскому народу, когда он поведал мне, что враги «права и порядка», которые являются врагами российско-японской дружбы, так как бунтует население Забайкалья — предложил не только организовать контрпропаганду, но и более активную пропаганду, которая способствовала бы укреплению дружбы. Он говорил об этом мне, так как я был редактором журнала «Российский Восток» и сотрудником других газет и журналов в Сибири, т.к. я был лектором (выступал с лекциями не только в Чите), потому, что я был священником, и три дня в неделю читал проповедь в кафедральном соборе в Чите, потому, что я оказывал влияние на местное население, как на православных, так и на тех, кто не принадлежал к православной церкви.

Я должен добавить, что в то время по улицам Читы проходили несколько православных процессий, и было вещью нормальной — читать проповеди в разных частях города 5—6 раз в неделю. По мнению полковника Курасавы необходимо использовать каждую возможность для достижения цели. Он сказал также, что надо высылать пропагандистов в провинцию, и что военная миссия оплатит все расходы, независимо от того, каковы будут их размеры. Я тогда не ответил ничего на это, так как был в Чите всего два месяца, и не знал ни условий, ни отношений между людьми в этом городе. Я не знал также ни Японии, ни японцев. Я не соприкасался с этими вопросами, т.к. вскоре после этого уехал, и не знаю, что в этом плане было сделано.

Семенов часто выезжал из Читы, посетил Владивосток, Харбин, уссурийских казаков, Монголию. Выезжал также с инспекцией своей армии, которая там находилась. (У него свой частный поезд, за которым всегда идут два бронепоезда). Когда он в городе, Курасава посещает его каждый день.

Семенов очень часто посещает японскую военную миссию. В мае или в июне, когда проходили торжества на границе Монголии, Семенов вместе с Курасавой прибыл на эти торжества. Курасава или его заместитель всегда присутствуют на маневрах армии Семенова. До сего времени Семенов поддерживал очень приятельские отношения с японской военной миссией. Семенов все свои письма в Японию посылал через японскую военную миссию. Через этот источник проходят самые секретные материалы и ведется переписка между Семеновым и японским правительством. Исключением являются только некоторые письма, которые Семенов отсылает непосредственно через своих агентов.

Функции капитана Матсумуры были также очень важны. Это исключительно способный, молодой, интересный и интеллигентный офицер. Он гораздо интеллигентнее всех других офицеров, включая и японских генералов, которых я знал, а знал я их очень много. Несмотря на то, что он знает только свой родной язык и очень слабо немецкий, он скорее похож на европейца, чем на японца. Казалось бы, что его деятельность в Разведывательном отделе 3-й дивизии должна ограничиваться исключительно военными делами или делами, связанными с большевиками и с большевизмом. Во всяком случае, я был такого мнения в апреле, когда был приглашен капитаном Матсумурой и когда генерал Семенов поручил мне редактирование информации, высылаемой японцами с фронта для русской прессы. Я был удивлен, когда перешагнул порог его кабинета. Здесь я должен заметить, что тогда я был очень занят другими вопросами, и поэтому не мог выполнять еще и эту работу в конторе капитана Матсумуры. Все переводы, сделанные японскими переводчиками, присылались мне на дом. Однако за последнее время я почти ежедневно бывал в его кабинете, и он также часто заходил ко мне, так что я отлично знал, что у него происходит.

Представьте себе несколько больших комнат, в каждой из которых стоят один большой и несколько маленьких столиков. Большой стол стоит у дверей и занимает большую часть комнаты, маленькие — помещены в другом конце комнаты, у окна. Вокруг большого стола сидят солдаты и поручики, которые переписывают и переводят все, что им дают офицеры, сидящие за маленькими сто-

ликами. Таким образом, они работают от 8 до 12 ч., и от 13 до 18 часов. Проникнуть в их помещение очень трудно. На улице у входа стоят два часовых, а в самом здании их около 10 человек, которые не разрешают никому войти в помещение без пропуска. Таким пропуском является квадратный кусочек дерева с японской надписью. Первое, что бросается в глаза при входе в кабинет, это целая кипа газет и журналов. Это газеты, не только издающиеся в Сибири, но и газеты на других языках, издающиеся в Маньчжурии и Китае. Каждая статья, каждая фраза, в которой говорится о Японии и японцах или о чем-нибудь другом, что интересует японское правительство — все переписывается и переводится. Наиболее важные газеты переводятся целиком.

Все это делается немедленно, после получения газет, чтобы прессинформация была актуальной и не устаревала. Следует отдать им должное за организацию работы, ибо работы действительно много. Немедленно после того, как пресса, выходящая в Чите, получена, каждая газета разрывается на отдельные кусочки и делится на 10 человек, которые знают русский язык. Таким образом, в течение одного часа все оказывается переведенным и пересылается капитану Матсумуру или Ообе, а также другим, которым нужна эта информация.

Если появляется что-нибудь интересное, например, какая-нибудь статья и т.д., то материалы немедленно высылаются в Японию. Кроме того, этот отдел получает различные японские газеты или рукописи отдельных статей, написанных преимущественно японскими офицерами. Такие документы немедленно переводятся на русский язык, редактируются русскими редакторами — если такой есть на месте — и передаются для публикации в русские газеты, особенно в те, которые пользуются симпатией у Семенова и японцев. Необходимо также отметить, что эти статьи имеют чисто пропагандистский характер, и в них пишется обычно о том, что японцы сделали для русских и как последние должны поступить в том или другом случае. Самым основным видом деятельности капитана Матсумуры является сбор всеми способами информации, которая интересует японское правительство. Его агенты, а именно: Тонабе, Синдзуки, Окамодо устанавливают приятельские отношения с офицерами, журналистами, редакторами, обычными гражданами и т.д.,

и добывают таким образом возможность для получения информации по всем вопросам. Г-н Матсумура больше всего интересуется общественным мнением. Особенно в промежуток с апреля по июль его интересовало, как общественность реагирует на деятельность Семенова, Колчака и Хорвата, и что население думает о соединении Семенова с Колчаком после того, как Семенов прислал телеграмму. Интересует также: сколько евреев в Чите и Иркутске; как они относятся к японцам; как относятся различные классы русского населения к японцам и т.д. и т.п. Все эти вопросы, также как и многие другие, очень интересовали Матсумуру и его агентов, которые старались добыть информацию любым способом и любыми средствами. Совершенно ясно, что их интересовали все текущие события. Необходимо также отметить, что даже в то время, когда они находились в самых лучших отношениях с Семеновым, они собирали против него материалы. Они не верили в него, ибо знали, что он все расценивает по-своему, но и такого Семенова использовали не меньше, когда им это было необходимо.

Временами удавалось замечать у них колебания, видимо, что-то менялось в отношениях между Семеновым и японским правительством, и тогда вся эта информация нужна была для выяснения этих разногласий, а также для того, чтобы можно было ею руководствоваться в будущем.

Фактически позиция Семенова в Японии вовсе не была такой твердой, как Семенов и его агенты старались представить русскому населению. Мнения японской общественности по сибирскому вопросу расходились. Одни считали, что Япония должна вывести свои войска из Сибири. Они утверждали, что достаточно много уже пролито крови, что весь мир измучен войной; наконец, что в самой Японии положение довольно шаткое.

Другие говорили, что Япония слишком заинтересована в Сибири, чтобы равнодушно относиться к тому, что там делается. Они считали, что не только не следует выводить оттуда свои войска, но нужно их еще увеличить. Семенов и японцы, которые ему симпатизировали, старались сделать все, чтобы заручиться поддержкой общественности.

Перед приходом Колчака к власти, когда японцы еще верили Семенову и когда еще не было дружбы и согласия между двумя главарями, когда не знали еще так хорошо

Семенова, когда, наконец, считали, что эта дружба будет для них полезна, японцы не колебались ни одной минуты в том, чтобы предоставить в их распоряжение все, чего они только требовали. Теперь, когда они отлично увидели, что пользы от предоставленной Семенову помощи не будет, что эта помощь требует больше жертв, чем они рассчитывали, что ситуация вообще не улучшается — правительство начинает колебаться и приходит к убеждению, что не следует спешить с выражением симпатии Семенову. (Теперь уже Семенов и его «высшие чиновники», которые время от времени ездили в Японию, не чувствуют себя так уверенно, как раньше, а иногда среди них даже чувствуется замешательство.)

Учитывая создавшееся положение, Семенов решил сделать все, чтобы завоевать на свою сторону японское правительство и те общественные круги, которые имеют на него влияние. В этих целях он решил провести свою собственную пропагандистскую кампанию. Прежде всего он решил послать в Японию г-на Гостинского, журналиста с сомнительной репутацией, не очень честного, но очень умного. Гостинский прибыл в Токио 18-го сентября 1919 года со следующими поручениями:

1. Установить связь с издательствами газет и журналов в Японии, с представителями этих издательств и постараться напечатать как можно быстрее статьи, говорящие в пользу Семенова.

2. В Японии выходит ежемесячно журнал на русском и японском языках, под названием «Голос Японии». В этих журналах очень часто появляются статьи, написанные министрами и членами японского парламента. Характер этого журнала очень странный; статьи, напечатанные на одной странице, по содержанию совершенно расходятся со статьями, напечатанными на другой стороне; редактор принимает статьи всех политических оттенков. Он преследует одну цель: как можно больше получить барыша. В этом журнале очень часто появляются статьи, неблагоприятные для Семенова. Одним из заданий Гостинского было установление дружеских отношений с редактором, г-ном Оуеда, и его секретарем г-ном Кенеда, а также с остальными сотрудниками редакции для того, чтобы использовать этот журнал в своих пропагандистских целях.

3. Гостинский должен был также установить дружеские отношения с офицерами Генерального штаба.

4. В его функции также входила организация издательства нового журнала в Японии на русском языке. Этот журнал должен выходить ежедневно или еженедельно. Его нужно было распространять среди русских, проживающих в Японии, из которых 90% были враждебно настроены к Семенову. Этот журнал должен был также высылаться японцам, находящимся в Сибири, которые настолько хорошо знали бы русский язык, что могли бы читать и понимать.

5. Гостинский должен был выполнять все мои распоряжения, т.е. он был моим подчиненным.

6. Он должен был делать доклады для японцев, которые должны будут переводиться на русский язык.

7. Гостинский должен был также писать статьи в японские журналы о Семенове, должен был перевести и издать в Японии брошюрку, ранее уже изданную на русском языке, в которой говорилось о том, какую роль Семенов играет в борьбе против большевиков. Гостинский не получил, однако, денег на предстоящие расходы. Получил только 30 японских иен и 7500 русских рублей на дорогу.

Я обещал ему присылать небольшие суммы. Однако предупредил его, что этого будет недостаточно, и что он сам должен будет зарабатывать. Однако я заметил ему, что в начале весны он будет щедро вознагражден. Семенов рассчитывал, что в будущем у него будут деньги, и он сможет жить на широкую ногу.

Гостинский согласился на это, поскольку он был профессионалом и корреспондентом сразу нескольких русских журналов, как, например, «Восточный курьер», выходящий в Китае, журналы «Свят», «Ведомости Маньчжурии», «Обозреватель Дальнего Востока», выходящий во Владивостоке; редакции этих газет платили ему по 20 иен японской валютой. Кроме того, он надеялся получить деньги за статьи, написанные для японской прессы, и за доклады.

Я лично был тогда в Японии с целью организации журнала для распространения его исключительно в России.

В этот период в России нельзя было печатать все, что хотелось, особенно на Байкале, где я жил последнее время, ибо это было бы очень опасно. Я не знал, каковы условия в Японии, однако осознавал, что, несмотря на помощь Семенову, японцы могут выдворить меня из сво-

ей империи. Я был убежден, что издание журнала, которое я должен был организовать, было бы полезным для России.

Я уже ангажировал редактора, но когда прибыл Гостинский, я узнал обо всем (это было во время пребывания Марии Михайловны в Токио), и почувствовал отвращение к себе за то, что я нахожусь на службе у Семенова. Тогда я решил уйти с этой службы, но рапорта об этом еще не подал. По прибытии Гостинского я не мешал ему ни в чем и стал наблюдать за всем, что он делал. Сразу же по прибытии он направился в японский Генеральный штаб и представился генералу, который, в свою очередь, направил его к капитану Коуваси и майору Хасимо. С ними он должен был разрешить все вопросы. Оба очень бегло говорили по-русски, а Коуваси, видимо, выполнял важные функции. С этими офицерами Гостинский и разрешил вопрос издательства журнала. Встречался он с ними ежедневно, и, наконец, получил поручение от японцев, которое заключалось в том, чтобы связаться с издателем журнала (газеты) «Голос Японии» г-ном Оуедом и г-ном Кенедом. Гостинский согласился на сотрудничество с условием, что Оуеда останется официальным редактором; он будет ответственным за все, за печатание, за бумагу, за работу всего учреждения и т.д., но он не будет иметь ничего общего с действительным редактированием журнала, поскольку эту работу будет выполнять исключительно Гостинский.

Совершенно ясно, что Генеральный штаб Японии, не зная Гостинского, боялся предоставить ему большую сумму денег (так как японский Генеральный штаб должен был также отпустить средства на издательство журнала).

Наконец, Гостинский и Оуеда отправились в японский Генеральный штаб и предложили свой план г-ну Коуваси. Согласно этому плану, характер журнала был изменен совершенно. Этот журнал был предназначен главным образом для России и должен был информировать Россию обо всем, что японцы для русских сделали, об японских обычаях и традициях, о необходимости дружбы между японцами и русскими. Итак, этот журнал должен был издаваться в целях пропаганды, выставляя в хорошем свете не только Семенова, но и японцев. План был принят хорошо, и эти господа потребовали 5000 иен ежемесячно. (Из этих денег они должны были выделять определенную сумму для печатания брошюрок на русском язы-

ке — для высылки их в Сибирь в целях проведения пропаганды среди русских в пользу Японии и Семенова.)

Совершенно понятно также, что эта газета должна была распространяться и в Японии.

Газета эта должна была выходить раз в неделю, тиражом в 35—40 тысяч. Первые 30000 должны были распространяться бесплатно. Коуваси должен был представить этот план в военное министерство. В момент моего отъезда еще не было ответа от военного министерства, но нет сомнения, что к редакции будут относиться очень благосклонно, но сумма, которую Оуеда потребовал, наверняка будет сокращена. Согласно инструкции Семенова Гостинский, который пока должен быть только редактором, сможет весной отделаться от Оуеды и министерства и взять все руководство в свои руки.

Что касается отношений Гостинского с японской прессой и журналистами — то они были вполне нормальны, справился он со своим заданием вполне удовлетворительно. Через г-на Каито, для которого у него было письмо от полковника Курасавы из Читы, ему удалось установить дружеские отношения с редакцией журналов «Кокумин», «Осака Асахи» и с др. В «Асахи» была напечатана его биография, с фотопортретом. Он имел также беседу с несколькими репортерами и написал несколько статей в японские газеты.

Наконец, «Голос Японии» выполнил его пожелание, и в № 10 напечатал его статью с положительными отзывами о Семенове. Однако статьи его все еще не имели успеха. За такие вещи японцы не любят платить.

Генерал Никонов дал Гостинскому 22-го сентября 1919 г. 200 иен, а перед отъездом в Читу в ноябре 1919 г. дал еще 500 иен. Всего он от него получил с 15-го сентября по 15-е ноября 850 иен. Это очень мало по сравнению с тем, что получают соратники Семенова.

Генерал Никонов и генерал Власьевский обещали по моему прибытию выдать мне 1000 иен на особые расходы.

Гостинский занимался еще одним очень важным делом, которое не имело ничего общего с его обычными занятиями.

Я уже говорил выше, что несколько человек русских, которые вынуждены приехать в Японию ввиду политической обстановки, сложившейся в России, были настроены против Семенова. Самыми заклятыми врагами его были члены русской военной миссии в Японии, особенно глава миссии

генерал Подтягин. В прошлом году, когда Семенов боролся с большевиками, этот генерал был в контакте с большевистским правительством в Петербурге. В феврале 1918 г. он послал в Петербург молодого офицера Крыжановского, который был под его руководством и который забрал с собой 100 посылок, адресованных в различные большевистские учреждения. После опасного перехода границы, который он совершил в костюме рабочего и с группой рабочих, возвращающихся в Россию через Маньчжурию, он прибыл в Петербург, откуда снова выехал в апреле 1918 г. и привез для Подтягина приказ от большевистского правительства в Петербурге, что он остается главой военной миссии в Японии, но уже как представитель большевистского правительства.

Документ, который Крыжановский получил от большевистского правительства, представлял собой что-то вроде паспорта, который был датирован апрелем 1918 года. В Японию Крыжановский вернулся во второй половине мая 1919 года и с этого времени Подтягин стал исполнять обязанности главы русской военной миссии в Японии. Однако это вовсе не мешало ему признать правительство Колчака, когда последний оказался очень сильным, и это не помешало ему установить дружеские отношения с Семеновым. Он даже выслал к Семенову своего офицера в тот период, когда Семенов боролся с большевиками.

Оказывается, что России суждено было увидеть измену не только никчемных людей, но и крупных работников и генералов, которые руководствовались не совестью, а личными интересами и материальными выгодами. Эти люди даже не колебались тогда, когда имели дело с простыми бандитами.

Когда полковник Власьевский прибыл в Японию, генерал Подтягин пришел к нему в гостиницу и предложил ему от имени Семенова свои услуги. Подтягин, благодаря Гостинскому, был тогда уже довольно известной личностью. Ввиду того, что у Гостинского не было материальных средств на то, чтобы устроиться в гостинице Токио, он нанял себе комнату за 250 иен в месяц на двоих (для себя и для своей жены) в том самом доме, где жил Крыжановский. Дом этот находился недалеко от дворца «Иенракчо» и принадлежал одному офицеру, который сдавал несколько комнат русским, приезжавшим в Токио. Гостинский попал в этот дом совершенно случайно, и уже через несколько дней все сдружились.

Крыжановский, который еще не знал, что Гостинский является агентом Семенова, и думая, что тот является корреспондентом различных русских журналов, рассказал, а несколько месяцев тому спустя поссорился с Подтягиным, желая ему отомстить, рассказал, как этот Подтягин — когда большевики были в Сибири, выслал силой из Японии всех офицеров, не считаясь с тем, что они не хотели служить у большевиков.

Гостинский слушал и очень тщательно записывал все, что Крыжановский говорил. Он попросил также показать все документы, которые у него были, и сейчас же их скопировал. Потом потребовал от Семенова (через Власьевского и Никонова) большую сумму денег на покупку документов и создание условий для дальнейшего изучения Крыжановского, у которого очень много документов, которые скомпрометировали бы не только Русскую военную миссию в Японии, но и сотрудников русского посольства. Все эти документы находятся в руках Крыжановского или в руках его друзей. За несколько дней до моего отъезда из Японии японская полиция явилась в дом Крыжановского и потребовала выдачи документов, касающихся Подтягина, однако забрать удалось только маловажные документы, ибо все остальные удалось скрыть. Для этой цели Никонов дал Гостинскому деньги, и пообещал прислать ему еще.

Самыми главными объектами Гостинского были японский Генеральный штаб и Крыжановский. Однако это ему совсем не мешало писать многочисленные статьи для русских журналов, выходящих в Японии.

Какую пользу получают японцы от помощи, оказываемой Семенову

В начале августа 1919 года ген. Никонов приехал в Японию и остановился в гостинице «Ориенталь» — в Иокогаме. Этот генерал после окончания военной школы в Петербурге был направлен на службу в Байкальский округ, в артиллерийскую часть, где преобладало казачество. Он продолжительное время дружил с Семеновым и пользовался большим доверием. В настоящее время он служит у Семенова в чине генерала. В Японию он приехал прямо из Шанхая (Китай), где занимался делом одного из агентов Семенова, офицера, который растратил несколько сотен тысяч рублей, доверенных ему Семеновым, а потом убежал в Южную Америку.

В Японии ген. Никонов имел специальное задание, очень щекотливое и совершенно секретное. Он должен был найти сообщника с большим капиталом, чтобы эксплуатировать все богатства Прибайкалья. В плане этого общества было сказано, что вся торговля на этой территории должна находиться в одних руках. В горах Прибайкалья находится много богатств, так, например, в горах имеется очень много золота. Все это должно было находиться в руках этого общества. Такое общество должно было состоять только из русских и японских акционеров. Одним словом, оно должно было быть русско-японским обществом. Через пять дней после своего приезда ген. Никонов наладил связь (отношения) с японскими купцами и предпринимателями.

Здесь я должен сделать маленькое отступление. Полтора года тому назад в Иокогаме (Япония) поселился какой-то русский генерал по фамилии Толмачев — бывший губернатор г. Одессы (его дочь работает переводчицей у г-на Магуна, поэтому я не расскажу ему этой истории, т.к. эта молодая женщина честная и лояльно настроена по отношению к Америке).

Толмачев является старым русским монархистом и близким приятелем Николая 2-го. Когда началась революция, он сбежал из России, т.к. Керенский хотел его арестовать и посадить в тюрьму, как крупного чиновника старого режима.

Только после больших трудностей (генерал Толмачев со своей женой и двумя дочерьми проехали всю территорию большевистской России в течение нескольких месяцев) они добрались до Японии. Это было в 1918 году.

В Японии проживал продолжительное время другой русский монархист, полковник Завойко — человек с большой силой воли. За несколько месяцев до приезда генерала Никонова, полковник Завойко рассматривал идентичный проект, о котором я говорил выше.

Однако, будучи честным человеком, настоящим патриотом, учитывая богатства русского народа — он искал в этом что-то совершенно другое. Он доверил генералу Толмачеву свой проект, и они оба работали над этим проектом до приезда Никонова. Когда приехал Никонов, то он им помешал привести в действие этот проект.

Согласно планов Завойко и Толмачева, надо было создать русско-японское общество, задача которого заключалась бы в оживлении торговли всей территории Сибири,

причем только 50% товаров должно было продаваться японцам, а остальная часть товаров предназначалась для России. Однако русские не могли заплатить больше, чем за половину, и это одновременно означало, что они не в состоянии были взять сразу всю половину товаров.

Это общество должно было состоять из равного количества японцев и русских. Однако, с начала создания такого общества, 50% директоров должны были занимать русские, независимо от того, выкупили ли они половину акций. В Японии (Токио) проживал японский купец, некий Мори. Он имеет свою контору в гостинице «Уамасата» в Токио, и называет ее «Eomptoir Russo-Japonias». Г-н Мори выдавал себя за большого и искреннего друга России и хотел иметь дело только с русскими. Он является членом политической партии «Seiyokai», а также имеет связи с высшими японскими кругами. Он бросает большие суммы денег налево и направо, и выдает себя за богатого человека. Не было ни одного дня, чтобы он не устраивал приема в честь какого-нибудь русского в одном из ресторанов Токио. Эти приемы обходились очень дорого, т.к. он всегда заказывал дорогие вина, танцовщиц, цветы и машины. В таких ресторанах он устраивал все свои дела с клиентами. Является ли он честным человеком — я не знаю. Очень сомневаюсь в его честности, исходя из следующих соображений. Я, как и все русские, прибывающие в Японию, начал устраивать свои дела с г-ном Мори. Собственно, мне он предложил печатать газету, которую я хотел издать. Он утверждал, что имеет собственный станок русского типа. Мне ничего не оставалось делать, как начать работу. У меня были готовы все статьи для первого номера, но он меня обманул. Кроме всего этого я ему дал больше тысячи рублей на подготовительные работы, что для меня в это время было сопряжено с большими трудностями. Когда я рассказал об этом японскому журналисту Като, то он меня спросил: «Какой Мори? Это тот, который как будто имеет контору в гостинице «Уамасата»? Так он известный вор и мошенник. Вы спросите о нем у капитана Себо, он хорошо его знает. У него нет никакой типографии, если он узнает, что от этого человека больше нечего взять, то он будет избегать встреч с ним». И г-н Като был прав, г-н Себо подтвердил его заявление.

Собственно, с этим человеком Толмачев и Завойко и начали устраивать свои дела. Он был посредником не толь-

ко между ними и банкирами, но и между ними и министрами правительства.

Эти два человека, особенно первый (Толмачев), составили проекты, и дали их г-ну Мори, с тем, чтобы он предложил их японским министрам.

Перед приездом Николая Васильевича Никонова дело было почти закончено, и комиссия японских купцов и банкиров должна была выехать в Россию с Толмачевым и Завойко во главе — для заключения договора с Сибирью. Они должны были встретиться с Колчаком, с русскими министрами в Омске, с Семеновым в Чите и другими представителями русских торговых и промышленных предприятий. Некий православный Мии и ректор русской семинарии должны были сопровождать их.

Г-н Мии окончил курсы около 20 лет тому назад в Киеве и очень хорошо знает русский язык. Он работает переводчиком в Русском телеграфном агентстве в Японии, а также во всех других русских представительствах в Токио. Одним словом, без его помощи нельзя было обойтись при разрешении какого-либо вопроса с японцами. Он перевел все предложения Толмачева, которые тот делал японцам. Все было уже подготовлено для выезда комиссии — вдруг приехал Никонов. Он, очевидно, уже знал, что делали Толмачев и Завойко, т.к. вскоре после приезда он посетил Мори и Мии, и с этого дня они были все время вместе. При первой же встрече генерала, Толмачев и Никонов поссорились. Толмачев обвинял Никонова в том, что он мешает ему в делах, над которыми он работает уже несколько месяцев и которые уже почти закончены.

Японцы, однако, не сразу порвали отношения с Толмачевым и продолжали с ним переговоры, но одновременно начали интересоваться Никоновым. В сентябре месяце, за несколько месяцев до приезда в Японию Марии Михайловны, Никонов поехал во Владивосток, с целью встретиться с Семеновым до его выезда в Читу. Он должен был доложить, что сделано, и получить инструкции на будущее. После его возвращения в Японию, три недели спустя, дела начали подвигаться.

Ген. Толмачев был отстранен в течение нескольких дней и в виде компенсации получил разрешение выехать в Омск и получить там должность. Однако он не мог этого сделать, т.к. был удручен провалом своих дел.

Полковник Завойко, обидевшись за такое поведение

японцев, выехал в Америку, сказав, что «в конце-концов, убедился в неискренности японцев, что сделал ошибку, предлагая им свои планы» и что теперь предложит свой план американцам. За это время подготовлена новая экспедиция в Россию, во главе с ген. Никоновым. В состав комиссии должен был войти Никонов, его адъютант, старый горный инженер французского происхождения, бегло говорящий по-русски, Мори и 8 японцев.

Комиссия выехала из Токио в субботу, 18 октября 1919 г. и прибыла в Тсуруги 19 октября.

По просьбе японцев комиссия должна была остановиться на 4 дня во Владивостоке и прибыть в Читу 1-го ноября. Когда я узнал, что Никонов устраивает все свои дела через Мори, которого я знал как большого вора и мошенника, я предостерег его, обратив внимание на то, кем является этот человек, чтобы Никонов знал, с кем имеет дело. Один или два раза генерал подал вид, что, якобы, встревожен этим и признал, что поведение Мори иногда казалось ему странным, и он боялся, что тот обманет его так же, как и других. А потом начал горячо защищать Мори, и, в конце — концов, согласился, чтобы он был во главе японцев, выезжающих с ними вместе в Россию.

Таким образом, Семенов взял в свои руки эксплуатацию богатств Байкала.

А сейчас скажем несколько слов о приезде Власьевского в Японию. Как я уже выше указывал, он был личным офицером Семенова и его самым близким другом. Влассевский получил этот пост только благодаря Марии Михайловне.

Власьевскому 35—40 лет. По происхождению он байкальский казак. Несмотря на то, что он кажется милым и приятным человеком, на самом деле он очень хитрый и опасный. Можно не сомневаться, что он держит в своих руках Семенова только благодаря Марии Михайловне.

Власьевский приехал в Японию совершенно неожиданно через неделю после выезда из Токио Марии Михайловны. Даже Никонов не был предупрежден о его приезде. Он тут же пришел ко мне, не застав меня дома. Он оставил записку, в которой просил зайти к нему в гостиницу «Сейокен». Когда мы встретились, он мне вежливо сказал, что приехал в Японию с двумя заданиями.

Узнать подробно о поведении Марии Михайловны, о которой Семенов получал все время очень плохие рапорта.

Встретиться с начальником японского Генерального штаба и обсудить вопрос о приезде в Токио военной миссии Семенова, в составе 1-го представителя и двух секретарей, и договориться, чтобы эта миссия была постоянной.

Что касается первого задания, то он мне сказал, что они получили очень плохие рапорта о поведении Марии Михайловны. Спросил меня: «правда ли это?» Я ему ответил, что это правда, т.к. она компрометировала Семенова, поддерживая дружбу с мошенниками и ворами, а также плохо отзывалась о Семенове. Она рассказала мне и другим (русским) нехорошие вещи о Семенове в присутствии японцев, которых я видел впервые в своей жизни. Я привожу в пример ее разговор в автомашине. Однажды она возвращалась домой с банкета, который был устроен в честь ее и на котором присутствовали Толмачев, Мори, Мии и я. Она рассказывала, что в прошлом Семенов был бандитом, и что только благодаря ей он так продвинулся.

Если бы не она, он не занимал бы такой должности. Также рассказывала, что он ее очень любит, и что руководствуется ее указаниями. Казалось бы, что это — болтовня пьяной женщины, если бы на самом деле мы не знали, что, к несчастью, эта женщина имеет большое влияние на Семенова, что он ее очень любит и что она знает очень многое об его прошлом.

Принимая все это во внимание, я остался такого же мнения, как и другие, что эта женщина погубит Семенова, что она вредит и будет вредить русскому народу, потому что деньги, выданные для народа, она тратит на наряды: на шубы, бриллианты, ожерелья, жемчужины и т.д. Я был удивлен тому, что сказал мне Власьевский, т.к. я знал, что они были до сих пор большими приятелями с Марией Михайловной. Я хотел знать — соглашается ли с моим мнением Власьевский или нет. До сих пор он не согласился с моим мнением, а когда мы были в Чите, то он публично высказался против меня. В Чите ему трудно было меня уничтожить, т.к. там я был известным человеком. Я ведь был духовным лицом, и такой скандал помешал бы ему. Население меня очень любило, и я имел большое влияние на население (доказательства в руках г-на Магуна). Я должен заметить, что население г. Читы понимает, какую опасность может принести эта женщина для Семенова, потому, что с каждым днем растет недоволь-

ство среди населения и даже среди наиболее преданных Семенову офицеров, из-за этой женщины.

Чем прочнее будет ее роль «королевы Байкала», тем нахальнее будет эта вульгарная и испорченная женщина, и еще в большей степени она будет компрометировать Семенова. Имеются предпосылки избавиться от нее тем или иным способом. Я уже говорил об интригах, какими был окружен Семенов, и о борьбе, которую ведут различные группы его сторонников. Число недовольных растет, и они более откровенно высказывают свое недовольство из-за этой «девки», которую все знают уже много лет, знают, как она пировала и ... со многими офицерами в Харбине, до того, как стала «госпожой Семеновой» и которая сейчас имеет такую власть, что может кричать и обзывать русских офицеров. У меня сложилось мнение, что такое положение является ненормальным, и ее царствование не может долго продолжаться.

Говоря с Власьевским о Военной миссии Семенова в Японии, он мне сказал: «В скором времени нас будет здесь много». Дальше сказал, что он и Семенов слышали о том, что меня очень любят японцы и просил меня, чтобы я согласился принять пост представителя Семенова в Японии. Я ответил ему, что не только отказываюсь принять этот пост, а вообще намерен в скором времени отстраниться от политической жизни. (Я сделал ошибку — сказав ему это, т.к. несколько дней спустя я вынужден был бросить все и покинуть Японию.)

После разговора со мной Власьевский был в Генеральном штабе. Когда в тот же день часов около 5—6-ти я виделся с ним, последний раз перед его отъездом, — он мне сказал, что его там очень хорошо приняли. Что японский Генеральный штаб очень доволен тем, что в Токио будет создана Военная миссия Семенова. Дальше отметил, что эта миссия прибудет в Токио через несколько дней, и займется разрешением всех вопросов, какие возникнут между Семеновым и японским правительством. Власьевский уехал из Токио 13 октября 1919 года в 7ч. 30 м. и должен был приехать в Читу 26 октября.

Теперь мне остается еще сказать несколько слов о пребывании так называемой госпожи Семеновой в Японии. Это очень интересная история, которая показывает не только до какой степени японцы обманывали русских под предлогом их спасения, но показывает также, на-

сколько хитры и фальшивы японцы и насколько неискренни их намерения по отношению к России.

Обратим внимание на некоторые вещи, которые на первый взгляд кажутся неважными, но которые имеют большое значение, если мы вспомним, кем была Мария Михайловна и что японцам это хорошо известно.

В один прекрасный день, в начале сентября, японская пресса сообщила о том, что жена атамана Семенова, в сопровождении нескольких дам в скором времени прибудет в Симоносеки.

В тот же день господа Мори и Мии спросили меня — знаком ли я с госпожой Семеновой. Я ответил, что никогда не видел жены Семенова, т.к. в Чите ее не было, а Марию Михайловну я видел только один раз и близко с ней не знаком. Г-ну Мии, который также, как и я, является священником, я очень вежливо намекнул, что не считаю удобным для духовного лица встречаться с такой особой. Г-н Мии немного смутился вначале, но после нескольких минут раздумья ответил мне: «Отец Филофей, в основном Вы правы, но генерал Семенов называет ее своей женой, а так как мы уважаем нашего генерала и хотим сделать ему приятное, — поэтому будем считать, что это не наше дело. Ее положение нас не касается. Наш министр дал приказание встретить и принять «госпожу Семенову» как можно приветливее и торжественнее». Я ничего не мог ответить ему на это.

Два дня спустя, японская пресса сообщила о приезде госпожи Семеновой и поместила ее фотографию. Пресса сообщила, что она прибыла в сопровождении нескольких дам и мужчин. Сопровождал ее также капитан Себо из японского Генерального штаба. Встречать ее в Симоносеки выехали: капитан Кироки — сын известного японского генерала и несколько офицеров. Дальше пресса сообщала, что госпожа Семенова пробудет несколько дней в Симоносеки, а затем приедет в Токио и остановится в гостинице «Сейокен». (Власьевский говорил мне, что Семенов запретил ей ехать в Токио. Что он согласился на ее поездку в Японию при условии, что она пробудет только две недели в Атами, вблизи Токио. По словам Власьевского, она провела две недели в Токио, вопреки желания Семенова.)

Вечером, накануне ее приезда, Мори и Мии опять спросили меня, знаком ли я с ней. Я им сказал, что на

этот вопрос я им уже отвечал. Тогда г-н Мии объяснил мне, что г-н Мори хочет в честь ее устроить банкет от имени японских купцов, что он хочет сделать приятное Семенову, с которым он в скором времени увидится в России. Я сказал, что сомневаюсь, чтобы мне пришлось встретиться с ней в Токио. В этом я ошибся.

В день приезда Марии Михайловны, т.е. во вторник 10-го сентября 1919 года я был в Иокогаме, где учился мой племянник, который жил в доме генерала Толмачева, о котором я уже упоминал выше. Домой я вернулся вечером, в 21 час, (а жил я в гостинице «Империал» в Токио) и мне передали, что меня спрашивала какая-то женщина, которая приходила с офицером в 16 часов. Фамилии своей она не назвала, но гостиничный портье сказал, что если он не ошибается, то это была госпожа Семенова. Офицером, который ее сопровождал, оказался Борис Иванов-Ринов, сын известного генерала Иванова-Ринова, князя Омского.

Борис уже два года лечился в Токио, и последнее время жил в гостинице «Сейокен». Японцы относились к нему очень любезно. Полковник Власьевский, который вместе с ним приехал в Японию, говорил мне, что еще во Владивостоке к нему на пароход явился японский офицер и вручил 1200 японских иен — как подарок от японского правительства на расходы в Японии. Он был в дружественных отношениях с Семеновым, поэтому в первые дни пребывания Марии Михайловны в Токио сопровождал ее. Позже он ужасно был возмущен ее поведением, и избегал ее.

Я немедленно позвонил в гостиницу «Сейокен», но Иванова-Ринова не было дома, и мне пришлось отложить встречу с ним до следующего дня. На следующий день я убедился, что той женщиной, которая ко мне вчера приходила, действительно была Мария Михайловна. Я узнал, что она очень хочет видеть меня в тот же вечер в гостинице «Сейокен». Вначале меня удивило ее желание, т.к. я всегда принадлежал к самым ярым ее врагам, и она это хорошо знала.

Из-за нее я решил ускорить свой отъезд из Японии. Однако я решил с ней встретиться, т.к. предполагал, что, возможно, она привезла для меня какое-нибудь поручение от Семенова.

В гостиницу «Сейокен» я явился только 11-го числа в

22 часа. Но Марии Михайловны не было в гостинице. Мне передали, что она поехала в театр, на оперу «Борис Годунов». В гостинице «Сейокен» я встретил г-на Герасимова, министра продовольствия Омского правительства. Он мне сказал, что ему очень понравилась Мария Михайловна, и предложил мне поехать с ним в оперу.

Я принял его предложение. Мы сели в мою машину, которая стояла у гостиницы, и через несколько минут были уже в театре. Герасимов сказал мне, что японское правительство предоставило Марии Михайловне и лицам, сопровождавшим ее, две ложи. В театр мы приехали во время антракта. Мария Михайловна вышла из ложи и очень приветливо поздоровалась с нами. Эта женщина была хорошей комедианткой! Меня поразил ее вид. Раньше я ее знал, как женщину толстую, с вульгарными чертами лица. (Ее лицо и манеры выдавали семитское происхождение.) Теперь она неузнаваемо изменилась. Загорелая, изящная — поразительно красивая. Одета была в шелка, кружева и меха. На шее ожерелье из прекрасного жемчуга и бриллиантов...

Увидев ее на следующий день в гостинице, я понял, что похорошела она благодаря усиленной косметике, и удивился, почему Семенов и другие мужчины потеряли из-за нее головы.

В антракте мы сидели за столиком и пили чай. Мария Михайловна просила меня отвезти ее на своей машине в гостиницу, т.к. она хочет поговорить со мной. А когда мы ехали в машине, она попросила меня, чтобы я пришел к ней на следующий день в 23 часа. В этот вечер я узнал, кто же люди, которые приехали с ней в Японию. Это были три дамы, и все они называли себя вдовами. Первая — это была жена Власьевского, которую муж бросил (ее звали Анна Андреевна). Вторая — это жена Линкова (который написал историю о жизни Семенова и историю его борьбы с большевизмом). Ее тоже муж бросил, и третья — это жена генерала Антоновича (который сейчас является командиром полка в Европейской части России); ее тоже покинул муж. Кроме этих женщин, в свите Марии Михайловны был Иссакаров, о котором я буду говорить ниже, и еще капитан Себо, о котором я уже упоминал. Кроме этих лиц, Мария Михайловна привезла с собой одиннадцатилетнего мальчика — сына известного князя Тамбуир-Малиновского, которого бросили родители. Отец этого

мальчика живет в Харбине и является представителем Семенова, а мать живет в г. Хайларе.

Я занялся этим мальчиком, который по своим годам был очень испорченным (он все видел и слышал, т.к. в его присутствии говорили о таких вещах, которые ни один порядочный человек не повторил бы). Я устроил его в приют святого Юзефа, предоставил ему комнату в доме генерала Толмачева.

Можно сказать, что из всей свиты Марии Михайловны только капитан Себо был порядочным человеком. Не могу умолчать о господине Иссакарове, которого я увидел впервые в тот вечер в театре.

На обратном пути от театра г-н Герасимов спросил меня, кто такой Иссакаров. Я ему ответил, что его вижу впервые, и слышу эту фамилию впервые. В тот же вечер я спросил у Марии Михайловны — кем является этот человек. (Я не сомневался, что он — еврей, т.к. его акцент и черты лица говорили об этом.) Мария Михайловна сказала мне, что это известный миллионер из Туркестана. Что в Бухаре у него имеются плантации, в Ташкенте несколько заводов, в Москве дома, конторы и фабрики. Что несмотря на то, что большевики все это у него отняли — он не беден. В Китае ведет большие коммерческие дела и живет в Шанхае. Сказала еще, что этот человек ее очень любил и очень многое уже сделал. «Мы многим ему обязаны, т.к. несколько месяцев тому назад он оплатил расходы моей поездки в Шанхай». Следует подчеркнуть, как она сказала не «я ему обязана», а «мы ему обязаны». Следует понимать, что она и Семенов должны ему большую сумму денег. Все это она рассказала мне очень серьезно, и я ей поверил. Позже, когда я почти ежедневно встречался с этим типом в гостинице у Марии Михайловны, он рассказывал мне о своих делах, и так серьезно, что я продолжал верить в эту историю. Но... однажды я узнал правду.

Извините меня, что я прерываю свой рассказ, но я не могу умолчать и об этом. В гостинице, в которой я жил, жил некоторый г-н Школьников — студент Омского медицинского университета, сын известного богатого иркутского купца. Будучи в Иркутске, я слышал о нем и знаю, что он был честным молодым человеком — не по годам серьезным. В боях с большевиками был ранен и вынужден был выехать в Токио на операцию. Короче говоря, я знал его как человека, которому можно верить.

Так как он родился в Иркутске, то он знал всех местных жителей, и многое о них знал.

Он-то и сказал мне, что Мария Михайловна вовсе не жена вице-губернатора г. Тамбова, что она вовсе не дочь тамбовского русского крестьянина, а простая еврейка из Иркутска, что ее фамилия Розенфельд. Молодой девчонкой она ушла из родительского дома и была проституткой. Благодаря своей красоте и богатым поклонникам стала певицей в «кафе-шантане». Он сам не один раз обедал и ужинал с ней в кафе-шантанах гор. Иркутска или Харбина.

В один прекрасный день, примерно через неделю после приезда Марии Михайловны в Токио, беседуя со Школьниковым, я упомянул фамилию Иссакарова.

— Какой Иссакаров? — вдруг он спросил меня. В ответ я показал ему фотографию Иссакарова, которую по моей просьбе сделал мой племянник в комнате Марии Михайловны, в гостинице Сейокен. (Один экземпляр этой фотографии я передал г-ну Магун, а второй оставил себе.) — Он рассказывал Вам о своих богатствах в Туркестане?

— Да, — ответил я.

И он рассказал мне про Иссакарова, что он является обыкновенным вором. Воспользовавшись случаем, что в Туркестане жил его однофамилец, богатый купец, он стал всем рассказывать, что является его сыном. А так как Иркутск находится далеко от Туркестана, то многие поверили ему.

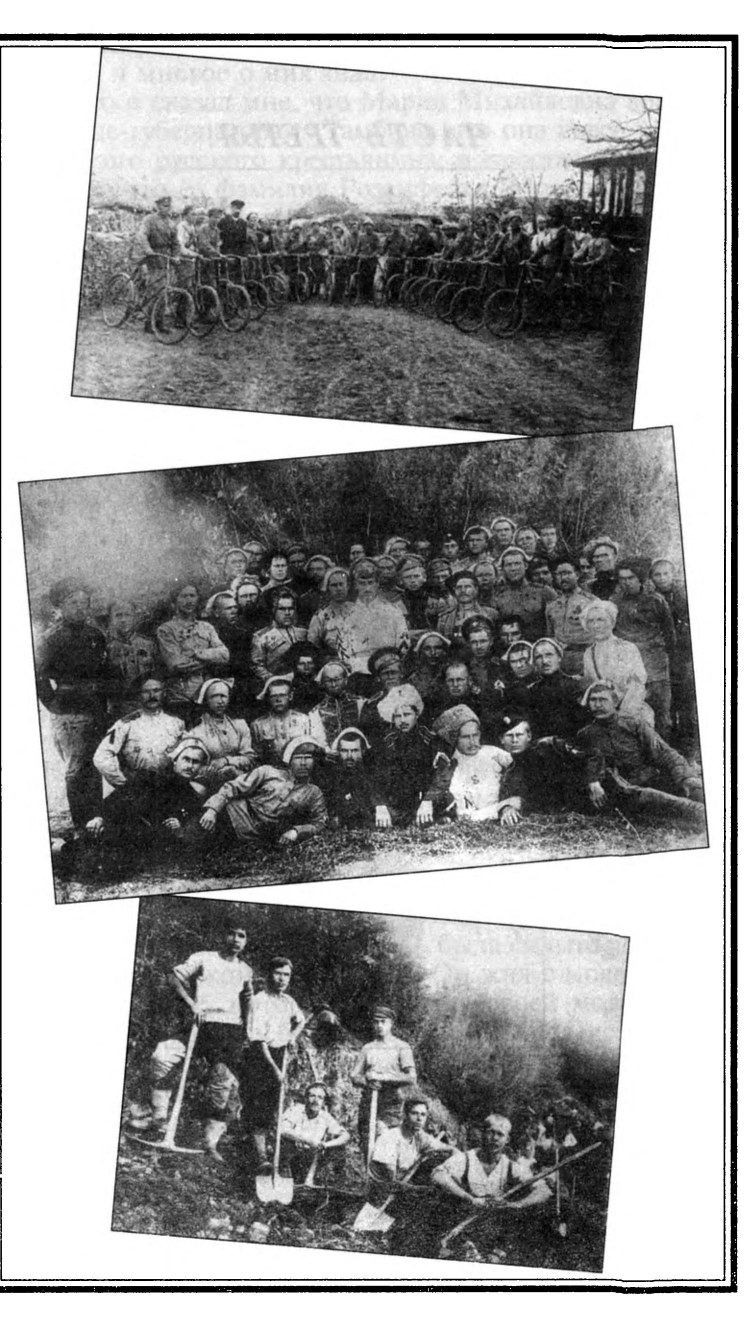
Настоящая его профессия — картежный шулер, который жил постоянно с женщинами из кафе и кабаре. Безусловно, иркутские евреи знали, кем он является, и что вся эта история, которую он рассказывал о себе, является враньем.

Незадолго перед отъездом Школьникова из Иркутска, вся еврейская общественность была сильно потрясена ужасным поступком Иссакарова. Он жил с молодой актрисой из кабаре, которая благодаря своей молодости и красоте пользовалась большим успехом. Вследствие него имела много золота и бриллиантов. В один прекрасный день Иссакаров исчез со всем ее богатством. А теперь Школьников встретил его в Токио, как близкого друга «мадам Семеновой»...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АТАМАН АСТРАХАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА,
князь Тундутов-Дундуков

Жизнь этого человека была переполнена различными политическими и военными событиями. Впрочем, само его высокое (княжеское) происхождение уже определяло уровень востребованности обществом носителя этого титула.

Итак, Тундутов-Дундуков Дмитрий Давыдович родился в 1889 году в Астраханской губернии. Его отец, крупный помещик и коннозаводчик, был удостоен чести состоять членом 1-й Государственной Думы.

По невероятному стечению обстоятельств, его двоюродной брат в 1923 году занимал должность члена ВЦИКа, являясь представителем правительства в Астрахани.

До революции Тундутов проживал в Петрограде и в Астраханской губернии, где занимался коневодством и землеобработкой в имении отца при станции Тундутово.

Закончил Пажеский корпус в Петрограде. Ни в каких политических партиях не состоял, до войны 1914 года был адъютантом начальника Генштаба в Петрограде.

С начала войны находился в ставке; а в течение 1915, 1916 и начале 1917 года — на Кавказском фронте, ординарцем у главнокомандующего, в чине ротмистра.

С февральской революции 1917 года находился в Астрахани, где на съезде калмыцкого народа был избран членом местного исполкома. Помимо Тундутова в исполком

вошли Криштафович, Очиров, Баянов и Тюмень. После причисления калмыков к Астраханскому казачьему войску, князь Тундутов был назначен помощником войскового атамана. Позднее отдыхал в Пятигорске на курорте. Состоял членом объединенного Юго-восточного правительства, в должности атамана Астраханского казачьего войска при Деникине до 8-го февраля 1919 года. Именно в этот день, под давлением обстоятельств, Тундутов вынужден был подать в отставку и выехать за границу. Его преемником на том же посту стал Ляхов.

Д.Д. Тундутов-Дундуков

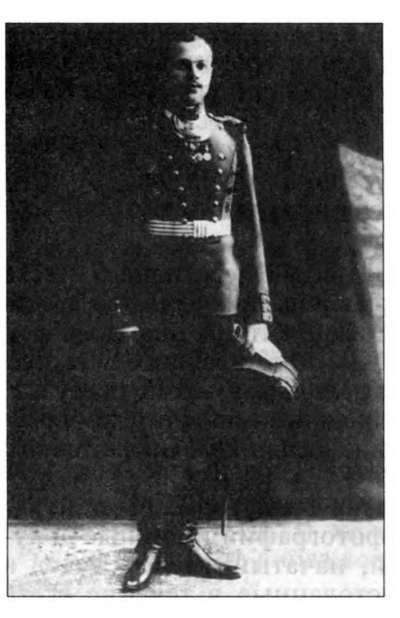
Как объяснял сам атаман, причины его ухода с должности были следующие:

– несправедливая мобилизация калмыков;

– обвинение его в соглашательстве с большевиками, так как он, по его словам, «давно видел бесцельность и преступность пролития братской крови и поднял вопрос о принятии предложения англичан об открытых переговорах с Советской властью на острове Принкипо»;

– враждебное отношению к нему со стороны командования Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), потребовавшего от него отставки и выезда из пределов России. В противном случае ему угрожал арест и приговор военно-полевого суда.

В спешном порядке Тундутов оформляет заграничный паспорт и покидает страну. Сам атаман об этом пишет так: «...8 февраля 1919 г. я попал за границу, я думал найти там мою семью, но меня ждал удар. Я стал совершенно одинок. Страдая нравственно, я хотел заглушить мои мысли и бросился в водоворот жизни Парижа. Деньги пришли к концу. Те знакомые и друзья, которые были у меня, когда я был богат, не помогли мне и только

Я.А. Слащев

один бог знает, сколько ударов самолюбия я терпел. И в эту тяжелую минуту мне помогли мои простые калмыки, которые были на английской службе в Константинополе...

За границей я был в Париже до 1920 года, затем был на юге, в Монако, в начале 21 года приехал в Берлин. С марта по сентябрь 1921 г. я был в Берлине, жил в гостинице «Штайнплатц». В русской миссии Красного Креста получал молоко для сына и визировал паспорт на пребывание в русском консульстве. Затем, ввиду тяжелого материального положения переехал в Константинополь, где был мой двоюродный брат Онкоров, и затем поступил форманом[1] в спортивную школу в Кельн инструктором.

В мае 1922 г. было послано мной, Балзановым и Востроковым письмо к Кириллу Владимировичу и Борису Владимировичу с изложением бедственного положения калмыков, с просьбой о займе для нас у нефтепромышленников.

У меня была дилемма — или вечно жить на средства моей жены, или порвать со старым и пробить себе новую жизнь в обновленной России. Чувствуя нравственную поддержку со стороны жены, я выбрал второе.

... Я буду счастлив иметь возможность отомстить тем, которые растоптали мою душу, отняли семью и ребенка, и не жалея ни сил, ни энергии постараюсь оправдать Ваше доверие.

---

[1] Форман (старший сержант) — звание в британской армии того периода.

В августе 1922 года я возбудил ходатайство через Флоринского и Чичерина и, как амнистированный, согласно вызова Слащева[1] прибыл в Россию на службу в ряды Красной Армии».

Новый реэмигрант

14 апреля 1923 года сотруднику Оперативного отдела ГПУ Калинину был выдан ордер на производство ареста и обыска у граждан Тундутова Дмитрия Давыдовича и Тундутовой Марии-Христины, проживавших в городе Москве по адресу: ул. Арбат, Афанасьевский переулок, д.19, кв. 2. Ордер № 1260 был подписан заместителем председателя ГПУ Уншлихтом[2] и начальником Оперативного отдела Лацисом[3].

В ходе обыска у семейства Тундутовых были изъяты: газета «Улан Хальмг», фотографии и личные документы, а также 277 рублей, начатый флакон духов и «прибор для ногтей». Арестованные в течение всего обыска вели себя весьма хорошо; после его окончания комната была опечатана. Так возникло уголовное дело № 16393.

Только 26 апреля Тундутову Д.Д. было предъявлено обвинение «в участии в монархическом объединении в Будапеште», что подразумевало совершение им преступ-

---

[1] Слащев (Слащов) Яков Александрович (1885—1929) — генерал-лейтенант, активный участник гражданской войны на Юге России. За свои «подвиги» удостоен почетной приставки к фамилии — Крымский, а в народе — «Вешатель». В ходе тщательно разработанной и проведенной органами ВЧК в 1921 году операции, Слащев вернулся в Советскую Россию, где был использован в работе по распропагандированию частей эмигрантских белых армий. Подробнее об операции — см. «Русская военная эмиграция 20 — 40-х годов. Документы и материалы», т.1. (М., «Гея», 1998). Кроме Слащева, к распропагандированию остатков белых частей привлекались наиболее авторитетные офицеры и генералы (как, например, генерал А.Брусилов), находившиеся на территории Советской России, а также сотрудники Иностранного отдела ГПУ. Кроме того, этой же деятельностью занимались организации активистов из числа самих белоэмигрантов (например, «Совнарод» в Болгарии»).

[2] Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1938) — занимал эту должность в период с 1921 по 1923 г. Необоснованно расстрелян.

[3] Лацис (Судрабс) Мартын Иванович (Ян Фридрихович) (1888—1938) — также необоснованно расстрелян.

ления, предусмотренного статьей 61-й УК РСФСР. Постановление подписали начальник 6 отдела КРО Сосновский[1] и помощник начальника КРО Пузицкий[2]. Уже в ходе подписи этого постановления Тундутов пытался заявить о том, что «Ни в каком...», но оставлять свои мысли на бланке установленной формы было не принято, поэтому пришлось просто подписаться: «Читал Тундутов».

Князь написал целый ряд заявлений, в которых пытался дать объяснения: «Из виз моего паспорта, находящегося в В.О. ГПУ будет видно, что я был в Венгрии транзитом. Со мной в Россию приехали Кармыков и Бадмаев, живущие в калм. представительстве Наркомнаца, которые подтвердят наше искреннее желание служить Российскому советскому правительству, а также, что мотивами возвращения домой было: 1) тяжелое положение вообще за границей; 2) письма от Доржина жене Кармыкова с приглашением вернуться; 3) желание, наконец, вернуться на Родину и не быть снова вовлеченным в разные белые авантюры».

Следствие по делу Тундутова шло своим чередом. Невольной его участницей стала и жена князя. Еще 21 апреля 1923 года была проведена их очная ставка, после которой арестованный добавил, что «с протоколом согласен, за исключением того, что я был офицером английской армии. Моя жена в первый раз в Кельне знала меня так мало и я был одет в английское обмундирование, кроме отличительных знаков, так что она меня могла принять за англичанина. Поэтому самое лучшее — запросить Кельн через мою тещу — она может выслать справку английского штаба, откуда увидите, что я был форманом (сержант-старший) с конца августа 1922 до ноября 1922, то есть 2 с половиной месяца».

Пытаясь привлечь внимание к своему бедственному положению, Тундутов пишет следующее заявление:

---

[1] Сосновский (Добржинский) Игнатий Игнатьевич (1897—1937) — занимал эту должность с июля 1922 по ноябрь 1927 года. Необоснованно расстрелян.

[2] Пузицкий Сергей Васильевич (1895—1937) — занимал эту должность в период с июля 1922 года по июнь 1930 года. Необоснованно расстрелян.

Прокурору Республики гражданину Курскому

Дмитрия Давыдовича Тундутова,
Бутырки, камера 88 корр. 19

Заявление.

14 ноября 1922 года, согласно амнистии и воззвания Слащева я прибыл с женой, германской подданной, в Россию. Был арестован Восточным отделом ГПУ, после 17 дней заключения был освобожден, причем на последнем допросе зам. нач. В.О. Андреев заявил: «Вы будете освобождены и назначены в РККА, надеюсь, что Вы оправдаете доверие Советской власти».

1 декабря я был выпущен из тюрьмы и явился в штаб РККА, в командный отдел. Командный отдел изъявил согласие на прием и назначил меня во Всеобуч, и запросил Особый отдел ГПУ. Не имея ответа в течение месяца, штаб запросил во второй раз. Через месяц получился ответ, что Особый отдел возражает против моего приема. Ввиду того, что Восточный отдел меня направил в штаб для назначения, а Особый отдел возражает, я, согласно указанию нач. 3 отд. Восточного отдела тов. Соколовского, пошел к товарищу Сосновскому для выяснения недоразумения. Здесь, т.е. 14 апреля 1923 года я и был задержан и обвинен по ст. 61 «принадлежность к монархическому объединению в Венгрии». Ввиду того, что я никогда не был в объединении и за границей уже около 4,5 лет с 8 февраля 1919 г., я изъявляю свой глубокий протест против этого обвинения.

Я верю, что я, как человек по убеждению прибывший на службу в Россию и доказавший свою лояльность и искреннее желание служить Советскому правительству своим рапортом Брусилову[1], переданным им товарищу Троцкому, излагавшим положение эмиграции за границей и проект реэвакуации всех бывших чинов Белой армии, дабы раз навсегда положить предел всяким авантюрам, и получивший через секретаря товарища Троцкого Витт, личную благодарность, я имею право просить Вас, гражданин прокурор, разобрать мое дело всесторонне и восстановить меня в моих правах.

---

[1] Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии, один из лучших российских военачальников времен первой мировой войны. В 1923—1924 годах являлся инспектором кавалерии в Красной Армии.

Документы: 1) приказ Деникина о предании меня суду; 2) письмо Берлинского российского посла Крестинского о моем праве на въезд в Россию, как амнистированного и принявшего присягу РСФСР; 3) письма мои Брусилову и Слащеву о желании моем поступить добровольцем в Красную армию, засвидетельствованные берлинским представительством; 4) рапорта мои и Брусилова — хранятся в Восточном отделе ГПУ.

Как свидетелей и лиц, знающих меня, могу назвать: 1) Флоринский, секретарь Чичерина; 2) Витт — секретарь Троцкого; 3) Брусилов; 4) Самбек; 5) представитель далай-ламы Тибета — Доржиев Агван Хамбо; 6) путешественник П.К.Козлов, сподвижник Пржевальского, ныне командируемый в Центральную Азию и лично известный М.И.Калинину и Горбунову.

Дмитрий Давыдович Тундутов-Дундуков.

5 мая 1923 года.

Жалоба прокурору республики не возымела какого-либо действия, и через две с половиной недели Тундутов пишет свое новое заявление, в котором сообщает о предстоящей голодовке. И действительно, 25 и 26 мая старший делопроизводитель тюрьмы ГПУ Засядвов извещает о том, что гражданин Тундутов голодает, с приложением справки о состоянии здоровья. Резолюция Пузицкого на заявлении Тундутова о голодовке значила следующее: «Товарищу Борисову. Объясните Тундутову, что голодовка как способ улучшения положения при следствии бесполезна. 25.05. Пузицкий».

Следствие тем временем продолжалось. В этот период времени Тундутова практически не допрашивают. Он снова и снова пишет о трудностях нахождения в тюрьме, в одиночной камере, без прогулок и передач, без встреч с женой, и просит снова перевести его в Бутырки. В ту самую тюрьму, где пролетарии-уголовники Минаев, Оганов и Клочков перед самым переводом на Лубянку самым банальным способом ограбили бывшего князя, распределив его вещи между собой.

6 июля 1923 года в деле Тундутова появился новый свидетель. Некто А.Петровский сообщил о бывшем Астраханском атамане следующее:

«С Д.Д.Тундутовым я познакомился в 1918 году в Киеве, где было вербовочное бюро для пополнения так на-

зываемой Астраханской армии. Он был, насколько я помню, тогда атаманом Астраханского войска. На юге, во времена Деникина я его несколько раз видел, а потом слышал, что он уехал, слышал, что были какие-то недоразумения с командованием, но на какой почве — не знаю, так как этим интересовался мало. Слышал, что Тундутов долго был в Константинополе. Следующая моя с ним встреча была в Будапеште, где он появился в 1922 г. летом.

В Будапеште он хлопотал о поддержке Венгерского правительства для перевода на территорию Венгрии 3000 калмыков, им сформированных в боевую часть. Для помощи он обратился к князю Дм. П. Голицыну-Маравлину, как человеку, пользующемуся влиянием в правительственных кругах. Сначала Голицын пошел довольно горячо навстречу, и, насколько мне известно, возбуждал вопрос и перед Хорти[1], и перед Министерством об оказании Тундутову материальной поддержки для осуществления его предприятия, но затем было выяснено, что никакой собственной части у Тундутова еще не существует, и средства ему нужны именно в надежде сформировать и сорганизовать калмыков, разбросанных на Балканах. Ввиду того, что Голицыным были получены какие-то сведения, что калмыки почти все так или иначе устроены, он прекратил свое вмешательство в дело, после чего, насколько я знаю, и переговоры Тундутова с Венгерским правительством прекратились. Тундутов и к Голицыну, и к местному Венгерскому русскому монархическому объединению обращался за деньгами для поддержки некоторых калмыков, которые были им привезены в Венгрию, причем деньги он просил взаймы, так как говорил, что у Астраханского войска есть в пределах России скрытое имущество, которым он и будет в состоянии рассчитаться по займу. Слышал я, что в несколько приемов ему из названных выше источников было передано около 60—70 тыс. крон.

Затем, в конце лета 1922 г. Тундутов из Будапешта выехал, оставив там двух своих сотрудников, которые, я знаю, очень бедствовали из-за отсутствия средств.

---

[1] Хорти Миклош (1868—1957) — адмирал, в первую мировую войну — главнокомандующий австро-венгерским фронтом. Правитель Венгрии в 1920—1944 годах.

О том, что он попал в Россию, я узнал в Мюнхене от председателя Венгерского монархического объединения Л.А.Казем-Бека, почему по приезде в Россию начал наводить о нем справки и узнал, что он обращался к Брусилову с просьбой помочь ему в исходатайствовании разрешения для находящихся в эмиграции калмыков, на возвращение на родину.

Означенное ходатайство, насколько мне известно, удовлетворено не было, а сам Тундутов, за две недели до моего приезда в Россию уже был арестован.

Видел я его жену, которая ничего о причинах его ареста сказать не могла, считала, что, вероятно, его подозревают в сношении с англичанами, и просила меня помочь ей материально, чего я за отсутствием денег сделать не мог, и мог ей только указать, что хлопотать о муже нужно через помощника прокурора Республики Катоньяна».

Показания Петровского отнюдь не способствовали облегчению участи Тундутова. Он снова объявляет голодовку, а 9 июля 1923 года заместитель начальника тюремного отдела ГПУ Адамсон подписал следующий документ: «Настоящим извещается, что арестованный Тундутов Д.Д. умышленно во время подачи чая в 17 час. 7-го сего месяца ошпарил себя кипятком из чайника, медицинская помощь оказана, арестованный находится в хорошем состоянии».

Вызванный в срочном порядке к следователю Тундутов в очередной раз был предупрежден о недопущении впредь таких инцидентов. Никто не сообщил ему о том, что в ближайшее время участь князя будет решена.

Неожиданно возникла новая информация: в своем письме, отправленном в феврале-марте текущего года в Мюнхен, Тундутов, якобы, писал, что «дела его идут хорошо, и что по окончании их он думает вернуться за границу, с очень интересными новостями».

Девятого же июля в Контрразведывательном и Иностранном отделах ГПУ были обобщены все имеющиеся в отношении Тундутова сведения, которые и стали основой для следующего заключения по уголовному делу:

«Основанием для его ареста было получение целого ряда сведений о его связях с монархическими организациями за границей. По данным нашей закордонной раз-

ведки Тундутов был членом монархического объединения в Будапеште, связь с которым поддерживал будучи уже в Москве, так как председатель Будапештского монархического объединения ротмистр Казем-Бек говорил одному видному монархическому деятелю (в настоящее время арестованному нами).

Далее факт, отрицаемый Тундутовым — его поездка в Варшаву в мае-июне 1921 г. с полковником Туган-Барановским, где он, по всей вероятности, вел переговоры с представителем казачества Гнилорыбовым. Перед отъездом в Россию Тундутов появился среди сторонников Кирилла[1] и предлагал им свои услуги по работе в России, но доверием их не пользовался и заданий от них не получил.

Из вышеизложенного следует, что Тундутов является безусловно контрреволюционером, монархистом, приехавшим в Россию под видом желания служить Советской власти, для чего предлагал проект репатриации калмыков, хотя последними на то уполномочен не был, на самом же деле — с несомненно шпионской целью, а потому предлагаю к Тундутову, как вредному авантюристу-реакционеру — применить высшую меру наказания — расстрел».

Такое предложение нашло необходимую поддержку, и в начале августа родился следующий документ: «Выписка из протокола заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 2 августа 1923 года. Слушали: Дело № 18175[2] по обв. Тундутова-Дундукова Дмитрия Давыдовича в контрреволюционной работе в монархических организациях за границей. Доклад т. Сосновского.

Постановили: Р А С С Т Р Е Л Я Т Ь».

---

[1] Это утверждение — не ошибка оперработника. В 1921 году у русской эмиграции было два «законных» монарха — Кирилл Владимирович и Николай Николаевич (младший) Романовы. Военные эмигрантские круги пользовались (в своем большинстве) покровительством последнего, оказывая, в свою очередь, Николаю Николаевичу должную поддержку. Напомним, что Д.Д.Тундутов продолжительное время служил у Николая Николаевича ординарцем.

[2] В ходе следствия уголовное дело супругов Тундутовых-Дундуковых меняло свою нумерацию. Напомним, что в самом его начале оно имело № 16393.

Мария-Христина Тундутова

В день повторного ареста (14 апреля 1923 года) жене Тундутова, Марии-Христине, было предъявлено обвинение, как «подозреваемой в пособничестве контрреволюционной организации и арестованной для выяснения личности, то есть в преступлении предусмотренном статьей 10 пар. 6 Уголовно-процессуального кодекса и 68 статьей Уголовного кодекса, и, принимая во внимание, что в деле не имеется тяжких улик против Тундутовой, что обвиняемая имеет постоянное место жительства и определенное занятие, поэтому нет основания опасаться препятствованию с ее стороны дальнейшему расследованию и уклонению от следствия и суда, а потому, руководствуясь 147 и 152 ст.ст. Уголовно-процессуального кодекса, постановил: в отношении названной обвиняемой меру пресечения (содержание под стражей) изменить, избрать мерой пресечения подписку о невыезде из Москвы».

В тот же день Тундутова М.-Х. была освобождена из Бутырской тюрьмы под подписку о невыезде.

20 апреля Тундутова Мария-Христина, 24 лет, уроженка города Кёльна, дочь бывшего кельнского рантье Остера, выпускница Высшей женской школы, была допрошена уполномоченным ГПУ Штейнбрюком.

В ходе допроса показала, что «...познакомилась с мужем летом 1921 г. в Кёльне, где он служил лейтенантом в английской армии, в кавалерии (оккупационная армия). Замужем 6 месяцев. Отец умер. Мать живет с тремя братьями в Кёльне, фамилия Остер, владелица нескольких домов. Главной причиной приезда мужа в Россию явилось желание увидеть семью, и в дальнейшем он думал заняться коммерческими делами. Муж должен был по приказанию английского командования ехать в Константинополь, куда он получил все документы[1].

В конце октября 1922 г. в Константинополь муж не поехал, почему — я не знаю, и мы с ним уехали из Кёльна в Берлин, с намерением ехать в Россию. До службы в Кёльне муж служил в английской армии в Константинополе. В Берлине мы жили в пансионе на Нюрнбергской

[1] Имеется в виду — откомандирован.

улице, около 10 дней. Мой муж хлопотал о получении бумаг для въезда в Россию. В ноябре 22 г. мы приехали в Петроград, где мы были два дня и муж посещал своих знакомых. По приезду в Москву мы остановились в Трубниковском переулке, в Наркомнаце[1]. Мой муж хотел получить место в АРА[2] и потом в штабе. После приезда муж был вызван в ГПУ.

Я очень мало выходила, обедали мы у знакомого мужа — Босманского. После своего посещения ГПУ муж сказал, что ему нельзя уехать из России, я с ним очень мало говорила, т.к. он был очень нервным и расстроенным. Жили мы в Москве на мои средства, которые я получила через немецкое посольство от одного банка. Средств было мало, и я писала матери, чтобы она выслала все мне принадлежащие средства и, таким образом, мы могли бы устроиться.

Брат мой, владелец домов в Кёльне, писал мне, что он предпринимает шаги, чтобы переслать мне мои деньги. Ответ я получила по почте.

По рассказам мужа он был в Будапеште, но когда — я не помню. За время моего знакомства с ним с 1921 г. я помогала ему деньгами и посылала из Кёльна в Константинополь, когда он там служил. До моего знакомства с мужем, он, по его рассказам, был во Франции, в Италии, в Англии и Египте. До моего знакомства с ним он имел свои деньги и жил на них.

Мой муж был в Баварии — когда и как долго — не знаю. Что он там делал — не знаю».

Полная неизвестность, в атмосфере которой все это время находилась жена князя Тундутова, заставляла ее время от времени писать очередное заявление. Вот одно из них:

«ГПУ

Тундутовой Марии Иосифовны

(Большой Афанасьевский пер. д.19 кв.2)

Заявление

Находясь в крайне тяжелом и безвыходном положении в связи с арестом 14-го апреля с.г. моего мужа, Дмит-

---

[1] Народный комиссариат национальностей.

[2] АРА — Американская администрация помощи — организация, созданная Г.Гувером для помощи европейским государствам, пострадавшим в годы первой мировой войны, в т.ч. и Советской России. Служила прикрытием для осуществления подрывной деятельности на территории РСФСР (СССР).

рия Давыдовича Тундутова, обращаюсь с усердной просьбой о скорейшем разрешении вопроса о причинах его ареста.

Не зная русского языка, не имея в России и в Москве ни родных, ни близких знакомых, я не имею абсолютно никаких средств к жизни и потому нахожусь в самом тяжелом материальном положении, будучи совершенно лишена возможности существовать, если мой муж не будет скоро освобожден.

Тяжелое мое положение еще более усугубляется нравственными моими страданиями от неизвестности, в чем обвиняется мой муж, и лишения его уже в течение месяца передач и белья.

Приехав в Россию в ноябре 1922 г. с разрешения Русского советского представительства в Берлине, мой муж заботился лишь о поступлении на службу и не совершал никаких противозаконных деяний.

В полной уверенности в этой и его невиновности и непричастности к каким-либо преступлениям, я обращаюсь с усердной просьбой о скорейшем разрешении вопроса о его освобождении.

25.6.23 г.»

За две недели до окончательного разрешения вопроса о судьбе бывшего Астраханского атамана участь его жены была решена. В ходе заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 20 июля 1923 г. родилось следующее постановление:

«Слушали: Дело № 18175 по обв. гр. Тундутовой Марии-Христины по 68 ст. УК. Доклад т. Сосновского.

Постановили: Выслать в Германию, предоставив свободный выезд с обязательством в недельный срок. Дело сдать в архив».

Отдел Центральной регистратуры ГПУ, спустя полтора месяца, запросил информацию об итогах выполнения решения Комиссии Наркомата внутренних дел, после чего получил исчерпывающий ответ начальника 12 отделения Московской Советской рабоче-крестьянской милиции: «На телефонограмму Вашу от 6.9.23 г. ... отделение милиции сообщает, что согласно справки участкового надзирателя т. Савчица гр.

Тундутова, проживающая в д. 19 по Б. Афанасьевскому пер., действительно выбыла из Москвы в Германию 4 августа 1923 г.».

Столь продолжительный выезд иностранки из Москвы объясняется просто — ей далеко не сразу удалось найти необходимые для отъезда денежные средства.

Исповедь

«Начальнику отделения КРО
товарищу Сосновскому
Дмитрия Давыдовича
Тундутова-Дундукова
кам. 14.

7.6.23 г.

Заявление

Прилагаю при сем мои записки. Верьте, что я вложил сюда все, что только было. Надеюсь, что Вы верите, что пишу я вполне искренне. Мое состояние здоровья ужасно. Малокровие, против чего мне в Бутырках дали впрыскивание, сейчас сильно обострилось, страшная головная боль, бессонница и ночные кошмары не дают мне покоя. Я прошу Вас, как человека, облегчить мое положение. Разрешите свидание, хоть в присутствии кого-либо, свидание с моей женой. Уже третью неделю не получаю передачу, не знаю, что с ней. Это тоже мучает меня. Разрешите ей прислать мне английский учебник или книгу и словарь. Вы меня многим обяжете, если сообщите, что с нею, здорова ли она? Я верю, гр. Сосновский, что вы поймете меня и пойдете навстречу моей этой единственной просьбе, ибо более прямо не в состоянии. Нет ни чистого белья, ни мыла, ничего. Б.Афанасьевский 19 кв.2, Арбат.

Дмитрий Тундутов-Дундуков.

РОДНЫМ АСТРАХАНЦАМ

Воспоминания 1914 — 1922 бывшего Астраханского войскового атамана Дмитрия Тундутова-Дундукова

(посвящается тем, кто умеет бороться, побеждать и прощать).

К Вам, родные, обращено слово мое. Вам я считаю

своим священным долгом рассказать, что было за эти тяжкие годы. Прочтите и верьте, что превыше всего для меня Ваше счастье, ваша жизнь...

Война объявлена. То, что висело над Европой последние годы наконец разрешилось. В день объявления войны я с моим шефом генералом Янушкевичем[1] были на спектакле в Высочайшем присутствии в Красносельском театре. Генерал Янушкевич, приказав мне ехать в Петроград и явиться на другой день утром в Генеральный штаб, сам отбыл к государю, где было назначено экстренное заседание Совета Министров. Когда я явился на другой день к генералу Янушкевичу, это было 20 июля, генерал мне сказал: «Великий князь Николай Николаевич[2] назначен Верховным главнокомандующим, я — начальником его штаба, вы будете со мной». Тем вечером мы все должны были собраться в Н. Петергоф к 9 часам, куда будет подан поезд Верховного, и откуда назначен был в ту же ночь отъезд Великого князя на фронт. Прибыв к назначенному часу в Петергоф я застал поезд уже готовым, свита Верховного уже грузилась в вагоны. Поезд Верховного состоял из вагона великого князя Николая Николаевича, где и помещался с братом Великого князя Петра Николаевича[3], вагона ресторана, вагон генерала Янушкевича, где поместился оберквартирмейстер генерал Ю.Н. Данилов[4] и я, два вагона для свиты Великого князя и вагон для конвоя. Свиту Великого князя Николая Николаевича составляли: генерал М.Е.Крупенский, полковник князь Контакузин, полковник граф Мекаден, полковник Коцебу, штабс-ротмистр Дорфельден, поручик князь Голицын и медик Малома. К отходу поезда прибыл государь, который вошел в вагон Верховного, пробыл там минут 10, после чего наш поезд тронулся.

---

[1] Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) — генерал от инфантерии, в 1914—1915 годах был начальником штаба Ставки верховного главнокомандующего. Убит восставшими солдатами в ходе революционных событий.

[2] Романов Николай Николаевич (1856—1929) — великий князь, верховный главнокомандующий Русской армией в 1914—1915 годах. С 1919 года — в эмиграции.

[3] Романов Петр Николаевич (1864—?) — великий князь, сын Николая I, генерал-адъютант.

[4] Данилов Юрий Никифорович (1866—1937) — генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем Русской армией в 1914—1915 годах. Позднее эмигрировал за границу.

Нам никому не было известно, куда мы едем, это держалось в тайне. Поезд наш шел очень медленно по графику эшелонов, чтобы не вносить беспорядка в движение войск. На третий день, часам к 4 мы подошли к станции Барановичи и тут только мы узнали, что Барановичи назначены местопребыванием Ставки Верховного главнокомандующего.

Поезд наш был подан по запасному пути к лесу графа Развадовского, верстах в полутора от станции и здесь остановлен. В домике управляющего было помещено отделение генерал-квартирмейстера. Вечером того же дня прибыл сюда второй поезд с офицерами Генерального штаба с дежурным генералом Кондзеровским во главе. День в ставке проходил так: утром все те, кто прибыл с поездом Верховного главнокомандующего собирались к 9 часам в вагон-столовую, где пили кофе. После кофе Великий князь шел в домик управляющего, где выслушивал доклад генерала Янушкевича и генерала Данилова. Доклад этот продолжался до 11,5 часов, после чего Великий князь гулял по саду с лицами своей свиты или с кем-нибудь из иностранных военных агентов. В то время союзные правительства были представлены в ставке следующим образом:

Англия — генерал Вильямс и полковник Нокс; Франция — генерал маркиз де Лакиш, Бельгия — генерал барон Рикль, Япония — генерал Оба и генерал Накашима, Сербия — полковник Лонткевич и Италия — полковник Рополо и полковник Морсеньо.

В 12,5 в вагоне-столовой подавался обед, к которому, кроме чинов свиты и военных агентов, приглашались по очереди офицеры генерального штаба. Обед был всегда очень скромный, подавалось только красное и белое вино.

После обеда Верховный уходил к себе в вагон отдыхать, а генерал Янушкевич принимал доклады начальников отделов и управлений. В 4 часа в вагоне-столовой накрывался чай, после которого генерал Янушкевич шел с докладом к Верховному главнокомандующему, после чего Великий князь уезжал на автомобиле кататься, а генерал Янушкевич уходил гулять или ездил со мною верхом. В 8 часов накрывался ужин, который состоял из 3 блюд и кофе, тоже только с красным и белым вином или мадерой. После ужина Верховный главнокомандующий с генералом Янушкевичем и генералом Даниловым шел на прямой провод, который соединял ставку со штабами

главнокомандующих фронтами и принимал доклады о положении на фронтах и делал соответствующие распоряжения.

После блестящего наступления и прорыва австрийского фронта генералом Рузским[1], наступили дни тяжелых неудач: армия Ранненкампфа потеряла половину состава. К этому времени на фронте начался ощущаться недостаток в снарядах. Верховный главнокомандующий требовал снаряды от военного министра, но это не помогало. Я помню такую фразу Верховного: «Стоит мне что-нибудь просить у Сухомлинова[2], он сделает наоборот». Все больше и больше начало чувствоваться в ставке недовольство военным министром, но пока до открытого конфликта не доходило. Великий князь вызывал несколько раз Родзянко[3] и Гучкова[4], просил их мобилизовать общественные силы, чтобы помочь армии, ибо положение уже к весне 1915 года было трагедийное: наши батареи на неприятельский огонь могли только отвечать одиночными выстрелами. Наконец, по настоянию Верховного главнокомандующего военный министр генерал Сухомлинов был смещен и на его место назначен талантливый и энергичный генерал Поливанов. Но что он мог сделать в данную минуту?

Тем не менее, благодаря его энергии снабжение фронта снарядами стало более интенсивным и наша артиллерия начала как будто оживать. Но все-таки положение на фронте продолжало оставаться грозным. Гвардия почти целиком легла на полях Иван-города и Ломяси и наши армии медленно откатывались, очищая немцам Варшаву и Польшу.

---

[1] Рузский Николай Владимирович (1854—1918) — генерал от инфантерии, в первую мировую войну командовал 3-й армией и группой армий Северного фронта. Убит в ходе гражданской войны на Северном Кавказе.

[2] Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал от инфантерии, военный министр России в 1909-1915 годах. В эмиграции с 1918 года.

[3] Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — крупный помещик, один из лидеров октябристов. Депутат 3-й и 4-й Государственных Дум, после октябрьского переворота — председатель Временного комитета Думы. Позднее эмигрировал.

[4] Гучков Александр Иванович (1862—1936) — лидер партии октябристов, депутат и председатель 3-й Государственной Думы. В 1917 году — военный и морской министр российского Временного правительства. Позднее — в эмиграции.

Внутри России тоже было неблагополучно. Влияние Распутина[1] волновало умы, имя государыни Александры Федоровны произносилось с ненавистью. Все общественные деятели и Государственная Дума были подавлены тупой политикой Горемыкина, ведомого темной рукой. И вот в эту минуту Верховный главнокомандующий требует экстренного заседания Совета министров. 15 августа в Барановичи прибыл государь и весь Совет министров. 16 августа государь и министры отбыли в Петроград. На этом совещании, как рассказывал мне Янушкевич, Великий князь требовал ответственного министерства со Львовым[2], Гучковым и Родзянко во главе, говоря, что раз мы требуем от народа напряжения и жертв, мы должны идти навстречу его желаниям и считаться с мнением его избранников — Государственной Думой.

Это совещание привело к победе мысли, высказанной Верховным главнокомандующим. Государь отбыл в Царское Село с тем, чтобы дать соответствующий манифест. Между тем наша армия уже откатилась до Седлеца. Верховный приказал перевести ставку в город Могилев.

19 вечером наш поезд прибыл в Могилев. Великий князь, его свита и генерал Янушкевич и я поместились в губернаторском доме. Генерал-квартирмейстерская часть штаба — рядом во флигеле.

Все эти дни все с нетерпением ждали обещанного манифеста. Наконец, 26 августа, когда я был дежурным, подъезжает автомобиль, из которого выходит военный министр генерал Поливанов. «Доложите Верховному о моем приезде» — говорит он. Великий князь немедленно принимает его. Генерал Поливанов пробыл у Верховного минут 10—15, быстро вышел, простился с нами и в ту же ночь выбыл обратно в Петроград. Великий князь вызвал немедленно генерала Янушкевича и протопресвитера отца Георгия Шавельского[3]. Беседа эта длилась около часа.

---

[1] Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864?—1916) — тобольский крестьянин, «прорицатель-чудотворец», пользовавшийся безграничным доверием семьи Николая II. Был убит в ходе заговора монархистов.

[2] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — крупный помещик, депутат 1-й Государственной Думы. Первый глава Временного правительства. После революции — в эмиграции.

[3] Шавельский Георгий (1871—1951) — с 1911 года главный протопресвитер русской армии и флота. Позднее — в Добровольческой армии.

В это время, чувствуя что-то необычное, все мы собрались в зале у дверей Верховного. Дверь отворилась, выходит Великий князь, возбужденный. «Господа, я уже не Верховный главнокомандующий, государю императору благоугодно было принять самому верховное предводительство армией и флотом, я же назначен главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказа».

Итак, свершилось, темная сила поборола великого князя, манифест был отвергнут, а сам Великий князь удален в почетную ссылку. В эту памятную для нас ночь никто не ложился спать. Около 3 часов генерал Янушкевич вызвал меня к себе. «Пойдемте гулять в сад» — предложил он. Была чудная, осенняя, теплая, лунная ночь. Внизу серебрился Днепр. Мы с Янушкевичем стояли у балюстрады веранды, над берегом Днепра. «Может быть, мы сделали ужасную ошибку» — проговорил взволнованно Янушкевич. «Помните, в ту ночь, когда я вернулся из Красного Села, я проехал прямо в Управление Генерального штаба. В 2 часа ночи звонок телефона, я подхожу. У аппарата государь. «Отмените мобилизацию» — слышу приказ государя. «Слушаюсь, сейчас узнаю, если приказ о мобилизации еще не разослан, отменю». Прервав этот разговор, звоню к Сазонову[1] и говорю: «Как быть? Сейчас только получил приказ государя отменить мобилизацию». «Доложите, что уже поздно, мобилизация уже в ходу» — отвечает Сазонов. Я позвонил в Петергоф и доложил, что поздно, мобилизация на ходу, отменить уже невозможно, а пакет еще лежал у меня на столе. Неужели мы совершили ужасную ошибку, что еще ждет бедную Россию впереди» — закончил генерал в раздумье.

Через два дня Великий князь, Янушкевич, как его помощник по военной части, свита Великого князя, куда назначен был и я, в качестве ординарца главнокомандующего, покинули Могилев. Великий князь перед Тифлисом отбыл в Першино Тульской губернии в разрешенный ему месячный отпуск, а мы получили приказание явиться в Тифлис к 25 сентября.

На Кавказе население встретило нового наместника, в особенности грузины ждали перемены политики.

---

[1] Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) — министр иностранных дел России в 1910—1916 годах. Позднее — министр в составе правительств Деникина и Колчака, представитель белого движения во Франции. После 1920 года — в эмиграции.

Старый наместник граф Воронцов-Дашков поддерживал всегда армян. Помощником великого князя по гражданской части был назначен кн. В.Н.Орлов, тоже из-за Распутина попавший в опалу. Командующим Кавказской армией был генерал Юденич, начальником его штаба ген. Болховитинов и генерал-квартирмейстер генерал Томилов, армия была небольшая, так что великий князь, как главнокомандующий и наместник, оставался все время в Тифлисе, лишь изредка выезжая на фронт. Так он посетил раз Саракамыш и Эрзерум, после его взятия, а остальное время всецело был занят управлением Кавказским краем.

Чувствовалась глубокая обида на государя, а великая княгиня и не скрывала своей неприязни к государю и государыне Александре Федоровне. «Россией правят темные силы» — говорила она не раз. Сам великий князь Николай Николаевич открыто это не говорил, но ясно чувствовалось, что его отношения с государем кончены. За это время великий князь сильно постарел, ему и лет было уже немало, шел уже 64-й год. «Вот кончится война, уеду к себе в Першино разводить кур», говорил он, «стар я уже, послужил и довольно».

Наступила осень 16 года, в России делалось что-то невероятное. Министры сменялись один за другим. О влиянии Распутина на государственные дела говорили открыто всюду и везде. Глухое недовольство перекинулось и на фронт — в офицерскую среду. Было ясно, что дальше так продолжаться не может. Страна накануне взрыва справедливого негодования. Раздался выстрел Юсупова[1] и Пуришкевича[2], Распутина убрали, но было поздно, общее недовольство перенеслось на государя и государыню, и это недовольство захватило не только народные массы, но и всю интеллигенцию и офицерство.

Наконец 27 февраля 1917 года — Великая Российская Революция. Царская власть была сметена в несколько часов. Назначенный последним манифестом на пост Верхов-

---

[1] Юсупов (Сумароков-Эльстон) Феликс Феликсович (1856—?) — генерал-лейтенант, родственник Николая II. Организатор убийства Г.Распутина в 1916 году. С 1917 года — в эмиграции.

[2] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — монархист, один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила-Архангела», депутат 2—4-й Государственных Дум. Участник убийства Г.Распутина.

ного главнокомандующего, великий князь был устранен от этой должности Временным правительством и выбыл на жительство в Крым в свое имение «Дюльбер» около Ялты.

1 апреля 1917 года в г. Астрахани собрался национальный съезд калмыцкого народа. Задачами съезда было устройство административного управления калмыцкой области, ибо старый аппарат в лице попечителей был упразднен революцией. Смешно верить, в 20-м веке целый народ признавался за несовершеннолетнего и управлялся попечителями, кстати сказать, набранными из бывших полицейских, в большинстве случаев пьяниц и взяточников. По решению съезда во главе народа был поставлен Центральный исполнительный комитет, в состав которого вошли: Б.Э. Криштафович, как председатель, Очиров — товарищ председателя, Баянов, я и Баскомясин, как члены. С места резко обозначились два течения: одно, возглавляемое Баяновым, кадетом по убеждениям, другое — Очировым — калмыцким националистом, ко второму течению примыкал и я.

Против нашего желания был проведен в председатели Б.Э.Криштафович, бывший главный попечитель калмыцкого народа, зять пресловутого генерала Думбадзе. Положение ЦК было трудное: полное отсутствие денег, бесконечные распри с соседними крестьянскими селами из-за земли и упорное противодействие всем начинаниям со стороны части духовенства и купцов, кулаков. Эта часть населения была против школ и образования. Ничем не помогала нам, а наоборот — агитировала и интриговала против. Временное же правительство, само погруженное в реформы, ничем нам помочь было не в состоянии. Было ясно, что одному калмыцкому народу выйти из создавшегося тупика было не в состоянии. И вот у нас с Очировым возникла мысль соединиться с Астраханским казачеством, ибо уже тогда на казачьих кругах поговаривали о создании Союза казачьих областей и горских народов Кавказа. Эта мысль нашла сочувствие в лице атамана Терского войска М.А.Караулова.

В октябре 1917 года в г. Владикавказе состоялся съезд делегатов казачьих войск Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, в состав коего был принят калмыцкий народ, народы Чечни, Ингушетии, Кабарды и Дагестана. Был образован союз, который именовался: «Юго-Восточный союз казачьих войск, горских народов и воль-

ных народов степей». Было избрано правительство, в которое вошли: Харламов[1], в качестве председателя, и Епифанов — от Войска Донского, Чермоев[2] и Бамматов — от Чечни и Дагестана, Джабагиев — от Ингушетии, я и Скворцов — от Астраханского войска, Коцев — от Кабарды, Караулов Николай и Вертепов — от Терского войска, Макаренко[3] и Калабухов[4] — от Кубани.

Правительство это выпустило декларацию. Здесь говорилось: «Впредь до созыва Учредительного собрания, территория Юго-Восточного союза объявляет себя автономной и, не вмешиваясь в судьбы Центральной России, мыслит себя ее составной частью, как федерация. Краем управляет Объединенное правительство, которое составляется по 2 члена, делегируемых подлежащими правительствами в его состав, и ответственно перед Юго-восточным съездом, созываемым два раза в год в осенней и весенней сессии. Члены этих съездов избираются подлежащими войсковыми кругами и народными собраниями».

Резиденцией правительства Юго-Восточного союза был избран г. Екатеринодар, куда к концу октября 1917 года и переехало. Заседания правительства происходили в зале 1 отдела атаманского дворца, а затем и весь нижний этаж был освобожден для канцелярии и секретарской части Объединенного правительства. Одной из первых забот правительства было установление дружественных отношений с республиками Закавказья. Для выполнения этого задания туда выехал Харламов, председатель правительства, а затем были командированы Бамматов и я.

По приезду в Тифлис мы имели совещание с Грузинским правительством, которое возглавлялось тогда гг. Чхен-

---

[1] Харламов Василий Акимович (1875—1957) — депутат 4-й Государственных Дум, в 1919-1920 годах — председатель Донского войскового круга. В эмиграции с 1920 года.

[2] Чермоев Абдул Меджид Орцуевич (1882—1936) — в годы первой мировой войны офицер Дикой дивизии. Позднее — член «Союза объединенных горцев Кавказа» и «Горского правительства». С 1919 года — в эмиграции.

[3] Макаренко Иван Лукич (1882—1945) — уполномоченный Кубанского краевого правительства при Всевеликом войске Донском в 1918—1919 годах. Председатель Рады в октябре-ноябре 1919 года. С 1920 года — в эмиграции.

[4] Калабухов (Кулабухов) Алексей Иванович (1880—1919) — в 1917—1919 гг. член Кубанской краевой Рады и делегации Рады на Парижской мирной конференции 1919 года. После возвращения из Парижа 20 ноября 1919 года был повешен по приказу Деникина.

кели[1] и Рамишвили. Грузинское правительство вполне было согласно с теми положениями, которые выдвинуло Объединенное правительство, и в конце декабря было выработано соглашение, которым обе стороны признали друг друга, и, впредь до выяснения событий в Центральной России, признавали друг друга самостоятельными единицами, входящими в будущем в Российскую Федерацию, как автономные, самоуправляющиеся области. Во время пребывания нашего в Тифлисе нам стало известно о падении Донского правительства, смерти Донского атамана ген. Каледина. Одновременно с этим и Объединенное правительство покинуло Екатеринодар. Таким образом, нам не было смысла возвращаться на Северный Кавказ и мы остались в Тифлисе, куда, в скором времени прибыли и тов. Председателя правительства Чермоев и Коцев.

В начале марта началась оккупация Украины германскими войсками. Киев был занят штабом главнокомандующего генерал-фельдмаршалом Эйхгорна[2]. В середине марта германская делегация во главе с генералом фон Лоссов прибыла в Батум. Германская делегация, кроме генерала фон Лоссов, состояла из его заместителя гр. Шуленбурга, с которым я был хорошо знаком еще по Петрограду, когда он был секретарем Германского посольства, полк. Руткирх и ротмистр Гнезенау. Для переговоров с германской делегацией в Батум отбыли г.Чхенкели, а от Объединенного правительства Бамматов и я.

Нам точно были неизвестны ни намерения Германского главного командования, ни те задания, которые были даны грузинским правительством господину Чхенкели. Объединенное же правительство поручило нам изложить Германскому командованию положение и взгляды Объединенного правительства Юго-Восточного союза и ознакомиться, как только возможно, с дальнейшими планами Германского командования, ибо до нас доходили неофициальные сведения, что Донская область и Кубанская включены в состав Украины и будут оккупированы.

---

[1] Чхенкели Акакий Иванович (1874—1959) — член РСДРП с 1898 года, впоследствии — один из лидеров грузинских меньшевиков. Депутат 4-й Государственной Думы. В 1917 году — представитель Временного правительства в Закавказье. С 1918 года — председатель временного Закавказского правительства, позднее — министр в правительстве Грузии. С 1921 года — в эмиграции.

[2] Эйхгорн Герман фон (1848—1918) — генерал-фельдмаршал, в 1917—1918 годах командовал группой армий в Прибалтике, Белоруссии и Украине. Был убит эсэровскими боевиками.

В Батуме мы пробыли до апреля. В течение этого всего времени генерал фон Лоссов сносился с Константинополем, а самый Батум был оккупирован турецкими войсками Нури-паши. На наши запросы и обращения генерал фон Лоссов, очевидно, не мог еще ответить, ибо он ссылался на то, что не может никак получить из Константинополя соответствующие инструкции.

Наконец, в середине приблизительно апреля, генерал фон Лоссов вызвал господина Чхенкели, Бамматова, меня и др. членов грузинской делегации и предложил нам выехать с ним в Берлин для личных переговоров, как сказал он. Делегации выразили свое согласие и мы отбыли на германском пароходе в Констанцу, куда был подан экстренный поезд, и через двое суток через Бухарест, Будапешт и Прагу мы прибыли в Берлин. В Берлине делегации были отведены покои в отеле «Адлон».

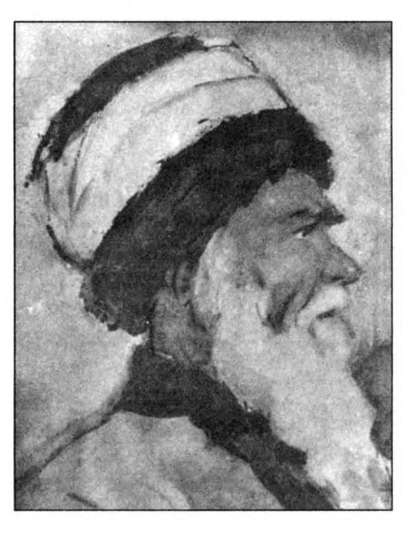
На третий день по приезду в Берлин, германский Министр иностранных дел господин Кюльманн, назначил нам прием. К этому времени Чхенкели выработал меморандум, где излагалось вкратце состав и численность населения и границы республик Грузии и Юго-Восточного союза, декларация обоих правительств и протест против включения Кубанской области и части Донской в состав Украины.

Господин Кюльманн очень внимательно выслушал делегацию, причем весь разговор вел господин Чхенкели, и обещал рассмотреть в скорейшем времени положения делегации. Приблизительно через неделю после этого приема генерал фон Лоссов, обращаясь к нам, сказал: «По всей вероятности, вы ничего ясного и конкретного от министерства иностранных дел не добьетесь, я возбудил ходатайство о приеме Вашем в ставке Верховного командования и аудиенции у Императора Вильгельма[1]».

Через несколько дней благоприятный ответ был получен, и в тот же вечер в сопровождении генерал фон Лоссов, мы отбыли в Спа, где была расположена Германская ставка. По прибытии в Спа, мы были приняты генерал-квартирмейстером Германского штаба генералом

---

[1] Вильгельм II (1859—1941) — германский император и король Пруссии с 1888 года. С 1918 года — в изгнании.

Шейх Али-Гаджи-Акушинский, вождь повстанцев в Дагестане, 1918—19 гг.

Людендорфом[1], который нам объявил, что на завтра нам назначена аудиенция у императора, который в данное время находится в Авесне и куда мы должны выехать завтра утром на автомобиле. Затем генерал Людендорф заинтересовался Северным Кавказом, казачеством и горскими народами и просил приготовить ему меморандум, аналогичный тому, который был передан господину Кюльманну. После приема, генерал Людендорф пригласил нас к завтраку в офицерское казино.

В 12,5 часов мы были в казино. Тут уже собралось довольно много офицеров штаба, но за стол еще не садились, ждали фельдмаршала Гинденбурга[2] и генерала Людендорфа. Ровно в 1 час дня показалась массивная фигура германского главнокомандующего, который шел, опираясь на трость, рядом с ним шел генерал Людендорф. Мы были немедленно представлены генералом фон Лоссовым фельдмаршалу. Фельдмаршал внимательно поздоровался со всеми нами, сказал, что он рад видеть представителей Кавказа и казачества у себя и пригласил нас к столу. На время завтрака мы сидели между Гинденбургом, Людендорфом и генералом Паркенсверфер, обер-квартирмейстером штаба. Фельдмаршал и Людендорф, видимо, очень интересовались Кавказом и Закавказьем, спрашивали подробно, какие племена населяют Кавказ, какое количество населения, сильно ли пострадало население от войны и т.д.

По окончании завтрака фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф простились с нами, еще раз напом-

---

[1] Людендорф Эрих (1865—1937) — генерал, помощник П.Гинденбурга во время первой мировой войны.

[2] Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — генерал-фельдмаршал, с августа 1916 года — фактический главнокомандующий Восточным фронтом и армией Германии.

нив, что утром мы должны выехать на аудиенцию к императору и после аудиенции мы можем прямо вернуться в Берлин.

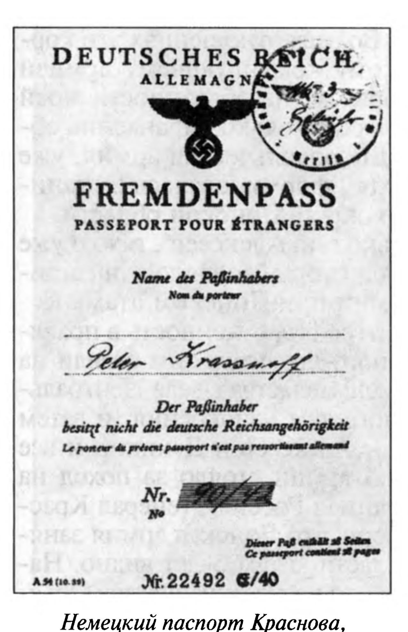
Утром рано на следующий день был подан автомобиль. Нам предстояло проехать 110 верст по шоссе в Авесне. Шоссе было довольно плохое, избитое грузовиками, так что скоро идти было нельзя. Около 12 дня мы выехали в Авесне. Авесне представляет собою маленькую французскую деревушку, сильно пострадавшую от артиллерийского обстрела.

Бывший атаман Войска Донского П.Н. Краснов

Мы проехали деревушку и свернули в лес, направо, где и остановились. Здесь я увидел поезд, который стоял на запасном пути, проведенном по лесу, тут же напротив поезда была разбита палатка. Этот поезд был германского императора. Мы соскочили с автомобиля и под предводительством генерала фон Лоссова направились к палатке. Не успели мы сделать и 10 шагов, как навстречу нам показался сам император. Генерал фон Лоссов представил нас. Император милостиво поздоровался со всеми и знаком предложил сесть на скамейку на площадке перед палаткой.

Император спросил, когда и как мы приехали, подробно опять расспрашивал о Кавказе и казачестве, о жизни там причем проявил большую осведомленность о тех племенах, которые населяют Кавказ. «Какая ужасная ошибка, что мы соседи и воевали друг против друга» — несколько раз повторил император. В 1 час был сервирован в палатке завтрак. Мы были посажены по левую руку императора. Во время завтрака было подано шампанское, император Вильгельм поднял бокал за процветание Юго-востока и Кавказа и за установление дружеских отношений между Германией и Россией.

По окончании завтрака император сказал: «Возвращайтесь в Россию, все указания мною преподаны гене-

DEUTSCHES REICH
ALLEMAGNE

FREMDENPASS
PASSEPORT POUR ÉTRANGERS

Name des Paßinhabers
Nom du porteur

Peter Krasnoff

Der Paßinhaber
besitzt nicht die deutsche Reichsangehörigkeit
Le porteur du présent passeport n'est pas ressortissant allemand

Nr. [redacted]
No

№ 22492 G/40

Немецкий паспорт Краснова, сотрудничавшего позднее с гитлеровцами.

рал-фельдмаршалу Эйхгорну, который сейчас в Киеве и ведет переговоры с донским атаманом Красновым». Тут только впервые мы услышали, что есть уже новый Донской атаман и правительство Войска Донского. Пожелав нам счастливого пути, император простился с нами и направился к своему вагону. Мы сели в автомобиль и тронулись в обратный путь. В Берлине Чхенкели и грузинская делегация осталась еще на несколько дней, а я, откланявшись генералу фон Лоссову, выехал в Киев.

В Киеве в это время был уже гетман Скоропадский[1]. Так как дел у меня никаких уже не было, я пробыл в Киеве всего несколько часов и выехал в Ростов-на-Дону.

В Ростове я встретил председателя Астраханского войскового правительства Б.Э.Криштаровича, который уже отдал приказ о пребывании астраханского правительства временно в Новочеркасске, и предложил мне вступить в исполнение своих прямых обязанностей, как войскового атамана Астраханского казачьего войска, ибо предшественник мой генерал Бирюков был неизвестно где. Тут же в Ростов в скором времени прибыли члены Объединенного правительства Юго-восточного союза Коцев, Макаренко, Шахим-Гирей, члены же этого правительства Харламов и Епифанов были уже в Новочеркасске.

В июне месяце Донской атаман ген. Краснов отдал приказ о формировании трех корпусов: Воронежского генерала Иванова, Саратовского полковника Маныкина и Аст-

[1] Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-лейтенант, глава военных формирований Центральной Рады. С апреля по декабрь 1918 года — гетман Украины. Эмигрировал в Германию в 1918 году.

раханского генерала Павлова[1]. Во всех отношениях эти корпуса были подчинены Донскому командующему армией генералу Денисову[2], таким образом, на обязанности моей и войскового правительства лежало только управление областью и снабжение фронта. Добровольческая армия, уже вернувшаяся с Ледяного похода[3], формировалась в станице Мечетинской, Черкасского округа Донской области.

В Новочеркасске жил только ген. Алексеев[4], тяжко уже больной, и генерал Эльснер[5], который являлся представителем Добровольческой армии при Донском атамане.

Теперь уже стала чувствоваться разрозненность в правящих кругах: члены Объединенного правительства стояли на прежней точке зрения, т.е. невмешательства в дела Центральной России и ожидании полного там успокоения, и затем федерирования с нею; генералы Алексеев и Деникин и все командование Добровольческой армии стояло за поход на Москву и лозунг «Единая неделимая Россия», генерал Краснов не высказывался ясно, говоря, что Донская армия занята освобождением Донской области, а там будет видно. Наконец в середине июля 1918 года по настоянию членов Объединенного правительства Юго-Восточного союза, генерал Краснов назначил в атаманском дворце заседание, куда были приглашены все наличные члены Объединенного правительства, а именно: Коцев, я, Макаренко, Харламов, Епифанов, Шахим-Гирей, Скворцов, Белоусов и Джабалиев.

---

[1] Павлов Александр Александрович (1867—?) — генерал-лейтенант, в 1917—1920 гг. командовал 6-м Кавказским и 4-м Донским корпусами. Позднее — эмигрировал в Турцию.

[2] Денисов Святослав Варламович (1878—1957) — генерал-лейтенант, активный участник белого движения на юге России. С 1919 года — в эмиграции.

[3] Ледяной (или 1-й Кубанский) поход — предпринятый Добровольческой армией и частями Всевеликого войска Донского боевой поход на Кубань, начатый в феврале 1918 года в обстановке реальной угрозы разгрома антибольшевистских сил Красной гвардией. Позволил не только сохранить костяк Добрармии, но и Донское правительство. Позднее для участников Ледяного похода был учрежден специальный знак, в виде креста, обвитого терновым венцом. Участников этих событий неофициально называли «первопоходниками».

[4] Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал от инфантерии, на 1917 год — начальник штаба верховного главнокомандующего в правительстве Керенского, позднее — один из создателей Добровольческой армии.

[5] Эльснер Евгений Феликсович (1867—1930) — генерал-лейтенант, в 1918—1919 годах — представитель Добровольческой армии при Всевеликом войске Донском. С 1920 г. — в эмиграции.

Генерал Алексеев

Мы выдвинули вопрос о восстановлении Юго-восточного союза в тех границах, которые были указаны в соглашении во Владикавказе, и проведении тех начал, которые были высказаны в декларации Объединенного правительства. Генерал Краснов согласился с нами, и было постановлено вызвать Кубанского атамана генерала Филимонова[1], который был в ставке Добровольческой армии в Мечетинской, дабы оформить наше заседание подписью Кубанского атамана и правительства. Три телеграммы и курьер, посланный в Мечетинскую, вернулись без результата: генерал Филимонов был всецело под влиянием генерала Деникина и генерала Романовского[2], был противником Юго-Восточного союза и всецело стоял на платформе Добровольческой армии и за ее лозунг «Единая, неделимая».

Одновременно с этим в газетах, разделявших точку зрения Добровольческой армии, в особенности, «Новое время», поднялась травля членов Объединенного правительства. Нас называли сепаратистами, изменниками Рос-

---

[1] Филимонов Александр Петрович (1866—1948) — генерал-лейтенант, в 1917—1919 годах — войсковой атаман Кубанского казачьего войска. Позднее — в эмиграции.

[2] Романовский Иван Павлович (1877—1920) — генерал-лейтенант, в июне–сентябре 1917 года — 1-й генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандовании Русской армии. В августе 1917 года поддержал мятеж Корнилова, за что был арестован. Бежал на Дон, где принял участие в формировании Добровольческой армии генерала Алексеева. С февраля 1918 года — начальник штаба Добрармии. С января 1919 года по апрель 1920 года — начальник штаба Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В эмиграции с 1920 года; убит в Стамбуле русским поручиком М.Харузиным 5 апреля 1920 года, в здании русского посольства в Константинополе.

сии, германскими агентами, доставалось по дороге и Краснову. В особенности неиствовал в «Новом времени» Борис Суворин[1]. Антагонизм между казачьими верхами и командованием Добровольческой армии усиливался и начал проникать уже в фронтовые части. «Что же это такое, собрались кацапские генералы и верховодят Доном», не раз говорили казаки.

Члены круга, тоже недовольные политикой командования Добровольческой армии, несколько раз обращались с запросом к Донскому атаману с просьбой выяснить создавшееся положение. На это генерал Краснов неизменно отвечал: «Ничего особенного, простые интриги». Он был прав: официально при нем был генерал Эльснер, представитель Добровольческой армии, генерал Алексеев был в наилучших с ним отношениях, а на самом деле против него велся самый настоящий подкоп, командование Добровольческой армии не брезговало никакими средствами, лишь бы только подорвать авторитет Донского атамана.

Председатель Донского войскового круга и председатель Объединенного правительства Харламов, недовольный нерешительной политикой Краснова в вопросе Юго-восточного союза, тоже перешел на сторону противников Краснова и создал группу членов круга, требующих смещения Краснова с атаманского поста, и замену его генералом Богаевским[2].

Наступила осень 1918 года. Германия была раздавлена. Германские войска получили приказ эвакуировать Украину и Донскую область. В Ростове появились союзные миссии. Первой прибыла английская миссия с полковником Киисом во главе. Вслед за нею приехали французы с капитаном Эрлишем. Положение генерала Краснова сразу пошатнулось: его считали германофилом, и вот командование Добровольческой армией, дабы окончательно сломить Краснова, раздувало германскую ориентацию Краснова перед всеми прибывающими союзными миссиями. Наконец, в декабре 1918 года в Екатеринодар прибыл генерал английской службы Пул.

---

[1] Суворин Борис Алексеевич — сын известнейшего российского издателя А.Суворина. В 1918—1920 гг. издавал газету «Новое время».

[2] Богаевский Африкан Петрович (1873—1934) — генерал-лейтенант, в 1918—1919 гг. — председатель Донского правительства. С февраля 1919 года — атаман Всевеликого войска Донского. С 1920 года — в эмиграции.

Самокатчики

Им сейчас же был выдвинут вопрос о едином командовании и подчинении Донской армии командованию Добровольческой армии.

В конце декабря на ст. Кущевка состоялось свидание Донского атамана генерала Краснова с генералом Пулом. Разговор, передают очевидцы, принял очень резкий оборот. Краснов вначале и слышать не хотел о подчинении Дона Добровольческой армии, и, наконец, когда генерал Пул пригрозил, что в случае его, Краснова, упорства, союзники вынуждены будут прекратить снабжение армий Юга и оставить на произвол судьбы, Донской атаман уступил и признал главное командование Добровольческой армии.

Через несколько дней Деникин отдал приказ, которым принял на себя звание главнокомандующего вооруженными силами на Юге России. В середине января в Новочеркасске был собран войсковой круг, который выразил недоверие командующему Донской армией Денисову, а когда за Денисова вступился Краснов, то и ему. Краснов покинул свой пост, а Донским атаманом был избран генерал А.П.Богаевский.

Между тем переход высшей власти на Юге России в руки генерала Деникина сразу дал себя знать. Начались репрессии против членов Кубанской Рады, против членов Объединенного правительства. Сама мысль о создании Юго-восточного союза почиталась изменой. Править Северным Кавказом был назначен генерал Эрдели[1], человек, с Кав-

казом совершенно не знакомый и мало им интересовавшийся, а помощником его сенатор Стремоухов. Над народами Кавказа были назначены правители, но в правители были назначены лица совершенно не популярные в массе, но зато слепо послушные воле Деникина.

Недовольство росло и росло. Деникин совершенно перестал считаться с пожеланиями войсковых кругов и Рады. Наконец, накопившееся за год недовольство друг другом, вырвалось. Громовым приказом генерал Деникин объявил членов Объединенного правительства Чермоева, Бамматова, Быча[2], Макаренко — изменниками России и присудил их заочно к смертной казни, а бывшего случайно в Екатеринодаре члена Объединенного правительства Калабухова — повесил тут же на Красной площади.

Недовольство Деникиным и его политикой передалось в армию, в казачьи полки, усилилось дезертирство.

В Астраханском войсковом правительстве борьба казачьих верхов с главным командованием тоже нашла отклик. Председатель Астраханского войскового круга Ляхов, исполнявший при мне обязанности председателя войскового правительства Б.Э.Криштафович, члены правительства Астахов и Баянов стали открыто на сторону Деникина, обвиняя меня и помощника моего Очирова в национализме и сепаратизме. Насчет сепаратных наших планов и вожделений они написали целый даже доклад, обвинив меня попутно в германофильстве.

Условия работы создались невероятные, да и хорошего ничего ожидать было нельзя, и вот 8 февраля 1919 года я созвал экстренное заседание правительства и заявил им о сложении мною своих полномочий и передал их председателю правительства Ляхову. Немного спустя Деникин издал приказ, по которому мне и Очирову воспрещался выезд в казачьи области и мы выселялись из пределов Северного Кавказа, Астраханской и Ставропольской губерний.

Я взял заграничный паспорт, сел на итальянский пароход в Новороссийске и уехал за границу.

---

[1] Эрдели Иван Георгиевич (1870—1939) — генерал от кавалерии, активный участник гражданской войны на юге России. Позднее — в эмиграции.

[2] Быч Лука Лаврентьевич (1870—1945) — председатель Кубанского краевого правительства с 1917 года, позднее — глава кубанской делегации на Парижской мирной конференции (1919 г.), после которой остался в эмиграции.

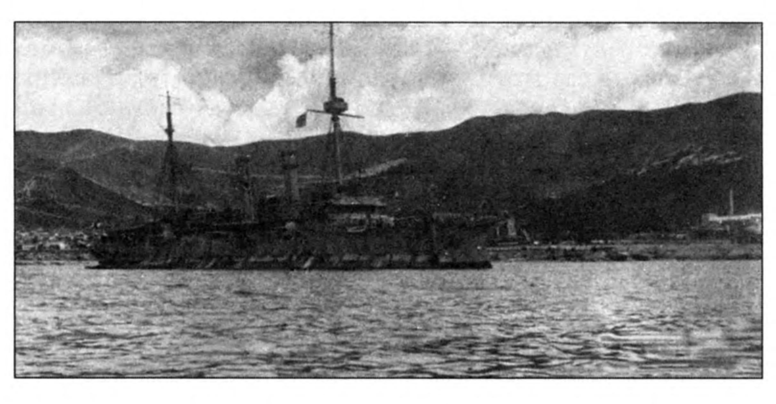

Красные появились с правого фланга

1919 и 1920 годы я пробыл в Париже. Армия Деникина, как и следовало ожидать, была разгромлена, сам Деникин позорно, один из первых, забрался на английский крейсер и оттуда уже давал свои последние распоряжения армии, которая еще была под Екатеринодаром. Знали мы в Париже, что в Крыму еще держится Врангель и Слащев, но, откровенно говоря, мало этим интересовались. Оригинальную картину в смысле русского представительства давал в эти годы Париж. Русское посольство, возглавляемое послом Маклаковым, говорившим и писавшим по уполномочию Временного Российского правительства, которого и в помине не было; полномочный представитель Врангеля — генерал Щербачев[1], имевший при себе целый штаб; посол Всевеликого войска Донского — Харламов; посол кубанский — Быч; посол и председатель Горского правительства Северного Кавказа Чермоев и заместитель его Джабагиев; полномочный представитель атамана Семенова — генерал Сахаров; посол Грузии — тот же Чхенкели; представитель Петлюры и т.д. и т.п. Одним словом, куда ни взглянешь, все послы и послы.

Все эти посольства и посольчики были на ножах друг с

[1] Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932) — генерал от инфантерии, с 1919 года — главный военный представитель Колчака в Париже. Позднее — в эмиграции.

Новороссийск. Английский крейсер у цементного завода

другом и воображаю, как нелегко было справляться с ними несчастному монсиньору Леглуа, заведующему русским отделом Министерства иностранных дел. Впрочем, вначале всем этим посольствам жилось недурно, но с течением времени, когда правительства их стали экономнее, послы уже простились с автомобилями, постепенно меняя более шикарные отели на менее и вот, когда уже в конце 1920 года я встретил Харламова, он жил в ужасной гостинице в Латинском квартале. Очевидно, финансы Всевеликого войска Донского были далеко не в блестящем состоянии.

Осенью 1921 года, в сентябре, волей судеб я очутился в Константинополе. В это время Константинополь был переполнен русскими беженцами из Крыма и остатками Врангелевской армии. Трудно даже себе вообразить, до чего в ужасном состоянии были эти люди: оборванные, бледные, изможденные бродили русские толпами по Пера, возбуждая жалость и отвращение иностранной публики.

Сравнительно хорошо устроились наши казаки и калмыки астраханцы: по ходатайству «Общества помощи буддистам России»[1] калмыки были приняты кучерами и погонщиками в английский обоз на должности сивилиэнс драйверс в Ар Эй Эс Си. Получали они рядовые по 32 лиры на всем готовом, а форманы — 65 лир в месяц, так что имели возможность помогать всем неимущим и инвалидам. По приезде в Константинополь я поселился в об-

---

[1] Второе обозначение данного объединения — «Союз помощи буддистам России».

Атаман Анненков (стоит в центре) с казаками своего партизанского отряда. Среди них— калмыки

щежитии «Союза помощи буддистам России». Председателем союза был в это время господин Чонов. Нигде за границей нет столько самых различных слухов и толков, как в Константинополе. Все эти слухи фабрикуются во дворе Русского посольства, разносятся по городу и оказываются всегда, конечно, вздорными.

Однажды вечером приходит ко мне с таинственным видом Чонов и говорит: «Князь, с Вами хочет познакомиться Федор Баткин[1], если Вы ничего не имеете против, я скажу Воронцову, что мы с Вами будем тут в кафе». «Хорошо», говорю я.

В 8 часов вечера мы спускаемся с Чоновым вниз к кафе. Кафе это было турецкое, довольно мрачного вида. Входим. Вижу перед собою Воронцова, офицера Ставропольского калмыцкого дивизиона, а с ним рядом — чер-

---

[1] Баткин Федор Иссакович, 1893 года рождения, уроженец г. Севастополя, русский, со средним образованием, арестован органами ОГПУ 29 апреля 1922 года по обвинению «в активной контрреволюционной деятельности в ходе Гражданской войны в армиях Корнилова, Деникина и Врангеля, присвоении прав уполномоченного Советского Правительства по проведению возвращения на Родину и амнистирования участников белых армий, работе на белые разведки, вымогательстве и шантаже по отношению к советским разведчикам». По постановлению Комиссии по административным высылкам от 18 января 1923 года Баткину был определен расстрел. Реабилитации он не подлежал.

ного, юркого господинчика. «Федор Баткин» — представился он. Я был немного озадачен: я ожидал встретить бравого моряка, а передо мной стоял юркий кавалер, похожий не то на комиссионера, не то на маклера.

«Чем могу служить?» — обратился я к нему.

«Я представитель партии С-р.» — начал Баткин. — Мы предлагаем Вам работать с нами, Вы нам ценны, как человек, популярный среди Вашего народа и войска. Наша партия имеет деньги и думает начать интенсивную работу, но я должен Вас предупредить, что тот, кто работает с нами, тот должен работать до конца, иначе ему будет дана чашка черного кофе». «Что это такое?» — спросил я. «Яд» — был ответ. Расстались мы с Баткиным довольно холодно, у меня не было ни малейшего желания пробовать его чашку кофе.

Одним словом, Константинополь жил такой нервной жизнью в среде самых невероятных известий, что иногда казалось, что мы в каком-то огромном, сумасшедшем доме.

В конце октября или начале ноября 1921 года, точно не помню, приезжает к нам в общежитие Воронцов и говорит: «Господа, с Вами хочет познакомиться генерал Слащев и бывший его начальник штаба генерал Дубяго, если Вы ничего не имеете против, они поручили мне пригласить Вас, князь, с Чоновым, вечером к 7 час. в Киевский кружок, где в отдельном кабинете я заказал уже обед». Мы выразили свое согласие. Ровно в 7 часов мы были в Киевском кружке и поднялись на второй этаж, где был кабинет, оставленный для Слащева.

Мы вошли. Воронцов нас познакомил. Я много раньше слышал о Слащеве, но никогда не имел случая с ним говорить и познакомиться. Передо мной стоял совсем еще молодой генерал с веселым, открытым лицом.

Мы сели за стол. Разговор вначале, как всегда бывает между малознакомыми людьми, шел довольно вяло, больше говорили Чонов и Воронцов. После кофе, когда было уже довольно выпито, ген. Слащев обратился ко мне: «Я собираюсь ехать в Россию, жизнь здесь мне опротивела и не имеет никакого смысла». «А Вы не боитесь?», спросил я его. «Судьба», пожал он плечами. «Положение русских эмигрантов за границей невыносимо, если Советская власть простит нас, то надо возвращаться домой», добавил он. «Вы популярны, в армии Врангеля у Вас много сторонников, если Вы по приезду в Россию получите прощение для них и напишете им, я думаю, многие последу-

Бывшие солдаты врангелевской армии на работах в Сербии

ют за Вами», отвечал я. Затем разговор прекратился, вмешался генерал Дубяго и разговор принял самый посторонний характер. Через несколько времени, поблагодарив Слащева и Дубяго за хлеб-соль, мы с Чоновым покинули кабинет.

Спустя несколько дней я услышал, что генерал Слащев уехал в Россию.

Прошла зима, был уже апрель. Положение астраханцев-калмыков резко ухудшилось. В связи с нараставшей в Англии безработицей, в Ар Эй Эс Си начали принимать безработных англичан, а калмыков увольнять. Работу в Константинополе найти совершенно невозможно. Надо было думать об эвакуации из Константинополя. Но куда? Болгария забита русскими беженцами, да и условия труда там на шахтах очень тяжелы, Сербия переполнена врангелевскими контингентами. Выбор наш пал на Венгрию, где было развито коневодство и была надежда устроить калмыков на конные заводы к венгерским коннозаводчикам.

«Союз помощи буддистам России» обратился с просьбой разрешить ему командировать делегацию в Венгрию в Комитет Лиги Наций к полковнику Проктору и капитану Бурнье. Разрешение было дано, и вот я, Востря-

А.Л. Казем-Бек

ков и Балзанов в конце апреля должны были выехать в Будапешт в качестве делегации.

Так как многие казаки и калмыки были оторваны от своих семей, то естественно они интересовались теми возможностями вернуться домой, они слышали о Рапалльском договоре и поручили делегации узнать точно, возможно ли возвращение, и, если возможно, то каким образом и куда надо обращаться.

Ввиду того, что Константинополь питался самыми невероятными слухами, к тому появились в печати письма Краснова, в которых он призывал казаков организовывать станицы по месту жительства, готовить походные вьюки и вещи и обратиться за помощью к президенту Северо-Американских соединенных штатов, казачество и офицерство было совершенно сбито с толку, даже и мы не были в состоянии точно отдать себе отчет в том, что происходит.

В конце апреля Востряков с семьей, Балзанов с семьей, атаман Дербентской станицы Шургурчиев и я прибыли в Будапешт. Здесь я встретил своего старого товарища, офицера Уланского полка, ротмистра Казем-Бека[1]. Т.к. он жил в Будапеште уже около 2 лет, то я ему объяснил цель нашего приезда и просил его совета, как это выполнить и

вообще исполнимо ли это. На это Казем-Бек ответил, что все это зависит от венгерского правительства, и, если венгерское правительство выразит согласие и даст даровые визы, то устроить на работу в крупные имения человек 200—300 вполне возможно.

Через неделю после нашего приезда, через начальника русского отдела Министерства внутренних дел доктора Пьячека, делегации удалось получить аудиенцию у правителя Венгрии, адмирала Хорти.

Хорти было изложено наше ходатайство, было передано письмо, адресованное Верховным комиссаром Лиги Наций по делам помощи русским беженцам. Хорти обещал переговорить с правительством и в самом ближайшем будущем дать тот или иной ответ. Тут только нам пришлось убедиться, насколько венгры легко относятся к своим обещаниям. Проходят дни за днями, а ответа нет, министерства внутренних дел и иностранных все время кормят нас завтраками «приходите завтра, Вы наверное, получите ответ», говорят они. Между тем деньги делегации приходят к концу. Тяжело в особенности положение Вострякова и Балзанова, которые прибыли с женами и детьми. Пришлось прибегать к займам. Много денег для Вострякова и Балзанова достал по моей просьбе Казем-Бек, но этого, конечно, было недостаточно. Наконец, представитель Красного Креста Малама устроил Вострякова и Балзанова с семьями в общежитие в Кобани, на окраине Будапешта.

Тем временем был получен ответ от венгерского министра иностранных дел. Ответ гласил, что мы можем по-

---

[1] Казем-Бек Александр Львович (1902—1977) — из потомственных дворян, выходцев из Персии (Ирана). С октября 1919 года — вольноопределяющийся в дивизионе лейб-гвардии Уланского полка, в звании ротмистра. В январе 1920 года — в эмиграции, организатор и руководитель молодежной эмигрантской организации «Младоросская партия» (она же — «Главный совет объединенной русской молодежи», «Союз молодой России», «Союз Младороссов»), имевшей филиалы во многих странах мира. Партия выступала под лозунгом «Царь и Советы»; по мнению ее руководства, будущая (или Молодая) Россия «должна быть построена на основах национального наследия русской истории, русской государственности и русской культуры, в сочетании с положительными достижениями русской революции» и ориентировалась на «кирилловцев». Спустя годы, 22 сентября 1956 года Казем-Бек возвратился из США в Москву, где получил советское гражданство. До самой своей смерти он работал в качестве внештатного сотрудника журнала Московской Патриархии.

лучить визы на приезд людей на общем основании, т.е. за плату, причем венгерское правительство просит указать, каким образом прибывающие беженцы будут существовать здесь до подыскания работ, и находит необходимым взнос суммы, гарантирующей жизнь каждого прибывающего беженца в течение трех недель со дня прибытия. Ясно, условия были невыполнимы, откуда могли быть у «Общества помощи буддистам» такие средства. Долго обсуждали мы, как быть дальше. Выручить людей из Константинополя надо было, но как? На какие средства? Наконец, решили написать письмо Кириллу Владимировичу и Борису Владимировичу, как почетным казакам Астраханского войска, излагая в этом письме бедственное положение казаков, офицеров и калмыков, и, прося их помочь, если возможно, нам. Письмо это осталось без ответа, как осталось без ответа и письмо, обращенное к Союзу торгово-промышленных деятелей в Париже.

Барон Врангель

В конце мая я выехал в Берлин, где, через посредство советника Германского министерства иностранных дел доктора Крулля я познакомился с секретарем Чичерина[1] Флоринским, и которого просил выяснить вопрос о возвращении наших людей домой в Россию. На другой день я получил ответ, что те, кто хочет ехать на казенный счет, те должны ехать через Болгарию и Варну на Одессу и Новороссийск, а те, кто едет на свой счет, те могут ехать через любую границу, что все участники белого движения прощены, амнистированы и могут спокойно вернуться домой.

В тот же день я выехал обратно. По дороге в Зееоне я

[1] Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) — нарком иностранных дел РСФСР/СССР в 1918—1930 годах.

встретил Краснова. «Что Вам нужно от меня, старик всецело занят литературой, стою вдали от людей и политики» — заявил он. «Ваше высокопревосходительство, Вы написали казакам письма, призвали их организовывать станицы, готовить вьюки и седла, просить президента американских штатов помочь им (кстати, президент Гардинг категорически отказал в помощи Донскому атаману Богаевскому). Как все это понять и что это значит?», спросил я. «Это были мои мысли, которые я высказывал в литературе» — был ответ. Я опешил. Такого ответа я не ожидал. Литература! Литература, которая взволновала тысячи людей от берегов Балтики до Босфора. Я даже усомнился в его, Краснова, нормальности, настолько невероятным показалось мне его объяснение написанных им ранее писем.

Родные офицеры, казаки и калмыки! Вы видите, я нарочно, как фонограф, передаю Вам все эти факты и подробности, чтобы Вы сами поняли всю создавшуюся обстановку. Вас соблазняют разными мечтами, сулят помощь, деньги — не верьте никому, Европе не до Вас; четыре долгих года Вы томитесь на чужбине. Голодные и холодные, Вы спите на паперти свят. Софии, томитесь в сырых и мрачных казармах Селимия или работаете, как невольники, в шахтах у болгар или бьете камни у сербов. На вас смотрят только как на дешевую рабочую силу, которая будет работать, чтобы ни дали. Во имя чего и ради чего Вы обрекаете себя этим мукам? За кем Вы пойдете и против кого?

Монархии в России быть не может. Государя и наследника нет в живых, Михаил Александрович погиб, идут далее Владимировичи, но они дети неправославной матери и поэтому по основным российским законам прав на престол не имеют, Дмитрий Павлович по состоянию здоровья не может царствовать, далее идут уже престарелый и бездетный Николай Николаевич и Петр Николаевич, наши спасители России, кто они? И что делают? Спаситель № 1 Антон Иванович Деникин — уже 4-й год живет в одной из лучших гостиниц Брюсселя — Деникин, не имевший никогда гроша за душой. Спаситель № 2 генерал Николай Николаевич Юденич — я его сам лично встретил в Париже в лучшем отеле «Морис» на Рю де ла Пайкс. Он занимал великолепные апартаменты и уехал оттуда в Ниццу, где он купил себе имение, это Юденич, который давал уроки, чтобы окончить академию Генерального штаба.

Спаситель № 3 генерал барон Петр Николаевич Вран-

гель, неутомимый и бессменный вождь Русской армии и флота, кстати сказать, конфискованного французами за долги. Врангель живет на вилле близ Белграда, имеет штаб и адъютантов, пишет громовые приказы и получает, хоть и понемногу, но получает, деньги на питание армии и беженцев, но питаются беженцы не особенно и больше принуждены работать на шоссейных дорогах, дабы не умереть с голода.

Против кого же Вы пойдете? Против своих же братьев. Нет, родные, пора нам сказать: «Довольно обмана, мы устали, уже 9 долгих лет мы не знаем покоя, все лишения и лишения. 9 долгих лет мы оторваны от наших семей, родных сел и хуторов, мы требуем, наконец, покоя, мы не хотим никаких авантюр, довольно!»

Родные братья, я, как выборный войсковой атаман, по долгу совести Вам заявляю: «Идите с миром домой, на Родину, Россия сильна, она на пути к полному выздоровлению, Россия справится со всеми ужасами Гражданской войны и голода, Россия ждет своих бедных, заблудших детей. Российское советское правительство не мстит нам и не наказывает за былые ошибки и прегрешения, оно говорит: «Всякого, кто честно и прямо идет ко мне, я прощаю и старое не вспоминаю».

России сейчас нужны сильные, честные люди, и я уверен, каждый из Вас найдет тут у себя на Родине дело. Вспомните стариков, жен и детей, которые ждут Вас уже четвертый год. Итак, родные, до скорого свидания.

Дмитрий Тундутов-Дундуков

Москва, 3 июня 1923 года».

Остается только добавить, что заключением Генеральной прокуратуры от 13 марта 1993 года чета Тундутовых полностью реабилитирована — за отсутствием состава преступления. Это решение не поддается какому-либо обсуждению — действительно в материалах уголовного дела отсутствуют документы, которые могли бы воспрепятствовать принятию какого-либо другого решения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Калмыцкая эмиграция[1]

Калмыки приняли весьма деятельное участие в Гражданской войне. Благодаря своей политической безграмотности, благодаря исключительному обману и лжи белых вождей, калмыцкий народ был втянут в эту борьбу и почти полностью оказался на стороне белых армий. При разгроме белых и во время их стихийного отката к Черному морю, масса калмыков оказалась захлестнутой общей волной и докатилась до побережья. Причины были в том страхе перед надвигающейся Красной армией, страхи, которые вселили в массы приказами и лживой информацией вожди белого движения. Как бы то ни было, но в марте 1920 года огромные массы калмыков оказались на побережье Черного моря. Отсюда первые волны их плеснулись за границу, достигли Константинополя и островов Мраморного моря, часть оказалась на Лемносе и была принята на содержание англичанами, часть же, главным образом —

[1] Часть аналитического документа Иностранного отдела ГПУ. В полном виде подготовлен для публикации в 3-м томе академического издания «Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы».

способные носить оружие, была переправлена в Крым и пополнила части Донского корпуса, с другой стороны — пошла на формирование полков Терско-Астраханской бригады. В ноябре 1920 г. кончилась Врангелиада и в общей массе отступающих выехали за границу и калмыки. Эта часть была также перевезена в Константинополь и разместилась по беженским лагерям — Тузла, Вернадот (Сан-Стефано), Кабаджа, Бююк-Дере, часть была перевезена в Сербию, где они и образовали ряд маленьких колоний.

Калмыки, как и рядовое беженство, прибыли в самом ужасном виде — раздетые и голодные — и только благодаря мерам, принятым руководителями, удалось кое-как одеть эту массу. Считаясь с настроением калмыков и тяжелыми жизненными условиями беженского существования, руководители калмыков в январе 1921 года начали всех калмыков группировать в одном беженском лагере — Тузла — и тотчас же повели переговоры с верховным комиссаром Франции и Великобритании и представителями Международного Красного Креста по посылке делегации из трех человек в Грузию со специальной миссией начать переговоры с представителями Соввласти о принятии калмыков на территорию РСФСР. Но означенные хлопоты не дали никаких результатов, и делегация не получила возможности выехать в Грузию.

Между тем в Турции все время развивалась безработица, увеличившаяся еще более с прибытием туда огромной массы русских беженцев. Работы для калмыков подыскать оказалось почти невозможно. Между тем, французское командование, на иждивении которого находились беженцы, заявило о прекращении пайка. Это обстоятельство вынудило руководителей калмыцкой эмиграции принять срочные меры по обеспечению калмыков работой.

После непродолжительных переговоров с представителем британского оккупационного корпуса выяснилось, что штаб британского командования согласен принять на службу калмыков в качестве кучеров в обозы и тренеров и наездников в ремонтных эскадронах[1]. Первого апреля 1921 года была сдана на испытание англичанам первая партия калмыков, во главе с полковником Шембеновым. Эта партия, помещенная в 121 конный транспорт, в течение

---

[1] Имеются в виду эскадроны, где проходило необходимое обучение и лечение лошадей.

одного месяца дала блестящие результаты: доклад об испытании был представлен британскому штабу, от которого и последовало распоряжение принимать калмыков на службу. Первый же месяц поступило несколько сотен человек. Британский штаб поручил калмыцким руководителям вести кандидатские списки калмыков, желающих поступить на английскую службу. На эту службу определялись калмыки по спискам станиц, причем соблюдалась строгая пропорциональность. В октябре 1921 года началась приемка калмыков на караульную службу, для охранения пищевых складов, продовольственных магазинов, гаражей, аэродромов и моторной флотилии. Почти все калмыки в переменном составе перебывали на английской службе в течение двух лет, благодаря чему калмыцкая эмиграция не переживала тяжелых испытаний и острой нужды, жила своей национальной группой, в которой была организована взаимопомощь, имелись свои общежития, молитвенные дома, сохранялись свои национальные обычаи и даже пищевой режим. Дети калмыков школьного возраста были определены в гимназии, школы обучения, сельскохозяйственную школу. Часть калмыцкой молодежи была направлена в Париж, где продолжает обучение и до сего дня. Некоторые калмыки окончили специальные курсы шоферов. С разрешением чехословацкого правительства и при его денежной поддержке с 16 марта 1922 года в Праге функционирует культурный центр калмыцкого народа, во главе которого стоит Бакша Нембирков. Этот центр имеет свою буддистскую молельню, свою библиотеку, собирает все книги на всех языках о калмыках, подготавливает к изданию калмыцкие учебники, переводит на калмыцкий язык русских классиков и пр. В Прагу ныне переведены все калмыки, учащиеся в гимназиях и сельскохозяйственной школе, со всем своим преподавательским персоналом.

Таким образом, калмыцкая интеллигенция давно уже начала концентрироваться в Праге, отрываясь от масс, оставшихся в Константинополе. Наиболее видные представители ее, как Бадма Уланов и Боянов, еще в Константинополе принимали участие в организации сельскохозяйственного союза, контактирующего свои действия с работой правых эсеров, причем Уланов является председателем чисто эсеровской организации «Союза возрождения казачества», где работал и известный «социалист» казачьего толка Фальчиков. Прочие не знают, что пред-

принимать, и в большинстве случаев остаются в стороне выжидания событий.

Объявление ВЦИКом амнистии калмыцким общественным деятелям заставило их принять то или иное решение, и из 28 амнистированных за границей остались только трое: Бадма Уланов и Боянов в Праге, и д-р Хардаван в Сербии, остальные вернулись в Россию. Бадма Уланов — тип определенного ревнителя казачества, мыслящего исключительно о Доне, как автономной республике, федерирующейся с Россией. Он старый защитник казачьих вольностей, и, несмотря на амнистию, данную ему ВЦИКом, остается за границей и ведет упорную борьбу против Совроссии, принимая деятельное участие в «Союзе возрождения казачества» и в газете «Казачья лава», издающейся этой организацией.

Что касается калмыцкого офицерства, то оно, ввиду его незначительности, не имело на массы никакого влияния, за исключением Алексеева, являющегося с одной стороны заместителем Донского атамана в Константинополе, с другой — главным поставщиком калмыков в британские части. Алексеев, несмотря на полученную им личную амнистию, ни в коем случае не думает возвращаться в Россию, и старается удержать калмыков под своим влиянием, устраивая их на английскую службу.

Из Константинополя калмыки начали расползаться по другим странам: часть переехала в Югославию, другая — перебралась в Болгарию, и, наконец, третьи потянулись в Чехию, группируясь вокруг представителей своей интеллигенции. Благодаря своей организованности, благодаря сплоченности, калмыки устраивались гораздо лучше, чем русские: они действовали скопом, помогая друг другу, стараясь не терять из виду своих, и, вследствие этого, они оказались гораздо в лучшем положении, чем русские.

Но, все—таки, внутри калмыцкой массы уже зародилась мысль о необходимости разрыва с командованием и возвращении домой. Известие об амнистии 28 человек произвело громадное впечатление на массы, хотя еще за год до получения этого известия две группы калмыков в июле и августе 1921 г. покинули Турцию, направляясь в Новороссийск. Письмо из России, привезенное т. Кудиш для передачи Чонову положило начало организованной репатриации калмыков. Была организована первая группа в 125 человек, во главе с полковником Шембеновым, и направлена в кон-

це мая 1922 года в Новороссийск. В конце июля отправилась вторая группа — более 100 человек, затем в августе, сентябре и декабре выехало до 150 человек. В то же время в Болгарии калмыки вступают в члены Совнарода, окончательно решив порвать со своими руководителями. В 1923 году они выезжают из Константинополя и одновременно направляются из Варны с пароходами, идущими в Новороссийск. Из Константинополя выехало около 250 человек, и то же почти количество отправилось из Болгарии. Как и всегда, они действовали скопом, и как только отправились первые группы, за ними потянулись и следующие.

На основании ходатайства Чонова ВЦИК амнистировал еще 2000 калмыков. Тогда же Чонов возбудил ходатайство о предоставлении бесплатного парохода; в декабре он явился к турецкому генерал-губернатору Эссад-бею по вопросу о репатриации калмыков. Затем Чонов был у Верховного комиссара Лиги Наций и в британском штабе; и тут, и там отнеслись очень сочувственно к возвращению калмыков, а англичане даже выделили обмундирование и белье, и в сметном порядке было проведено ассигнование — по 25 шиллингов — на отправку в Россию тех калмыков, которые служили в британских частях. Ввиду предоставляемого в настоящее время льготного проезда в Россию, вся калмыцкая эмиграция в Константинополе в ближайшее время направится в Новороссийск, так как многие неимущие воспользуются бесплатным проездом.

Выше уже было сказано, что калмыки из Константинополя начали рассеиваться по Балканам, расселяясь в Югославии, Болгарии и Чехии. Особенная же тенденция к расселению начала проявляться тогда, когда Кемаль-паша подошел к Константинополю в октябре 1922 года. Той волной русских беженцев, хлынувших из Константинополя в Болгарию, и были калмыки. Это произошло потому, что в Константинополе вспыхнули слухи о выселении всех русских в случае занятия города ангорскими войсками. Британское командование заявило, что служащие у англичан калмыки в случае эвакуации будут вывезены британским командованием, семьям же и родственникам было предложено отправляться в Болгарию, пользуясь бесплатным проездом, предоставляемым Лигой Наций. В декабре 1922 года в Болгарии сгруппировалась партия в 500 человек, которая и двинулась в Россию. То же происходило и в Югославии, откуда калмыки постепенно пе-

рекочевывали в Болгарию, проходили через Совнарод и отправлялись в Россию.

Таким образом, характеризуя общее движение калмыцкой эмиграции, можно сказать, что верхи калмыцкой эмиграции частью вернулись в Россию, частью же обосновались в Праге, как Бадма Уланов и Боянов, и тесно связались с эсэрами, поддерживающими определенно контрреволюционные организации. Эти лица не думают о возвращении в Россию, они отвергают всякую возможность работы для России, возможность всякого сотрудничества с компартией. Они пропитаны ненавистью к России и ее правительству, и сейчас за границей ведут усиленную борьбу против Соввласти и идеи возвращенчества. Но масса отходит в сторону, отстраняясь от вождей и стремясь к возвращению в Россию.

Калмыцкая эмиграция, собственно говоря, уже заканчивает свое существование, и скоро вожди ее останутся без массы, продолжая свою политику в Париже.

Приложение № 2

Астраханская армия: война и политика[1]

В первой половине 1918 г. на широких просторах калмыцких степей, раскинувшихся в междуречье Волги и Дона, царила анархия, сопровождавшаяся периодическими вспышками доходящих до кровавой резни конфликтов между казачьими станицами, калмыцкими кочевьями и русскими селами. Эти конфликты были вызваны длинным рядом накопившихся этнических, социальных, политических и экономических противоречий.

К лету 1918 г. калмыцкая степь продолжала оставаться своего рода «диким полем», ничейной пограничной территорией, зажатой между большевистским Поволжьем и Северным Кавказом, являвшем собой арену ожесточенной борьбы между Добровольческой армией, Советами, казачьими властями и национальными правительствами. Здесь переплелись интересы германской армии, оккупи-

---

[1] Статья впервые опубликована в № 1 журнала «Новый исторический вестник»; использована в качестве приложения с разрешения его главного редактора, С.В.Карпенко.

ровавшей часть Донской области, Добровольческой армии, сохранившей верность Антанте и ведущей кровопролитные бои за Северный Кавказ, и Всевеликого войска Донского, объявившего себя суверенным казачьим государством. Кроме того, политически влияли на события независимые государственные образования, фактически подчиненные немцам (Украина, Грузия и Азербайджан), а также стремившиеся к «самостоятельной исторической роли» монархические организации и группы, приютившиеся в Киеве и ориентирующиеся на Германию.

Главными участниками драматической истории Астраханской армии стали астраханские казаки и калмыки. Астраханское казачье войско, одно из самых малых казачьих войск России (к 1914 г. — около 40 тыс. чел.[1]), в конце 1917 г. перед лицом все возраставшей угрозы своим интересам и достоянию со стороны большевизированного рабочего, крестьянского и «ловецкого» (рыбачьего) населения Нижнего Поволжья, заключило военно-политический союз с калмыцкой верхушкой и приняло в свой состав около 200 тыс. астраханских калмыков. Однако основная масса казаков и калмыков не захотела участвовать в вооруженной борьбе с большевиками и заявила о признании Советской власти. В итоге казачья и калмыцкая верхушка и созданные ими добровольческие вооруженные формирования из казаков, калмыков и офицеров Астраханской губернии в январе — феврале 1918 г. были разбиты и рассеяны красногвардейскими отрядами Астрахани, а их остатки нашли приют в станицах Донского, Уральского и Оренбургского казачьих войск.

К лету 1918 г., когда на территории большинства казачьих войск полыхнули антибольшевистские восстания и на юге России развернулась широкомасштабная гражданская война, возникли предпосылки для возникновения военно-политических формирований и у астраханского казачества.

Основным инициатором и организатором Астраханской армии стал наследственный глава астраханских калмыков 27-летний нойон (князь) Данзан Давидович Тундутов — бывший адьютант вел. кн. Николая Николаевича, принадлежавший к придворным кругам, имевший репутацию энергичного и говорливого, но недалекого авантюриста. При

---

[1] Отчет о состоянии Астраханского казачьего войска за 1914 год. Астрахань, 1915. С. 1.

образовании объединенного Астраханского казачье-калмыцкого войска он был избран калмыками главой калмыцкой части войска и утвержден объединенным Кругом вторым помощником войскового атамана с присвоением чина полковника. Во время вооруженной борьбы казаков с астраханскими большевиками в январе — феврале 1918 г. нойон Тундутов был все время в центре событий, хотя сам активного участия в боевых действиях не принимал. После разгрома бежал в степь, всю весну скитался по югу России, дважды попадал в плен к большевикам и оба раза освобождался верными калмыками[1], а в конце мая 1918 г. объявился в Грузии, представившись как «атаман Астраханского казачьего объединенного с калмыцким войска».

Здесь Тундутов завязал деловые и дружеские отношения с представителем германского правительства — «королевско-баварским генерал-майором» фон Лоссовом, вместе с которым выехал 28 мая 1918 г. из Поти на немецком торговом судне «Mina Horn» в Германию. При содействии фон Лоссова Тундутов надеялся добиться от немцев материальной и моральной помощи для организации под своим началом вооруженной борьбы с большевиками на юге России[2]. 3 июня они прибыли в Берлин, откуда 5-го отправились в ставку императора Вильгельма II. Продолжительная аудиенция у императора и беседы с офицерами германского Генштаба дали Тундутову обнадеживающий результат: он договорился о создании на немецкие деньги в калмыцкой степи антибольшевистской армии из астраханских калмыков и казаков, которая станет главной союзницей и блюстительницей интересов Германии на юге России.

Подразумевалось, что при первом же появлении Тундутова в Поволжье астраханцы дружно поднимутся на борьбу, в самые короткие сроки из них будет сформирована мощная многочисленная Астраханская армия, которая развернет наступление на большевиков из калмыцкой степи в сторону Ростова-на-Дону, навстречу германской армии, и на границах с германской зоной оккупации будет организовано контролируемое астраханцами буферное казачье-калмыцкое государство.

---

[1] Балинов Шамба. О княжеском роде Тундутовых // Ковыльные волны (Жонвиль), 1936. № 13—14. С. 12.

[2] Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг. N.Y., 1982. С. 64.

Германская сторона обязалась выделять для организации и снабжения армии деньги, вооружение, боеприпасы и обмундирование. За это Тундутов должен был придерживаться в своей деятельности определенной политической программы, куда кроме прогерманской ориентации и монархизма входил план раздела России на четыре независимых государственных образования: Великороссию, Украину, Сибирь и Юго-Восточный союз с Кавказом[1]. То есть и здесь, как и в случае с Украиной, Доном и Грузией, основным условием, на который можно было получить помощь от Германии, была поддержка ее планов расчленения России. Из описания встречи в мемуарах Вильгельма II видно, что Тундутов рисовал перед немцами антибольшевистскую борьбу астраханских казаков и калмыков как национально-освободительную, утверждая, что «казаки, не считая себя русскими, чувствуют к большевикам непримиримую вражду»[2].

Получив желанные заверения, Тундутов в сопровождении немецкого офицера отправился через Варшаву и Киев в Новочеркасск, к Донскому атаману П.Н.Краснову, куда прибыл 11 июня в компании одного из лидеров киевских монархистов герцога Н.Н.Лейхтенбергского и своего старого соратника, бывшего представителя Астраханского войска при Каледине и Корнилове, И.А.Добринского, обретшего прочную репутацию авантюриста еще в период корниловского выступления.

В Новочеркасске Тундутов сразу же принялся развивать бурную деятельность по организации Астраханской армии и Юго-Восточного Союза. Уже 11 июня состоялась встреча Тундутова, Лейхтенбергского и Добринского с Красновым, во время которой они предъявили ему ноту фельдмаршала Эйхгорна, командующего германскими войсками на Украине, о желательности скорейшего образовании Юго-Восточного союза, удалении с Дона Добровольческой армии (или удалении из ее частей германофобского командного состава) и о возможности поддержки немецких частей против войск Антанты в случае активизации Восточного фронта на Волге[3]. Астраханскую армию по обоюдному соглашению было решено сфор-

---

[1] Авалов З. Указ. соч. С. 78—79.

[2] Балинов Шамба. О княжеском роде Тундутовых // Ковыльные волны (Жонвиль), 1936. № 13—14. С. 13.

[3] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3. С. 67—68.

мировать на Дону, в районе станции и окружной станицы Сальского округа Великокняжеской (на границе Донского войска и Астраханской губернии). Причем в политическом отношении армия должна была в конечном счете обрести статус общероссийской монархической организации и воевать под лозунгами «За Веру, Царя и Отечество» и «Единая, Великая, Неделимая Россия». Эта политическая программа, принятая вопреки первоначальной договоренности с немцами, стала плодом переговоров Тундутова с другой заинтересованной стороной — киевскими монархическими организациями, — проведенных в ходе той же самой поездки.

Таким образом, задуманная нойоном Тундутовым так называемая «Астраханская казачья армия» должна была, с одной стороны, стать вооруженной силой нового независимого государственного образования — Астраханского объединенного казачье-калмыцкого войска (ради чего она и формировалась); с другой — в ходе развертывания превратиться во всероссийскую добровольческую монархическую армию, призванную сыграть главную роль в освобождении России от большевиков, и включить в свой состав всех желающих восстановления империи и монархии.

Путанность и несовместимость поставленных задач не смущали деятельного Тундутова. Обосновавшись в Новочеркасске, в гостинице «Европейская», он достаточно быстро сгруппировал вокруг себя находившихся на Дону членов астраханского и калмыцкого войсковых правительств, офицеров обоих войсковых штабов и, насколько возможно, всех вообще астраханских казаков и калмыков. Уже в середине июня выделилась инициативная группа «астраханцев» в составе Д.Д.Тундутова, И.А.Добринского, есаула Г.В.Рябова-Решетина (офицера астраханской полусотни лейб-гвардии Сводно-казачьего полка, старшего адьютанта штаба походного атамана всех казачьих войск вел. кн. Бориса Владимировича) и Б.Э.Криштафовича («заведующего калмыцким народом», «комиссара Калмыцкой степи» и председателя калмыцкого войскового правительства). В течение июня на полученные от немецкого командования суммы из имевшихся кадров ими были организованы астраханское войсковое правительство и войсковой штаб. Возникла и возможность формирования воинских частей, так как все больше астраханских казаков и калмыков, недовольных политикой большевиков, искало спасения на Дону. Фигура Тундутова стала пользоваться в Новочеркасске определенным политическим

весом и популярностью. Сам он как бывший помощник атамана И.А.Бирюкова получил признание в качестве легитимного главы астраханских казаков и калмыков, и статус «временного Астраханского атамана» (в официальных документах «и.д.» или «и.о. войскового атамана»).

В конце июня — начале июля князь Тундутов вместе с Красновым выступил одним из инициаторов создания замышлявшегося еще при А.М.Каледине Юго-Восточного союза. Теперь — под видом нового федеративного суверенного «Доно-Кавказского союза», в который должны были войти Донское, Кубанское, Терское и Астраханское войска, «вольные народы степей» и горцы Северного Кавказа. Это государство мыслилось как союзное Германии и именно с ее помощью Краснов и Тундутов надеялись добиться его международного признания. 28 июня в Новочеркасске в Атаманском дворце под председательством Краснова состоялось первое совещание по вопросу об образовании союза. На нем присутствовали от Астраханского войска — князь Тундутов, от Кубанского — П.Л.Макаренко, от горцев Северного Кавказа — П.Коцев, от Донского — А.П.Епифанов и А.П.Богаевский. Совещание высказалось против изложенного Красновым проекта, поскольку он слишком явно устанавливал лидирующую роль Дона в союзе, и никакого решения принято не было. 4 июля было созвано второе совещание для ознакомления с проектом декларации Доно-Кавказского союза. Астраханское войско представляли, кроме Тундутова, Криштафович и Рябов-Решетин. Опережая ход событий, Краснов заранее послал письмо императору Вильгельму II, сообщая об уже достигнутой договоренности между «высокими сторонами» о желании создать свое государство, и обратился с просьбой о поддержке. После второго совещания, столь же бесплодного, текст декларации был разослан для подписи представителям сторон. Однако никто кроме Тундутова декларацию не подписал. Даже немцы в итоге отказались поддерживать эту несостоятельную идею. Независимую «Казакию» как суверенного субъекта международных отношений никто всерьез не воспринял. Единственным лицом, с которым Краснов заключил свой «союз», — стал князь Тундутов[1]. Так провалилась первая из вынашиваемых нойоном Данзаном авантюр.

---

[1] Каклюгин К.П. Донской атаман П.Н. Краснов и его время // Донская летопись. Белград, 1924. № 3. С. 96—97.

С Астраханской армией дела у новоявленного Астраханского атамана развивались не многим лучше. Получив от немцев часть обещанных средств, инициативная группа Тундутова в конце июня 1918 г. приступила к формированию в Сальском округе первых астраханских частей. При этом всевозможные штабы, учреждения и прочие бюрократические атрибуты армии росли как грибы после дождя, тогда как формирование боевых частей не спорилось. К середине июля из находящихся на Дону казаков-астраханцев ими был создан только двухсотенный Астраханский казачий дивизион, который сразу же стал привлекаться донским командованием к отдельным операциям. Причисленный к Задонскому отряду полковника Быкадорова, он отличился в совместных с донцами боях под станцией Куберле 19 июля — 8 августа 1918 г.[1] На его базе к концу августа удалось развернуть конную казачью бригаду в составе 1-го казачего, 2-го и 3-го калмыцких полков.

Необходимо отметить, что Тундутов начал формирование армии не на пустом месте. К моменту его появления в Новочеркасске в составе Донской армии уже действовали отряды астраханских казаков.

Астраханская дружина — первое формирование астраханского казачества на юге России — возникла еще весной 1918 г. в Сальском округе из бежавших на Дон участников Астраханского восстания, прежде всего из остатков отряда Сахарова — Тундутова, рассеянного в конце февраля 1918 г. на границе Сальского округа и Астраханской губернии. Этот добровольческий партизанский отряд состоял в основном из казачьих офицеров, примкнувших к ним офицеров регулярных частей и интеллигенции («вольных казаков») Астрахани. Калмыки до середины 1918 г., как и рядовые станичники, в антибольшевистской борьбе в массе своей не участвовали. До июля 1918 г. дружина не превышала 200 бойцов, периодически пополнялась казаками, бегущими в восставшие донские станицы от произвола Советов, и являлась единственным боевым формированием Астраханского войска. Она и стала основой для организации конных казачьих частей армии.

Вооруженная борьба астраханского казачества с большевиками началась именно на Дону, а не в Поволжье. Произошло это прежде всего потому, что существовавшие к

---

[1] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 57—57 об.

началу гражданской войны два десятка малочисленных астраханских станиц с хуторами, разбросанных на огромных пространствах трех поволжских губерний, частью находились в крупных промышленных городах (Саратов, Царицын, Астрахань), являвшихся опорой большевиков, или рядом с ними, а частью — вкраплены в почти сплошной массив типичных для данного региона крупных крестьянских поселений, тянущихся вдоль Волги до Каспийского моря, традиционно враждебных к казакам и симпатизировавших большевикам. Поэтому любая, даже хорошо скоординированная, попытка антибольшевистского выступления астраханских казаков без посторонней помощи сколько-нибудь реальных шансов на успех не имела. Зато в соседних большинству астраханских станиц землях Донской области уже в апреле 1918 г. полыхнуло мощное антибольшевистское восстание и туда, скорее за помощью, чем на помощь «старшему брату», потянулись наиболее воинственно настроенные астраханцы.

В этом отношении в самом выгодном положении находился 2-й отдел Астраханского войска (от Царицына до Саратова), где русла Волги и Дона максимально сближаются. Генерал И.А.Поляков, описывая бои в междуречье Волги и Дона в начале июня, упоминает о неожиданной помощи, полученной донцами при освобождении станиц Каргальской и Романовской со стороны партизанских отрядов «казаков-камышинцев»[1]. То есть, при внешнем спокойствии астраханские станицы являлись горючим материалом в тылу у советских формирований, готовым моментально вспыхнуть при приближении донских частей, что и происходило неоднократно летом — осенью 1918 г.

В течение 1918 г. в районе боевых действий Донской армии разновременно находились Александровская, Александро-Невская, Николаевская, Пичужинская и Царицынская станицы 2-го отдела, с общим населением около 14 тыс. человек. Периодические мобилизации населения этих станиц проводились как в части Красной армии, так и в Донские части, воевавшие на их территории. Район боевых действий и дислокации астраханских соединений находился далеко от станиц и 2-го, и 1-го отделов войска, поэтому целенаправленные мобилизации астра-

---

[1] Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962. С. 276.

ханских казаков не приняли широких размеров, однако командиры донских частей обязаны были направлять, и часто действительно направляли, попавших к ним астраханцев в Сальский округ, в формировавшуюся Астраханскую армию. Некоторый приток коренных казаков в части шел во время наступлений Донской армии на Царицын, когда астраханцы приближались к Волге, но их процент был незначительным даже в конных полках.

Официально комплектование астраханских частей на занятых белыми территориях было возложено астраханским правительством на командира 2-го Астраханского князя Тундутова полка полковника Суворова, который именовался «командующим северным районом Астраханского казачьего войска». Ему как «атаману северного района» были подчинены 2-й Саратовский и Малодербетовский отделы[1]. Проведение мобилизаций, формирование частей и передача их донскому командованию в отделах носили случайный характер и зависели от перемещения линии фронта.

Конные казачьи части армии формировались непосредственно в Сальском округе, в основном за счет откочевавших сюда летом — осенью 1918 г. калмыков: 2-й Астраханский князя Тундутова полк — из астраханских, 3-й Зюнгарский калмыцкий полк — из донских и ставропольских; калмыками отчасти пополнялся и 1-й Астраханский казачий полк. Калмыцкая молодежь в целом охотно откликалась на мобилизации, получала астраханскую форму, проходила курс обучения под руководством офицеров и урядников и на смотрах выглядела вполне пристойно, но по боевым качествам заметно уступала казакам, поэтому конные астраханские полки не представляли из себя серьезной боевой силы и за всю историю существования армии ничем особенным себя не проявили.

Пехотные части формировались контрактным набором русских офицеров-добровольцев на Украине, в Грузии и на других территориях, оккупированных Германией, или занятых Добровольческой и Донской армиями. Первое вербовочное бюро астраханцев было открыто уже в начале июля 1918 г. в Киеве. Затем «Бюро записи в Астраханскую казачью армию» были открыты в Ростове-на-Дону, Новочеркасске[2] и других южных городах, где по-

---

[1] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 53.
[2] Донская волна. Ростов-на-Дону, 1918. № 17.

дальше от большевиков скапливалось «безработное» российское офицерство.

Кадровые русские офицеры монархических убеждений сыграли заметную роль в создании Астраханской армии. Один из активных участников политической жизни белого юга кн. Г.Н.Трубецкой приводит в своих воспоминаниях ряд отрывков из деловых и дружеских бесед с офицерами-«астраханцами», из которых следует, что еще в период формирования добровольческой бригады М.Г.Дроздовского на Румынском фронте значительная часть вступавших в нее офицеров стремилась к созданию именно монархического соединения[1]. Однако в тогдашних условиях это оказалось неосуществимо. Бригада Дроздовского, включавшая офицеров-добровольцев весьма различной политической ориентации, как самостоятельная боевая единица просуществовала недолго. Она шла на Дон на соединение с армией Корнилова и в конце мая 1918 г. влилась в Добровольческую армию А.И.Деникина, где была переформирована в 3-ю дивизию. Но не все офицеры согласились служить под началом «демократа» Деникина. Многие из них, последовательные монархисты, откликнулись на предложение киевских монархических организаций и, покинув ряды Добровольческой армии, вступили в новую, формируемую под монархическими лозунгами и на немецкие деньги, Астраханскую, став костяком ее пехотных частей. Летом 1918 г. именно Дроздовский был основным посредником в переговорах и решении конфликтов между Астраханской и Добровольческой армиями, связанных с переходами офицеров из одной в другую[2].

Наиболее широко вербовку офицеров для Астраханской армии удалось, при помощи германского командования и киевских монархистов, поставить на Украине. Первоначально, в июле — сентябре 1918 г., на Украине существовало множество независимых пунктов набора в армию и отдел снабжения, который возглавлял полковник Гавдзинский. Штаты этих учреждений были несоразмерно велики, наполняющие их «темные личности» получали на свое содержание очень крупные по тем временам суммы, а эффект от их деятельности был весьма мал. Формирование частей шло чрезвычайно медленно.

---

[1] Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд, 1917—1919. Монреаль, 1981. С. 106.

[2] Трубецкой Г.Н. Указ. соч. С. 108.

В октябре — ноябре 1918 г., когда немецкое снабжение прекратилось и астраханские части перешли в ведение донского командования, все украинские бюро (кроме киевского) были ликвидированы. По ходатайству председателя астраханского правительства Криштафовича, представительство Астраханского войска и ведение дел по укомплектованию армии на Украине взял на себя атаман Донской зимовой станицы (посольства) в Киеве генерал А.В.Черячукин, после чего вербовка офицеров пошла несколько успешнее. Черячукин добился выделения некоторых сумм на комплектование армии от гетмана Скоропадского, наладил относительно регулярную отправку офицерских пополнений в Сальский округ. Однако, едва приведя дело комплектования в порядок, Черячукин в связи с уходом немцев и неминуемым падением гетманской власти вынужден был быстро сворачивать и эвакуировать астраханские организации в Новочеркасск. В начале декабря украинская армия Петлюры заняла Киев, Скоропадский бежал и все структуры Астраханского войска сосредоточились на Дону[1].

В начале августа 1918 г. была сделана попытка открыть вербовочное бюро Астраханской армии в Тифлисе. Города новорожденной независимой Грузии весной — летом 1918 г. наводнила масса русского офицерства бывшего Кавказского фронта, что являлось предметом недовольства и беспокойства социалистического правительства Н.Жордания. Несмотря на посредничество немцев, правительство официально отказало астраханцам в открытии вербовочного бюро, не желая осложнений в отношениях с большевиками, однако фактическому набору и вывозу офицеров в Сальский округ не препятствовало[2]. Русское офицерство охотно массами вербовалось в новую армию. Большинство — потому что желало просто вырваться из «кукурузной республики» и попасть в Россию. Других привлекали монархические лозунги и вообще возможность вооруженной борьбы с большевиками. Третьих — высокие денежные оклады (самые высокие по сравнению с другими антибольшевистскими формированиями на юге России)[3]. В Тифлисе из завербованных офицеров составляли партии, которые от-

[1] Черячукин А.В. Донская делегация на Украину и в Берлин в 1918—1919 г. // Донская летопись. Белград, 1924. Кн. 3. С. 211, 214.

[2] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 378—379.

[3] Калинин И.М. Русская Вандея. М.-Л., 1926. С. 13, 26.

правлялись через Поти и Керчь в Ростов под начальством старшего в чине. В течение всего августа шла регулярная оживленная пересылка офицерства на Дон. К концу сентября, ввиду нехватки средств она прекратилась.

Астраханская армия на бумаге и на словах задумывалась Тундутовым очень широко: пехотные, конные, пластунские, охотничьи, партизанские, инженерные, тракторные, авиационные, артиллерийские, броневые и всевозможные гвардейские части, речные и морские флотилии и т.д. и т.п. Был даже издан приказ о формировании в составе армии отдельной Текинской сотни во главе с Ханом Хаджиевым, бывшим адъютантом генерала Корнилова[1]. Для каждой части уже в начале июля приказами Тундутова была установлена своя форма — весьма вычурная и претенциозная[2]. Предполагалось, что к осени 1918 г. армия будет насчитывать в своем составе не менее 60 тыс. бойцов[3]. В соответствии с монархическим духом армии всем ее чинам уже в первые дни формирования было предписано снять добровольческие бело-сине-красные, национальные, нарукавные шевроны и заменить их бело-желто-черными, «романовскими», шевронами, нашитыми углом к плечу. Однако на деле формирование некалмыцких частей армии, с первых до последних дней ее существования, было поставлено очень плохо.

К концу июля 1918 г., кроме двухсотенного Астраханского казачьего дивизиона, из всех задуманных на бумаге частей был сформирован только один офицерский пехотный батальон в 400 штыков[4], на основе которого к концу августа была развернута двухполковая пехотная бригада неполного состава.

Одной из серьезных причин нехватки офицерских кадров для Астраханской армии стала конкуренция другой общероссийской антибольшевистской армии — Добровольческой. Штаб А.И.Деникина развернул целую подпольную войну против руководства Астраханской армии за «души и тела» офицеров. Считая эту организацию своим потенциальным противником, штаб Добровольческой армии регулярно собирал информацию о деятельности и состоянии «астраханцев», по мере сил дискредитировал их, препят-

---

[1] РГВА.Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 58.
[2] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1641. Л. 21—64 об.
[3] Трубецкой Г.Н.Указ. соч. С. 107.
[4] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3, С. 118.

ствовал попаданию завербованных офицеров в Великокняжескую, всячески переманивал их к себе. То есть эта война сводилась в основном к политическим интригам и отбиванию присланных для Астраханской армии пополнений[1]. Добровольцы добились в своей «антиастраханской» деятельности серьезных результатов: в среднем около 75% астраханских пополнений, не доезжая до Великокняжеской, попадали в состав Добровольческой армии.

Да и сам Тундутов, изначально бестолково поставив все дело формирования и уже в июле 1918 г. создав множество штабов и оркестров, — собрал вокруг себя бесчисленную свиту из всякого рода кутил и выжиг, вместе с которыми активно растрачивал немецкие суммы, ведя праздный образ жизни; как свидетельствует современник, в штабах и учреждениях Астраханской армии «царил дух Царского села»[2]. Это также отталкивало от астраханцев потенциальные офицерские кадры.

Основная масса офицеров и казаков Астраханской армии относилась к Тундутову и его затеям безразлично или отрицательно. Сам он не пользовался уважением среди подчиненных; куда большим «уважением» пользовались те крупные средства, которые он получал от немцев. Когда же немецкие средства иссякли и несостоятельность затеи стала вопиюще очевидной, начальник штаба армии подполковник Рябов-Решетин и генерал-квартирмейстер подполковник Полеводин от имени астраханских офицеров и казаков попытались через генерала Е.Ф.Эльснера, представителя Деникина в Новочеркасске, наладить контакт с командованием Добровольческой армии и неоднократно обращались с просьбами о переходе в ее состав[3]. Однако Деникин неизменно отвергал ходатайства астраханских частей, исходя из политических соображений и не желая еще больше обострять отношения с Красновым.

К концу августа — началу сентября 1918 г., по сведениям штаба Добровольческой армии, вся Астраханская армия состояла из двух офицерских, одного казачьего и двух калмыцких полков[4]. Однако полки эти были сборные, слабого состава и не представляли из себя реальной боевой силы. Вместо приведения в порядок уже существующих частей,

---

[1] Там же.
[2] Калинин И.М. Русская Вандея. С. 56—57.
[3] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 118.
[4] РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

Тундутов отдавал приказы о создании все новых и новых полуфантастических формирований. Это лишний раз подтверждало показной, политический характер армии и отсутствие за громкой вывеской реального содержания.

Политическое руководство формируемой армией официально принадлежало астраханскому войсковому правительству. Военным руководителем армии в августе 1918 г. был выбран проживавший в Киеве, достаточно известный в армейских кругах, генерал-лейтенант А.А.Павлов — монархист по убеждениям, человек сугубо военный, далекий от политических интриг, блестящий кавалерист. Сам Тундутов в императорской армии был корнетом, и не смел претендовать на эту роль.

Таким образом, создав видимость бурной организационной работы, на деле Тундутов и его сподвижники даже к концу лета не сформировали ни одной сколько-нибудь крупной боевой единицы. И тут дело заключалось не только в авантюризме калмыцкого князя. Этому мешала изначальная двойственность и непоследовательность всех заинтересованных сторон, участвовавших в организации армии. Тундутов, Краснов, немцы, киевские монархисты, офицеры-дроздовцы — каждый стремился к достижению своих целей и выгод, часто взаимоисключающих, в совокупности делающих продуктивную организационную работу просто невозможной. Немцев не устраивали «единонеделимские» настроения киевских монархистов, что сказывалось на финансировании армии. Значительную часть офицеров не устраивала позиция немцев, требовавших за оказываемую помощь признания раздела России, что порождало утечку в Добровольческую армию, и т.д.

В конце августа немцы, видя неудачу и бесперспективность затеи с Астраханской армией, прекратили субсидировать Тундутова, и он вынужден был обратиться за продолжением финансирования к киевским монархистам. 7 сентября между «Советом монархического блока» и руководством армии был заключен договор (от астраханцев его подписали — атаман Тундутов, командующий Астраханской армией генерал-лейтенант Павлов и управляющий Внешним отделом войскового правительства Добринский). В соответствии с этим документом политическое руководство армией передавалось киевским монархистам. В статье 2-й говорилось: «Астраханская армия должна быть использована для борьбы со всеми противниками

возстановления Законопреемственной монархии и возсоздания России»[1]. В качестве политического и духовного руководителя формирующейся армии киевские монархисты попытались привлечь жившего в Крыму вел. кн. Николая Николаевича, однако он отверг это предложение.

Очень скоро выяснилось, что киевские монархисты не обладают достаточными материальными средствами для содержания армии, поэтому с начала осени она начала испытывать острую нехватку буквально всего, что в итоге поставило вопрос о ее дальнейшем существовании.

Видя отрицательное отношение массы астраханцев к собственной персоне, их желание перейти к добровольцам, безвыходность финансового положения, Тундутов уже в августе — сентябре пытался наладить контакт с Деникиным, прося его принять астраханские части в Добровольческую армию[2]. 4 августа Тундутов направил генералу М.В.Алексееву, верховному руководителю Добровольческой армии, официальную телеграмму, в которой просил его содействия для включения Астраханской армии в Добровольческую, «исторический путь которой является единственным для истинных преданных сынов Единой, Великой России»[3]. Эта телеграмма была перехвачена немцами и послужила одним из поводов для расторжения их договоренностей с Тундутовым. Однако Деникин, не желая подрывать свой авторитет связями с прогерманскими организациями, наотрез отказывался от сотрудничества с астраханским атаманом, в котором он видел лишь авантюриста, разлагающего офицеров.

В этих условиях единственной серьезной фигурой, действительно заинтересованной в организации и использовании астраханских частей, оказался П.Н.Краснов. С самого начала своей атаманской деятельности он выказал стремление к занятию Нижнего Поволжья для обеспечения рубежей «суверенного Дона», расчитывая на поддержку казаков-астраханцев, калмыков и, отчасти, крестьянского населения. В конце августа — начале сентября, когда Краснов добился от Большого войскового Круга решения наступать на Царицын, союз между донцами и астраханцами приобрел практическое значение.

Именно с этого времени начинается боевая деятельность основных сил Астраханской армии в качестве Вол-

---

[1] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 119.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 256.

жского отряда под командованием генерала Демьянова, в состав которого входили Офицерская стрелковая бригада генерала Виноградова (Астраханский и Украинский пехотные полки) и Конная бригада князя Тундутова (1-й Астраханский казачий и 2-й Астраханский князя Тундутова конные полки). Они участвовали в первом наступлении Донской армии на Царицын, причем, ведя бои в пределах Астраханской губернии, Волжский отряд пополнился астраханскими казаками. 3-й Зюнгарский калмыцкий полк, временно отделенный от бригады, самостоятельно действовал в Сальском округе и Элистинском уезде, обеспечивая тыл правофланговой группировки.

Основные боевые задачи астраханских частей в сентябре 1918 — феврале 1919 гг. состояли в обороне Сальского округа от действовавших в калмыцких степях частей Красной армии, защите стратегической железной дороги Царицын — Тихорецкая, обеспечении правого фланга Донской армии и участии в ее наступлениях на Царицын.

В течение сентября Волжский отряд, приданный Сальскому отряду полковника Постовского, совместно с донцами, обычно находясь на их южном, правом, фланге, вел борьбу со Степной (Сальской) группой 10-й красной армии (почти 12 тыс. бойцов при 40 орудиях и 90 пулеметах), располагавшейся в районе станций Куберле — Ремонтная — Котельниково (железнодорожной ветки Царицын — Тихорецкая), на границе Сальского округа и Астраханской губернии. В результате успешных наступательных действий Сальского отряда и астраханцев в сентябре эта группа красных была вытеснена из занимаемого района и в начале октября присоединилась к царицынскому гарнизону.

В конце сентября — начале октября части астраханцев приняли активное участие во втором наступлении на Царицын, действуя с южного направления, в районе Жутова, Сарепты, и практически приближаясь к царицынским пригородам. Волжский отряд занял почти весь Малодербетовский улус и успел провести там мобилизацию калмыков в конную бригаду.

В связи с успешностью развития наступления и уверенностью в близком освобождении Нижнего Поволжья от большевиков, Тундутов и его сподвижники составили и издали «Положение об управлении Астраханским краем». Астраханский край объявлялся суверенным казачьим государством, членом федерации казачьих войск юга Рос-

сии, состоящим из Астраханского войска (с казачьей и калмыцкой частями), пяти русских уездов и Букеевской (казахской) орды. Высшими органами власти и управления края объявлялись круг, правительство и атаман[1]. Войсковое правительство было частично реорганизовано в астраханское краевое правительство по типу донского. Его главой стал Криштафович, управляющим Военным и Морским отделом правительства — генерал Павлов. Началась срочная организация новых и новых всевозможных штабов, отделов и управлений, раздувались штаты старых.

В начале октября советская 10-я армия перешла в контрнаступление и оттеснила донские и астраханские части к Дону и Салу. Успех красным обеспечил удар в тыл астраханцам Стальной дивизии Д.Жлобы. Дивизия неожиданно для донского, добровольческого и красного командования снялась с фронта под Ставрополем, где в составе советской 11-й армии сдерживала атаки Добровольческой армии и стремительным маршем вышла к Царицыну 2 октября оказавшись в тылу у астраханцев под Чапурниками. В течение 45-минутного боя Стальная дивизия наголову разбила пехотную и конную бригады, причем погиб сам командир отряда генерал Демьянов и попал в плен его штаб[2]. После разгрома Волжского отряда донские войска Северо-Восточного фронта, которым командовал генерал К.К.Мамантов, оказались под угрозой окружения и вынуждены были отступить из-под Царицына[3]. Инициативу с краевым правительством, как неуместную в сложившейся ситуации, свернули.

Разгром под Чапурниками фактически ознаменовал начало нового этапа в истории Астраханской армии. Еще 30 сентября, окончательно признав свое поражение в деле формирования особой монархической армии, киевские монархисты и руководство астраханцев заключили с генералом Красновым договор, по которому Астраханская армия передавалась под командование Донского атамана. 11 октября приказом Краснова была образована Южная армия, формировать которую предполагалось из неказаков, жителей соседних Воронежской, Саратовской и Астраханской гу-

---

[1] Иванько Н., Наберухин А. Великий Октябрь и гражданская война в Калмыкии. Элиста, 1968. С .81.

[2] Мартыненко Г. Комкор Дмитрий Жлоба. М., 1985. С. 22.

[3] Отчет управляющего Военным и Морским отделами и командующего Донской армией и флотом. Новочеркасск, 1919. С. 8.

берний, во главе которой согласился встать широко известный, но уже престарелый генерал Н.И.Иванов. Астраханские части, вернее все что от них оставалось, были включены в нее в виде Астраханского корпуса[1]. Кроме Краснова часть средств для Южной армии (по союзному договору) обещал выделить гетман Скоропадский. Однако реально все финансирование и снабжение армии лежало на донском правительстве. Главной задачей новой армии Краснов поставил освобождение от большевиков сопредельных с Доном территорий (для Астраханского корпуса — Астраханской губернии) и создание буферных зон для обеспечения безопасности границ Донской области.

В составе Астраханского корпуса по штату положено было сформировать пехотную и конную бригады, артиллерийский и броневой дивизионы, авиаотряд, саперную роту, автомобильный дивизион, химический взвод, бронепоезд[2]. Во главе корпуса был поставлен донской генерал Чумаков. Он оказался, как и Черячукин, неплохим организатором: имевшиеся казачьи и офицерские части были приведены в порядок, пополнены иногородними Сальского и 2-го Донского округов, созданы недостающие по штату, и уже в начале ноября вновь сформированный Астраханский корпус, выросший до 4 тыс. чел. (3 тыс. штыков и 1 тыс. шашек)[3], был введен в бой на правом фланге Донской армии. Но это потребовало от Чумакова слишком больших сил. 30 ноября он по болезни ушел с занимаемой должности, и с 1 декабря 1918 г. до упразднения корпуса им снова командовал генерал Павлов.

Включение Астраханского корпуса в Южную армию было чисто формальным и оказалось временным. Уже 31 октября был издан приказ об исключении корпуса из состава Южной армии и включении в Донскую[4].

В течение ноября 1918 г. сформированный генералом Чумаковым корпус успешно оборонял Сальский округ от красных, выполняя роль Юго-Восточного фронта Донской армии, и штаб Астраханского корпуса, находившийся в ст. Великокняжеской, являлся одновременно штабом Юго-Восточного фронта.

К концу осени 1918 г. военно-политическая обстановка на

---

[1] Деникин А.И.Очерки русской смуты. Т. 3. С. 124.
[2] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1660. Л. 29—30.
[3] Краснов П.Н. Указ. соч. С. 245.
[4] РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 68.

юге России претерпела серьезные изменения, что непосредственно отразилось на судьбе Астраханского войска и его «армии». После поражения Германии в мировой войне ее войска стали покидать юг России, и помощь прогерманским правительствам Украины и Дона прекратилась. Красная армия развернула наступление на Дон, добиваясь успехов благодаря разложению частей Донской армии. Добровольческая армия, очистив от Советов Кубанский край, Ставропольскую и часть Черноморской губерний, превратилась в ведущую антибольшевистскую силу на юге России. Наконец, в Новороссийске, Екатеринодаре и Новочеркасске появились представители Антанты, обещавшие щедрую военную и материальную помощь противникам большевиков и прежде всего Деникину. Тундутов быстро переориентировался на новых союзников, стал неизменным участником всех встреч и мероприятий с ними, и более того, взял на себя роль посредника между представителями Антанты и генералом Красновым, начав открыто вести двойную игру — и на Деникина, и на Донского атамана. В начале декабря он переехал в Екатеринодар, где находилась ставка Деникина, и попытался официально оформить свои союзные отношения с добровольцами и Антантой. Однако новыми интригами он лишь еще больше дискредитировал себя, и ему ничего не оставалось, как уйти в тень.

26 декабря 1918 г. на станции Торговая состоялось совещание Деникина и Краснова, закончившееся заключением соглашения о подчинении Донской армии командующему Добровольческой и образовании Вооруженных сил на юге России (ВСЮР). Была решена и судьба Астраханского корпуса. Он был формально передан на пополнение частей Добровольческой армии[1], хотя фактически до конца февраля 1919 г. продолжал входить в состав Донской армии и участвовать в боях на ее правом фланге. На этом совещании очень ярко обозначилось безразличное и даже неприязненное отношение к астраханцам как добровольцев, так и донцов, причем каждая сторона стремилась извлечь из корпуса максимальную выгоду при минимальных затратах[2].

Серьезный отпечаток на судьбу Астраханской армии наложил ее сложный этносоциальный состав, в котором выделялись как минимум три державшиеся особняком исторически чуждые друг другу группы — калмыки, каза-

---

[1] Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело. М., 1992. Кн. 3. С. 97.

[2] Поляков И.А. Указ. соч. С. 338—344.

ки и русские офицеры. И особенно острыми были противоречивые казачье-калмыцкие отношения.

В 1918 г., ввиду отсутствия на Дону признанных лидеров коренного астраханского казачества, под влиянием тундутовских финансов, общих интересов и значительного численного преимущества калмыков, твердой почвы для оформления особой казачьей линии в политической жизни войска не возникало.

В январе 1919 г., когда состояние корпуса во всех отношениях ухудшилось, усилилось недовольство и дезертирство калмыков, ушел в тень дискредитировавший себя Тундутов, между казачьей и калмыцкой верхушкой обозначились серьезные противоречия. Представители калмыцкой интеллигенции — присяжные поверенные С.Баянов, Н.Очиров и другие — стали склоняться к идее союза с большевиками, созыва общекалмыцкого съезда совместно с подсоветскими калмыками, создания единой советской Калмыкии. Более того, они негласно наладили контакты с советскими властями Астрахани[1] и вступили с ними в тайные переговоры, длившиеся всю зиму 1919 г. Заведующий Калмыцким отделом Астраханского губисполкома Амур-Санан добился даже объявления амнистии для Баянова и его сподвижников в случае их перехода на сторону Советской власти. Но благодаря своевременным мерам, принятым Деникиным, и их последующим успехам на фронте калмыков удалось удержать в составе войска.

В начале 1919 г., изучив «астраханский вопрос», Деникин пришел к выводу, что, устранив Тундутова, снабдив астраханские части верным командованием и подчинив их себе, из Астраханского войска можно извлечь определенную пользу. Не последнюю роль сыграл и политический фактор: в деле создания на юге России антибольшевистского государственного объединения из Вооруженных сил на юге России (ВСЮР) и казачьих войск одним из важных звеньев должны были стать земли Астраханского казачества, расположенные между донцами и уральцами. Ради одного этого нужно было хотя бы номинально сохранить Астраханское казачье войско в составе ВСЮР. С другой стороны, поскольку коренные астраханские станицы находились под властью большевиков и действующие части пополнялись в основном калмыками, между ними и казака-

[1] Иванько Н.,Наберухин А. Указ. соч. С. 105.

ми необходимо было обязательно сохранять статус-кво — отношения, декларированные в конце 1917 г.

В декабре 1918 г., после присоединения Астраханского войска к ВСЮР, на Дон стали съезжаться лидеры коренного астраханского казачества: первый помощник атамана Г.М.Астахов, председатель войскового круга и правительства Н.В.Ляхов, бывший начальник войскового штаба полковник А.Н.Донсков и другие[1]. В объединенном казачье-калмыцком правительстве начались конфликты: между калмыками и казаками, между Тундутовым и правительством. Это вызвало беспокойство главного командования ВСЮР и заставило вмешаться в ситуацию[2]. Тундутов пользовался большим влиянием среди калмыков и вполне мог восстановить их и против казаков, и против добровольцев. Раскол в верхушке Астраханского войска между либералом Ляховым, которого поддерживал Деникин, и Тундутовым, партнером Краснова, положение которого становилось все более шатким, дополнился столкновением двух начал в самой калмыцкой среде — монархического прогерманского (нойон Тундутов и его сподвижники) и демократического проантантовского (Баянов, Очиров и нойон Тюмень).

В январе 1919 г. в Ростове состоялось расширенное совещание астраханского правительства, на котором Тундутов был лишен атаманского звания и отстранен от дел, причем участники совещания выделили ему крупную сумму в качестве компенсации[3]. Вместе с ним убрали и всех его сподвижников — Рябова-Решетина, Добринского, Криштафовича. Все ключевые должности в войске заняли сторонники прочного союза с Добровольческой армией, отчасти либеральных и демократических взглядов, лидерство вновь закрепилось за коренным казачьим офицерством. Система управления формально была приведена в тот вид, в каком она была учреждена войсковым кругом в 1917 г.: два круга, два правительства, единый атаман с двумя помощниками. Однако, адекватно сложившейся ситуации, до окончания войны во главе войска были оставлены единые руководящие органы. Исполнение обязанностей астраханского атамана было возложено на Н.В.Ляхова, его помощниками стали полковники Г.М.А-

---

[1] Каклюгин К.П. Указ. соч. С. 97.

[2] ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

[3] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926. Т. 5. С. 139.

стахов и А.Н.Донсков, помощником по калмыцкой части войска стал нойон Тюмень. Главой объединенного казачье-калмыцкого правительства был избран Санджи Баянов; членами правительства — Н.Очиров, Д.Онкоров и другие. В военном отношении так же решили сохранить казачье-калмыцкое единство, однако, по возможности, не смешивать в полках и сотнях чуждые друг другу коренной казачий и калмыцкий элементы.

Фактически ростовское совещание представляло собой «деникинский» переворот и полное подчинение астраханцев главному командованию ВСЮР. Однако, во-первых, Тундутов не смирился со своим изгнанием, во-вторых, произошедшие в правительстве перестановки не устраняли причины калмыцко-казачьих трений: калмыки в Астраханском войске в этот период являлись большинством и склонялись к самостоятельности: бадма и нойон были для них единственными непререкаемыми авторитетами и их интересы дальше калмыцкой территории не распространялись[1]. Это дало Тундутову, воспринимавшему Астраханское казачье войско как собственный улус, над которым он бог и царь, основание и возможность настраивать калмыков против нового правительства и атамана. Уехав в Астраханские степи, он устраивал там калмыцкие съезды, объявил о расторжении договора между казаками и калмыками и образовании из калмыков особого Волжского казачьего войска, «избрав» себя его атаманом. Претензии нойона Тундутова поддерживал гелюн Бова Кармыков, «развивавший перед невежественными калмыками легенду об его божественном происхождении»[2].

Выступления Тундутова взволновали калмыков и вызвали дезертирство из калмыцких полков. Чтобы избежать развала астраханских частей, Деникин вынужден был срочно удалить Тундутова и Кармыкова из пределов Астраханского войска и занимаемой ВСЮР территории, после чего страсти несколько поутихли.

Дальнейшая судьба Тундутова складывалась не менее ярко и динамично. Весной — летом 1919 г. он находился в Баку, занимаясь политическими спекуляциями за счет своего народа в сношениях с азербайджанским правитель-

[1] Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Ростов-на-Дону, 1991. С. 82—83.

[2] Каклюгин К.П. Указ. соч. С.98—99.

ством и агентами Кемаль-паши. Добыв у них деньги, осенью 1919 г. он вернулся к калмыкам и подбивал их на мятеж против астраханцев и добровольцев, пока вновь не был изгнан Деникиным. После эвакуации Русской армии Врангеля в ноябре 1920 г. в Турцию он объявился в Константинополе в качестве «светского и духовного главы калмыков и Астраханского атамана», мистифицируя оккупационные власти Константинополя и правительство Венгрии, награждая английских офицеров русскими орденами. Однако после отстранения от атаманства Тундутов перестал играть серьезную роль в жизни войска.

Между тем в декабре 1918 г. Астраханский корпус, имея фронт по линии Атаманская — Граббевская — Манычский, занимал основными силами район Котельниково — Гашун — Куберле, расположив тылы в Шаблиевке, Торговой и Развильном. Корпус имел в своем составе 2,4 тыс. штыков и 2,4 тыс. шашек при 12 орудиях и 15 самолетах[1], входящих в состав 1-й Астраханской казачьей дивизии (один казачий и три калмыцких полка), 1-й стрелковой бригады, 1-й пластунской бригады, трех батарей и авиаотряда.

Развивая наступательные действия против Степной группы Терехова (6 тыс. бойцов при 20 орудиях и 57 пулеметах) и группы Удовиченко (2,2 тыс. бойцов при 4 орудиях и 30 пулеметах), то есть против вдвое превосходящего по численности противника, астраханские части отбросили красных на линию Заветное — Торговая — Ремонтное — Крестовое, вытеснив их из пределов Сальского округа в Астраханскую губернию, и выдвинулись передовыми отрядами к Киселево.

С 26 декабря, когда началось третье, последнее, наступление Донской армии на Царицын, в результате которого казачьи части к 5 января 1919 г. прорвались непосредственно в пригороды Царицына, Астраханский корпус, продолжая выполнять прежнюю задачу — оборонять Сальские и Манычские степи, — одновременно выделял свои части для вспомогательных ударов по Царицыну с юга, в районе Чапурников и Сарепты.

В начале января 1919 г. сильные морозы, большие потери при отсутствии пополнений и возрастающее упорство противника вынудили донцов прекратить наступление. 12 января началось контрнаступление 10-й красной

[1] РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 43—43 об.

армии, в результате которого к началу февраля Донская армия была отброшена от Царицына.

Фронт Астраханского корпуса мало менялся в течение января, в основном проходя по линии Киселево — Заветное — Торговая — Ремонтное — Крестовое — Кормовое. Против корпуса действовали части Степной группы Терехова. Бои шли с переменным успехом, однако серьезного преимущества красным добиться не удалось. Во время повальной деморализации и отступления донцов монархический Астраханский корпус (особенно его пехотные части) показал себя с лучшей стороны, надолго удержав фронт и нанеся противнику серьезные потери. Только вследствие оголения донцами левого фланга, под угрозой окружения, отступил к концу февраля к Салу и Манычу.

Командование Степной группы отмечало, что в боях против малочисленного Астраханского корпуса участвовала в основном пехота, которая, боясь окружения, растягивалась в линию, терпела постоянные поражения от небольших подвижных групп астраханцев. За ноябрь 1918 — январь 1919 гг. между противниками произошло более 60 боев, но решительного успеха ни одна из сторон добиться не смогла. За весь указанный период у корпуса было мало крупных операций, он был разбросан небольшими группами, отрядами и гарнизонами по широкому фронту, но в целом действовал успешно и не допускал красных в Сальский округ.

Февраль 1919 г. стал последним месяцем существования Астраханского корпуса. Генерал Бредов, по распоряжению Деникина проведший его подробное обследование, представил достаточно яркую картину состояния Астраханского войска и его частей, накануне их окончательного включения в состав ВСЮР[1].

Атаман войска, он же военный министр астраханского правительства Н.В.Ляхов имел свою резиденцию на станции Торговая. Там же располагался войсковой штаб. Войсковое правительство под председательством С.Баянова трудилось в Ростове. При войсковом штабе состояли: запасной стрелковый полк, учебная команда, школа пулеметчиков, запасная сотня, запасная батарея, лейб-гвардии Астраханская казачья сотня (конвой атамана) и войсковая типография, издававшая газету «Вестник Астраханского казачьего войска».

---

[1] ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 103. Л. 1—6.

Управление начальника снабжений Астраханского войска, возглавляемое полковником Сорокиным, находилось в Новочеркасске и работало как самостоятельный орган. При нем состояли: 1-я отдельная Астраханская тракторная рота, а также слесарные, токарные и другие мастерские.

Штаб Астраханского корпуса располагался на станции Великокняжеская. При нем состояли: тяжелая артбатарея, инженерная рота (железнодорожный, саперный, телеграфный и подрывной взводы), авиационный дивизион (3 отряда), транспортный взвод, броневик «Астраханец» и кадр бронедивизиона.

К 19 февраля корпус занимал фронт протяженностью более 200 верст, имея в своем составе 660 штыков, 1260 шашек, 48 пулеметов, 7 орудий, а вместе с находящимися в тылу кадрами частей — 404 офицера и 2355 казаков, то есть треть состава корпуса находилась в тылу.

В состав корпуса входили: 1-я Астраханская казачья дивизия генерала С.П.Зыкова (четырехполковая) с двухбатарейным Астраханским казачьим артдивизионом (123 офицера, 1760 казаков, 19 пулеметов, 2 орудия; коренных казаков в строю оставалось не более 400), 1-я стрелковая бригада генерал-майора Достовалова (2 полка и батарея — 101 офицер, 211 стрелков, 15 пулеметов, 5 орудий), 2-я стрелковая бригада генерал-лейтенанта Гунцадзе (два полка — 60 офицеров, 75 стрелков, 2 пулемета) и 1-я пластунская бригада генерал-майора Патрикеева (два полка и батарея — 11 офицеров, 60 бойцов).

Корпус обеспечивался из средств Донской и Добровольческой армий (причем в 1919 г. денежное довольствие вообще не выплачивалось, из продовольствия выдавался только хлеб). Астраханцы абсолютно во всем испытывали острый недостаток: и в вооружении, и в технических средствах, и в обмундировании, и в продовольствии. Обоз находился в зачаточном состоянии, при переездах в основном эксплуатировались перевозочные средства местных жителей. Медицинское обслуживание практически отсутствовало (например, 3-й казачий полк находился на попечении одной сестры милосердия, и та к 19 февраля заболела тифом и была эвакуирована), в результате чего все части были охвачены эпидемией сыпного тифа. Среди конского состава свирепствовала чесотка.

Практически ни одна из задуманных Тундутовым частей так и не была сформирована. Из сформированных

большинство числились только на бумаге или имели мизерный кадр и находились в тылу. Из всего корпуса более или менее боеспособной была лишь казачья дивизия, зато в тылу сидела масса нахлебников, числившихся в каких-то реально не существующих и никому не нужных учреждениях, многочисленных штабах и управлениях.

Астраханский корпус, которому до развертывания в настоящее боевое соединение было еще очень далеко, не мог самостоятельно существовать, пополняться, обеспечивать свой конский состав ремонтом, и потому уже с начала февраля начался его неизбежный развал.

1 марта 1919 г. остатки корпуса были включены в состав Добровольческой армии, в группу войск генерала Кутепова, действующую в том же районе, и отведены в тыл на отдых и переформирование. Реально это «переформирование» вылилось в расформирование и распределение бойцов по боеспособным добровольческим полкам. В частях корпуса в это время шли полным ходом разложение и деморализация: между донцами и астраханцами нарастали неприязненные отношения, грабежи местного населения стали обычным делом. Это, кстати сказать, дало повод донскому генералу В.И.Сидорину обвинить атамана Краснова на февральской сессии Большого войскового круга в попустительстве злоупотреблениям «карательных отрядов» монархистов, третировавших мирных жителей. Часть астраханского офицерства обсуждала планы вообще покинуть юг России и пробраться к Колчаку. Среди офицеров и рядовых распространилось неповиновение приказам начальства. Произошел примечательный перелом в отношении к пленным: на них просто перестали обращать внимание, и они, предоставленные сами себе, или блуждали в тылу, или поступали в белые части, или вообще возвращались к красным.

Таким образом, попытка немцев, Тундутова и Краснова создать на базе Астраханского казачьего войска и калмыцкого населения общероссийскую монархическую армию под наименованием «Астраханская» завершилась полным провалом.

О. Антропов

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая
Атаман Забайкальского казачьего войска, командующий всеми вооруженными силами «Российской восточной окраины», генерал-лейтенант Семенов

Часть третья
Атаман Астраханского казачьего войска, князь Тундутов-Дундуков

Марковчин Владимир Викторович

Три атамана

Научный редактор
В.А. Миронов

Художественное оформление
Е.А. Ененко

Дизайн, цветоделение
А.О. Муравенко

Компьютерная верстка
О.Н. Панченко

Корректор
С.Г. Старовойтова

ИД № 02635
Подписано в печать 22.11.2002. Бумага офсетная.
Формат 84×108 $^1/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 17,64
Тираж 5000 экз.
Заказ № 785.

Издательский дом «Звонница».
127030, Москва, ул.Сущевская, 21

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

ДОБРОВОЛЬЧЕ
ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА